В. А. КУЧКИН

ПОВЕСТИ О МИХАИЛЕ ТВЕРСКОМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

В. А. КУЧКИН

ПОВЕСТИ О МИХАИЛЕ ТВЕРСКОМ

ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА
1974

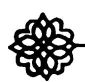
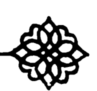
22 ноября 1318 г. на золотоордынском кочевье в предгорьях Северного Кавказа по приказу хана Узбека был казнен русский князь Михаил Ярославич. Он принадлежал к той ветви тверских князей, которая ранее других обнаружила, по словам К. Маркса, «тягу к национальной самостоятельности». История Михаила Тверского, его борьбы за единовластие в Северно-Восточной Руси, попыток сопротивления власти золотоордынских ханов была изложена в особой Повести. Эта Повесть с соответствующими редакционными изменениями включалась в русские летописные своды XV—XVI вв., а также в разнообразные сборники XVI—XVII вв. В монографии анализируются различные редакции Повести, определяются их взаимоотношения и устанавливается древнейший вариант памятника, в котором нашли отражение стремления Твери к политическому объединению Северо-Восточной Руси и организации освободительной борьбы против монгольского ига в первой четверти XIV в.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

В. Т. ПАШУТО

К $\frac{10604\text{-}063}{042(02)\text{-}74}$ 21-74

Светлой памяти
Арсения Николаевича Насонова —
ученого и человека

ВВЕДЕНИЕ

Среди памятников культуры средневековой Твери Повести о смерти в Орде Михаила Ярославича Тверского принадлежит особое место. В подробном, заключающем единственные в своем роде сведения по истории Руси конца XIII — начала XIV в. рассказе очевидца о трагической судьбе тверского князя, казненного по приказу хана Золотой Орды, нашли глубокое отражение и горькие раздумья русских людей о тяжких последствиях междукняжеской розни и татаро-монгольского ига, и настойчивое стремление покончить с внутренними усобицами и властью чужеземцев. Появление в Твери произведения с ярко выраженными национальными освободительными идеями было неслучайным.

В первой четверти XIV в. «Тверь старая, Тверь богатая» была сравнительно молодым городом в Северо-Восточной Руси. Упомянутая впервые в письменных источниках в связи с событиями начала 60-х годов XII в. [1] Тверь долгое время оставалась небольшим, мало примечательным поселением при впадении р. Тьмаки в Волгу. Но с начала XIII в. сообщения о Твери все чаще появляются на страницах летописей. Внимание летописцев к Твери станет понятным, если вспомнить о той упорной борьбе, которая развернулась в 80-х годах XII — первом десятилетии XIII в. между князьями Владимиро-Суздальской земли и Новгородом Великим за преобладание в Верхнем Поволжье [2]. В этих столкно-

[1] *В. О. Ключевский.* Сказание о чудесах Владимирской иконы божией матери. СПб., 1878, стр. 17—18, 41—42. «Сказание» издано В. О. Ключевским по списку XVII в. Старший список памятника датируется 70-ми годами XV в.— ГБЛ, ф. 98, № 637, лл. 389 об.— 390. Подробнее об этом списке и соображения о времени появления самого произведения см.: *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII веков. М., 1969, стр. 139—142. Материалы археологических раскопок в г. Калинине показывают, что поселение при впадении р. Тьмаки в Волгу существовало до XII в. В XII в. городище было обнесено валом (*Н. П. Милонов.* Археологические разведки в Тверском Кремле.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 150—151).

[2] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 192—193.

вениях Тверь сыграла роль важного опорного пункта владимирских князей на Верхней Волге. В 1238 г. Тверь пострадала от войск Батыя. По сообщению Новгородской первой летописи здесь был убит один из сыновей Ярослава Всеволодовича[3], видимо, спешивший на помощь великому князю Юрию Владимирскому. Нашествие татаро-монгол опустошило, но не уничтожило Тверь. В последующее время она сумела оправиться от нанесенного удара и стала центром отдельного княжества. Во второй половине XIII в. происходит быстрый рост Твери, обусловивший главенствующую роль тверских князей в политическом развитии русского Северо-Востока в 60-е годы XIII и первой четверти XIV в. Руководящая роль тверских князей выразилась в их попытках консолидации русских земель под своей властью и организации борьбы против ордынского ига. На истоках и проявлениях этой, по выражению К. Маркса, тяги тверских князей «к национальной самостоятельности»[4], получившей свое отражение в Повести о Михаиле Тверском, следует остановиться несколько подробнее.

Татаро-монгольское завоевание 1237—1240 гг. искусственно изменило процесс экономического и политического развития, а также территориального роста Северо-Восточной Руси. В значительной степени оказались нарушенными прежние связи Северо-Востока с Юго-Западной и Западной Русью[5]. Такие старые центры Северо-Восточной Руси, как Суздаль, Владимир, Переяславль Залесский, Юрьев, а также Муром, Рязань, были разграблены и лежали в развалинах. Их жители частью были истреблены, частью уведены в рабство. Уцелевшие от татарского погрома бросали родные места и искали спасения в бегстве.

Результатом походов Батыя и последующих нападений татаро-монголов явились разорение и обезлюдение давно освоенных районов Северо-Восточной Руси. Население уходило отсюда дальше на юго-запад, запад, север и восток[6]. Показательно, что

---

[3] НПЛ, стр. 76.

[4] *K. Marx.* The secret diplomatic history of eighteenth century. Edit. by Eleonor Marx. London. 1899, p. 79.

[5] *С. М. Соловьев.* Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого.—«Собрание сочинений Сергея Михайловича Соловьева». СПб., б/г, стлб. 838; *К. Н. Бестужев-Рюмин.* Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 278; *С. Ф. Платонов.* Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1911, стр. 88—89; *М. К. Любавский.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918, стр. 149; *А. Н. Насонов.* Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского.—«Против антимарксистской концепции Покровского», ч. 2. М.— Л., 1940, стр. 77.

[6] *М. К. Любавский.* Указ. соч., стр. 149—150. Это движение населения под влиянием походов татаро-монголов фиксируется летописями. Так, Лаврентьевская летопись сообщает о ростовском епископе Кирилле, укрывшемся от татар на Белоозере. С ним, вероятно, ушла и какая-то часть ростовцев (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1927. стлб. 465). В 1293 г. во время Дюденевой рати в Твери оказалось много «прибѣглыхъ... из ыныхъ княженеи и волостеи» (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 82). Подробнейший рассказ о двух курских слободках баскака Ахмата записан владимирским сводчи-

во второй половине XIII в. резко упало политическое значение князей рязанских, муромских, стародубских, юрьевских, угличских и др. Ни на юге, ни в центре Северо-Восточной Руси не появляется в тот период новых княжеств. Напротив, на периферии Владимиро-Суздальской Руси происходит быстрый рост новых центров: Белоозера, Твери, Костромы, Галича, Москвы, Городца Волжского, что во многом объясняется притоком сюда населения из мест, подвергавшихся татаро-монгольским нападениям.

Рост «молодых городов», обгонявших в своем развитии древние центры Северо-Восточной Руси, предопределил новые пути ее политического развития. Старый Владимир лишь номинально, хотя еще весьма долгое время, сохранял свое значение стольного города. Великокняжеская власть, опиравшаяся на разоренные монгольскими нашествиями центральные территории, была уже не в состоянии собственными силами продолжать традиционную объединительную политику, не в силах была и возглавить борьбу за национальное освобождение.

За «владимирское наследие» успешную борьбу повели князья Твери и Костромы, Городца и Москвы, черпавшие силы в своих растущих и усиливавшихся княжествах. Конфликт между подымавшимися новыми государственными образованиями на Северо-Востоке и старой организацией великого княжения Владимирского обнаруживается с 60-х годов XIII в., когда по смерти Александра Невского владимирский стол перешел к тверскому князю. С 80-х годов XIII в. активную политическую роль в Северо-Восточной Руси начал играть московский князь. До начала XIV в. Москва и Тверь выступали совместно. Союзники не только энергично противодействовали попыткам великокняжеской власти подчинить их себе, но и вели активную борьбу, направленную на ослабление этой власти и ограничение сфер ее влияния. Последнее выражалось в поддержке очередных претендентов на великокняжеский титул и в стремлении захватить в свои руки новгородский стол, который, как правило, занимали владимирские князья [7]. Особо следует подчеркнуть то важное обстоятельство, что в совместном выступлении Твери и Москвы за «владимирское наследие» содержались элементы освободительной борьбы с татаро-монгольским игом [8].

ком 1305 г. скорее всего со слов бежавшего на север жителя Курского княжества — там же, стр. 79—81. Ипатьевская летопись сообщает о некоем литовском полководце Остафье Константиновиче, «бе бо забѣглъ из Рязаня» (ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стлб. 855 под 6770 годом).

[7] НПЛ, стр. 325, 328, под 6791 и 6801 гг.; т. XVIII, стр. 82—83, под 6801 г. *В. А. Кучкин.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в.—«Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 60—63.

[8] В договоре, заключенном Михаилом Ярославичем Тверским с Новгородом Великим в конце 1296 или начале 1297 г., содержалось условие о совместном выступлении Твери, Новгорода и Москвы в случае прихода на Русь татаро-монголов (ГВН и П. М.—Л., 1949, № 4, стр. 14). Противодействие татаро-монголам Тверь оказала и в 1293 г. (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 82—83).

Однако союз двух феодальных княжеств по самой своей природе не мог быть прочным. Пока владимирский стол удерживался старшими сыновьями Александра Невского, Москва и Тверь зачастую действовали сообща. Но по мере того, как слабела великокняжеская власть, все настойчивей делались попытки тверских и московских князей захватить эту власть в собственные руки. Прежние союзники становились непримиримыми соперниками.

Открытое столкновение между Тверью и Москвой произошло в 1304 г., когда умер великий князь Андрей Александрович. Претендентами на владимирский стол выступили Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский. Спор между ними решился в пользу Михаила Тверского, которого поддержали боярство, церковь и население ряда городов и который получил в Орде ярлык на великое княжение. Тем не менее Юрий не оставил попыток добиться владимирского стола. В конце концов это ему удалось, после чего вражда между ним и Михаилом вспыхнула с новой силой. Она окончилась трагически для обоих соперников: 22 ноября 1318 г. в Орде был казнен Михаил Тверской, а 7 лет спустя, почти в тот же день, 21 ноября 1325 г. сын Михаила Дмитрий Грозные Очи убил в Орде Юрия Московского, за что и сам поплатился жизнью. Однако соперничество из-за великого княжения Владимирского между князьями тверского и московского домов на этом не прекратилось. Оно продолжалось с перерывами до конца XIV в., и только в XV в. тверские князья окончательно отказались от притязаний на титул великого князя Владимирского.

Смысл междоусобной борьбы, которую на протяжении столетия вели тверские и московские князья, конечно, не в династическом сведении счетов. Он гораздо глубже. Борьба шла за то, кто объединит Северо-Восточную Русь: тверские князья или князья московские, Москва или Тверь станет тем новым политическим центром, вокруг которого соберутся остальные русские земли, центром, который возглавит борьбу с татаро-монгольским игом. В итоге Северо-Восточная Русь оказалась собранной рукой московских князей. Их усилия привели к ликвидации власти ордынских ханов. Оба длительных процесса были завершены Москвой лишь в конце XV — начале XVI в. Но за два века до этого будущая роль Москвы была далеко не очевидна. Напротив, многое свидетельствовало о том, что именно Тверь станет во главе объединительного и освободительного движения русского народа. Зарождение этого движения на русском Северо-Востоке представляет значительный исторический интерес. Подъем «молодых» политических центров, складывание новых территориальных баз, вокруг которых началась консолидация русских земель и происходило нарастание освободительной борьбы с иноземным господством — явления, заслуживающие не только подробнейшего конкретного описания и характеристи-

ки. Проблемы перехода от феодальной раздробленности к централизованным государствам, национальных движений в средневековье нуждаются и в глубоком теоретическом осмыслении, требуют самого пристального внимания исследователей.

К сожалению, период конца XIII — начала XIV в. русской истории чрезвычайно беден историческими источниками. Около трех десятков грамот, несколько летописей, отдельные памятники церковного законодательства, единичные послания и жизнеописания, записи на рукописных книгах, родословные предания, печати, монеты, некоторый археологический материал — это все, чем располагает современная наука для изучения столь интересного и важного этапа в истории нашей страны.

Понятна поэтому значимость Повести о смерти в Орде Михаила Ярославича Тверского, памятника, которым откликнулись тверичи на гибель своего князя в 1318 г. Подробное описание многолетнего соперничества Михаила с Юрием Московским за великокняжескую власть и оценка этой борьбы, детальнейший рассказ о пребывании и казни Михаила в Орде и характеристика власти татаро-монгольских ханов над Русью, богатство литературных реминисценций и своеобразная художественность в описании событий — все это делает Повесть о Михаиле Тверском крупным явлением не только тверской, но и русской литературы и культуры начала XIV в., замечательным памятником древнерусской общественно-политической мысли, ценным историческим источником, данные которого существенно помогают в уяснении характера и особенностей начального периода объединительного и освободительного движения на русском Северо-Востоке.

Исследование столь важного во многих отношениях произведения осложняется тем, что рассказ о Михаиле Тверском сохранился более чем в полутора десятках различных редакций, тексты которых генетически связаны между собой. Редакции Повести создавались на значительном хронологическом пространстве, от XIV по XVII в. включительно. Литературная история памятника насчитывает три с половиной столетия. За это время изменялись читательские вкусы, появлялись новые требования и запросы, а главное — политическое развитие страны приводило к пересмотру ее прошлого. Естественно, что в XV в. на события начала XIV в., рассказанные в Повести, смотрели другими глазами, чем современники Михаила Тверского, а в XVI в. те же факты оценивались иначе, чем в XV. Отсюда понятно, в какую ошибку может впасть историк, если будет анализировать события конца XIII — начала XIV в., отраженные в Повести, по той версии памятника, которая возникла, например, в эпоху митрополита Макария и Ивана Грозного. Редакция XVI в., в определенной степени сохранив предшествующий материал, вместе с тем даст свою оценку, свою интерпретацию событий прошлого, и без критической проверки источника исследователь легко может перенести в начало XIV в. то, что явилось результатом рабо-

ты книжника XVI в. Как увидим ниже, подобные случаи действительно имели место в историографии.

Выявление и анализ фактов, свидетельствующих о процессах, происходивших в Северо-Восточной Руси в конце XIII — начале XIV в., должны основываться на древнейшей сохранившейся редакции Повести о Михаиле Тверском. Определить же древнейшую редакцию можно, лишь изучив всю литературную историю памятника, весь цикл Повестей, установив время создания, источники и идейную направленность каждой редакции. Такое исследование всей истории памятника приобретает большой самостоятельный интерес. Смена редакций Повести, различное понимание и толкование редакторами XV—XVII вв. отраженных в Повести фактов и событий позволяют судить об изменении исторических воззрений в средневековой Руси, формировании и распространении антиордынских идей, трансформации литературных вкусов и других сходных явлениях, связанных с общей эволюцией русской духовной культуры того времени. Так вырисовывается вторая важная задача работы — на редакциях Повести о Михаиле Тверском проследить пути развития русской политической и общественной мысли в средние века.

Наконец, изучение различных версий Повести дает материал, помогающий выработке общей методики исследования памятников подобного рода. Наличие многочисленных редакций Повести о Михаиле Тверском, встречающихся в летописных сводах и в рукописных сборниках разнообразного состава, требует применения достаточно сложных приемов критики текста.

Как известно, одной из основных задач текстологии является установление старшей редакции памятника и исторической преемственности остальных[9]. Результат обычно достигается эмпирическим путем: сравниваются списки произведения, определяется, к каким редакциям они относятся, редакции в свою очередь сопоставляются друг с другом, устанавливается генетическая связь между ними, отыскивается древнейшая сохранившаяся версия памятника и намечается хронологическая последовательность ее переделок. Как правило, по принципу хронологической сменяемости редакций памятника строятся сами текстологические исследования: сначала анализируется старшая редакция, затем ближайшая к ней по времени и т. д. Однако подобное построение исследовательских работ не всегда оказывается совершенным. При отсутствии ясных датирующих указаний в самом источнике на старшинство данной редакции, в работах, рассматривающих смену редакций памятника только во времени, часто обнаруживается недостаточная логическая обоснованность способа, которым текстолог определяет первоначальность той редакции, с какой он начинает свое исследование. Думается, что метод сопоставления текстов друг с другом для определения

[9] *Д. С. Лихачев.* Текстология. М.— Л., 1962, стр. 23.

исторической сменяемости редакций памятника является не вполне достаточным. Неточные приемы изучения приводят к изъянам в архитектонике научного труда.

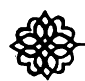
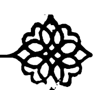
Дело в том, что памятник изменяется не только во времени. Активное влияние на него оказывает и среда. Поэтому наряду с выяснением того, как эволюционировал памятник во времени, необходим учет той среды, в которой он развивался. Изменение памятника, как например, Повести о Михаиле Тверском, появление его новых переработок можно правильно понять и объяснить в том случае, когда не только будет произведено сопоставление текстов друг с другом, но и принят во внимание общий характер тех летописных сводов и рукописных сборников, в которых данный памятник сохранился. Попытка такого анализа предпринимается в данной работе.

Применение указанного метода влечет за собой определенные особенности в самом построении работы. Вначале рассматривается движение Повести о Михаиле Тверском в летописных сводах, определяются старшие сохранившиеся версии памятника. Подобным образом анализируются редакции Повести в рукописных сборниках. Затем старшие редакции Повести в летописных сводах и сборниках сравниваются между собой и таким путем выявляется древнейшая редакция памятника, которая рассматривается уже как исторический источник начала XIV в. Поэтому древнейшая редакция Повести о Михаиле Тверском становится не начальным, а конечным объектом исследования.

Настоящая монография посвящена Арсению Николаевичу Насонову, под руководством которого начиналось это исследование. А. Н. Насонов постоянно и внимательно следил за всеми шагами автора в изучении древнерусских текстов, прививая глубокую любовь и уважение к памятникам письменной культуры Древней Руси.

В своей работе автор всегда ощущал товарищескую поддержку и дружеское участие Н. А. Баскакова, Э. И. Валлич, М. Я. Волкова, А. Д. и Н. А. Горских, О. А. Державиной, Т. В. Диановой, Л. П. Жуковской, А. П. Каждана, Б. М. Клосса, В. И. Корецкого, Л. М. Костюхиной, В. Д. Кузьминой, О. П. Лихачевой, Л. В. Милова, Л. А. Никитиной, А. А. Новосельского, В. Т. Пашуто, О. И. Подобедовой, Т. Н. Протасьевой, Л. Н. Пушкарева, А. Н. Робинсона, А. М. Сахарова, Т. А. Сумниковой, Н. Б. Тихомирова, Л. В. Тигановой, Б. Н. Флори, М. В. Щепкиной. Всем им автор приносит сердечную благодарность.

Глава I

ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РУКОПИСНЫХ СПИСКОВ ПАМЯТНИКА

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО

В научном изучении Повести о Михаиле Тверском незаслуженно не повезло. Как отдельным историко-литературным памятником ею занимались мало и редко. В общих трудах по русской истории и древнерусской литературе Повести отводили весьма скромное место, ограничиваясь кратким пересказом ее содержания и беглой характеристикой некоторых ее редакций. Специального исследования, посвященного Повести о Михаиле Тверском, нет.

Впрочем, хотя сам памятник долгое время оставался в тени, содержащиеся в нем сведения давно привлекали внимание ученых. Историография XVIII и большей части XIX вв. использовала материал Повести для описания событий, имевших место в Северо-Восточной Руси и Золотой Орде в начале XIV в. Заимствуя из памятника отдельные сведения, историки прошлых столетий редко задавались вопросами об их достоверности. Определенная подобранность фактов в источнике, время и условия создания древнейшей редакции памятника и ее последующих переделок, их идейная направленность оставались вне внимания исследователей той поры. Русская историография начиная с В. Н. Татищева и кончая С. М. Соловьевым и В. С. Борзаковским в изложении событий, связанных с деятельностью Михаила Ярославича, ограничивалась поздними летописными версиями Повести о тверском князе, большинство которых, как выяснилось позднее, было подвергнуто промосковской цензуре.

Один из ранних представителей русской историографии В. Н. Татищев в «Истории Российской» поместил довольно подробный рассказ о судьбе Михаила Тверского. В основу своего изложения он положил Повесть в редакции Никоновской летописи[1], дополнив ее фрагментом памятника[2], заимствованным,

[1] *В. Н. Татищев*. История Российская, т. V. М.—Л., 1965, стр. 74—78; ср. ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 180—187.

[2] Текст от слов «И проводи его княгиня великая Анна и сын Василей до Нерли» до конца статьи 6826 (1318) г. (*В. Н. Татищев*. Указ. соч., т. V, стр. 75—76; ср. ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 191—192; т. XXI, ч. 1. СПб., 1908 стр. 336).

скорее всего, из Воскресенской летописи или Степенной книги. И та, и другая были известны историку[3]. Трактовка В. Н. Татищевым событий, описанных в Повести, почти не отличалась от той, какая уже имелась в Никоновской летописи[4].

М. М. Щербатов при описании событий 1317—1319 гг. привлек значительно большее число источников. Рассказав о казни Михаила в Орде, он сделал ссылку на Никоновскую летопись, летописцы Типографской библиотеки в лист № 46, № 50, № 52, № 57; в четверть № 56, № 57, № 60; а также на два летописца из Патриаршей библиотеки в четверть № 509 и № 305[5]. За исключением трех, все названные М. М. Щербатовым рукописи удалось отыскать[6]. Примерно половина указанных им летописей Повести не содержала, тут были только краткие упоминания о смерти Михаила. Повесть о тверском князе читалась в Тип., № 57, 4° — так называемой Типографской летописи. Последнее ее издание — в 24 томе Полного собрания русских летописей[7]. Другая редакция Повести, одинаковая с редакцией памятника в Ермолинской и Львовской летописях, читалась в своде 1518 г.— Тип. № 57, 1° (Синод., № 645), изданном К. Н. Сербиной[8]. Обе редакции были хорошо известны М. М. Щербатову. Повесть содержали еще две летописи: Тип. в лист № 50 и Тип. в четверть № 56. Привлекая последние летописи при описании событий, предшествовавших поездке Михаила Тверского в Орду и его казни, М. М. Щербатов ссылается на л. 186 рукописи № 50 и на л. 181 рукописи № 56[9]. На эти же летописи М. М. Щербатов ссылается и тогда, когда пишет о похоронах Михаила в Твери, указывая, что сообщение об этом читалось на л. 193 рукописи

---

[3] В распоряжении В. Н. Татищева был Алатырский список Воскресенской летописи и список (или списки) Степенной книги (*С. Л. Пештич.* Русская историография XVIII века, ч. 1. Л., 1961, стр. 252, 260; *М. Н. Тихомиров.* О русских источниках «Истории Российской».— В кн.: *В. Н. Татищев.* Указ. соч., т. I. М.— Л., 1962, стр. 41, 47).

[4] В окончательную редакцию своего труда В. Н. Татищев вставил придуманный им текст о добровольной уступке московским князем великокняжеского стола Михаилу Тверскому. Тем самым с Юрия Даниловича была снята ответственность за разжигание междоусобной борьбы (*В. Н. Татищев.* Указ. соч., т. V, стр. 70, вар. 1—1).

[5] *М. М. Щербатов.* История Российская от древнейших времен, т. III. СПб., 1817, стр. 287, прим. 28.

[6] Рукописи в лист № 46, 52 и 57 из Типографской библиотеки — теперь соответственно ГИМ, Синод., № 152, 154 и 645; рукописи в четверть № 57 и 60 из Типографской библиотеки — теперь ГИМ, Синод., № 789 и 793; № 509 из Патриаршей библиотеки — Синодальный список Новгородской первой летописи. Не удалось определить современные шифры рукописей № 50 в лист и № 56 в четверть из Типографской библиотеки и № 305 из Патриаршей. На современные шифры некоторых рукописей, использованных М. М. Щербатовым, имеются указания в литературе (см., например: *Р. П. Дмитриева.* Библиография русского летописания. М.— Л., 1962, стр. 9).

[7] ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 108—114.

[8] ПСРЛ, т. XXVIII. М.— Л., 1963.

[9] *М. М. Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 275, прим. 24; стр. 276, прим. 25, но здесь неправильно указан лист рукописи № 56.

№ 50 и л. 194 рукописи № 56[10]. Очевидно, что на лл. 187—193 рукописи № 50 и лл. 182—194 рукописи № 56 были помещены рассказы о Михаиле Тверском. К сожалению, остается неясным, к каким летописным редакциям принадлежали Повести, читавшиеся в обеих рукописях. В числе источников, использованных М. М. Щербатовым при написании своей «Истории», была Степенная книга[11]. Знал он, следовательно, и Повесть о Михаиле Тверском в ее составе. Однако трудно установить, использовал ли М. М. Щербатов Степенную книгу при описании событий начала XIV в.

Из имевшихся в его распоряжении летописных источников М. М. Щербатов особенно ценил Никоновскую летопись[12]. Преимущественно по Повести о Михаиле в составе этой летописи М. М. Щербатов описал последнюю поездку тверского князя в Орду, его убийство и похороны в Твери[13]. Кроме того, М. М. Щербатов использовал и другие летописные редакции Повести. Так, он сообщает о том, что московский князь Юрий и татарский посол Кавгадый отправились в Орду, «взяв с собою многих низовских бояр»[14]; что перед отправлением к хану Михаил вел переговоры во Владимире с его послом Ахмылом[15]; что приехавшего в Орду Михаила встречал его сын Константин[16]; что будучи закованным, Михаил тем не менее отвергал предложения спастись бегством от татар[17]. Все эти детали отсутствуют в рассказе Никоновской летописи, но их можно найти, например, в редакции Повести Типографской летописи[18]. В частности, низовские князья и бояре упоминаются на л. 154 об. рукописи, содержащей Типографскую летопись[19]. Именно на этот лист ссылается М. М. Щербатов[20]. По-видимому, по Типографской летописи М. М. Щербатов описал казнь тверского князя[21]. Характеризуя личные качества Михаила Ярославича, М. М. Щербатов отмечал его храбрость, которую Михаил про-

---

[10] Там же, стр. 290, прим. 1.

[11] О имевшихся в его руках нескольких списках Степенной книги М. М. Щербатов писал в предисловии к I тому своего труда (*М. М. Щербатов.* Указ. соч., т. I. СПб., 1770, стр. XIII—XIV).

[12] «...сей летописец, яко весьма древний и собранный еще из других древнейших, достоин во многих случаях предпочтения многим» (*М. М. Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 240, сноска).

[13] Там же, стр. 278—287, 289—290.

[14] Там же, стр. 278.

[15] Там же, стр. 279—280.

[16] Там же, стр. 280.

[17] Там же, стр. 285.

[18] ПСРЛ, т. X, стр. 182, 184—185; ср. ПСРЛ, т. XXIV, стр. 109, 112.

[19] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 109; ГИМ, Синод., № 789, л. 159 об.

[20] «№ 57, лист 154 и 159» (*М. М. Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 287, прим. 28).

[21] *М. М. Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 286; ср. ПСРЛ, т. XXIV, стр. 112; т. X, стр. 185. В Типографской летописи описание казни Михаила помещено на л. 159—159 об. На этот лист ссылается М. М. Щербатов (Указ. соч., т. III, стр. 287, прим. 28).

явил «в бою под Тверью противу князя Георгия, где вооружение его (т. е. Михаила.— *В. К.*) во многих местах пробито было»[22]. Подробное описание боя под Тверью, о котором упоминает М. М. Щербатов, встречается далеко не во всех летописных версиях Повести. Оно есть только в Софийской I и Воскресенской летописях и Степенной книге[23]. Следовательно, М. М. Щербатов был знаком с одной из указанных редакций памятника. Можно предположить, что он обратился к Степенной книге, хотя до сих пор неясно, какие летописи обозначены у М. М. Щербатова под № 50 в лист и № 56 в четверть Типографской библиотеки, где Повесть, несомненно, читалась.

Причину ожесточенной борьбы Михаила Тверского и Юрия Московского М. М. Щербатов видел в честолюбии последнего[24].

Уже после того как М. М. Щербатов завершил работу над III томом своей «Истории»[25], был опубликован целый ряд летописных сводов, содержавших Повесть о Михаиле Тверском.

В 1774 г. вышла «Древняго летописца часть первая...»[26]. Здесь был напечатан первый Остермановский том Лицевого свода XVI в.[27] В составе «Древняго летописца часть первая...» была опубликована и Повесть о Михаиле Тверском[28]. Текст Повести совпадал с текстом редакции Повести в Никоновской летописи, но в конце имел некоторые пропуски и заимствования из другого источника[29].

В следующем году Г.-Ф. Миллер опубликовал «Книгу степенную царского родословия», куда входила и Повесть о Михаиле Тверском[30].

Еще через 9 лет была издана Типографская летопись, содержавшая, как указывалось выше, особую редакцию Повести о Михаиле Ярославиче[31].

---

[22] *М. М. Щербатов*. Указ. соч., т. III, стр. 288

[23] Ср. ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 209; т. VII, стр. 190; т. XXI, ч. 1, стр. 335.

[24] *М. М. Щербатов*. Указ. соч., т. III, стр. 242, 288.

[25] Над III томом «Истории Российской от древнейших времен» М. М. Щербатов работал, по-видимому, с конца 1769 по конец 1772 г. (*П. Н. Милюков*. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913, стр. 99—100).

[26] «Древняго летописца часть первая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России при владении четырнадцати великих князей сперва Владимирских потом Московских, чрез сто двадцать пять лет, начиная с $\frac{6762}{1254}$ года до $\frac{6887}{1379}$ ...». СПб., 1774 (далее — «Древняго летописца часть первая...»).

[27] *Р. П. Дмитриева*. Библиография русского летописания, стр. 11.

[28] «Древняго летописца часть первая...», стр. 97—107.

[29] Там же, стр. 104 и 106.

[30] «Книга Степенная царского родословия», ч. 1. М., 1775, стр. 425—438.

[31] «Летописец, содержащий российскую историю от $\frac{6714}{1206}$ лета до $\frac{7042}{1534}$ лета то есть до царствования царя Иоанна Васильевича, который служит

В 1786 г. в составе Никоновской летописи была опубликована полная редакция Повести в этом своде[32]. Текст был напечатан сравнительно исправно.

В 1792 г. Н. Львовым была издана летопись, впоследствии названная Львовской. В составе этой летописи была помещена отличная от других летописей редакция Повести о Михаиле Тверском[33]. К сожалению, текст Повести, как и летописный текст в целом, подвергся издателем стилистической и смысловой правке[34]. Так, о Кавгадые было сказано, что после суда над Михаилом он «возврати его в темницу», бездежский иерей «вся слышанна написа в книгу»[35] и т. д. Ничего подобного в тексте рукописного оригинала не читалось[36].

Наконец, в 1794 г. была напечатана Воскресенская летопись, которая также заключала в себе особую редакцию тверского памятника[37]. Издание довольно точно передало текст рукописи, были повторены даже ошибки подлинника[38].

Таким образом, в 70—90-х годах XVIII в. были опубликованы редакции Повести в составе Степенной книги, Типографской, Никоновской, Воскресенской и Львовской летописей (в последней весьма неточно). Однако введение в научный оборот различных летописных версий памятника не вызвало попытки критически разобраться в них.

Почти все летописные редакции Повести о Михаиле Тверском, известные в настоящее время, были знакомы и Н. М. Карамзину. Не знал он только редакции памятника в Тверском сборнике. Последний был обнаружен после смерти историка. Помимо перечисленных выше изданий XVIII в. в распоряжении Н. М. Карамзина были редакции Повести в Софийской I летописи старшего извода[39], в Вологодско-Пермской летописи[40], в своде 1518 г., где читался более исправный текст той версии По-

---

продолжением Несторову летописцу». М., 1784, стр. 62—78. Издание осуществлено по рукописи ГИМ, Синод., № 789 (см. ПСРЛ, т. XXIV, стр. 1). Текст Повести издан довольно точно.

32 «Руская летопись по Никонову списку. Третия часть до 1362 года». СПб., 1786, стр. 113—124.

33 «Летописец руской от пришестия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича» (далее — «Летописец руской...»), ч. II. СПб., 1792, стр. 74—81.

34 Отмечено издателями Львовской летописи в ПСРЛ (ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. IV).

35 «Летописец руской....», стр. 75, 80.

36 Ср. с изданием Львовской летописи в ПСРЛ, т. XX, ч. 1.

37 «Руская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658 году», ч. II. СПб., 1794, стр. 280—297.

38 Характеристику издания см. в предисловии к VII тому ПСРЛ.

39 «Летопись Засецкого», принадлежавшая Н. М. Карамзину, теперь Карамзинский список Софийской I летописи.

40 По списку Синод., № 365 (теперь ГИМ, Синод., № 485 — *М. Н. Тихомиров.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 175).

вести, что была напечатана Н. Львовым[41]. Однако сопоставления всех текстов памятника Н. М. Карамзин не сделал.

При описании княжения Михаила Тверского[42] он ограничился привлечением трех летописных редакций Повести, к которым уже обращались его предшественники: редакции в Воскресенской летописи, в Степенной книге и Никоновской летописи. В отличие от В. Н. Татищева и М. М. Щербатова, Н. М. Карамзин сомневался в точности известий Никоновской летописи вообще и Повести о Михаиле, помещенной в ней, в частности[43]. По его мнению, более достоверные варианты Повести сохранились в Воскресенской летописи и Степенной книге[44]. Хотя Н. М. Карамзин назвал два источника своих сведений о тверском князе, фактически он воспользовался данными только одной Воскресенской летописи, которую цитировал по изданию 1794 г.[45] Единственное добавление к тексту Повести в этой летописи, сделанное Н. М. Карамзиным, это указание на 40 верст между Тверью и Бортеневым (Бортновым у Н. М. Карамзина), где произошла битва Михаила с Юрием Московским и его союзниками[46]. Цифра была приведена в Никоновской летописи[47]. Другие сведения из Повести по Никоновской летописи Н. М. Карамзин поместил только в примечаниях[48]. Кроме летописных, Н. М. Карамзину было известно рукописное сочинение 1765 г. о Михаиле Ярославиче тверского архимандрита Макария, которое он также цитировал только в примечаниях, поскольку полагал в нем «многие изобретения»[49].

Н. М. Карамзин высказал некоторые соображения относительно источника отдельных сведений автора Повести. Так, он считал, что рассказ о происшествии в г. Бездеже был записан летописцем со слов бездежского иерея[50]. Это наблюдение Н. М. Карамзина в целом верно.

---

[41] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 8. У Н. М. Карамзина эта рукопись фигурирует под шифром Синод., № 351, 1° (*Н. М. Карамзин.* История Государства Российского, т. VIII. Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, прим., стлб. 15, 16). Современный шифр рукописи: ГИМ, Синод., № 645.

[42] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. IV, стлб. 105—120.

[43] Там же, прим. 232.

[44] Там же, прим. 226.

[45] Выписки из Повести по Воскресенской летописи Н. М. Карамзин приводит в прим. 208, 216 (с прямыми ссылками на II часть Воскресенской летописи, изданную в 1794 г.), 230—232 и 234—238 к IV тому «Истории Государства Российского».

[46] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. IV, стлб. 111.

[47] ПСРЛ, т. X, стр. 181.

[48] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. IV, прим. 229, 232, 234, 236, 239.

[49] Там же, прим. 118, 178, 229, 248. Видимо, Н. М. Карамзину осталось неизвестным печатное издание того же сочинения: *архим. Макарий Петрович.* Житие и страдание святого благоверного князя Михаила Ярославича, тферского чудотворца. М., 1798.

[50] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. IV, прим. 238. Автора Повести Н. М. Карамзин считал летописцем.

Однако Н. М. Карамзин не почувствовал тенденциозного подбора фактов в привлеченных им летописных редакциях Повести. Не вникнув в цели и задачи составителей памятника, Н. М. Карамзин нарисовал явно идиллическую картину деятельности Михаила Тверского, наделив его самого чертами чувствительного героя литературного произведения конца XVIII в. Исторический смысл борьбы Твери и Москвы остался нераскрытым в «Истории Государства Российского». Вслед за М. М. Щербатовым Н. М. Карамзин объяснял эту борьбу личными качествами московского князя, его неуступчивостью, жестокостью, презрением «к святейшим законам человечества»[51].

В то время, как Н. М. Карамзин выпустил все тома своей «Истории» и уже готовил к печати первый том «Примечаний» к ним, молодой археограф П. М. Строев отыскал списки новых летописных сводов, которые издал под названием «Софийский временник». Среди напечатанных П. М. Строевым списков был и Толстовский список Софийской I летописи младшего извода, содержавший Повесть о Михаиле Тверском[52].

Публикация П. М. Строева обратила на себя внимание исследователей. В частности, ее высоко оценил Н. А. Полевой. «Мы имеем несколько разных списков отдельного жития Михаила. Лучший, достовернейший, кажется, в Строевской летописи, т. I, стр. 299—313. Из этого, с прибавлением сказок и преданий расплодили подробности сочинитель Степ. книги и другие, новейшие (особливо тверской архимандрит Макарий)»,— писал Н. А. Полевой, стремясь определить наиболее достоверный вариант Повести о Михаиле[53]. И надо сказать, что определил он его верно. По сравнению с сочинением Макария Петровича о Михаиле Тверском, Степенной книгой и Воскресенской летописью, которая также была известна Н. А. Полевому, Софийская I летопись содержала более древнюю версию Повести. Впрочем, соотношение между тремя летописями, упомянутыми Н. А. Полевым, было установлено много позже. Сам Н. А. Полевой ничего об этом не знал. Его вывод о старшинстве и большей достоверности Повести в Строевской летописи скорее похож на счастливую догадку, чем на итог научного анализа. Прав был Н. А. Полевой и в своих сомнениях относительно доброкачественности сведений, приводимых тверским архимандритом Макарием. Но редакционную работу составителя Степенной книги Н. А. Полевой охарактеризовал неверно. Никаких «сказок и преданий» в Степенной книге по сравнению со Строевской летописью нет. Текст Повести о Михаиле Тверском в Степенной книге полностью повторяет текст Повести в Софийской I летописи младшего извода, встав-

---

[51] Там же, стлб. 106—107.

[52] «Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год», ч. I. М., 1820, стр. XXV и стр. 299—313. Ср. ПСРЛ, т. V, стр. 77.

[53] *Н. А. Полевой.* История русского народа, т. IV. М., 1833, стр. 288, прим. 269.

лены лишь две ничего не меняющие фразы и подновлен язык источника[54]. О достоверности известий Повести в Воскресенской летописи Н. А. Полевой не писал ничего, хотя обращался к ней при изложении событий убийства Михаила. Таким образом, последние переданы у Н. А. Полевого по двум источникам: Строевской и Воскресенской летописям.

В самой характеристике событий Н. А. Полевой во многом следовал Н. М. Карамзину. Он подметил идеализацию Н. М. Карамзиным тверского князя и в какой-то мере согласился с нею[55]. В то же время он указал и на теневые стороны политики Михаила: «приведение на отчизну монголов, утеснение новгородцев, вероломство после договора», заключенного Михаилом с новгородцами в Торжке[56]. Судя по заголовку IV главы «Первенство Твери в Северной Руси. Споры с усиливающеюся Москвою», Н. А. Полевой почувствовал за перипетиями многочисленных столкновений Михаила и Юрия отражение более глубокого исторического процесса — начало борьбы Твери и Москвы за политическое руководство русскими княжествами и землями[57]. Однако свою мысль Н. А. Полевой не развил и фактами не обосновал.

Через 5 лет после появления книги Н. А. Полевого вышло в свет объемистое «Повествование о России» — итог более чем тридцатилетнего труда Н. С. Арцыбашева. Как и его предшественники, Н. С. Арцыбашев при изложении событий начала XIV в. обратился к Повести о Михаиле Тверском, но использовал ее лишь частично, именно рассказ о пребывании в Орде и казни тверского князя[58]. Свою задачу как историка Н. С. Арцыбашев усматривал в том, чтобы критически проверить и отобрать факты русской истории. Своих заключений Н. С. Арцыбашев старался избегать[59] и по сравнению, например, с Н. М. Карамзиным или Н. А. Полевым Н. С. Арцыбашев сделал в этом отношении шаг назад. Но и сама проверка фактов Повести, рассматривавшихся без какой-либо общей руководящей мысли, была сведена Н. С. Арцыбашевым к механическому сличению различных летописных вариантов памятника о тверском князе. Им были привлечены Воскресенская[60] и Типографская[61] летописи, Никоновская[62], Львовская летописи[63] (все по изданиям XVIII в.)[64] и

---

[54] См. далее стр. 117—119.
[55] *Н. А. Полевой.* Указ. соч., т. IV, стр. 286—287, прим. 265.
[56] Там же.
[57] Ср. также оценку этой борьбы на стр. 253.
[58] *Н. С. Арцыбашев.* Повествование о России, т. II. кн. 3. М., 1838, стр. 75—79.
[59] Там же, т. I. М., 1838, стр. I.
[60] Там же, т. II, стр. 76, прим. 563—567.
[61] Там же, стр. 76, прим. 566.
[62] Там же, стр. 76, прим. 572; стр. 77, прим. 575.
[63] Там же, стр. 75, прим. 561.
[64] Там же, т. I, стр. IV, VI—VIII.

Софийский временник, напечатанный П. М. Строевым[65]. Однако взаимоотношения рассказов о Михаиле в этих разных летописных сводах Н. С. Арцыбашев не установил. Сначала он вел изложение по Воскресенской летописи[66], привлекая Никоновскую[67], затем по Типографской[68] и затем снова по Воскресенской[69]. Многочисленных фактических неточностей не получилось лишь потому, что тексты Повестей в Воскресенской и Типографской летописях были чрезвычайно близки по происхождению. При более отдаленном родстве текстов способ выявления фактов, применявшийся Н. С. Арцыбашевым, неминуемо должен был привести к крупным ошибкам. Впрочем, их у Н. С. Арцыбашева достаточно, особенно в примечаниях. Таким образом, попытка Н. С. Арцыбашева определить достоверность фактов, содержавшихся в различных летописных вариантах Повести, путем их выборочного простого сличения, без широкого сравнения всех текстов памятника и их исторической интерпретации, оказалась неудачной. Изложение получилось эклектичным. Да и из отобранных фактов никаких исторических выводов Н. С. Арцыбашев не сделал.

Их попытался сформулировать С. М. Соловьев. В его понимании соперничество за великое княжение между Юрием Московским и Михаилом Тверским представляло собой проявление определенной закономерности — борьбы силы против родового порядка княжеского старшинства[70]. Такой общий взгляд С. М. Соловьева на историю развития Северо-Восточной Руси конца XIII—XIV в.[71] находил некоторую опору в Повести о Михаиле Тверском, в которой как раз подчеркивалось право Михаила Ярославича на владимирский стол как старейшего в роде[72]. Правда, в Повести имелись и другие обоснования велико-

---

[65] *Н. С. Арцыбашев.* Повествование о России, т. II, стр. 76, прим. 566.

[66] Там же, стр. 76, прим. 563—567.

[67] Оттуда заимствована дата отправления Михаила в Орду — 5 августа (стр. 75; ср. ПСРЛ, т. X, стр. 182, вар. i), Дата является поздней вставкой и неверна.

[68] *Н. С. Арцыбашев.* Указ. соч., т. II, стр. 76, прим. 568—573; стр. 77, прим. 574—581.

[69] Там же, стр. 78, прим. 582—585, 588, 589 и др.

[70] «По смерти Андрея Александровича по прежнему обычаю старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу тверскому, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий Данилович московский — правнуком, а отец его Даниил не держал старшинства. Но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий московский был также силен, если еще не сильнее Михаила тверского, и потому считал себя вправе быть ему соперником. Когда Михаил отправился в Орду за ярлыком, то и Юрий поехал туда же» — таково единственное объяснение соперничества Михаила с Юрием у С. М. Соловьева (*С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. II, т. 3. М., 1960, стр. 216).

[71] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. II, т. 3, стр. 192.

[72] Любопытно, что С. М. Соловьев специально выписал фразу о старейшинстве из Повести о тверском князе (там же, стр. 339, прим. 367).

княжеских притязаний тверского князя, но эти доводы, расходившиеся с родовой теорией, ученый оставил без внимания [73]. Сам ход междоусобной борьбы и гибели Михаила С. М. Соловьев изложил по Повести в Софийской I [74] и в Никоновской летописях. Первая была основным источником, вторая — дополнительным. Так, из Никоновской летописи С. М. Соловьев заимствовал сведения о том, что Узбек хотел уморить голодом сына Михаила Константина; что Кавгадый послал отряд перехватить Михаила Ярославича по дороге в Орду [75]; что Михаила несколько раз приводили на суд, где ему были предъявлены многочисленные обвинения, в том числе в попытке бежать с казною в немцы и в отсылке казны к папе в Рим [76], что во время пребывания Михаила в Орде там было много греков, немцев, литовцев и русских [77]. Казалось бы, все нюансы вражды Михаила с Юрием, все детали пребывания и казни тверского князя в Орде С. М. Соловьев передал с исчерпывающей полнотой. Но на самом деле подробность соловьевского изложения оказывается мнимой, поскольку исследователь не обосновал приведенных им фактов, не сделал их отбора и внес в текст явно позднейшие, фальсифицированные сообщения Никоновской летописи. Здесь С. М. Соловьев в какой-то степени повторил ошибку Н. С. Арцыбашева, механически соединив в одно целое показания разных источников. Отсутствие у С. М. Соловьева источниковедческого анализа Повести о Михаиле Тверском даже в использованных им летописях привело его к неточностям в передаче фактов и способствовало неверному пониманию сущности борьбы между Тверью и Москвой в начале XIV в.

Можно сказать, что работой С. М. Соловьева завершился определенный этап в изучении Повести о Михаиле Тверском [78]. Русские дворянские и ранние буржуазные историки XVIII—XIX вв. ввели в научный оборот целый ряд летописных редакций памятника. Большинство известных в настоящее время летописных версий Повести было опубликовано в XVIII — первой четверти XIX в. в составе летописных сводов. Из этих редакций ученые прошлых столетий черпали материал для освещения событий русской истории начала XIV в. Но обследованию

[73] Поместив слова о старейшинстве Михаила, С. М. Соловьев опустил предшествовавшие им слова о благословении тверского князя на владимирский стол великим князем Андреем Александровичем, хотя все они составляли одно предложение.

[74] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. II, т. 3, стр. 339, прим. 367. Повесть в Софийской I летописи С. М. Соловьев цитировал по изданию в ПСРЛ, т. V.

[75] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. II, т. 3, стр. 222.

[76] Там же.

[77] Там же, стр. 223.

[78] Грани этого этапа условны. В работах конца 50-х годов XIX в. проглядывает уже иной интерес к Повести. Однако старые приемы использования памятника характерны еще для работы В. С. Борзаковского «История Тверского княжества», вышедшей в 1876 г. Характеристику ее см. ниже, стр. 25.

подвергались далеко не все опубликованные тогда летописные редакции Повести, обычно историки ограничивались привлечением 2—3 редакций памятника. Источниковедческий анализ этих редакций был неглубок, а иногда отсутствовал вовсе, что приводило к весьма неполному и поверхностному выявлению фактов. Данное обстоятельство приходится особенно подчеркивать потому, что иногда еще встречается неверное мнение о том, будто ученые прошлых столетий довольно тщательно фиксировали факты и задачей современных исследователей является лишь обобщение этого материала с новых позиций. Как следствие такого взгляда наблюдается некоторое пренебрежение к историческому факту, способу его выявления и обоснования. Между тем история изучения Повести в XVIII — большей части XIX в. показывает, что многие факты ученые того времени обосновывали недостаточно строго, а ряд фактов просто выпадал из их поля зрения. Ограниченность фактического материала в сочетании с общими философскими воззрениями тех времен на ход исторического процесса приводили дворянских и буржуазных историков к крупным ошибкам в понимании путей развития Северо-Восточной Руси в конце XIII — начале XIV в. Борьба Москвы и Твери представлялась мелким, незначительным эпизодом в начале московского периода русской истории. Носителями объединительных и освободительных тенденций выступали исключительно московские князья. Такая концепция русского прошлого, оказавшая заметное влияние на историографию последующего времени, в свою очередь основывалась на показаниях летописей, еще в XV—XVI вв. отредактированных в промосковском духе. Повесть о Михаиле Тверском, освещавшая начальный момент борьбы московских князей с тверскими за политическую гегемонию на Северо-Востоке, также подверглась в этих летописях промосковской переделке, что осталось незамеченным В. Н. Татищевым, Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым и другими историками.

В 50—60-х годах XIX в. в серии Полного собрания русских летописей был издан ряд летописных сводов, где имелись различные редакции Повести о Михаиле Тверском. В 1851 г. в V томе ПСРЛ была напечатана Повесть в Софийской I летописи младшего извода с вариантами (далеко не всеми) из Софийской I летописи старшего извода [79]. В 1856 г. вышла в свет Воскресенская летопись, содержавшая Повесть [80]. В отличие от публикации XVIII в. новое издание было осуществлено по нескольким спискам. Наконец, в 1863 г. был напечатан Тверской сборник, имевший в своем составе особую, не известную ранее редакцию тверской Повести [81]. Таким образом, к середине 60-х годов XIX в. были опубликованы почти все известные в настоящее время лето-

[79] ПСРЛ, т. V, стр. 207—215.
[80] ПСРЛ, т VII, стр. 188—198.
[81] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 410—413.

писные Повести о Михаиле Тверском. Не была издана лишь редакция памятника в Вологодско-Пермской летописи и неточнс воспроизведен текст в летописи, изданной Н. Львовым.

С конца 50-х годов XIX в. началось специальное источниковедческое изучение Повести. Вначале дело ограничивалось беглыми заметками о летописных редакциях памятника. Так, Филарет со ссылками на Софийскую I летопись и Софийский временник П. М. Строева писал, что, как показывает само изложение, Повесть о смерти Михаила Тверского написана со слов очевидцев и, всего вероятнее, игуменом Александром, сопровождавшим князя Михаила в его поездке в Орду[82].

Мнение Филарета о том, что Повесть написана по свидетельствам современников, разделял Макарий. При этом он ссылался на Софийскую I летопись, Воскресенскую летопись и Степенную книгу[83]. Однако эти летописи заключали три различные переделки одного и того же рассказа о Михаиле и потому по крайней мере две из них никак не могли быть написаны очевидцами происшедшего.

Характеризуя источники русской истории, Н. И. Костомаров в своих «Лекциях» остановился на редакциях Повести о Михаиле Ярославиче в Тверском сборнике и Софийской I летописи. По его мнению, в Софийской I летописи «только распространено и украшено велеречиво короткое известие» Тверского сборника, «так что то, что записано в тверской, и есть старшей редакции»[84].

Напротив, И. А. Тихомиров считал, что «в сказании (т. е. Повести о Михаиле.— *В. К.*), сохранившемся в Тверском сборнике, нет той подробности в изложении фактов, какая обнаруживается в сказании, помещенном в Софийском, Воскресенском и Никоновском сборниках и составленном современником»[85]. Оба исследователя, не проделавшие тщательного текстологического анализа, пришли к неверным выводам. Ни одна из рассмотренных ими редакций Повести не была первоначальной.

Первым, кто попытался аргументированно разобраться в сложных взаимоотношениях редакций Повести о Михаиле Тверском, был В. О. Ключевский. В своей магистерской диссертации

---

[82] *Филарет* [*Гумилевский*]. Обзор русской духовной литературы, кн. I, изд. 1. Харьков, 1859, стр. 98. В обеих летописях, на которые ссылался Филарет, текст Повести издан в составе Толстовского списка Софийской I летописи младшего извода.

[83] *Макарий.* История русской церкви, т. V. СПб., 1866, стр. 178 и прим. 238.

[84] *Н. И. Костомаров.* Лекции по русской истории. Часть I. Источники по русской истории. СПб., 1861, стр. 89. Любопытно отметить, что описывая столкновения между Юрием Московским и Михаилом Тверским в своей монографии о деятелях русской истории, Н. И. Костомаров почему-то воспользовался не древнейшей, по его же мнению, редакцией Повести в Тверском сборнике, а позднейшей, и скорее всего—в Софийской I летописи *Н. И. Костомаров.* Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей, кн. I. СПб., 1912, стр. 144—146).

[85] *И. А. Тихомиров.* О сборнике, именуемом Тверскою летописью.— ЖМНП, 1876, декабрь, стр. 274.

«Древнерусские жития святых как исторический источник» он наряду с другими многочисленными памятниками русской агиографии рассмотрел и Повесть о Михаиле Ярославиче[86].

В отличие от своих предшественников В. О. Ключевский обратился к спискам памятника в сборниках, но оставил без внимания его летописные версии, давно введенные в научный оборот. Для исследования В. О. Ключевский привлек пять рукописей: Успенский список Великих Миней Четий на ноябрь, ноябрьскую минею Германа Тулупова, где были помещены две редакции памятника, и три рукописи из собрания В. М. Ундольского[87].

Таким образом, В. О. Ключевскому были известны шесть списков Повести о Михаиле Тверском. В результате их изучения В. О. Ключевский пришел к выводу о существовании четырех различных редакций тверского памятника: редакции, помещенной в макарьевских Великих Минеях Четьих (списки Успенской Великой Минеи и минеи Германа Тулупова), редакции, которая приведена первой в ноябрьской минее Германа Тулупова (единственный список), редакции, составленной в 50-х годах XVII в. тверским архиепископом Лаврентием (списки Ундольского 341 и 1209), и редакции, сократившей последнюю (список 1255 из собрания Ундольского)[88]. Четвертая редакция памятника, определенная В. О. Ключевским как сокращенная редакция 50-х годов XVII в.[89], на деле является редакцией Повести, попавшей в отдельный сборник из Степенной книги. Как показано будет ниже, переработка Повести в Степенной книге была предпринята задолго до 50-х годов XVII в. Эта переработка послужила главным источником при составлении второй редакции Повести 50-х годов XVII в. Иными словами, соотношение редакций памятника, представленных списками Унд., 341 и 1209, с одной стороны, и Унд., 1255, с другой, на деле оказывается противоположным тому, как считал В. О. Ключевский. Впрочем, анализу переработок памятника в XVII в. В. О. Ключевский уделил лишь полстраницы текста.

Главное внимание он сосредоточил на выявлении и характеристике древнейшей редакции Повести о Михаиле Тверском.

---

[86] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 71—74, 170—171, 354.

[87] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 71, прим. 1; стр. 170, прим. 1 и стр. 354, прим. 1. Приводим современные шифры этих рукописей: ГИМ, Синод., № 988, лл. 1077—1081; ГБЛ, ф. 304, № 671, лл. 111—129 об., 129 об.—141 об.; ф. 310, № 341, лл. 12 об.—77; № 1209, лл. 18—63; № 1255, лл. 1—25 об.

[88] В дальнейшем первые три редакции, открытые В. О. Ключевским, будем называть соответственно минейной редакцией, Пространной редакцией и второй редакцией 50-х годов XVII в., последнюю так потому, что существовала еще одна редакция Повести того же времени, но предшествовавшая обнаруженной В. О. Ключевским.

[89] Там же, стр. 354, прим. 1.

Материал для суждений на эти темы давало сравнение между собой минейной и Пространной редакций Повести. Произведя их сличение, В. О. Ключевский посчитал несомненно первоначальной редакцию Повести в Великих Минеях Четьих. Появление Пространной редакции он отнес к XV в. на том основании, что ее текст (исключая предисловие) оказался сходным с текстом статьи о Михаиле Ярославиче в списке Оболенского Софийской I летописи, написанном ранее 1481 г.[90]

Вывод о первоначальности минейной редакции памятника В. О. Ключевский аргументировал наличием в ней хронологических и топографических пометок «в рассказе о борьбе кн. Юрия Московского с Михаилом», отсутствующих в Пространной редакции[91], наличием в минейной редакции фразы «яко же обычай есть (настоящее время.— *В. К.*) взимати тамо великое княжение» вместо фразы Пространной редакции «яко же и прежебывшии его князи и мяху (прошедшее время.— *В. К.*) обычай тамо взимати великое княжение»[92] (в рассказе о поездке Михаила в Орду) и наличием в Пространной редакции обильных риторических поучений, текстов священного писания и исторических сравнений[93], которые В. О. Ключевский принял за вторичные.

Обстоятельный анализ всех доводов В. О. Ключевского в пользу первоначальности минейной редакции Повести о Михаиле Тверском будет дан в тех разделах работы, где сравниваются списки Пространной редакции памятника и исследуется редакция Повести в Великих Минеях Четьих[94]. Но забегая вперед, следует сказать, что минейная редакция была специально написана для митрополита Макария и впервые появилась только во второй, московской редакции Великих Миней Четий, составленной около 1550 г. В раннюю новгородскую редакцию Великих Миней Четий Повесть о Михаиле вообще не попала. Вывод В. О. Ключевского о первоначальности редакции Повести о Михаиле Тверском в Великих Минеях Четьих был ошибочным. Чем же это было вызвано?

Помимо ограниченного материала, обследованного В. О. Ключевским, не всегда внимательного сравнения текстов сказались и несовершенная методика исследования, и те общие представления о развитии русской культуры и письменности в послемонгольский период, какие были распространены в русской исторической и филологической науках столетие назад.

Несовершенство методики исследования выразилось в отсутствии анализа летописных переработок Повести о Михаиле Тверском. Между тем редакции Повести в рукописных сборниках и летописных сводах генетически связаны, ряд летописных

---

[90] *В. О. Ключевский*. Указ. соч., стр. 170, прим. 1.
[91] Там же, стр. 171.
[92] Там же, стр. 71, прим. 1.
[93] Там же, стр. 72, 171.
[94] См. ниже, стр. 156—178.

редакций послужил источником для редакций в сборниках. Понятно, что редакции Повести о Михаиле в рукописных сборниках, сопоставленные В. О. Ключевским лишь друг с другом, не могли дать полной и верной картины эволюции памятника.

Развитие письменности в Северо-Восточной Руси после татаро-монгольского нашествия В. О. Ключевский представлял как процесс роста, но роста постепенного. По мысли В. О. Ключевского, зарождение и развитие на Северо-Востоке литературы, например агиографической, шло от небольших проложных статей в сторону более усложненных «правильных» житий, обильно расцвеченных риторикой, поучениями, историческими параллелями. Такая схема, на первый взгляд верная и естественная, в какой-то степени подчиняла себе конкретный анализ, заставляя признавать первоначальность более кратких редакций памятников по сравнению с пространными, в частности, уже a priori предполагать бо́льшую древность сокращенной минейной редакции Повести о Михаиле по сравнению с ее Пространной редакцией. Однако общая схема постепенного усложнения агиографических памятников, проводимая в магистерской работе В. О. Ключевского, не учитывала сложного, скачкообразного процесса развития русской литературы в послемонгольский период, когда в ряде случаев произведения большой формы возникали сразу и в сравнительно раннее время. Примером такого произведения и является Повесть о Михаиле Тверском. Таким образом, ошибочность выводов В. О. Ключевского вызывалась как неточной методикой анализа текстов, так и его не вполне верными взглядами на историю культурного развития русского Северо-Востока во второй половине XIII—XV вв.

Тем не менее заслуги В. О. Ключевского по сравнению с его предшественниками в изучении Повести о Михаиле Тверском достаточно велики. Он первый привлек для анализа списки памятника в рукописных сборниках, произвел их сличение, открыл новые редакции Повести, сделал попытку определить их источники. От его внимательного взгляда не ускользнули и «некоторый рассчитанный подбор фактов» тверской Повести, и ее антиордынская направленность [95].

Основные выводы В. О. Ключевского о взаимоотношении редакций памятника и времени их появления были приняты последующими исследователями [96]. До сих пор историки и филологи,

---

[95] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 73. Правда, В. О. Ключевский не смог должным образом оценить антимосковскую направленность памятника, поскольку анализировал позднюю редакцию Повести в Великих Минеях Четьих, в которой было устранено большинство выпадов против московского князя.

[96] *И. Я. Порфирьев.* История русской словесности, ч. I. Казань, 1886, стр. 465—467; *А. Н. Пыпин.* История русской литературы, т. I. СПб., 1899, стр. 328—329; *П. Н. Полевой.* История русской словесности, т. I. СПб., 1900, стр. 123; *А. Е. Пресняков.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, стр. 102, прим. 3; стр. 103, прим. 1—2.

обращаясь к Повести о Михаиле Тверском, следуют схеме, предложенной В. О. Ключевским [97].

Появление «Древнерусских житий святых как исторического источника» положило начало изучению Повести о Михаиле Тверском в рукописных сборниках. Исследователи стремились определить литературные источники различных версий Повести, уточнить время создания редакций и т. п. Однако сама схема переработок памятника в сборниках, предложенная В. О. Ключевским, оставалась при этом нетронутой. С другой стороны, когда А. А. Шахматов приступил к изучению летописных сводов, стал постепенно накапливаться материал о взаимоотношении летописных редакций тверского памятника. Так определялись два направления в изучении Повести, но произошло это не сразу.

В 1876 г. В. С. Борзаковский опубликовал большую работу о Тверском княжестве [98]. В ней автор чрезвычайно подробно описал княжение Михаила Ярославича, его последнюю поездку в Орду и казнь. Материалом для описания послужила Повесть о Михаиле Тверском [99]. Хотя В. С. Борзаковскому была известна работа о древнерусских житиях В. О. Ключевского [100], он не последовал его приемам изучения Повести. Те редакции Повести в сборниках, какие обнаружил В. О. Ключевский, В. С. Борзаковский не рассматривал. Как Н. С. Арцыбашев и С. М. Соловьев, В. С. Борзаковский воспользовался только летописными версиями памятника, создав в своем переложении пеструю мозаику из сообщений Софийской I, Никоновской, Воскресенской летописей, Тверского сборника и Степенной книги [101].

Работа по литературной характеристике Повести о Михаиле Тверском в составе сборников была проделана Н. И. Серебрянским [102]. Крупный знаток древнерусских княжеских жизнеописаний, Н. И. Серебрянский высоко оценивал литературные достоинства тверской Повести, считая, что она «по назидательности рассказа и по своей содержательности должна быть признана

---

[97] *А. С. Орлов.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.— Л., 1937, стр. 201—202; *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь. М.— Л., 1940, стр. 83, прим. 6; «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.— Л., 1946, стр. 101—103 (текст написан С. К. Шамбинаго); *И. У. Будовниц.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века.— ТОДРЛ, т. XII. М.— Л., 1956, стр. 84, прим. 4.

[98] *В. С. Борзаковский.* История Тверского княжества. СПб.. 1876.

[99] Там же, стр. 91 (по Повести изложено начало борьбы Михаила с Юрием за великокняжескую власть после смерти вел. кн. Андрея Александровича), стр. 105—113 (поездка в Орду и смерть).

[100] Там же, стр. 109, прим. 483 («Примечания», стр. 59—60).

[101] Там же, стр. 91, прим. 386, 387; стр. 105, прим. 464, 465; стр. 106, прим. 468; стр. 108, прим. 475; стр. 109, прим. 478—483; стр. 110, прим. 493, 496; стр. 111, прим. 500, 502.

[102] *Н. И. Серебрянский.* Древнерусские княжеские жития, отд. оттиск. М., 1915.

одним из лучших памятников древнерусской агиобиографии»[103]. Н. И. Серебрянский привлек для изучения дополнительные рукописные списки памятника. Всего ему было известно 10 списков, среди них — старший список Пространной редакции Унд., 1254[104].

Много сделал Н. И. Серебрянский для определения источников различных редакций Повести. Он установил, что на минейную и Пространную редакции памятника оказали влияние такие древние произведения русской литературы, как житийное Сказание о Борисе и Глебе, Повесть о Михаиле и Федоре Черниговских, житие Александра Невского, проложная редакция жития Владимира. Из византийского жития Дмитрия Солунского были сделаны заимствования в Пространную редакцию Повести о Михаиле Тверском[105]. Составитель второй редакции 50-х годов XVII в. воспользовался, по мнению Н. И. Серебрянского, Пространной редакцией Повести, предисловием к южнославянскому житию Ромила, житием Александра Невского в редакции Степенной книги и житием Дмитрия Донского[106]. В приложении Н. И. Серебрянский напечатал Плач княгини Анны по Михаиле Ярославиче, списанный составителем второй редакции 50-х годов XVII в. с Плача Евдокии по Дмитрии Донском из жития последнего[107]. В привлечении новых списков Повести, ее литературной характеристике и указании (правда, не всегда точном) на источники литературных заимствований различных редакций тверского памятника заключается несомненный вклад Н. И. Серебрянского в изучение Повести о Михаиле Тверском. Отрицательной стороной работы явился все тот же несовершенный метод определения взаимоотношений редакций памятника, игнорирование, причем у Н. И. Серебрянского оно было сознательным[108], летописных переработок Повести.

Для изучения летописных редакций Повести серьезное значение имели работы А. А. Шахматова по русскому летописанию, в частности, применявшиеся им новые широкие сравнительно-исторические методы анализа русских летописных сводов. Специально Повестью о Михаиле Тверском А. А. Шахматов не занимался. К ее рассмотрению он обращался лишь тогда, когда речь шла об исследовании того или иного летописного свода, в котором Повесть сохранилась.

В критическом отзыве о трудах И. А. Тихомирова, заключавших обозрение летописных сводов Северо-Восточной Руси, А. А. Шахматов коснулся вопроса о соотношении рассказов о

---

[103] *Н. И. Серебрянский*. Указ. соч., стр. 253.
[104] Там же, приложение, стр. 185—186.
[105] Там же, стр. 251—257.
[106] Там же, стр. 256—257.
[107] Там же, приложение, стр. 159.
[108] Там же, стр. 254, прим. 1.

Михаиле Ярославиче в Тверском сборнике и Воскресенской летописи[109]. По мнению А. А. Шахматова, оба рассказа обнаруживают текстуальное сходство и восходят к одному оригиналу. Оригинал довольно точно отразился в Воскресенской летописи и в сокращенном виде в Тверском сборнике. А. А. Шахматов отметил также, что «заключительная часть сказания — похвала Михаилу Ярославичу, не сохранившаяся в Воскресенской летописи, передается только в Тверском сборнике»[110]. В отзыве А. А. Шахматова принципиально важным было указание на генетическое родство текстов Повести в Тверском сборнике и Воскресенской летописи. Однако мнение А. А. Шахматова о том, что в Воскресенской летописи не сохранилась похвала Михаилу Ярославичу, было ошибочным. Похвала эта была написана тверским сводчиком XV в. много позднее появления Повести[111]. В оригинале памятника она не читалась.

Спустя год после опубликования своего отзыва о трудах И. А. Тихомирова А. А. Шахматов напечатал большую работу «Общерусские летописные своды XIV и XV веков», где высказал некоторые соображения относительно происхождения Повести о Михаиле Тверском в составе Софийской I летописи. Решение этой задачи было связано с определением объема общего источника Софийской I и Новгородской IV летописей. Необходимо было выяснить, откуда в Софийскую I летопись попали большие статьи, отсутствующие в Новгородской IV летописи. В числе таких статей находилась и Повесть о Михаиле Тверском.

Основываясь на общей характеристике Новгородской IV летописи как памятника, построенного на материалах общерусского свода, но тем не менее местного, новгородского, А. А. Шахматов считал, что Повесть о Михаиле Тверском была опущена составителем Новгородской IV летописи и что, следовательно, она читалась в общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей[112]. Вопрос о том, откуда Повесть попала в этот общий источник, А. А. Шахматов в данной работе оставил открытым[113].

В исследовании о так называемой Ростовской летописи А. А. Шахматов произвел сравнение статей о Михаиле Тверском в этой и Воскресенской летописях. Он показал, что текст Пове-

---

[109] *А. А. Шахматов.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северовосточной».—«Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2. СПб., 1899, стр. 212.

[110] Там же.

[111] Об этом см. ниже, стр. 123, 125—126, 132—133.

[112] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков.— ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 108.

[113] Там же, стр. 162.

сти в Ростовской летописи сокращен по сравнению с текстом в Воскресенской и, кроме того, имеет хронологические вставки, которые «явно обличают намерение сблизить длинную Повесть с летописным повествованием»[114]. Текст Повести в Ростовской летописи А. А. Шахматов считал заимствованным из Московского свода 1479 г.[115], а в Воскресенской летописи — из списка Царского Софийской I летописи[116]. В последнем случае А. А. Шахматов был прав только наполовину: Повесть о Михаиле Тверском в Воскресенской летописи была составлена по списку Царского Софийской I летописи и по Московскому своду 1479 г.[117]

В 1909 г. А. А. Шахматов вновь обратился к изучению Повести о Михаиле Тверском в составе Софийской I летописи[118]. Теперь он заметил разницу между Повестями в Софийской I летописи старшего извода и в Софийской I летописи младшего извода. В последней, как показал А. А. Шахматов, были «опущены слова, обидные для потомков соперника Михаилова — Юрия Даниловича»[119]. Тем самым А. А. Шахматов первым из исследователей обнаружил политическую московскую цензуру при обработке Повести в Софийской I летописи младшего извода. Текст Повести в Софийской I старшего извода А. А. Шахматов возводил уже к общерусскому митрополичьему своду 1423 г. По его мнению, Повесть о Михаиле Тверском попала в свод Фотия из тверского летописного источника[120]. Составление последнего А. А. Шахматов относил к 1412 г. ко времени тверского епископа Антония[121].

Таким образом, в работах А. А. Шахматова 1899—1909 гг. было установлено, что наиболее древняя летописная версия Повести о Михаиле Ярославиче сохранилась в Софийской I летописи старшего извода. Туда Повесть перешла из тверского летописного свода начала XV в., отразившегося в своде 1423 г., а тот в свою очередь — в общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей. В Софийской I летописи младшего извода текст Повести подвергся промосковской обработке. В составе списка Царского Софийской I летописи младшего

---

[114] *А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи.—ЧОИДР, 1904, кн. 1, стр. 23.
[115] Там же, стр. 44.
[116] Там же, стр. 43 и прим. 1.
[117] См. ниже, стр. 110—115.
[118] *А. А. Шахматов.* Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909.
[119] Там же, стр. 2—3. Те же выводы сделаны в другой работе А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». М.—Л., 1938, стр. 218—219.
[120] *А. А. Шахматов.* Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче», стр. 3.
[121] Там же.

извода Повесть о Михаиле Тверском попала в Воскресенскую летопись. В Московском своде 1479 г., восстановленном А. А. Шахматовым на основании так называемой Ростовской летописи, текст Повести был несколько сокращен (сличение произведено с Воскресенской летописью) и в то же время в него были внесены некоторые хронологические указания. Тексты Повестей в Воскресенской летописи и в Тверском сборнике имеют явное сходство и восходят к общему оригиналу.

Необходимое уточнение к выводам А. А. Шахматова 1899—1909 гг. содержится в его работе «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», опубликованной посмертно [122]. Здесь А. А. Шахматов более конкретно высказался об источнике Повести в Московском своде 1479 г., который он определил как Софийскую I летопись старшего извода [123]. В этой же работе А. А. Шахматов впервые установил, что Повесть о Михаиле Тверском в редакции той же Софийской I летописи старшего извода положена в основу рассказа о Михаиле Никаноровской летописи [124]. Правда, А. А. Шахматов ошибочно считал, что в Никаноровскую летопись Повесть о тверском князе была выписана из Софийской I летописи старшего извода целиком [125]. На самом деле она была сокращена.

В целом же замечания А. А. Шахматова о летописных редакциях Повести о Михаиле Тверском имели и имеют чрезвычайно важное значение для определения источников и времени появления этих редакций. А. А. Шахматов был первым, кто обратил внимание на политический характер редакционных изменений в Повести в Софийской I летописи младшего извода. К сожалению, подобным образом он проанализировал лишь одну из многих летописных версий памятника.

После работ А. А. Шахматова и Н. И. Серебрянского интерес к Повести о Михаиле Тверском несколько снизился. Правда, советскими учеными в сравнительно недавнее время были опубликованы Вологодско-Пермская и Никаноровская летописи, в составе которых содержится особая редакция памятника [126]. Однако анализу самой Повести уделялось мало внимания. Помимо С. К. Шамбинаго, написавшего раздел о памятнике в академической «Истории русской литературы», где он обобщил выводы В. О. Ключевского и Н. И. Серебрянского [127], имеются работы лишь трех авторов, в той или иной связи касающиеся Повести.

Наблюдения над политической направленностью летописных

---

[122] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.
[123] Там же, стр. 258.
[124] Там же, стр. 354 и прим. 1.
[125] Там же, стр. 351.
[126] ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, стр. 99—107; ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 56—61.
[127] «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 101—103.

редакций памятника и некоторых его редакций в сборниках сделал И. У. Будовниц [128]. Он был первым, кто попытался сопоставить эти редакции между собой. И. У. Будовниц присоединился к мнению В. О. Ключевского о первоначальности редакции Повести в Великих Минеях Четьих [129]. Минейную редакцию И. У. Будовниц сравнил с редакциями памятника в Софийской I, Воскресенской летописях и Московском летописном своде конца XV в. Три последние редакции он принял за одну, хотя здесь были три разных текста. Видимо, данные о сокращении Повести в Московском своде 1479 г. (этот свод был положен в основу Московского свода конца XV в.) по сравнению с текстом в Софийской I летописи, приведенные А. А. Шахматовым, остались неизвестны И. У. Будовницу. Судя по дальнейшим ссылкам, И. У. Будовниц сличил текст минейной редакции только с текстом Софийской I летописи. При этом он нашел, что последний имеет ряд известий протверского характера. И. У. Будовниц принял их за позднейшие вставки, внесенные в первоначальную редакцию Повести тверским публицистом. При этом исследователь должен был бы объяснить, в связи с чем была произведена такая работа, как московские своды смогли удержать в своем составе более антимосковскую версию рассказа о соперничестве Михаила с Юрием, чем первоначальный текст, почему последний оказался менее протверским, чем последующие переделки. К сожалению, этого сделано не было. Столь же неосторожно отнес И. У. Будовниц текст Повести в Софийской I летописи к XIV в. Основанием для датировки послужила фраза Повести: «Обычай бо поганых и до сих мест вмещуще вражду межю братии князей русьскых, и себе болшая дары взимаху», которая, по мысли И. У. Будовница, больше отражала политические отношения XIV в., чем XV в. [130] Последнее мнение исследователя справедливо, но приведенная им фраза удержалась в Софийской I летописи из первоначального рассказа.

Основной задачей И. У. Будовница было определение политической направленности московского и тверского летописания XIV в. Если анализ летописания Москвы был проделан достаточно убедительно, то обращение И. У. Будовница к Повести о Михаиле Тверском в составе Тверского сборника и Никоновской летописи для характеристики тверской публицистики XIV в. было неправомерным [131]. Повесть в Тверском сборнике

[128] *И. У. Будовниц.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века, стр. 83—86 и особенно прим. 4 на стр. 84. Данный текст полностью вошел в книгу И. У. Будовница «Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XV вв.)». М., 1960, стр. 371—377; прим. 4 на стр. 84 соответствует прим. 37 на стр. 374.

[129] Там же, стр. 84, прим. 4. При этом И. У. Будовниц сослался на указанный В. О. Ключевским список минейной редакции в ноябрьской минее Германа Тулупова (ГБЛ, ф. 304, № 671, лл. 129 об.— 141 об.).

[130] Там же, стр. 84, прим. 4.

[131] Там же, стр. 83 и 86.

отразила взгляд на московско-тверское соперничество начала XIV в. тверских книжников середины XV в., а Повесть в Никоновской летописи — московских летописцев первой трети XVI в. Публицистике XIV в. оказались приписанными черты исторических воззрений последующих веков. Тем не менее постановка вопроса о публицистичности тверского памятника, об изменении с течением времени его политической направленности была правильной. В этом заслуга И. У. Будовница.

В противоположность И. У. Будовницу М. О. Скрипиль считал, что первоначальный вариант Повести представлял собой «злободневное политическое сочинение, рисующее в условиях соперничества между Москвой и Тверью идеальный образ тверского князя, подымающий престиж княжества»[132]. «Когда позже повесть попала в московские летописные своды, то под пером московских редакторов она была освобождена от всего того, что могло опорочить соперника Михаила Ярославича — Юрия Даниловича Московского и казалось обидным для его потомков»[133]. Картина идейной эволюции Повести, нарисованная М. О. Скрипилем, ближе к истине, чем у его предшественника[134]. Тем не менее остается совершенно неясным, какие тексты Повести М. О. Скрипиль имел в виду, говоря об их политической трансформации. В своем анализе первоначальной редакции Повести М. О. Скрипиль ссылался на работу Н. И. Серебрянского[135]. Характеристика летописных редакций Повести составлена М. О. Скрипилем по А. А. Шахматову[136]. Но если придерживаться точки зрения Н. И. Серебрянского, повторившего в данном случае В. О. Ключевского, о первоначальности минейной редакции Повести, то антимосковского материала окажется больше в редакциях Повести в Софийской I или Воскресенской летописях, и вся характеристика идейных изменений Повести, данная М. О. Скрипилем, будет неверной. В этом случае явно последовательнее взгляды И. У. Будовница. Если же настаивать на том ходе идейной эволюции памятника, о котором писал М. О. Скрипиль, тогда следовало бы пересмотреть вопрос о первоначальной редакции Повести.

Последнее слово в изучении Повести о Михаиле Тверском принадлежит Л. В. Черепнину. В большой работе об образова-

---

[132] «История русской литературы в трех томах», т. I. М.— Л., 1958, стр. 160.

[133] Там же.

[134] Можно лишь пожалеть о том, что при совершенно различном понимании идейной эволюции Повести оба исследователя обошли молчанием работы друг друга.

[135] Там же, стр. 160, прим. 20.

[136] Ср. приведенную выше цитату А. А. Шахматова из отзыва об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» об идейной эволюции Повести в Софийской I летописи младшего извода по сравнению с Повестью в Софийской I летописи старшего извода.

нии Русского централизованного государства в XIV—XV вв. Л. В. Черепнин подверг специальному рассмотрению летописные редакции Повести о Михаиле Тверском [137]. Оставив в стороне редакцию Повести в Никоновской летописи, как не дающую какого-либо «нового материала для характеристики политической борьбы на Руси в начале XIV в.» [138], Л. В. Черепнин обратился к тем версиям памятника, которые помещены в Тверском сборнике, Рогожском летописце, Ермолинской, Львовской, Софийской I, Воскресенской и Типографской летописях. Сопоставление текстов привело Л. В. Черепнина к выводу о существовании трех различных редакций Повести: в Тверском сборнике и Рогожском летописце [139], в Ермолинской и Львовской летописях [140], а также в Софийской I, Воскресенской и Типографской летописях [141].

Исходя из идейных особенностей каждой из трех выделенных им летописных редакций, Л. В. Черепнин предложил их датировку и попытался определить ту среду, в которой они возникли. По мнению Л. В. Черепнина, редакция Повести в Тверском сборнике и Рогожском летописце, где в спокойных тонах говорилось об Узбеке и московском князе, причастных к гибели Михаила, появилась в тверских феодальных кругах вскоре после смерти тверского князя, но до восстания против Чолхана в 1327 г. [142] Вариант Повести в Ермолинской и Львовской летописях, где вся вина за убийство Михаила Ярославича возлагалась на ордынского посла Кавгадыя, «отражает московскую версию, возникшую примерно в княжение Калиты» [143]. В третьей летописной редакции памятника, в которой исследователем оказались объединены три различные летописные версии Повести, подчеркивались права Михаила на великое княжение и говорилось «об активной роли хана Узбека в разжигании вражды между русскими князьями». Она возникла, по мысли Л. В. Черепнина, «не ранее второй половины XIV в.,— тогда, когда началась активная борьба Руси с Золотой Ордой», возможно в связи с событиями 1431—1432 гг. [144]

Конечно, метод датировки памятника и определения той среды, где он возник, по его идейным особенностям, примененный исследователем, принципиально возможен. Обычно им пользуются тогда, когда нет других путей установить дату памятника и определить ту среду, где он был написан. Но результаты, по-

---

[137] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 468—473.
[138] Там же, стр. 472, прим. 1.
[139] Там же, стр. 468.
[140] Там же, стр. 470.
[141] Там же, стр. 471.
[142] Там же, стр. 469.
[143] Там же, стр. 470.
[144] Там же, стр. 471—472.

лученные на его основе, являются весьма приблизительными. В данном случае летописные редакции Повести оказываются генетически связаны между собой, поэтому существует целый ряд более точных способов датировки редакций и определения среды, в которой они возникли. На их основании можно установить, например, что редакция Повести в Тверском сборнике и Рогожском летописце появилась примерно на 130 лет позднее, чем указано Л. В. Черепниным. Она отразила не политическую платформу тверских феодальных кругов после смерти Михаила Ярославича, а исторические взгляды тверских летописцев середины XV в. Редакция Повести в Ермолинской и Львовской летописях появилась в 70-х годах XV в., а редакции памятника в Софийской I, Воскресенской и Типографской летописях создавались на протяжении 20-х годов XV в.— 40-х годов XVI в. Их идейные особенности должны рассматриваться в связи с событиями тех лет.

Если исходить из более поздних датировок редакций Повести, то следует отметить целый ряд интересных конкретных наблюдений Л. В. Черепнина над освещением событий московско-тверского соперничества в московском и тверском летописных вариантах памятника XV в. В частности, Л. В. Черепнин первый обратил внимание на неодинаковое отношение к Орде в различных редакциях Повести.

Такова история издания и изучения Повести о Михаиле Тверском более чем за 200 лет. За это время было обнаружено значительное число редакций памятника как в составе летописных сводов, так и в рукописных сборниках. Основные летописные редакции были опубликованы. По-разному подходили ученые к фактам, содержащимся в Повести, по-разному датировали редакции, наконец, по-разному определяли сами методы изучения Повести. Многое остается спорным. Для выяснения всей истории развития памятника и получения позитивных результатов необходим критический пересмотр тех данных, которые уже накопила наука, и привлечение нового архивного материала.

2. АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СПИСКОВ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского сохранилась во многих списках, датируемых XV—XVIII вв. включительно. В 80-х годах XIX в. Н. П. Барсуков указал 23 списка Повести в составе различных сборников и летописных сводов [145]. В на-

---

[145] *Н. П. Барсуков.* Источники русской агиографии.— ОЛДП, вып. LXXXI. СПб., 1882, стлб. 371—372. Неточной является ссылка Н. П. Барсукова на сборник XVI—XVII вв. из Публичной библиотеки (в Ленинграде) и на IV том ПСРЛ (стр. 359—360), где помещены статьи о Михаиле Александровиче Тверском, а не о Михаиле Ярославиче Тверском.

стоящее время списков памятника известно значительно больше. Только в одних сборниках, привлеченных для данной работы, насчитывается 61 список произведения о тверском князе. В это число не входят тексты Повести, помещенные в летописных сводах. Помимо значительного количества еще неизученных летописных текстов[146], что само по себе затрудняет розыски памятника, методически было бы неоправданным описывать и исследовать тексты Повести в отрыве от тех летописных сводов, в которых они имеются. Обследование же всех летописных сводов, включающих текст Повести,— задача непосильная для одного исследователя[147]. Поэтому в настоящем разделе дается археографическое описание рукописных сборников, содержащих тексты памятника. Упомянутый 61 список Повести обследован de visu. Кроме того, 7 списков известны из научных описаний.

В одни сборники Повесть попала из других же сборников, в иные — из летописей. Соответственно этому сборники можно разделить на две большие группы. К одной группе относятся сборники, в которые текст Повести был переписан из летописей. К другой — сборники, заимствовавшие Повесть из отдельных списков или из других сборников. Внутри каждой группы тексты Повести расположены по редакциям. Редакции и отдельные списки каждой редакции описываются в хронологическом порядке.

I. Списки редакций Повести о смерти в Орде Михаила Тверского летописного происхождения

А. Редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского Софийской I летописи младшего извода

1. ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 351 (по Леониду № 1794). Сборник житий русских и византийских святых.

Рукопись описана П. М. Строевым[148] и архим. Леонидом[149]. В описаниях не указаны водяные знаки: папская тиара (два ва-

[146] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы).— «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 243. В трех крупнейших хранилищах Москвы: Центральном Государственном архиве древних актов, Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Рукописном отделе Государственного Исторического музея, автором статьи зафиксировано более тысячи рукописей, содержащих летописные тексты. 150 из них описаны М. Н. Тихомировым (*М. Н. Тихомиров.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962).

[147] В работе привлекаются рукописные списки летописных сводов, содержащих Повесть, но только в том случае, если опубликованы результаты анализа этих сводов.

[148] *П. М. Строев.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848, № 373, стр. 398—403.

[149] *архим. Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, № 1794, стр. 68—72.

рианта), один знак близок к указанному Брике[150], № 4960 — 1507—1529 гг. и № 4968 — 1525—1528 гг., и голова быка — Брике, № 15420 — 1518—1523 гг. и № 15421 — 1521—1528 гг. Таким образом, рукопись должна быть датирована 20-ми годами XVI в.

В XVI в. рукопись принадлежала Никольскому Волосову монастырю близ г. Владимира[151].

Повесть о смерти Михаила Тверского находится на лл. 122 об.—135 об. Заголовок: «В лѣто 6827. Убиение великого князя Михаила Ярославичя Тверьскаго от царя Озъбяка въ Вордѣ».

Текст списан с летописи. На это указывает прежде всего дата, поставленная в начале заголовка. Источником послужил какой-то недошедший список Софийской I или близкой к ней летописи. Текст в сборнике сходен с Толстовским II списком Софийской I летописи младшего извода. Совпадают следующие чтения: «не престающе» (л. 124 и ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 208, вар. ж); «поидевѣ брате» (л. 125 об. и ПСРЛ, т. V, стр. 209, вар. л); «аще ли» (л. 126 и ПСРЛ, т. V, стр. 210, вар. а); «судию не милующихъ» (л. 128 и ПСРЛ, т. V, стр. 210, вар. і); «обрѣтоша его стояща» (л. 132 и ПСРЛ, т. V, стр. 214, вар. б); «и глагола съ яростью великою» (л. 132 об. и ПСРЛ, т. V, стр. 214, вар. г); «тако бо удиви» (л. 133 об. и ПСРЛ, т. V, стр. 214, вар. л); «а ини съ фонари на въздусях яздяща» (л. 134 и ПСРЛ, т. V, стр. 215, вар. а); «донести раки къ церкви» (л. 135 и ПСРЛ, т. V, стр. 215, вар. в, г) и т. д.

Вместе с тем в тексте есть пропуски по сравнению с Софийской I летописью. Пропущены тексты: от слов «О том рече господь пророкомъ» до слов «всякою казнию не пощажу васъ» (л. 123 об.; ср. ПСРЛ, т. V, стр. 208); от слов «яко же бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти» до слов «пакы рать вздвизааше» (л. 123 об. и ПСРЛ, т. V, стр. 208). Вместо фразы «И пакы бывшимъ великимъ княземъ въ Ордѣ и бывши прѣ» (ПСРЛ, т. V, стр. 208) в описываемом тексте — «И пакы бывшемъ прѣ...» (л. 123 об., пример гаплографии). Нет текста: от слов «рече бо блаженныи Давыдъ» до слов «во всѣхъ путѣхъ твоихъ» (л. 125 об. и ПСРЛ, т. V, стр. 209); от слов «по глаголющему пророку» до слов «ослѣпи бо я злоба ихъ и» (л. 128 и ПСРЛ, т. V, стр. 211). Отсутствующие места являются цитатами из священного писания. Парадоксально, что текст Повести, освобожденный от ряда нравоучительных цитат, попал в церковный сборник назидательного характера.

Список отмечен Н. П. Барсуковым[152].

---

[150] *C. M. Briquet.* Les filigranes, v. I—IV. Leipzig, 1923 (далее в тексте — Брике).

[151] *П. М. Строев.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому, стр. 403; *архим. Леонид.* Указ. соч., стр. 72.

[152] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372.

Б. Редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского Степенной книги [153]

1. ГБЛ, ф. 344 (собрание П. П. Шибанова), № 136. Сборник слов и житий русских и византийских святых.

Рукопись в 4°, на 209 листах, часть листов утеряна. Переплет (доски в коже) — позднейшего времени, сохранился хорошо. Одна застежка утрачена.

Водяные знаки рукописи: крест, точного соответствия ему найти не удалось, ближе всего к нему тип водяного знака, указанный у Брике под № 5690—1600 г.; лилия в гербе, напоминает приведенный К. Тромониным [154] знак № 1493—1637 г. Рукопись может быть датирована первой половиной XVII в.

Почерк один, полуустав первой половины XVII в.

Рукопись составляла часть какой-то другой, более обширной рукописной книги, поскольку первый лист имеет и другую нумерацию — 551. На лл. 29 об., 68, 91 об.— 92 — карандашные пометы от 12 мая 1848 г. о принадлежности рукописи жителю деревни Константиновской Михаилу Федотову.

На отдельных листах имеются наклеенные изображения святых. Изображения рисованы от руки. В заголовках статей — киноварь.

Повесть о смерти Михаила Тверского помещена на лл. 141 об. — 161 об. Заголовок: «Мѣсяца ноября въ 22 день. Страдание за християны блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго». Далее идет текст, взятый из Степенной книги. На лл. 161 об.— 162 — приписка о построении Михаилом в Твери церкви Спаса Преображения и смерти великого князя Ярослава Ярославича. Текст также взят из Степенной книги [155].

На рукопись и список Повести есть ссылки в литературе [156].

2. ГПБ, общее собрание рукописных книг, Q. I. 800. Сборник житий и поучений византийских и русских святых.

Рукопись в 4°, на 559 листах. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Сохранилась одна застежка. Переплет более поздний, чем рукопись. Сама она составная, написана разными почерками XVII в.

Водяные знаки той части, где помещена Повесть, следующие: гербовый щит под короной, разделенный на 5 полей, и ли-

---

[153] При описании списков этой редакции списки самих Степенных книг во внимание не принимаются.

[154] *К. Тромонин.* Изъяснение законов, видимых в писчей бумаге. М., 1844 (далее в тексте — К. Тромонин).

[155] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 295.

[156] *М. Б. Шаркова, Н. К. Швабе, Т. Б. Ухова.* Собрание П. П. Шибанова.— «Государственная ордена Ленина Библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей», вып. 17. М., 1955, стр. 74. Редакция Повести определена неверно.

теры IR под щитом; датировать такой знак не удалось; узкий гербовый щит под короной с перевязью, напоминает знак под № 463, приведенный К. Тромониным — 1613 г.

На лл. 1, 371 об. и 559 об. и на внутренних сторонах крышек переплета записи XVIII в. владельцев рукописи и заверительная запись Д. Абрамовича от 3. XII. 1911 г.

Повесть о смерти Михаила Тверского находится на лл. 372—392 об. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноября въ 22 день. Страдание за християны во Ордѣ блаженнаго великого князя Михаила Ярославича Тферьскаго. Благослови, отче». Текст совпадает с текстом Степенной книги.

На л. 392 об.— заметка об изгнании татар из Ростова. Она также заимствована из Степенной книги [157].

3. ЦГАДА, ф. 181 (собрание Ф. Ф. Мазурина), № 521. Сборник житий русских и византийских святых [158].

Рукопись в 4°, на 841 листе. Переплет современный.

Водяные знаки рукописи: кувшинчик с одной ручкой, украшенный полумесяцем, на боку литеры BV; гербовый щит с литерами MR, увенчанный короной; герб и литеры DB на другой половине листа; датировать эти водяные знаки не удалось; кувшинчик с одной ручкой и литерами PO, близок к указанным Н. П. Лихачевым [159] № 4106 и № 4250—1610 и 1612 гг.; гербовый щит, филигрань напоминает приведенный К. Тромониным № 925—1615 г.; лилия в гербе, знак похож на № 415, № 638 и № 641 К. Тромонина — 1622 и 1644 гг.

Рукопись написана разными почерками, полууставом и скорописью.

По нижнему полю лл. 3—15 запись: «Лѣта 7130 [160] сия книга соборникъ живоначальныя Троицы Ипацкаго монастыря казенная, писана в Ыпатцкам при архимаритѣ Пафнутьи». Полагая, что стертая цифра была 1 или 9, время написания рукописи определяется 1622—1631 гг. Пафнутий был архимандритом Костромского Ипатьевского Троицкого монастыря в 1622—1631 гг. [161]

В заголовках статей и отдельных глав в статьях — киноварь.

Повесть о смерти Михаила Тверского находится на лл. 41—63. Заголовок: «Страдание за християны во Ордѣ блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича Тферьскаго». На нижнем

[157] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 342.

[158] Некоторые данные о составе рукописи см.: «Обзор документальных материалов Центрального Государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.». Сост. В. Н. Шумилов. М., 1954, стр. 557.

[159] *Н. П. Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899 (далее в тексте — Н. П. Лихачев).

[160] Последняя цифра стерта, а цифра 30 (л҃) другими чернилами переделана на цифру 4 (д҃).

[161] *П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стлб. 853.

поле л. 41 киноварью написано: «Сего Михаила отецъ Ярослав, брат Александру Невьскому». Фраза взята из Степенной книги[162]. Текст Повести тождествен тексту Степенной книги.

4. ГПБ, Соловецкое собрание, № 815/925. Сборник житий.

Рукопись имеет печатное описание[163]. Как сообщается в описании, данная рукопись по почерку и заставкам вполне сходна с рукописями, описанными в том же томе под № 643 и № 649. Первая из них датирована 1627 г., вторая — 1634[164]. Следовательно, интересующая нас рукопись была написана около того же времени, в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в.

Повесть о смерти Михаила Тверского помещена на лл. 27—42. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноября въ 22 день. Страдание блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверьскаго за християны во Ордѣ. Благослови, отче». Текст заимствован из Степенной книги.

5. ГПБ, общее собрание рукописных книг, Q. I. 1035. Сборник житий византийских и русских святых.

Рукопись в 4°, на 540 листах. Переплет картонный.

Из целого ряда водяных знаков удалось определить только два: двуглавый орел, близок к указанному К. Тромониным № 633—635—1644 г., и голова шута с 5 бубенцами — К. Тромонин, № 649—1644 г. Рукопись, очевидно, написана в 40-х годах XVII в.

Почерки разные. На л. 540 об.— заверительная запись И. Бычкова, на внутренней стороне нижней крышки переплета — такая же запись Х. Лопарева.

Повесть о смерти Михаила Тверского занимает лл. 445—466. Заголовок: «Мѣсяца ноября въ 22 день. Страдание за християны во Ордѣ блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверьскаго. Благослови, отче». Текст совпадает с текстом Степенной книги.

6. ГБЛ, ф. 310 (собрание В. М. Ундольского), № 1255. Сборник сочинений религиозного характера[165].

Рукопись в 4°, на 45 листах. Переплет картонный.

Водяной знак рукописи (герб с лилией и литерами LD под гербом) близок к указанному К. Тромониным № 640—1644 г. Рукопись написана скорописью XVII в. На л. 45 об. запись по-

---

[162] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 333.

[163] «Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», т. 2. Казань, 1885, № 650 (815), стр. 518—520. Вероятно, этот список упоминается в «Православном собеседнике» (Казань, 1859, февраль, стр. 218) и его называет Н. П. Барсуков (*Н. П. Барсуков*. Указ. соч., стлб. 372).

[164] «Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», т. 2, стр. 512 и 514.

[165] Рукопись имеет машинописное описание («Опись собрания В. М. Ундольского с № 580—1422»), которое хранится в рукописном отделе ГБЛ.

черком XVII в. о принадлежности рукописи дьяку Федору Протопопову [166] и его сыну Никифору.

Повесть о смерти Михаила Тверского находится на лл. 1—25 об. Киноварный заголовок: «Страдания за християны во Ордѣ блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича Тферьскаго. Сего Михаила отецъ Ярославь, братъ Алексаньдру Невскому, чюдотворцу». На л. 1 почерком XVII в. запись: «Сие слово чтется мѣсяца ноября в 22 день». Текст Повести заимствован из Степенной книги, как и следующий за Повестью отрывок об изгнании татар из Ростова.

Список использован в литературе [167].

7. ГПБ, общее собрание рукописных книг, Q. I. 83. Сборник русских княжеских житий.

Рукопись описана [168].

К. Калайдович и П. Строев отнесли рукопись к XVII в. Водяные знаки рукописи (гербовые щиты с различными литерами под ними) датировать довольно трудно. Бытование некоторых литер, например, HD, ID, DM, находящихся не вместе с основным знаком, а на другой половине листа, С. А. Клепиков относит к 1708—1722 гг. («Филиграни...», № 979, 1063—1065, 1110) [169]. Возможно, что рукопись следует датировать началом XVIII в.

Повесть о смерти Михаила Тверского занимает лл. 30—67 об. Киноварный заголовок: «Страдание за християны во Ордѣ великаго князя Михаила Ярославича Тферскаго. Сего отецъ Михаила Ярослав, брат Александру Невскому». Текст совпадает с текстом Степенной книги.

В. Отрывок из особой редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского

1. ГПБ, общее собрание рукописных книг, Q. XVII. 76. Сборник смешанного состава.

Рукописный сборник конца XVI — начала XVII в., описан К. Калайдовичем и П. Строевым [170].

Водяные знаки рукописи: кувшин с одной ручкой и литерами LM на боку, Н. П. Лихачев, № 4008, 1581 г.; кувшин с двумя

[166] Федор Перфильевич Протопопов был дьяком Земского приказа в 1661—1672 гг. (*С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 49).

[167] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 354, прим. 1; ***Н. П. Барсуков.*** Указ. соч., стлб. 372; *Н. И. Серебрянский.* Древнерусские княжеские жития, отд. оттиск. М., 1915, прилож., стр. 186.

[168] *К. Калайдович* и *П. Строев.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825, отд. III, № 69, стр. 594—597.

[169] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959 (далее в тексте — С. А. Клепиков. «Филиграни...»).

[170] *К. Калайдович* и *П. Строев.* Указ. соч., отд. II, № 393, стр. 521—523.

ручками и литерами AG на боку, Н. П. Лихачев датирует кувшины с литерой А концом XVI — началом XVII в. На л. 162 помещена запись от 1650 г., на л. 179 об.— записи от 1598 и 1615 гг.

На лл. 190 об.— 193 помещен отрывок из Повести о смерти Михаила Тверского, озаглавленный «О смерти князя Михаила Тверскаго» (начало: «Сентября въ 6 день на усть рѣки Дуная у моря Сурожскаго...»; конец: «И рано пришедше, не обрѣтоша на досцѣ телеси его, доска же едина на телезѣ»).

Над статьей о Михаиле написано: «лѣт 285», очевидно, это отсчет лет с года смерти Михаила до года, когда писался отрывок. В этом случае дата отрывка — 1603 г. Отрывок представляет собой сокращенный рассказ о смерти Михаила Ярославича Тверского в Орде, сделанный, вероятно, по летописи.

На лл. 184—189 об. помещены выдержки из летописи, может быть, Хронографа, правда, написанные иным почерком и иными чернилами, чем рассказ о Михаиле. На л. 190—190 об. имеются хронологические выкладки от Адама до Константина Великого. Здесь почерк и чернила те же, что и на лл. 190 об.— 194.

В рассказе много ошибок. Например, Дон назван Дунаем (л. 190 об.), срок пребывания Михаила в Орде до первого суда вместо полутора продлен до двух месяцев (л. 190 об.), отсутствуют цитаты из священного писания, ряд эпизодов изложен без подробностей пространного рассказа. Сам отрывок был списан, очевидно, с дефектного списка, так как начало и конец отсутствуют. На список есть ссылка у Н. П. Барсукова [171].

II. Списки нелетописных редакций Повести о смерти в Орде Михаила Тверского

А. Пространная редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского

1. ГБЛ, ф. 310 (собрание В. М. Ундольского), № 1254. Сборник житий, повестей, слов и поучений.

Рукопись в 4°, на 709 листах. Переплет (доски, обтянутые кожей) начала XIX в., верхняя крышка переплета оторвана, застежек нет.

Рукопись составная, написана разными почерками, полууставом XVI в.

Водяной знак той части рукописи, где помещена Повесть, (папская тиара) близок к указанным Брикс № 4979 — 1532—1536 гг. и № 4980—1533 г.

На л. 326 об. запись почерком XVIII в.: «1783 года июля в 27 день слово Леонтия епископа Ростовского чюдотворца чтено

[171] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372.

Начало Пространной редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского по списку ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 30

мною мещанином Аврам [172] Коробовым в городе Соли Галицкой. Весма душеполезно. Под[п]исал своею рукою». На лл. 407 об. и 408 записи почерком XVII в. о принадлежности рукописи посадскому человеку Соли Галицкой Илье Потапову сыну Середицыну. На лл. 315 об., 352, 408 об. различные записи почерками XVII—XVIII вв.

По верхнему полю лл. 30—50 идет запись, сделанная почерком XVII в. и частично срезанная при переплетении рукописи: «Убиение князя Михаила Ярославича».

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского помещена на лл. 30—50 [173]. Киноварный заголовок: «В лѣто 6800. Убиенъ бысть благовѣрныи и христолюбивыи великыи князь Михаило Ярославичь мѣсяца ноября 22 день. Господи, благослови».

Рукопись использована в литературе [174].

2. Архив Ленинградского отделения Института истории СССР, коллекция 238 (собрание рукописных книг Н. П. Лихачева), № 397. Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского.

5 отдельных листков, в 4°. Водяной знак (перчатка) близок к Брике № 10932 — 1555—1564 гг. и № 10942—1551 г. Листки написаны одним почерком, полууставом XVI в.

Начало: «...[нечести]выи Кавгадыи самъ судия, тои же и сутяжии...» (л. 1); конец: «И посла на Москву боляръ своих со игумены и с попы, и привезоша мощи...» (л. 5 об.).

В дальнейшем текст отрывков обозначается буквой Л (Лихачевский).

3. Г. Ковров, личное собрание М. Ф. Першина. Сборник житий преимущественно русских святых.

Рукопись в 4°, на 535 листах (I+532+II), без конца. Листы 112 и 322 сосчитаны дважды.

Водяные знаки рукописи: саксонский герб, датируется 1598—1629 гг. [175]; различные виды кувшинов с литерами, из них датировать удалось лишь кувшин с одной ручкой, увенчанный короной, с литерами G и RO на боку. В работе А. А. Гераклитова такой знак и подобные ему датируются 1622 г. [176]

Рукопись написана одним почерком, полууставом конца XVI — начала XVII в. Очевидно, этим временем датируется вся рукопись.

---

[172] *Так в рукописи.*

[173] Постатейно данная рукопись описана в машинописной «Описи собрания В. М. Ундольского с № 580—1422». По этой рукописи издано «Послание Федора Жидовина», сохранившееся в единственном списке (ЧОИДР, 1902, кн. 3, отд. II, стр. 107—109).

[174] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372; *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., стр. 251, прилож., стр. 185.

[175] *Ed. Heawood.* M. A. Watermarks. Monumenta charte papyracene, vol. 1. Hilversum, 1950, N 520—538 (далее в тексте — Heawood).

[176] *А. А. Гераклитов.* Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № 437—441.

По нижнему полю л. 1 запись почерком XIX в.: «Иосифа Лаптева». И. Лаптев — дед по матери М. Ф. Першина. Рукопись реставрирована владельцем.

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского помещена на лл. 505 об.— 530 об. Киноварный заголовок: «В лѣто 6800. Убиение благовѣрного и христолюбиваго великого князя Михаила Ярославича мѣсяца ноября въ 22 день. Благослови, отче» (л. 505 об.). Список оканчивается словами: «Да како можемъ по достоянию въсхвалити, блаженныи княже...» (л. 530 об.) Последний лист утерян.

В дальнейшем список обозначается буквой П по фамилии владельца (Першинский).

4. ГБЛ, ф. 304 (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 671. Минея Четья на ноябрь Германа Тулупова.

Рукопись описана [177]. Дата рукописи — 1629 г. (л. 258 об.).

В рукописи помещены две редакции памятника. Повесть в Пространной редакции занимает лл. 111—129 об. Киноварный заголовок: «Мѣсяца того же въ 22. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго от безбожнаго царя Азбяка» (л. 111). В конце текста приписка: «В лѣто 6994 написана бысть сие убиение великаго князя Михаила Ярославича мѣсяца ноемврия 17 день» (л. 129 об.).

В дальнейшем список обозначается буквой Т по фамилии писца (Тулуповский).

Список введен в научный оборот [178].

5. ГБЛ, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 587. Сборник исторический.

Рукопись кратко описана Г. П. Георгиевским [179]. Водяные знаки рукописи: крепостные ворота, большой кувшин с двумя ручками, украшенный короной с полумесяцем, страсбургская лилия. Первые два знака определить не удалось. Третий напоминает указанный К. Тромониным № 1216—1636 г.

Рукопись написана скорописью первой половины — середины XVII в.

Дата рукописи — первая половина XVII в.

На л. 5 почерком XVII в. запись: «Списателя сия свтыя [180] книгѣ имя словами Феодор». На л. 5 об. другим почерком запись: «Писана 1658 г.». По нижнему полю лл. 6—18 запись:

---

[177] *иером. Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1888, отд. VII, стр. 18—19, № 671.

[178] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 170, прим. 1; *И. У. Будовниц.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века, стр. 83, прим. 4; стр. 84, прим. 4.

[179] *Г. П. Георгиевский.* Собрание Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913, стр. 103—105.

[180] *Так в рукописи.*

«Сия книга глаголемая соборникъ написана[181] в 7000 году мая в 21 [181] Васильева сына Боровщика».

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского помещена на лл. 305—326 об. Заголовок: «Мѣсяца ноября въ 22 день. В лѣто 6800-ное убиен бысть благовѣрныи христолюбивыи великии князь Михаилъ Ярославич в Ордѣ. Благослови, отче» (л. 305). В конце текста приписка: «В лѣто 6994-е написано бысть сие убиение великаго князя Михаила Ярославича мѣсяца сентября въ 17 день» (л. 326 об.).

В дальнейшем список обозначается буквами Тих. (Тихонравовский).

Рукопись отмечена Н. П. Барсуковым [182].

6. ГИМ, Синодальное собрание, № 799. Минея Четья на ноябрь Иоанна Милютина.

Рукопись описана [183]. Минея была написана в конце 40-х годов XVII в.

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского помещена на лл. 1152—1179. Заголовок: «В лѣта 6826-го мѣсяца ноября въ 22 день. Убиение святого благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго. Благослови, отче» (л. 1152).

Список имеет целый ряд помет, показывающих, что он сверялся с другим текстом Повести. Так, на л. 1152 над заголовком написано «Страдание за християны во Ордѣ»; на боковом поле л. 1155 против слов «сеи блаженный» помета «Зачало»; на боковых полях лл. 1156 и 1157 против имени митрополита «Максим» и «Максимом» написано «Петръ» и «Петром»; на л. 1162 после слов «приѣхал посол от царя» добавлено «из Орды»; на боковом поле л. 1166 против слов «Слава тебѣ» помета «Молитва»; на л. 1173 после слов «обрѣтоша его стояща» добавлено «на молитвѣ»; наконец, на л. 1178 об. перед слозами «да како тя возмогу по достоянию возхвалити» поставлен знак вставки, а на боковом поле написано «тако удивляет богъ святыя свои угодники, пострадавшия за него». Все эти пометы ведут к тексту Повести в Степенной книге [184]. Пометы сделаны одним почерком XVII в. и одними чернилами. Почерк помет не похож на почерк самого И. Милютина и его трех сыновей. Но среди материалов, которыми Милютин пользовался при написании своих миней, Степенная книга была [185].

---

[181]—[181] Написано по смытому тексту другим почерком.

[182] *Н. П. Барсуков*. Указ. соч., стлб. 372.

[183] *архим. Савва*. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, стр. 211; *иером. Иосиф*. Оглавление Четьих Миней священника Иоанна Милютина.— «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения». М., 1868, стр. 129—141.

[184] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 333, 334, 336, 337, 340, 342.

[185] *Д. Красин*. Четии Минеи священника Иоанна Милютина.—«Московские университетские известия», № 1, М., 1871, прилож., стр. 1.

В дальнейшем список обозначается буквой М (Милютинский).

На рукопись есть указания в литературе [186].

7. ГАКО, рукописная коллекция, № 1103. Службы и жития Арсения и Михаила Тверских.

Рукопись в 4°, на 125 листах. Начала и конца рукописи нет. Сохранилась только верхняя крышка переплета — доска, обтянутая кожей.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры PDB на другой половине листа. С. А. Клепиков датирует такой знак 1719—1723 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 212) [187]. Шут с 7 бубенцами и литеры PC; С. А. Клепиков датирует такой знак с литерами на другой половине листа 1662—1670 гг. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 27) [188]. Время написания рукописи — конец XVII — начало XVIII в.

Рукопись написана полууставом второй половины XVII в. На внутренней стороне верхней крышки переплета записи почерком XIX в., одна из которых от 24 октября 1807 г. сообщает, что «Сия книга, называемая служба святителя Арсения и вторая благовернаго великаго князя Михаила тверских чюдотворцов принадлежит тверскому посацкому Петру Фомину сыну Дешевому». Книга в переплете стоила 30 коп. По нижнему полю листов 1—14 запись почерком XVII в. С л. 2 запись стерта, восстановленные слова заключены в квадратные скобки: «Мѣсяца августа въ 31 день [дал сию книгу вкладу в Тверской уездъ к Покрову пресвятыя богородици служба и жития святителя христова Арсения епископа и великаго князя Михаила, тверских чюдотворцав, Желтикова монастыря архимандрит Иовъ в вѣчнои поминок по своей души и по своих родителех без выносу... з братиею...]». В XVII в. было два архимандрита Желтикова монастыря, носивших имя Иов [189].

Состав рукописи: лл. 1—23 об.— служба на преставление Арсения, епископа Тверского (без начала); лл. 24—56 об.— житие и чудеса Арсения. Перечислено 3 чуда. Последнее говорит о событиях 1593/94 г.; лл. 57—60 об.— служба Михаилу Тверскому на малой вечерне; лл. 60 об.— 87 об.— служба Михаилу Тверскому на великой вечерне, здесь упоминается царь и вели-

---

[186] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372.

[187] *С. А. Клепиков.* Бумага с филигранью «Герб города Амстердама».— «Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей», вып. 20. М., 1958 (далее в тексте: С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама»).

[188] *С. А. Клепиков.* Бумага с филигранью «Голова шута (foolscap)».—«Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей», вып. 26. М., 1963 (далее в тексте — С. А. Клепиков. «Голова шута»).

[189] Первый был архимандритом в 1663—1666 гг. и в 1671 г., второй — в 1683—1686 гг. (*П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви, стлб. 457).

кий князь Алексей Михайлович; лл. 88—123 об.— Повесть о смерти в Орде Михаила Ярославича Тверского. Заголовок: «В лѣта 6826-го. Убиение благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Михаила Ярославича Тверьскаго чюдотворца, мѣсяца ноямврия въ 22 день. Благослови, отче» (л. 88). Цифры 6000 (≠̃) и 800 ( ) написаны по заклееному тексту. Далее в рукописи следуют различные молитвы. Последняя — без конца. Список обозначается буквой К (Калининский) список.

Б. Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского в редакции Великих Миней Четий митрополита Макария

Редакция издана по Синодальному списку Великих Миней Четий митрополита Макария с вариантами по Успенскому списку тех же Миней [190].

Помимо двух основных списков редакции следует указать на следующие копии с них.

1. ГПБ, общее собрание рукописных книг, F.I. 888. Сборник, содержащий жития византийских и русских святых.

Сборник описан [191]. Водяные знаки рукописи: гербовый щит, близок, но не тождествен указанному И. Каманиным [192] № 165—1581 г.; другой гербовый щит близок к указанному там же № 255—1591 г.; герб Абаданк — Н. П. Лихачев, № 3299—1580 г. Таким образом, рукопись относится к 80—90-м годам XVI в. Повесть о смерти Михаила помещена на лл. 1—8 и имеет киноварный заголовок: «Мѣсяца ноября в 22 день. Убиение великого князя Михаила Ярославичя Тверскаго от безбожнаго царя Абяка. Отче, благослови». Заключительная часть Повести имеет свой киноварный заголовок: «Како прииде изо Орды князь Юрьеи Даниловичъ» (л. 7 об.).

2. ГПБ, общее собрание рукописных книг, F. I. 869. Сборник житий святых конца XVI в.

Рукопись описана [193]. Повесть занимает лл. 730—744 об. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноемврия въ 22 день. Убиение великого князя Михаила Ярославича Тверскаго от безбожнаго царя Азбяка. Благослови, отче» (л. 730—730 об.). Заголовок второй части Повести в этом списке несколько отличается от заголовка в Великих Минеях Четьих: «О кн[я]зѣ Юрье Даниловиче, како прииде изо Орды» (л. 743).

---

190 «Памятники славяно-русской письменности. Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием», вып. 9, ч. 1, ноябрь, дни 16—22. М., 1914, стлб. 3092—3104.

191 «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1908 год». Пг., 1915, стр. 160—164.

192 *І. Каманін, О. Вітвіцька*. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651) Київ, 1923 (далее в тексте — И. Каманин).

193 «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1905 год». СПб., 1912, № 9, стр. 50—57.

3. ГИМ, собрание рукописей Чудова монастыря, № 309. Минея Четья на ноябрь.

Одна из 12 миней, написанных в 1599/1600 г. в Чудовом монастыре по повелению архим. Пафнутия. Начало записи об этом, имеющейся во всех экземплярах, издано М. Н. Тихомировым [194].

Повесть о смерти Михаила Тверского помещена на лл. 216 об.— 226. Киноварный заголовок: «Мѣсяца того же 22 день. Убиение великого князя Михаила Ярославичя Тверскаго от безбожнаго царя Абяка. Благослови, отче» (л. 216 об.). В тексте особым заголовком выделен рассказ о чудесах: «Сътворивъшее же ся чюдо велико да скажемъ» (л. 224). Свой киноварный заголовок имеет вторая часть Повести: «Како прииде изо Орды князь Юрьеи Даниловичь» (л. 225). На список есть указание в литературе [195].

4. ГИМ, Музейское собрание, № 3861 (инвент. № 61974). Сборник житий русских и византийских святых.

Рукопись в 4°, без начала, на 738 листах, сосчитаны не все листы. Переплет (доски в коже) сохранился удовлетворительно. Застежки оторваны.

Водяные знаки рукописи: кувшинчик средней величины с двумя ручками и литерами LDB на боку, близок по типу к указанным Н. П. Лихачевым № 4099 и № 4248 — 1601 г.; колонны, этот знак К. Тромонин датирует 1613—1638 гг. (№ 459, 1136, 1154, 1158, 1606, 1227, 1228).

По нижним полям лл. 4—181 запись: «Книга сия соборник всемилостиваго Спаса Преображения казенная Архангельского города». На л. 208 об. запись: «185-го году февраля въ 20 день. Книга соборникъ Спаскои казенной писменой». Повесть помещена на лл. 266—284 об. На боковом поле л. 266 другим почерком написано: «Глава 15». По верхним полям идет повторяющаяся запись: «ноября 22». Заголовок Повести: «Мѣсяца ноемврия въ 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго от безбожнаго царя Азбяка» (л. 266). Киноварью выделен заголовок последней части Повести: «Како прииде изо Орды князь Юрие Даниловичь» (л. 282 об.) [196].

5. ГБЛ, ф. 304 (собрание Троице-Сергиевской лавры), № 671. Минея Четья на ноябрь Германа Тулупова.

Минея описана [197]. Повесть в редакции Великих Миней помещена здесь рядом с Пространной редакцией на лл. 129 об.— 141 об.

На поле л. 129 об. киноварная помета: «Ино творение».

---

[194] *М. Н. Тихомиров*. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря.— «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 27, № 94, сентябрьская Минея № 307.

[195] *Н. П. Барсуков*. Указ. соч., стлб. 372.

[196] Список обнаружен В. И. Корецким.

[197] *Иером. Арсений*. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, отд. VII. стр. 18—19, № 671.

Заголовок киноварью: «Мѣсяца того же 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго от безбожнаго царя Азбяка» (л. 129 об.). Киноварными заголовками выделены рассказ о чудесах: «Сотворившее же ся чюдо велико да скажемъ» (л. 138 об.) и вторая часть Повести: «Како прииде изо Орды князь Юрьи Даниловичь» (л. 140). Рукопись использована в литературе [198].

6. Коллекция рукописей Владимиро-Суздальского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника, № 85. Сборник житий, слов и поучений.

Рукопись в 1°, на 734 листах. Переплет (доски в коже) в удовлетворительном состоянии. Сохранилась одна застежка, позднейшая. Рукопись написана полууставом первой половины XVII в.

Повесть о смерти Михаила Тверского помещена на лл. 253 об.— 266 об. и имеет киноварный заголовок: «Мѣсяца ноемврия в 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверьскаго от безбожнаго царя Азбака. Благослови, отче» (л. 253 об.). Киноварью выделен заголовок последней части Повести: «Како прииде из Орды князь Юрье Даниловичь» (л. 265).

7. БАН, Архангельское собрание, Д. 344. Минея Четья на ноябрь.

Рукопись в 1°, на 344 листах. При нумерации листов пропущен лист 188, но лист оглавления не пронумерован. Лист 1 чистый. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Сохранность переплета хорошая. Обе застежки целы.

Водяные знаки рукописи: щит под короной, разделенный на 4 части. Найти в справочниках этот водяной знак не удалось. Щит с лилией над короной, знак близок к указанному К. Тромониным № 1223—1636 г. Польский одноглавый орел, знак близок к указанному И. Каманиным № 745—1658—1659 гг. Щит с двойной перевязью, филигрань близка к указанному Heawood'ом № 135—1630—1635 гг. Другой вариант щита с лилией под короной, знак близок к указанному К. Тромониным № 1214—1636 г. В целом рукопись можно датировать 30—50 годами XVII в. Рукопись написана полууставом XVII в.

На оборотной стороне верхней крышки переплета запись о принадлежности книги Сийской библиотеке Архангельского епархиального древлехранилища [199]. Повесть помещена на

---

[198] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 71, прим. 1; *И. У. Будовниц.* Указ. соч., стр. 84, прим. 4.

[199] О Сийской библиотеке в составе Архангельского древлехранилища см. очерк М. Н. Мурзановой «Архангельское собрание» в кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II. М.— Л., 1958, стр. 154. Вероятно, эта рукопись очень кратко описана А. Е. Викторовым в «Описях рукописных собраний в книгохранилищах Северной России» (СПб., 1890, стр. 87, № 103).

лл. 254 об.— 262 об. и имеет киноварный заголовок: «Мѣсяца ноемврия въ 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго от царя безбожнаго Азбяка» (л. 254 об.). Текст Повести разделен на две части киноварным заголовком: «Како прииде изо Орды князь Юрии Даниловичь» (л. 262).

8. ГБЛ, ф. 98 (собрание Е. Е. Егорова), № 19. Минея Четья на ноябрь.

Рукопись в 1°, на 847 листах. Переплет (доски в коже) современен рукописи. Состояние переплета хорошее. Застежки более поздние.

Минея написана по повелению бывшего архиепископа Сибирского и Тобольского Нектария 1 ноября 1643 г. (л. 847). Почерк рукописи — полуустав середины XVII в.

На лл. 580—586 об.— Повесть о смерти в Орде Михаила Ярославича Тверского. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноембрия въ 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго от безбожнаго царя Абяка» (л. 580). Заключительная часть Повести имеет киноварный заголовок: «Како прииде изо Орды князь Юрие Даниловичь» (л. 586).

9. ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 428 (по Леониду № 1231). Сборник житий русских святых.

Рукопись описана П. М. Строевым и архим. Леонидом [200].

Водяные знаки рукописи: шут с 5 бубенцами, знак близок к указанным К. Тромониным № 1240, 1250, 1253, 1317 — 1676 г.; крепостные ворота, идентичного водяного знака найти не удалось.

Повесть о Михаиле помещена на лл. 219—233. Киноварный заголовок: «Мѣсяца того же въ 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверьскаго от безбожнаго царя Абяка» (л. 219). Киноварным заголовком выделен рассказ о чудесах: «Сотворившее же ся чюдо велико да скажем» (л. 229 об.). Киноварью написан заголовок к последней части Повести: «Како прииде из Орды князь Юрие Даниловичь» (л. 231 об.).

Ссылка на список есть у Н. П. Барсукова [201].

10. ГБЛ, ф. 37 (собрание Т. Ф. Большакова), № 421. Торжественник XVII в.

Рукопись подробно описана Г. П. Георгиевским [202].

Повесть занимает лл. 786 об.— 797 об. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноемъврия въ 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославичя Тверскаго от безбожнаго царя Абяка» (л. 786 об.). Внутри текста есть еще один киноварный заголовок: «Како

---

[200] *П. М. Строев.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому, № 132, стр. 60—61; *архим. Леонид.* Указ. соч., ч. II. М., 1893, № 1231, стр. 469—470.

[201] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372.

[202] *Г. П. Георгиевский.* Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в императорском Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915, № 421, стр. 353—358.

прииде изо Орды князь Юрьеи Даниловичь» (л. 796 об.). Против начала Повести на боковом поле написано: «Глава 27».

Список отмечен Н. П. Барсуковым [203].

11. ГАЯО, коллекция рукописей, № 372. Минея Четья на сентябрь — ноябрь.

Рукопись кратко описана В. В. Лукьяновым [204].

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры GD на той же половине листа (основной знак) (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1022—1682 г.). Различные гербовые щиты и два варианта шута с 7 бубенцами. Точно определить эти водяные знаки не удалось.

Повесть о смерти Михаила помещена на лл. 356—374. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноемвриа въ 22 день. Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго от безбожнаго царя Азбяка» (л. 356). Вторая часть Повести имеет особый заголовок: «Како прииде из Орды князь Юрье Даниловичь» (л. 372).

12. ГБЛ, ф. 98 (собрание Е. Е. Егорова), № 1714. Сборник разнообразного содержания.

Рукопись в 1°, на 393 листах (III+387+III). Переплет (доски в коже) в удовлетворительном состоянии. Застежки поздние. Рукопись была реставрирована в прошлом веке. В начале некоторых статей имеются заставки, нарисованные от руки, а также вырезанные из старопечатных книг.

Водяные знаки рукописи: одноглавый орел, очень приблизительно напоминающий № 539 у К. Тромонина — 1634 г.; виноградная гроздь с двумя буквами — XVII — начало XVIII в. [205]; гербовый щит, похожий на указанный К. Тромониным № 546— после 1630 г.; иной тип одноглавого орла, близкий к приведенному К. Тромониным № 636—1644 г.; крепостные ворота, напоминающие № 1634 и № 1472 по К. Тромонину — 1652 г. и 1666 г. Рукопись может быть датирована второй половиной XVII в.

Рукопись написана различными почерками XVII — начала XVIII вв. По нижнему полю лл. 327—348 об.— запись почерком XVII в. о принадлежности книги дьякону Богословскому и Боголюбскому Стефану Артемьеву сыну Сусальникову.

Повесть находится на лл. 2—12 об. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноемврия въ 22 день. Убиение великого князя Михаила Ярославичя Тверскаго от безбожнаго царя Азбяка» (л. 2). Киноварный заголовок имеет и вторая часть Повести: «Како прииде изо Орды князь Юрие Даниловичь» (л. 11 об.).

---

[203] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372.

[204] *В. В. Лукьянов.* Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957, № 473, стр. 92.

[205] Н. П. Лихачев определяет этот знак как знак фабрики Капрони (со знаком вопроса) и дает приведенную выше широкую дату (*Н. П. Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II, стр. 116).

13. А. Лебедев описал пролог XVI в., где был помещен, судя по заголовку, текст Повести в редакции Великих Миней Четий [206].

14. Н. И. Серебрянским указана рукопись Костромской духовной семинарии за № XII/122, содержавшая редакцию Повести, которую Н. И. Серебрянский отнес к той же редакции, что и в Великих Минеях Четьих. Кроме шифра, Н. И. Серебрянский не привел никаких других данных о рукописи [207].

15. П. М. Строев привел еще один список Повести, судя по заголовку, редакции Великих Миней Четий, из сборника Антониева Сийского монастыря. Рукопись в 4°, на 492 листах, XVII в., Повесть помещена на лл. 143—154 [208].

Три последние рукописи de visu не обследованы. Их местонахождение в настоящее время неизвестно.

В. Редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского конца 50-х годов XVII в. (первый вариант)

1. ГИМ, собрание Е. В. Барсова, № 807. Житие Михаила Тверского.

Рукопись в 4°, на 39 листах, без начала и конца. Переплета нет. Рукопись начинается с л. 4 по старой нумерации. Лист 3 хранился в ГБЛ, ф. 17 (собрание Е. В. Барсова), № 1113. В настоящее время передан в ГИМ и присоединен к основной рукописи. После л. 4 идет л. 7 по старой нумерации, не сохранились, следовательно, лл. 5 и 6. После л. 14 видны срезы трех листов, но текст не прерывается.

Водяные знаки рукописи: гербовый щит с двумя линиями под короной, датируется 1639—1653 гг. [209]; шут с 5 бубенцами и литеры NI на другой половине листа, датируется 1657—1661 гг. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 196—198).

Рукопись написана двумя почерками, близкими к скорописи полууставом середины XVII в. Первым, более крупным почерком написаны лл. 1—14 об., вторым — лл. 15—39 об. (новой нумерации).

Состав рукописи: лл. 1—26 — житие Михаила Тверского (без начала); лл. 26—39 об.— похвальное слово Михаилу Тверскому. Киноварный заголовок: «Сие же чти по кафисмах. Та же похвальное слово на пречестную память его и о новых чюдесѣх, в

[206] *А. Лебедев.* Рукописи братства святого Креста в Саратове. Саратов, 1910, вып. 1, № 26 (167), стр. 30, пролог XVI в., лл. 110—117.

[207] *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., прилож. стр. 185.

[208] *П. М. Строев.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 336—337. Со ссылкой на П. М. Строева этот же список указывает Н. П. Барсуков (Указ. соч., стлб. 372).

[209] *А. А. Гераклитов.* Указ. соч., стр. 21 и № 250—265.

нем же нѣчто имать на июдѣи, чтется по шестои пѣсни. Творе ние Пахомиево» (л. 26).

Рукопись представляет собой беловик, но правленый. Ис правлены, главным образом, грубые описки, некоторые слова писаны по стертому тексту (лл. 5 об., 6 об., 8, 9, 10 об., 12 об., 13, 14 об., 15 об., 22, 23, 24 об., 29 об., 30 об., 32 об., 35, 36, 36 об., 39).

Г. Редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского конца 50-х годов XVII в. (второй вариант)

1. ГБЛ, ф. 310 (собрание В. М. Ундольского), № 341. Служба и житие Михаила Тверского.

Рукопись очень кратко описана В. М. Ундольским [210]. Данная рукопись принята за основную при цитировании этой редакции памятника как одна из самых ранних по написанию и самая полная по составу. Даем ее новое описание.

Рукопись в 4°, на 111 листах. Переплет (доски в коже) в удовлетворительном состоянии. Обе застежки целы.

Водяные знаки рукописи: герб Семи провинций и литеры ЕР на другой половине листа, тот же герб и литеры ЕТ на другой половине листа. С. А. Клепиков датирует герб г. Амстердама с первыми литерами 1679—1751 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», стр. 334 и № 208), а шута с 7 бубенцами и литерами ЕТ — 1666—1671 гг. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 993). Рукопись датируется началом 80-х годов XVII в.

Состав рукописи: лл. 1—12 — служба на вечерни князю Михаилу Тверскому. Киноварный заголовок: «Канонъ благовѣрному князю Михаилу Ярославичю Тверскому чюдотворцу. Глас 8, пѣснь I, ирмос». Начало: «Пѣснь возслемъ, людие...» (л. 1); конец: «...даждь благовѣрнымъ царемъ нашимъ Иоанну, Петру здравие телеси и на поганыя побѣды молитвами рожьдьшия тя» (л. 12). В ирмосах упоминаются цари Иоанн и Петр (лл. 1 об., 5 об., 8 об., 10 об., 11 об., 12).

Лл. 12 об.— 77 об.— житие Михаила Ярославича Тверского. Киноварный заголовок: «Мѣсяца ноемврия въ 22 день. Житие и страдание блаженнаго страдалца великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго чюдотворца. Благослови, отче, прочести» (л. 12 об.). Начало: «Ничто же тепльшия души блажаише зрѣти...» (л. 12 об.); конец: «...зрѣти лице его со ангелы присно и доброты его неизреченныя наслаждатися» (л. 77). Текст жития разделен на части заголовками, выполненными чернилами и киноварью: «О рождении святаго» (л. 14), «Молитва» (л. 41), «Чюдо первое» (л. 58), «Чюдо второе» (л. 60), рассказ о треть-

---

210 *В. М. Ундольский.* Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, № 341, стр. 242.

ем чуде заголовка не имеет, но в рукописи для него оставлено чистое место (л. 61 об.), «Чюдо четвертое» (л. 62), «Плачь великия княгини его Анны» (л. 70).

Лл. 77 об.— 94 — статья об обретении мощей князя Михаила Тверского и о чудесах у его гроба. Заголовок: «О обрѣтении честныхъ и многоцелебныхъ мощеи благовѣрнаго и великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго чюдотворца. Вкратце и о чюдесехъ его» (л. 77 об.). Начало: «В лѣто 7142-го году при державѣ благочестиваго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Росии самодержца...» (л. 77 об.); конец: «... славящи бога и великаго князя Михаила Ярославича чюдотворца» (л. 94). После л. 91 должны следовать лл. 68—69, при переплетении рукописи попавшие в середину жития Михаила. Всех чудес описано три. Первое случилось 27 ноября 1633 г. с жителем Твери Даниилом Мельницыным (лл. 91 об.— 69 об.), второе — в 1606 г. с поляками, осаждавшими Тверь (лл. 69 об. и 92—93 об.), третье — без точной даты — с тверитянкою (лл. 93 об.— 94).

Лл. 94—102 — похвала князю Михаилу Ярославичу. Киноварный заголовок: «Похвала блаженному» (л. 94). Начало: «Приидите убо, о церковнии друзи...» (л. 94); конец: «...слава и держава, честь и поклонение нынѣ и присно и во вѣки вѣков. Аминь» (л. 102).

Лл. 102—111 об.— слово о переложении мощей Михаила Тверского. Заголовок киноварью и чернилами: «Мѣсяца септеврия въ 30 день. Слово о преложении честныхъ мощеи блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго чюдотворца». Начало: «Завѣща иногда Иосифъ и закля сыны Израилевы о костехъ своихъ, еще от Гегипта в землю обетованную принести я...» (л. 102—102 об.); конец: «...ему же подобаетъ слава и держава, честь и поклонение безначалному отцу со единороднымъ сыномъ и с пресвятымъ и благимъ и животворящимъ духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» (л. 111 об.).

В других рукописях заголовки статей сходны с приведенными заголовками, поэтому при последующих описаниях они опускаются.

Список отмечен и использован в литературе[211].

2. ГИМ, собрание Е. В. Барсова, № 1096. Житие князя Михаила Ярославича Тверского.

Рукопись в 4°, на 63 листах, без переплета. Начало рукописи утрачено, лл. 62—63 приплетены позднее.

Водяные знаки рукописи: шут с 7 бубенцами и на другой половине листа в картуше буквы I BEAUFORT (С. А. Клепиков.

[211] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 354, прим. 1; *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372; *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., прилож., стр. 186. У Н. И. Серебрянского неточно указан лист рукописи, на котором кончается текст жития Михаила Тверского,— л. 111 вместо л. 77 об.

«Голова шута», № 115—1669—1671 гг. и К. Тромонин, № 384—1676—1682 гг.); шут с 7 бубенцами и литеры РВ на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1283 — 1666—1671 гг.). В целом рукопись может быть датирована 70—80-ми годами XVII в.

Нумерация листов буквенная, двойная, причем более поздняя исправляет раннюю. Так, теперешний первый лист был 35 (ЛЕ҃), позднее цифра 35 была переправлена на 33 (ЛГ҃). Нумерация лл. 62—63 сделана только вторым почерком.

По нижнему полю лл. 1—24 — запись, сделанная приблизительно тем же почерком и теми же чернилами, что и первая буквенная нумерация: «...будет кто продастъ или заложит, и тот будет на втором суде отвѣчать». На л. 63 об. неоконченная запись почерком XVII в.: «Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Ио[а]нну Алексеевичу».

Состав рукописи: лл. 1—46 об.— житие князя Михаила Ярославича, лл. 47—53 — похвала князю Михаилу Тверскому, лл. 53—61 об.— слово о переложении мощей князя Михаила Ярославича.

3. ГБЛ, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 624. Сборник религиозного содержания.

Сборник очень кратко описан Г. П. Георгиевским [212].

Приводим его полное описание. Книга в 4°, на 246 листах. Переплет (доски в коже) в удовлетворительном состоянии. Одна застежка утрачена.

Книга составная. К рукописи приплетен старопечатный текст (лл. 2—24).

Водяные знаки рукописи: шут с 7 бубенцами и литеры PD на другой половине листа, знак датируется 1666—1695 гг. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 219а); шут с 5 бубенцами и литеры IGANNE в картуше на другой половине листа, С. А. Клепиков датирует такую филигрань 1664—1678 гг. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 128); шут с 5 бубенцами и как будто литеры ILT в рамке на другой половине листа, знак может быть датирован 1673 г. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 132); шут с 5 бубенцами и литеры MLI в рамке на другой половине листа, знак датируется 1668—1685 гг. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 180); герб г. Амстердама, знак датируется очень широко. По филиграням рукопись может быть датирована второй половиной 70-х — 80-ми годами XVII в.

Рукопись написана одним почерком полууставом второй половины XVII в.

На внутренних сторонах крышек переплета, на лл. 1 и 246 — различные записи, сделанные почерками XVIII в. Из них следу-

---

[212] *Г. П. Георгиевский.* Собрание Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913, стр. 109.

ет отметить записи на внутренней стороне верхней крышки переплета: «Максима Черни», на внутренней стороне нижней крышки переплета: «Сия книга Ивана Максимова сына Черницена», на л. 246, содержащую дату: «769 году мая 25 дня».

Состав рукописи: лл. 25—54 — служба Арсению, епископу Тверскому; лл. 55—103 — житие Арсения Тверского; лл. 106—128 — службы Михаилу Ярославичу Тверскому; лл. 129—224 — житие Михаила Тверского; лл. 225—234 об.— похвала Михаилу Ярославичу; лл. 234 об.— 247 об.— слово о переложении мощей Михаила Тверского.

4. ГИМ, собрание Н. П. Вострякова, № 948. Сборник религиозного содержания.

Рукопись в 4°, на 178 листах, начало утрачено.

Переплет (доски в коже) в удовлетворительном состоянии, но застежки оторваны.

Рукопись состоит из двух частей (лл. 1—119 и лл. 120—178), соединенных механически уже после их написания.

Водяные знаки первой части рукописи: шут с 7 бубенцами и литеры IG на другой половине листа; С. А. Клепиков датирует такую филигрань 1701 г. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 127); шут с 5 бубенцами и литеры DV на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 69, 1667 — 1669 гг.); лилия в щите, знак датировать не удалось. Время написания рукописи — примерно последняя четверть XVII в. Первая часть написана одним почерком, полууставом конца XVII в.

На л. 89 об. вдавленная запись: «Сия книга тверскаго купца Ефима Пилитова».

Состав первой части: лл. 3—30 об.— службы князю Михаилу Тверскому (без начала); лл. 32—74 — житие князя Михаила Ярославича; лл. 74—80 — похвала Михаилу Тверскому; лл. 81—89 — слово о переложении мощей князя Михаила Ярославича; лл. 90—119 — житие и чудеса Арсения, епископа Тверского.

Водяной знак второй части рукописи: герб г. Амстердама и литеры ICO в рамке на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1107—1682, 1702—1706 гг.) Почерк — полуустав начала XVIII в.

Во второй части помещено Сказание о Иверских (греческом и русском) монастырях.

5. ГАКО, рукописная коллекция, № 504. Службы и жития Арсения и Михаила Тверских.

Рукопись в 4°, на 227 листах, переплет картонный, поздний. Сохранность рукописи плохая, многие листы выбиты из переплета, часть листов утрачена, а часть перепутана, например, л. 132 должен идти после л. 148.

Водяной знак рукописи — герб г. Амстердама с литерами GVH (лигатура) под ним. С. А. Клепиков датирует такой знак 1691 г. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 89а). Дата рукописи — 80—90-е годы XVII в.

Рукопись написана одним почерком полууставом конца XVII — начала XVIII в.

На л. 42 запись, сделанная тем же почерком, каким написана вся рукопись: «Житие и чюдеса, иже во святыхъ отца нашего Арсения епископа Тферскаго чюдотворца, написано во 193-м году». На л. 94 незаконченная запись: «Сия книга города Твери Закольскаго стану села Костянтиновскаго церкви святыя преподобномученицы Анастасии Римляныни, писано уставно. Сию потпись писа...». На л. 227 запись: «Читалъ сию книгу Иоа[н] Григориев сынъ по прозванию Сухавеев».

Состав рукописи: лл. 1—41 об.— службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 43—94 — житие и чудеса Арсения, епископа Тверского; лл. 95—121 об.— службы князю Михаилу Ярославичу; лл. 122—185 об.— житие князя Михаила Ярославича; лл. 186—208 об.— обретение мощей князя Михаила Ярославича; лл. 208 об.— 218 — похвала князю Михаилу Тверскому; лл. 218 об.—227 — слово о переложении мощей князя Михаила Ярославича.

6. ГБЛ, ф. 205 (собрание Общества истории и древностей Российских), № 367/347. Службы и жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись подробно описана Е. И. Соколовым [213].

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры FP под ним (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 158, но еще с литерами I VILLEDARY на другой половине листа — 1719 г.); герб Семи провинций и литеры HD на другой половине листа, те же литеры и шут с 7 бубенцами — С. А. Клепиков датирует герб г. Амстердама с такими буквами 1691—1709 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 99); шут с 7 бубенцами и литеры ID на другой половине листа — С. А. Клепиков датирует такой знак 1669—1692 гг. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 121—123). Таким образом, рукопись датируется 90-ми годами XVII в. Житие Михаила Ярославича помещено на лл. 21—87 об.

7. БАН, собрание текущих поступлений, № 180. Службы и жития Арсения и Михаила Тверских.

Рукопись в 4°, на 273 листах. Сохранилась только нижняя крышка переплета — доска, обтянутая кожей. Первые 8 листов рукописи сохранились плохо, лист 7 разорван.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама без литер (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», стр. 316—1657—1783 гг.); тот же герб с литерами AC на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 5 — 1711—1718 гг.).

На л. 1 — запись почерком, отличным от почерка рукописи: «Сия книга Твери города тверскаго [ку]пца Василья Ива[но]ва сына Щукина [214] ... Написаны канон, жит[ие] и чудеса Арсения

[213] *Е. И. Соколов.* Библиотека императорского Общества истории и древностей российских, вып. II. М., 1905, стр. 142—149.

[214] *Далее неразборчиво.*

еп[иско]па и святаго бла[говерно]го князя Мих[аила] [Яро]славича Тве[рского] чудотворц[а]» (в скобках — восстановленный текст).

На лл. 174—176 помещено послесловие писца рукописи: «Написана сия богоглаголимая книга во Твери граде. В неи же написано двѣ службы в похвалу, стихиры и канон на преставление, иже во святых отцу нашему Арсению епископу Тверскому, чудотворцу, а другая служба на пренесение честных мощей его; и житие святаго, и чудеса, и похвалное слово и молитва. Лѣта 7232 [215] году мѣсяца декабря в 1 день во дни благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя Петра Алексиевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца и при епископе Феофилакте [216] Тверском и Кашинском коснениемъ руки многогрѣшнаго раба диакона Бориса кончана бысть сия богоглаголимая книга. Но, господине и братие, молю вы именем господа бога, аще гдѣ описахся недомысльством худоумия моего или в забытии ума, или какою вещею, и вы, господине, исправите собою, а проклятию мене, грубаго, не предайте, зане бо малосмыслен умъ имѣя. Тебѣ же, господине, о святѣм дусѣ возлюбленно читателю, написах книгу сию святаго Арсениа, требуя воспоминания, еже о нас к [217] великому богу. Не презри, господине, неискуснаго ми недоумѣйства, еже удобрити и украсити писменемъ грамоты, но прощению достоина сотвори о мнѣ, понеже много потрудихся и десницу прострьхъ на дѣло, и удобное и грубое наше послужение и сердца прилѣжное [218] приимаи вѣрою и украси дѣаннiемъ внутрения книги сея сказание. Имѣя благонравное произволение, и недостаточная на благообразие претвори, наша восприими своих [219] [...] податель не завистемъ бываи. Ты же, возлюбленный господине, приими сия, еже ти господь повелить, не смотряи внѣшняго благообразиа, ни бо есмь таковым искусомъ, но внутренним потщися дѣлатель [220] нелѣностивъ бысть, поне же внѣшними нѣцыи от человѣкъ навыкоша краситися, богъ же сокровеннымъ праведенъ испытатель [221]. Сего ради, возлюбленне, намъ же милостивенъ буди поминатель, яко да твоимъ совершением доволенъ будеши намъ, сущемъ в недостатцѣ, руку помощи подати, яко по сихъ словесъ: убо еже хартиею и чернилом книзѣ сеи прияша конецъ, и руцѣ наши препочиша, совершивше весело твоих повелѣнии желанно орудие и мужеству твоему, о

---

[215] *Последние две цифры переделаны из других цифр схожими чернилами.*
[216] *Буквы* Феофи *писаны по месту стертых шести букв* [*В. Ф. Покровская читает* Сергии], *затем приписаны остальные буквы* — лакте. *После этого новое слово было зачеркнуто и ниже другим почерком и другими чернилами написано* Феофилакте.
[217] *Написано два раза.*
[218] *В рукописи буква* н *повторена трижды.*
[219] *Далее неразборчивое слово.*
[220] *Переделано из другого слова другим почерком и другими чернилами.*
[221] *Переделано из слова* испыталь *другим почерком и другими чернилами.*

Господине любимый. Да не будет когда прияти конецъ дѣланием добрых, проходя писаная внутрь книзѣ сеи душепитателных словесъ. Аще убо когда будет благих насыщение, слава совершителю богу, всяко дѣло благо о Христѣ Иисусѣ господѣ нашем, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

На л. 272 — запись, сделанная тем же почерком и теми же чернилами: «Написана сия богоглаголимая книга лѣта 7232-го [222] году мѣсяца иулия въ 17 день». На л. 273 об.— запись тем же почерком и чернилами: «Радъ избѣжавъ заецъ от тенета, а птица от клепцы, а писецъ видя конецъ остаточной строкѣ». На л. 273 записи скорописью XVIII в.: «Убиен бысть святы благоверныи князь Михаилъ Ярославичъ Тверски чудотворецъ в лето шесть тысящь осмъсотъ двадесять седмое, мѣсяца ноемврия въ 22 день в среду в седмы часъ нощи. 6827 год. А преложение святых мощеи святаго благовернаго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго чудотворца бысть в лето седмъ тысящъ сто шездесятъ третьяго, месеца септемврия въ тридесяты день. 7163 год. 1655 году. Пришествие было безбожных поляковъ во обитель святаго Арсения чудотворца бысть в лето семь тысящъ сто четвертагонадесять году. 7114-го».

Возможно рукопись была написана при архиепископе Сергии, когда обновляли тверской собор и переносили мощи князя Михаила, что имело место в 1696 г. [223] Во всяком случае титулование в записи Петра I царем и великим князем, а не императором, указывает на время до 1721 г.

Состав рукописи: лл. 2—29 об.— службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 30—58 об.— служба на перенесение мощей епископа Арсения; лл. 60—141 — житие и чудеса Арсения; лл. 141 об.— 173 об.— похвальное слово епископу Арсению; лл. 177—204 об.— службы Михаилу Ярославичу Тверскому; лл. 206—256 — житие князя Михаила; лл. 256 об.— 263 — похвала Михаилу Ярославичу; лл. 263 — 272 — слово о переложении мощей Михаила Тверского.

8. ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 419 (по Леониду № 1149). Службы и жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись описана [224]. Но к описанию необходимо сделать несколько дополнительных замечаний.

---

222 *Дата писана по стертому месту сходным почерком и чернилами.*

223 *В. И. Колосов.* Житие и страдания святого благоверного и великого князя Михаила Ярославича Тверского.— «Тверские епархиальные ведомости», 15 февраля 1899 г., № 4 часть неофициальная, стр. 87. Феофилакт Лопатинский поставлен в епископы Тверские и Кашинские в 1723 г., а 9 марта 1725 г. пожалован в архиепископы. Сергий был на Тверской кафедре в 1682—1702 гг. (*П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви, стлб. 444 и 443).

224 *М. П. Строев* Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому, № 123, стр. 54—55; *архим. Леонид.* Указ. соч., ч. II, № 1149, стр. 415—416.

Рукопись составная. Ее последняя часть (лл. 190—301), где помещено житие Михаила Тверского, по почерку более ранняя, чем первая (лл. 1—189).

Водяной знак второй части рукописи — шут с 7 бубенцами и литеры GI на другой половине листа. С. А. Клепиков датирует такой знак 1698 г. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 93а). Видимо, вторая часть указанной рукописи может быть датирована этим временем.

Житие Михаила Тверского помещено на лл. 219—273.

9. ЦГАДА, ф. 196 (собрание Ф. Ф. Мазурина), № 641. Службы и жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись в 4°, на 297 (I+296) листах, без начала. Переплет — доски, обтянутые кожей. Состояние переплета удовлетворительное, но обе застежки оторваны.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры PL (лигатура), датируется 1701—1724 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 228); тот же герб и литеры IV на другой половине листа — 1673—1764 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 156); на нескольких листах бумаги водяной знак — шут с 7 бубенцами и литеры PB на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1283 — 1666—1671 гг.). Вся рукопись, по-видимому, была написана в начале XVIII в.

Рукопись украшена заставками, сделанными чернилами. Почерк рукописи — полуустав первой четверти XVIII в.

Состав рукописи[225]: лл. 1—13 — службы князю Михаилу Ярославичу (без начала); лл. 37—89 — житие Михаила Тверского; лл. 89 об.— 95 об.— похвала князю Михаилу; лл. 96—103 об.— слово о переложении мощей Михаила Ярославича; лл. 104—119 об.— статья об обретении мощей князя Михаила Тверского и о чудесах у его гроба; лл. 120—171 — службы Арсению, епископу Тверскому (без начала); лл. 172—257—житие и чудеса Арсения Тверского; лл. 258—294 об.— похвальное слово епископу Арсению Тверскому (без конца); лл. 295—296 об.— молитва Арсению Тверскому.

10. ГИМ, Музейское собрание, № 1127. Службы и жития Арсения и Михаила Тверских.

Рукопись в 4°, на 356 листах, без конца. Переплет — доски, обтянутые кожей. Состояние переплета удовлетворительное, обе застежки целы.

Водяные знаки рукописи: шут с 7 бубенцами и литеры IG. С. А. Клепиков датирует этот знак 1701 г. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 127); шут с 7 бубенцами и литеры GVH (лигатура) (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1057—1708 г.); герб г. Амстердама и литеры IV на другой половине листа (С. А. Клепиков.

---

[225] О составе рукописи кратко сказано в «Обзоре документальных материалов Центрального Государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.». М., 1954, стр. 55.

«Герб г. Амстердама», № 156—1673—1674 гг.); тот же герб и литеры PL (лигатура) (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 228 — 1701—1724 гг.). Рукопись может быть датирована началом XVIII в.

Почерк рукописи один — полуустав первой четверти XVIII в.

Состав рукописи: лл. 1—32 об.— службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 33—62 об.— службы на перенесение мощей Арсения Тверского; лл. 63—162 — житие и чудеса епископа Арсения; лл. 162 об.—203 об.— похвальное слово Арсению Тверскому; лл. 204—205 об.— молитва Арсению; лл. 207—242 об.— службы князю Михаилу Ярославичу; лл. 243—313 об.— житие Михаила Ярославича; лл. 313 об.—334 об.— статья об обретении мощей князя Михаила и о чудесах у его гроба; лл. 335—344 об.— похвала Михаилу Тверскому; лл. 344 об.—356 об.— слово о переложении мощей Михаила Ярославича (без конца, утрачен один лист).

11. ГИМ, собрание П. И. Щукина, № 682. Службы и жития Арсения и Михаила Тверских.

Рукопись в 4°, на 313 листах. Переплет (доски в коже) реставрирован в более позднее время. Обе застежки целы.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры HG под ним, знак датируется 1685—1703 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 101); герб г. Амстердама, литеры AJ под ним и литеры CDG на другой половине листа — 1721 г. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 38); шут с 7 бубенцами, литеры AJ под ним и литеры CDG на другой половине листа — 1697 г. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 33); Pro patria, филигрань может быть датирована концом XVII — началом XVIII в.[226] Рукопись относится, по-видимому, к началу XVIII в.

Рукопись написана тремя различными почерками полууставом конца XVII — начала XVIII в.

На л. 1 — черно-белая заставка; на л. 219 — цветная заставка.

Состав рукописи: лл. 1—56 об.— служба Арсению, епископу Тверскому; лл. 57—150 об.— житие и чудеса Арсения Тверского; лл. 151—180 об.— похвала Арсению Тверскому; лл. 181—187— молитва Арсению Тверскому; лл. 188—218 об.— службы Михаилу Тверскому; лл. 219—277 — житие Михаила Ярославича Тверского; лл. 277—295 — статья об обретении мощей Михаила Ярославича и о чудесах у его гроба; лл. 295—303 — похвала Михаилу Тверскому; лл. 303—313 об.— слово о переложении мощей Михаила Тверского.

Листы с текстом жития Михаила перепутаны при переплетении книги: после л. 250 должны идти лл. 254—256, затем лл. 251—253 и далее л. 257 и др. О нарушении правильности чередования листов имеются соответствующие древние пометы:

---

[226] *С. А. Клепиков, М. В. Кукушкина.* Филигрань «Pro patria» на бумаге русского и иностранного происхождения.— «Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук по книговедению». Л., 1965, стр. 84—85.

на нижнем поле л. 250 об.: «ищи чрез 3 листа», на нижнем поле л. 253 об.: «напредь чрез три листа», на нижнем поле л. 256 об.: «ищи чрез 6 листов назад».

12. ГИМ, Музейское собрание, № 1474. Жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись в 4°, на 136 (I+135) листах, без переплета.

Водяные знаки рукописи: почтовый рожок, близок к указанному К. Тромониным № 1344—1697 г.; гербовый щит, К. Тромонин, № 1356—1697 г.; литеры GB, С. А. Клепиков датирует герб г. Амстердама с такими буквами 1706 г. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 271; ср. стр. 335), а те же литеры с лилией между ними — 1703 г. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1019). Следовательно, рукопись можно датировать началом XVIII в. Рукопись написана одним почерком полууставом конца XVII—начала XVIII в.

Состав рукописи: лл. 1—50 — житие князя Михаила Ярославича; лл. 50—56 об. — похвала князю Михаилу Ярославичу; лл. 57—65 об. — слово о переложении мощей Михаила; лл. 66—112 об. — житие и чудеса Арсения, епископа Тверского (без конца); лл. 114—134 об. — службы Арсению Тверскому.

13. ГПБ, собрание А. А. Титова, № 4956. Сборник религиозного содержания [227].

Рукопись без начала и конца, в 4°, на 523 листах. Переплет картонный, современный.

Водяные знаки рукописи: герб Семи провинций и литеры HD на другой половине листа — С. А. Клепиков герб г. Амстердама с такими литерами датирует 1691—1709 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 99); тот же герб и литеры GV (лигатура) под ним — 1706 г. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1390); герб г. Амстердама и литеры IM на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 140 — 1635—1742 гг.); тот же герб и литеры IG под ним — 1670—1770 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 129); тот же герб с литерами AJ под ним — 1689—1732 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 14—14а).

Рукопись датируется началом XVIII в., но не XVI в., как сказано в «Кратком отчете».

По нижнему полю лл. 1—4 запись почерком конца XVII—начала XVIII в.: «попу Стефану Погоскому, что под Желтиковым монастыремъ».

Состав рукописи: лл. 1—169 — страсти Христовы; лл. 169—174 об. — поучение в Великий пост; лл. 175—176 об. — отрывок из жития Михаила Тверского; лл. 177—194 — толкование библейских образов и сюжетов; лл. 194—204 — пророчество Исаино о последних днях; лл. 205—262 — житие князя Михаила Ярослави-

[227] Упомянут в «Кратком отчете о новых поступлениях 1950—1951 гг.» — «Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей». Л., 1953, стр. 20.

ча Тверского; лл. 262 об.—280 об.— обретение мощей Михаила Тверского; лл. 280 об.—288 об.— похвала Михаилу Тверскому; лл. 288 об.—299 об.— слово о переложении мощей князя Михаила; лл. 300—390— житие Арсения Тверского; лл. 391—428— слово похвальное Арсению Тверскому; лл. 428 об.—430 об.— молитва Арсению Тверскому (без конца, утрачены листы); лл. 431—448 об.— житие Никиты мученика; лл. 449—450 об.— заповеди о праздниках; лл. 450 об.—453 об.— выписки «от бытия рода человеча» и из летописца; лл. 454—460 об.— молитва; л. 461— выписки из различных сочинений; лл. 461 об.—476— хождение богородицы по мукам; лл. 476 об.—485 об.— «Повесть о смерти и унынии человеком»; лл. 486 об.—514 об.— мучение Гурия, Самона и Авива в Эдесе; лл. 515—523 об.— житие Андрея Критского (без конца, утрачены листы).

14. ГИМ, собрание И. Е. Забелина, № 98. Службы и житие князя Михаила Ярославича Тверского.

Рукопись в 4°, на 91 листе. Переплет (доски, обтянутые кожей) в удовлетворительном состоянии, но обе застежки утрачены.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры IG под ним (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1119 — 1683—1720 гг.); тот же герб с литерами AG (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 885 — 1702—1722 гг.).

Рукопись написана одним почерком полууставом конца XVII — начала XVIII в. Принимая во внимание показания филиграней и почерка, рукопись можно датировать началом XVIII в.

На внутренней стороне верхней крышки переплета запись скорописью XVIII в.: «Иванъ Иванов сынъ, Иванъ Ивановъ сынъ Дмитръ». Там же скорописью начала XVIII в. запись: «Сия книга москвитина Дмитревьской сотни Евдо...». Запись недописана. По нижнему полю лл. 1—6 запись скорописью начала XVIII в.: «Сия кьнига Герасима Евьдокимова сына Лесникова». Ранее рукопись принадлежала, очевидно, его отцу Евдокиму Лесникову. По верхнему полю лл. 55 об.—79 запись почерком XIX в.: «На сеи книзе учица и молица добьрому человеку, а хьто будеть молица, молись за царя и за въсе пъравъславъное воинъстъво и за въсехъ пъравославъныхъ хъристиянъ. А хъто молица въ пъръавъду богу, дастъ ему богъ добърое зъдравие».

Состав рукописи: лл. 1—26 об.— службы Михаилу Тверскому; лл. 27—75— житие князя Михаила Ярославича; лл. 75 об.—81 об.— похвала князю Михаилу; лл. 82—91— слово о переложении мощей Михаила Тверского.

15. ГБЛ, ф. 256 (собрание Н. П. Румянцева), № 364. Сборник житий и повестей.

Рукопись описана А. Х. Востоковым[228]. Рукопись составная, водяной знак той части рукописи, где помещено житие князя

---

[228] *А. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, № CCCLXIV, стр. 524—527.

Михаила Ярославича,— герб г. Амстердама и литеры MLT в картуше (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1255 — 1680—1708 гг.); водяной знак бумаги, на которой тем же почерком написана примыкающая к житию статья — герб Семи провинций с литерами GVH (лигатура) и литеры I VILLEDARY на другой половине листа. С. А. Клепиков датирует герб г. Амстердама с такими литерами 1703—1709 гг. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1198). Данная часть рукописи может быть датирована первым десятилетием XVIII в.

Описание интересующих нас статей у А. X. Востокова не вполне точное. Даем новое описание. Лл. 238—261 — житие князя Михаила Ярославича; житие без конца, его заключительная часть выделена в особую статью, имеющую киноварный заголовок: «Еще похвално рцемъ ему паки», и помещена на лл. 275 об.—276; лл. 262—268 об.— статья об обретении мощей Михаила Ярославича и о чудесах у его гроба; лл. 268 об.—272— слово о переложении мощей князя Михаила; лл. 272—275— похвальное слово Михаилу Тверскому; лл. 277—277 об.— особая статья, по тематике примыкающая к вышеуказанным и не встречающаяся в других списках, озаглавленная «Сказание о убиении благовѣрнаго великаго князя Георгия Даниловича Московскаго».

Рукопись использована в литературе[229].

16. ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 399 (по Леониду № 1144). Службы и житие князя Михаила Ярославича Тверского.

Рукопись описана[230].

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры AR на другой половине листа — знак датировать не удалось; тот же герб с литерами HG (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1070—1703 г.); тот же герб с литерами AI (курсив) (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 17—1702 г.); тот же герб и литеры DI на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 973—1722 г.); герб Семи провинций и литеры KI на другой половине листа — знак датировать не удалось.

Таким образом, время написания рукописи определяется 1702—1722 гг.

Житие князя Михаила Ярославича занимает лл. 30—73 об.

17. ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 288 (по Леониду № 1145). Службы и житие Михаила Тверского.

---

[229] *Н. П. Барсуков*. Указ. соч., стлб. 372; *Н. И. Серебрянский*. Указ. соч., прилож., стр. 186; *И. У. Будовниц*. Указ. соч., стр. 87, прим. 1. И. Кузнецов напечатал выдержки из жития митрополита Ионы, помещенного в этой рукописи (*И. Кузнецов*. Еще новые летописные данные о построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора.— ЧОИДР, 1896, кн. 2, смесь, стр. 23—36).

[230] *П. М. Строев*. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому, № 106, стр. 49; *архим. Леонид*. Указ. соч., ч. II, № 1144, стр. 413—414.

Рукопись описана Леонидом[231]. В описании указано неверное количество листов — 307, нужно 111, не определен водяной знак и не приведены записи на рукописи.

Водяной знак рукописи — герб Семи провинций и литеры EI (?) (курсив) на другой половине листа. Знак определить не удалось. Литеры EI С. А. Клепиков датирует периодом 1676—1743 гг. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 56а—61).

На л. 111 об. запись почерком начала XVIII в.: «1705-го августа въ 11 день родися сынъ мои, имя ему Андреи. А имя ему дано на память святаго мученика Андрея Стратилата того же августа 12 числа». Рукопись написана, очевидно, около 1705 г. Житие Михаила Тверского занимает лл. 26—78 об.

Список отмечен Н. П. Барсуковым[232].

18. ГБЛ, ф. 209 (собрание А. Н. Овчинникова), № 307. Службы и жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись в 4[c], на 310 листах. Переплет (доски, обтянутые кожей) более поздний, чем рукопись, сохранился хорошо, обе застежки целы.

Рукопись датируется по записи на л. 190, сделанной основным почерком рукописи: «Лѣта 7214-го, а от рождества Христова 1705-го, мѣсяца октовриа 16».

Рукопись написана двумя почерками полууставом конца XVII — начала XVIII в.

Состав рукописи: лл. 1—4 об.— оглавление; лл. 5—10— сказание о чуде иконы богородицы в Новгороде Великом. Сказание механически приплетено к сборнику служб и житий тверских святых, в оглавлении оно не указывается. Лл. 11—64 об.— службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 65—150— житие и чудеса Арсения; лл. 151—188— похвальное слово Арсению; лл. 188 об.— 190 — молитва епископу Арсению; лл. 191—220 — службы князю Михаилу Ярославичу; лл. 221—276 об.— житие князя Михаила Тверского; лл. 277—293 об.— статья об обретении мощей Михаила Тверского и о чудесах у его гроба; лл. 294—301— похвала князю Михаилу; лл. 301—310 об.— слово о переложении мощей Михаила Тверского[233].

19. БАН, собрание текущих поступлений, № 182. Службы и жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись в 4°, на 342 листах, листы 70—71, 212—213, 246—247 вплетены позднее; без переплета. Обрезы рукописи позолочены. На лл. 8, 37 об., 72, 214, 248 и 306 заставки, выполненные черными и коричневыми чернилами, красной и желтой красками.

Рукопись датируется по записи на л. 340 об., сделанной тем же почерком и теми же чернилами, какими написана вся рукопись: «1708-го, септемврия въ 23 день написана сия богоглаго-

---

[231] *архим. Леонид.* Указ. соч., ч. II, № 1145, стр. 414.
[232] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372.
[233] Список обнаружен Л. В. Тигановой.

лимая книга тферским чудотворцем службы и жития. Коснение руки многогрѣшнаго раба диакона Никиты Якимова сына Селина».

Почерк рукописи — полуустав начала XVIII в.

Состав рукописи: лл. 3—7 — оглавление; лл. 8—37 — служба Арсению, епископу Тверскому; лл. 37 об.—69— служба на перенесение мощей епископа Арсения; лл. 72—169— житие и чудеса Арсения; лл. 169—208 об.— похвала Арсению; лл. 209—211 об.— молитва епископу Арсению; лл. 214—245 об.— службы Михаилу Тверскому; лл. 248—305 об.— житие Михаила Ярославича Тверского; лл. 305 об.—323— статья об обретении мощей Михаила Тверского и о чудесах у его гроба; лл. 323—330 об.— похвала Михаилу; лл. 330 об.—340 об.— слово о переложении мощей князя Михаила.

20. ГПБ, общее собрание рукописных книг, Q. I. 113. Службы и жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись описана [234].

Из ряда водяных знаков рукописи определению и датировке поддаются следующие: герб г. Амстердама и литеры GVH (лигатура) под ним (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 29 — 1712—1726 гг., № 89а—91 — 1691—1715 гг.); тот же герб и литеры IM на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 140 — 1635—1742 гг.); герб Семи провинций и литеры HD на другой половине листа. С. А. Клепиков герб г. Амстердама с такими литерами датирует 1691—1709 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 99). Рукопись, по-видимому, относится к 10-м годам XVIII в.

Житие Михаила Ярославича помещено на лл. 30—83 об., далее следуют похвала (лл. 83 об.—90) и слово о переложении мощей (лл. 90 об.—100, без конца) [235]. Список указан Н. П. Барсуковым [236].

21. ГИМ, Музейское собрание, № 4066. Службы и жития Арсения и Михаила Тверских.

Рукопись подробно описана М. Н. Сперанским [237].

В описании не указаны филиграни. Они следующие: герб г. Амстердама и литеры AG под ним, знак датируется 1703—1722 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 12); тот же герб и литеры CVH (лигатура) под ним и литеры BEAUVAIS на другой половине листа, знак датируется 1712—1726 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 29); тот же герб и литеры *I*B (курсив) под ним и литеры *I*B на другой половине листа. С. А. Клепиков, вероятно, такую филигрань датирует 1708 г. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 112). Герб г. Амстер-

---

[234] *К. Калайдович* и *П. Строев*. Указ. соч., отд. II, № 76, стр. 267—268.
[235] Последние две статьи в печатном описании не отмечены.
[236] *Н. П. Барсуков*. Указ. соч., стлб. 372.
[237] *М. Н. Сперанский*. Описание рукописей Тверского музея, вып. 1. М., 1891, № 26 (3092), стр. 15.

дама и литеры VI на другой половине листа, знак датируется 1673—1764 гг. (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 156). По водяным знакам рукопись должна быть датирована вторым десятилетием XVIII в.

Житие Михаила Ярославича Тверского помещено на лл. 86—130 об. На лл. 130 об.—147 об.— статья об обретении мощей Михаила Тверского и о чудесах у его гроба.

Рукопись считалась утраченной[238]. Пересказ жития по этой рукописи в свое время был сделан В. Колосовым[239].

Ссылка на рукопись есть у Н. И. Серебрянского[240].

22. ГИМ, Музейское собрание, № 4064. Сборник религиозного содержания.

Рукопись в 4°, на 547 листах (I+545+I). Переплет (доски в коже) сохранился удовлетворительно, цела одна застежка.

Водяные знаки рукописи: герб Семи провинций и литеры HD на другой половине листа; С. А. Клепиков датирует герб г. Амстердама с такими литерами 1709 г. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1063). Гербовый щит с литерой H под ним и литеры LT на другой половине листа. Щит напоминает знак № 1738, приведенный К. Тромониным,—1718 г. Рукопись должна быть датирована вторым десятилетием XVIII в.

Рукопись написана одним почерком полууставом начала XVIII в.

На внутренней стороне верхней крышки переплета запись карандашом: «Тверск. музея. С 6 (?) ру[б.] серебром». На л. I запись чернилами: «Сия книга куплена у тверскаго купца Арсения Михайловича (фамилия стерта.— *В. К.*) 1859 года марта 23 дня». На внутренней стороне нижней крышки переплета запись чернилами от 2 октября 1858 г. о том, что «отелилась коровушка».

Состав рукописи: лл. 1—416 об.— сочинения Иоанна Златоуста; лл. 418—462 об.— житие и чудеса Арсения, епископа Тверского; лл. 463—480 об.— похвальное слово Арсению Тверскому; лл. 481—482— молитва Арсению Тверскому; лл. 485—513— житие князя Михаила Ярославича; лл. 513—521 об.— статья об обретении мощей Михаила Тверского и о чудесах у его гроба; лл. 521 об.—525— похвала Михаилу Ярославичу; лл. 525 об.—530— слово о переложении мощей князя Михаила Ярославича; лл. 531—545— рассказ о чуде в Эдесе Гурия, Самона и Авива[241].

23. ГБЛ, ф. 310 (собрание В. М. Ундольского), № 1209. Службы и житие Михаила Ярославича Тверского.

---

238 *И. Ф. Голубев.* Собрания рукописных книг г. Калинина.— ТОДРЛ, т. XI. М.— Л., 1955, стр. 441.

239 *В. Колосов.* Житие и страдания святого благоверного и великого князя Михаила Ярославича Тверского.— «Тверские епархиальные ведомости», 1899, № 2—4, часть неофициальная.

240 *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., прилож., стр. 186.

241 Список обнаружен В. И. Корецким.

Рукопись в 4°, на 74 листах (по нумерации — 75, но л. 1 утерян, и рукопись начинается с л. 2). Переплет картонный, позднейший.

Водяные знаки рукописи: герб Семи провинций и литеры HD на другой половине листа, С. А. Клепиков датирует герб г. Амстердама с такими литерами 1709 г. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1063); герб г. Амстердама с литерами FP (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 158—1719 г.); тот же герб с литерами IM на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 140—1635—1742 гг.); Pro patria с литерами *A*I (курсив); С. А. Клепиков относит бытование этих литер к 1682—1732 гг. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 892—894).

Рукопись может быть датирована вторым десятилетием XVIII в.

По нижнему полю лл. 5—7 запись: «Сию (повторено дважды.— *В. К.*) книгу записал»; по нижнему полю лл. 18 об.—21: «Сия книга воевоцкаго брата Федора Петрова сына Першинова» (последние четыре буквы неясны).

Состав рукописи: лл. 2—17 об.— службы князю Михаилу Ярославичу (без начала); лл. 18—63— житие князя Михаила Ярославича; лл. 63—68— похвала Михаилу Тверскому; лл. 68—75 об.— слово о переложении мощей князя Михаила.

Список жития использован в научной литературе[242].

24. ГАКО, рукописная коллекция, № 1299. Службы и жития Михаила и Арсения Тверских.

Рукопись в 4°, на 197 листах, без начала и конца. Переплет утрачен.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры MI на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1251—1719 г.); тот же герб и литеры GH на другой половине листа, знак датировать не удалось.

Рукопись написана двумя почерками полууставом конца XVII — начала XVIII в. Первый почерк — лл. 1—91, второй — лл. 93—197 об.

По нижнему полю лл. 4—120 запись: «Книга службы и жития благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго и светителя[243] великаго Арсения Тверскаго ж. А положена сия книга у Андрея Артемъевича Милюкова в построенную святою церковъ Троицы живоначальныя в селѣ Маковищахъ в Нотоцкомъ уѣзде в Бѣжецкои пѣтины в Тверскои половины. А подписалъ сию книгу тое жъ церкви попъ Леонтеи Савинъ в лѣто от

---

[242] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 354, прим. 1; *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372. Н. И. Серебрянский издал по этому списку «Плач княгини Анны» (*Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., прилож., стр. 159).

[243] *Так в рукописи.*

рожества Христова 1712-го году ноября въ день». Очевидно, рукопись была написана около 1712 г.

На л. 20 запись: «Служба благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича Тферскаго чюдотворца. Лѣта 7226 от рожества же по[244] плоти бога слова 1718 генваря в...». Далее недописано. На л. 121 запись: «Сия книга выставки Маковища церкви живоначалныя Троицы церковная». На л. 121—121 об.— повторяющиеся записи, сделанные разными почерками и разными чернилами: «мѣсяца марта 2 день. Преставленя, иже во святыхъ, отца нашаго Арсеня епископа Тферскяго чюдотворца». Подобная, но более безграмотная надпись сделана на л. 92 об. На лл. 20, 21, 92 об., 120 об., 121, 121 об., 122— пробы пера, сделанные разными чернилами и почерками.

Состав рукописи: лл. 1—19 об.— службы князю Михаилу Ярославичу (без начала); лл. 23—75— житие Михаила Ярославича; лл. 75—81 об.— похвала князю Михаилу; лл. 82—91— слово о переложении мощей Михаила Тверского; лл. 93—119 об.— службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 123—197 об.— житие и чудеса Арсения (без конца).

25. ГПБ, собрание П. П. Вяземского, Q. 175. Сборник житий святых.

Рукопись описана[245]. В описание следует внести несколько дополнений и уточнений.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры LG на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 170—1720 г.); тот же герб и литеры VL на другой половине листа, знак датировать не удалось. Возможно, вся рукопись написана в 1719 г., как свидетельствует запись от 12 ноября 1719 г. на л. 36 об.[246]

Пометы на поле л. 86 против статьи об обретении мощей князя Михаила Ярославича: «Сие довлело выше» и на л. 93 об.: «Здѣ довлѣетъ слово на пренесение мощемъ чюдотворца Михаила Ярославича Тверскаго», сделанные тем же почерком и теми же чернилами, какими написаны указанные статьи, показывают, что в протографе данного списка вначале шла статья об обретении мощей, а затем слово на перенессние мощей. В рукописи порядок обратный.

Житие Михаила Ярославича помещено на лл. 53—78. В тексте жития заголовками выделены только чудеса, других заголовков нет.

Список отмечен у Н. П. Барсукова[247].

26. Киев, ЦНБ АН УССР, отд. рук., Неж. № 23. Сборник религиозного содержания.

---

[244] *Так в рукописи.*

[245] «Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского».— ОЛДП, вып. CLXXV. СПб., 1902, стр. 340—342.

[246] Там же, стр. 340—341.

[247] *Н. П. Барсуков.* Указ. соч., стлб. 372.

Рукопись подробно описана М. Н. Сперанским [248]. В описании не указано, что последняя тетрадь (лл. 154—161) механически приплетена к основному сборнику.

Последний написан на бумаге с водяными знаками: шут с 7 бубенцами и литеры IB на другой половине листа; С. А. Клепиков датирует такой знак 1720 г. (С. А. Клепиков. «Голова шута», № 113); герб г. Амстердама и как будто литеры RDTI на другой половине листа, герб г. Амстердама и плохо различимый знак (?) на другой половине листа; эти филиграни датировать не удалось. Рукопись относится, скорее всего, к третьему десятилетию XVIII в.

Житие Михаила Ярославича Тверского помещено на лл. 36—106 об. Далее идут статья об обретении его мощей и чудесах у его гроба (лл. 107—128), похвала (лл. 129—138 об.) и слово о переложении мощей (лл. 139—152).

27. ГАКО, рукописная коллекция, № 549. Сборник религиозного содержания [249].

Рукопись в 4°, на 341 листе, лист 254 пронумерован дважды, многие листы перепутаны. Переплет (доски, обтянутые кожей) сохранился хорошо, но обе застежки оторваны.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры F DUMAS на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 67 — 1722—1724 гг.); тот же герб с литерами AC на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Герб г. Амстердама», № 5 — 1711—1718 гг.); тот же герб и литеры МС на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1241 — 1719—1721 гг.). Вся рукопись датируется, видимо, началом 20-х годов XVIII в.

Рукопись написана разными почерками полууставом и скорописью XVIII в.

Состав рукописи: лл. 1—124 — страсти Христовы; лл. 124 об.—125 об. — сказание о ризе Иисуса Христа и о перенесении ее в Москву; лл. 126—145 об. — службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 146—166 — службы на перенесение мощей епископа Арсения; лл. 167—231 об. — житие и чудеса Арсения, епископа Тверского; лл. 231 об.—255 — похвальное слово Арсению Тверскому; л. 255 об. — молитва Арсению (без конца); лл. 258—262 об. — похвала князю Михаилу Ярославичу, начало статьи на л. 334 об.; лл. 263—291 — службы Михаилу Ярославичу; лл. 294—334 об. — житие Михаила Тверского; лл. 335—340 об. — слово о переложении мощей князя Михаила Ярославича, начало статьи на л. 257—257 об.

---

[248] *М. Н. Сперанский*. Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине. М., 1900, № 23, стр. 49—50.

[249] Кратко описан в статье И. Ф. Голубева «Собрания рукописных книг г. Калинина», стр. 443, № 6.

28. ГБЛ, ф. 209 (собрание А. Н. Овчинникова), № 305. Службы и жития тверских святых князя Михаила Ярославича и епископа Арсения.

Рукопись в 4°, на 249 листах, лист 23 пронумерован дважды. Переплет (доски, обтянутые кожей) сохранился плохо, застежек нет.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама и литеры IV на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 1176 — 1682—1721 гг.); тот же герб и литера В на другой половине листа (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 917 — 1717—1721 гг.). По водяным знакам рукопись датируется 1717—1721 гг. Упоминание в тексте Петра I с титулом император (л. 238 об.) позволяет датировать рукопись началом 20-х годов XVIII в.

Она написана различными почерками полууставом первой четверти XVIII в.

На внутренней стороне верхней крышки переплета карандашная запись: «М. П. Востряков. 10 к. (?). $18\frac{18}{V}95$. № 570». На л. 248 об. запись скорописью XVIII в.: «Съ того времени, какъ обретены мощи с[вятого] благовернаго князя Михаила въ 1633-ем году по 785 год 152 года. Землею были покровены мощи 314 лѣт. Всего от убиения его 466 лѣт [до] 1785-го года, т. е. в лѣто от рождества Христова 1319, а от мира бытия 6827-е лѣто. Святителя Арсения обретены святыя мощи...». Далее недописано.

Состав рукописи: лл. 1—23 об.— службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 24—47— службы на перенесение мощей Арсения Тверского; лл. 48—114 об.— житие и чудеса Арсения Тверского; лл. 115—141 об.— похвальное слово Арсению; лл. 141 об.— 143 об.— молитва Арсению Тверскому; лл. 144—169 об.— службы князю Михаилу Ярославичу; лл. 170—219— житие Михаила Ярославича; лл. 219—224 об.— похвала Михаилу; лл. 225—237 об.— статья об обретении мощей Михаила Ярославича и о чудесах у его гроба; лл. 238—239— молитва князю Михаилу. Молитва Михаилу— новая статья в сборнике. Приводим ее полное описание. Киноварный заголовок: «Молитва святому благовѣрному великому князю Михаилу Ярославичу Тферскому чудотворцу». Начало: «О великии страдалче и угодъниче Христовъ, святыи великии благовѣрныи княже Михаиле...» (л. 238), конец: «...яко подобает ему всякая слава, честь и поклонение отцу и сыну и святому духу в безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь» (л. 239). В тексте утверждается, что Михаил «приялъ... неправедное убийство от нечестиваго и злобожнаго воеводы Колтоги» и упоминается император Петр Первый (л. 238 об.); лл. 240—248— слово о переложении мощей Михаила Ярославича [250].

---

[250] Список указан Л. В. Тигановой.

29. ГАКО, рукописная коллекция, № 1307. Сборник смешанного состава.

Рукопись в 4°, на 345 листах. Переплет (доски в коже) в удовлетворительном состоянии. Застежки оторваны.

Водяные знаки рукописи: герб г. Амстердама; тот же герб с литерами IDC; литеры FAIT AMAIOLASI. Эти знаки определить не удалось.

Рукопись датируется, очевидно, 1732 г., как это определяет архим. Платон (см. ниже запись на л. 2 об.).

Рукопись написана двумя почерками полууставом XVIII в. Лл. 196—204, 207—211, 322—327, 330—345— чистые.

На л. 1 запись почерком XVIII в.: «Сия книга пошла в Тверское ключаре...» (далее неразборчиво). На л. 1 об. карандашная помета: «Желтиков монастырь». На л. 2 об.— заметка от 25 ноября 1851 г. архимандрита Платона[251] о том, что рукопись была написана в 1732 г. Дату Платон определяет, восстанавливая владельческую запись по нижнему полю лл. 9—50. Теперь эта запись совершенно смыта и разобрать ее невозможно. Читается только: «Сия книга тверитена купецкаго человека...» (лл. 9—13). На л. 277 об. исчисление лет от 1271 г. по 1758 г. На л. 332 об. помета, сделанная, очевидно, рукой архим. Платона: «Сие житие Желтикова монастыря святаго чудотворца Арсения архимандричная монастырская, а кто...». На л. 345 об. запись почерком XVIII в.: «Сие житие глаголемая[252] Желтикова монастыря архимандричья». Подобные записи, сделанные позднее, есть на внутренней стороне нижней крышки переплета.

Состав рукописи: л. 3— оглавление, лл. 4—7— слово о церковной службе; лл. 7 об.—8 об.— слово Иоанна Златоуста о чтении святых книг; лл. 9—35— службы Арсению, епископу Тверскому; лл. 35—60— службы на перенесение мощей Арсения; лл. 60 об.—142 об.— житие и чудеса Арсения, епископа Тверского; последняя статья жития посвящена перенесению мощей Арсения из Успенской церкви в надвратную церковь Алексея человека божия Желтикова монастыря в 1713 г.; лл. 142 об.—174 об.— похвальное слово Арсению Тверскому; лл. 175—176— статья о чуде у гроба Арсения в 1647 г.; лл. 176—185 об.— житие Григория, папы Римского; лл. 186—195 об.— повесть о посаднике Щиле; лл. 205—206 об.— молитва Арсению, епископу Тверскому; лл. 212—244 об.— службы Михаилу Тверскому; лл. 245—292— житие князя Михаила Ярославича; лл. 292—298 об.— похвала Михаилу Ярославичу; лл. 298 об.—307 об.— слово о переложении мощей князя Михаила; лл. 307 об.—321 об.— статья об обретении мощей Михаила Тверского и о чудесах у его гроба;

[251] Платон был архимандритом Желтикова монастыря в 1848 — 1866 гг. (*П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви, стлб. 458).

[252] *Так в рукописи.*

лл. 328—329 об.— молитва Михаилу Тверскому; молитва кончается таким послесловием: «Святыи благовѣрныи и вели[кии] князь Михаилъ Ярославичь Тферскии убиенъ бысть от ординскаго воеводы по имени Колтоги в лѣто 6827-мъ году мѣсяца ноемврия въ 22 день».

30. ГБЛ, ф. 194 (собрание А. И. Невоструева), № 13. Житие Михаила Ярославича Тверского.

Рукопись в 4^с^, на 69 листах. Переплет (картон в коже) в хорошем состоянии.

Водяной знак рукописи: герб г. Ярославля и буквы ЯМАЗ (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 749—1756, 1765 гг.).

Рукопись написана одним почерком полууставом середины XVIII в.

Состав рукописи: лл. 1—43— житие князя Михаила Ярославича; лл. 43—56— статья об обретении мощей князя Михаила Ярославича и о чудесах у его гроба; лл. 56 об.—62— похвала Михаилу Тверскому; лл. 62—69 об.— слово о переложении мощей князя Михаила.

31. БАН, основное собрание, 19.2.7. Сборник житий, сказаний и слов.

Рукопись в 4°, на 200 листах, лл. 1 и 200 вклеены в рукопись позднее, л. 200 не пронумерован. Переплет — доски, обтянутые тисненой позолоченой кожей.

Водяные знаки рукописи: Pro patria с литерами АГ и большой монограммой, датируется 1762 г.[253]; тот же знак с малой монограммой, который датируется 1762—1763 гг.[254], другая датировка — 1775—1778 гг.[255]; литеры ФК и ПР (в картуше), датируются 1761—1762 гг.[256]; герб Ярославской мануфактуры и литеры ЯМАЗ — 1761—1763 гг.[257] Надо полагать, что рукопись написана в 1762 г.

На внутренней стороне верхней крышки переплета карандашная запись о приобретении рукописи от проф. А. С. Архангельского в 1915 г. На л. 1 запись почерком XIX в.: «Всехъ написано листовъ...» Число листов стерто.

Состав рукописи: л. 1—1 об.— оглавление рукописи, написанное карандашом проф. А. С. Архангельским, как сказано в современном рукописном описании сборника; лл. 2—28 об.— житие Михаила Ярославича Тверского; лл. 28 об.— 36 об.— статья об обретении мощей князя Михаила и о чудесах у его гроба (без

---

[253] *М. В. Кукушкина.* Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX века, № 58.— «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II. М.— Л., 1958.

[254] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели бумаг русского производства XVIII—XIX веков, № 7.—«Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей», вып. 13. М., 1952.

[255] *М. В. Кукушкина.* Указ. соч., № 61.

[256] Там же, № 334.

[257] Там же, № 93.

конца); лл. 36 об.—41 — слово о переложении мощей Михаила Ярославича; лл. 41—43 — похвальное слово Михаилу Тверскому; лл. 44—51 об.— статья о взятии Цареграда (выписка из Хронографа); лл. 51 об.—55 — сказание Ивана Пересветова о салтане Магмете, как хотел сжечь греческие книги (выписка из Хронографа); л. 55—заметка, написанная в 1757 г., о голоде в г. Елабуге в царствование Бориса Годунова («в ево же царство купили хлѣбъ 20 по 6 рублевъ четве[р]ть, а мѣры окованые были») и в 1737 г.; л. 55 об.— о празднике Преображения; лл. 56—57 об.— устав о церковных праздниках; лл. 61—62 об.— отрывок из сочинений Кирилла Иерусалимского; лл. 63—161 об.— выписки из Четий Миней Дмитрия Ростовского; лл. 162—167— выписка из Маргарита; лл. 167—189 об.— выписки из Четий Миней Дмитрия Ростовского; лл. 189 об.—191— статья о смертном житии человеческом; лл. 191—199 об.— выписки из сочинений Иоанна Златоуста.

32. ГИМ, Музейское собрание, № 2051. Житие Михаила Ярославича Тверского.

Рукопись в 4°, на 76 листах. Переплет картонный.

На л. 74 об. запись тем же почерком и теми чернилами, какими написана вся рукопись: «Святыи благовѣрныи и великии князь Михаилъ Ярославичь Тферскии убиенъ бысть от ординскаго воеводы по имени Колтоги в лѣто 6807 году мѣсяца ноемъврия въ (написано дважды.—*В. К.*) 22 день. Конецъ». На том же листе другим почерком и другими чернилами помета: «465 лѣтъ по 765 год». На л. 75 запись тем же почерком, что и помета на л. 74 об.: «Сия копия списанное жития благовернаго князя Михаила Ярославича Тверскаго дому тверскаго преосвященнаго стряпчего Михаила Васильева сына Кашинцова. 1764 год. Переплетена». Приведенная дата указывает, видимо, и на год написания рукописи. Этому не противоречит и водяной знак: Pro patria с литерами ГУБР, датируемый 1754—1780 гг. (С. А. Клепиков. «Филиграни...», № 213, 214 и 221). На л. 76 об.— пробы пера, сделанные различными почерками и чернилами. По нижнему срезу рукописи запись: «Благоверному князю».

Рукопись написана одним почерком полууставом второй половины XVIII в.

Состав рукописи: лл. 2—43 об.— житие князя Михаила Ярославича; лл. 43 об.—49— похвала князю Михаилу; лл. 49 об.—56— слово о переложении мощей Михаила Тверского; лл. 57—72 об.— статья об обретении мощей Михаила Ярославича и о чудесах у его гроба; лл. 73—74 об.— молитва князю Михаилу, в которой упоминаются императрица Екатерина Алексеевна и наследник цесаревич Павел Петрович.

Кроме указанных 32 списков есть еще два списка данной редакции, известные по описаниям.

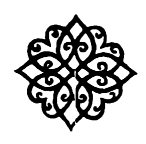
33. А. А. Титов описал рукопись XVII в., содержавшую службы и жития Михаила и Арсения Тверских. Житие Михаила Яро-

славича помещено на лл. 258—313. Это вторая редакция 50-х годов XVII в.[258]

34. Э. И. Валлич указала на рукопись БАН, собрание Ф. М. Плюшкина, № 106, содержащую службы и жития Арсения и Михаила Тверских.

Житие Михаила Ярославича занимает лл. 104—199 об.

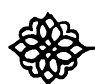
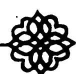
Кроме перечисленных списков различных редакций Повести о Михаиле Тверском следует указать еще на два списка памятника, очень кратко описанных А. Е. Викторовым[259]. К сожалению, лапидарное описание не позволяет установить, к каким редакциям относятся оба списка.

---

[258] *А. А. Титов.* Описание рукописей Ростовского музея церковных древностей, вып. 2. Ярославль, 1886, № 26, стр. 50—51.

[259] *А. Е. Викторов.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 91, № 125, XVII в.; стр. 306, № 13, XVIII в.

Глава II

ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В СОСТАВЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ XV — XVI вв.

Археографические традиции Повести ясно указывают на существование двух типов памятников, где встречается рассказ о Михаиле Тверском. С одной стороны, это летописные своды, с другой — сборники различных повестей, сказаний, житий и пр. К сборникам примыкают и отдельные списки Повести.

В летописях повествование о гибели тверского князя включалось в текст, где в хронологической последовательности излагались события русской истории. Переделки Повести были связаны здесь с обработками сводов в целом. Как увидим ниже, обычно с составлением нового летописного свода появлялся и новый вариант рассказа о Михаиле. В сборниках такой тесной зависимости Повести от других статей, за редкими исключениями, не наблюдается. Поэтому в сборниках разных типов можно встретить одну и ту же редакцию Повести, и наоборот, в сборниках определенного типа — совершенно различные редакции памятника. Очевидно, что пути развития Повести в сборниках отличались от закономерностей ее развития в летописных сводах, хотя и те и другие редакции были связаны между собой. Отсюда вытекает необходимость в отдельном анализе редакций сводов и редакций сборников, что, конечно, не отрицает, а наоборот, помогает установить точки соприкосновения двух линий развития произведения о Михаиле Тверском.

Исследование сохранившихся текстов Повести следует начать с характеристики летописных редакций памятника. Последние изучены в значительно меньшей степени, чем редакции Повести в сборниках. Между тем летописные редакции оказываются старше почти всех редакций сборников. Больше того, в основу некоторых редакций сборников были положены летописные материалы. Поэтому анализ тех редакций памятника, которые имеются в сборниках, следует провести после рассмотрения летописных сводов, содержащих рассказ о Михаиле.

Ознакомление со сводами XIV—XVI вв. показывает, что в ранних нетверских сводах XIV — начала XV в. Повести нет. Это прежде всего Синодальный список Новгородской I летописи

старшего извода[1] и Троицкая летопись, известная по выпискам Н. М. Карамзина[2]. Нет Повести и в более поздних летописных сводах, имеющих заметную местную окраску: псковских[3], некоторых новгородских[4] и ростовских[5]. Отсутствие Повести в этих летописях объясняется политическими соображениями их составителей, отражавших в сводах интересы своих феодальных центров, а потому излагавших события русской истории с местных точек зрения[6].

Рассказ о гибели Михаила Тверского помещен в Софийской I летописи и в летописях, связанных с ней по происхождению, а также в тверских летописных сводах, остатки которых обнаруживаются в общерусских сводах XV—XVI вв. Имеются, следовательно, две ветви русского летописания, где сохранилась Повесть. Первая представлена Софийской I и близкими к ней летописями. Эта ветвь может быть названа митрополичье-московской или просто московской, поскольку в ее основании лежало митрополичье летописание, ведшееся, как полагают, в Москве. Вторая ветвь — тверская.

Необходимо выяснить, как перерабатывалась Повесть в составе сводов той и другой ветви, когда появлялись новые переделки, установить идейную направленность каждого нового варианта рассказа о Михаиле и общую идейную эволюцию Повести в летописях, выделить древнейшие летописные редакции памятника в обеих ветвях и определить, связаны ли они генетически. При этом нельзя упускать из виду того, что Повесть в летописных сводах, как уже отмечалось выше, является неотъемлемой частью летописного текста и что ее переработка связана с переработкой всей летописи. Последнее помогает глубже понять и оценить характер редакционных изменений в тексте Повести на том или ином этапе летописной работы и в то же время, исходя из частных наблюдений над текстом Повести, вносить отдельные коррективы в общие представления о своде, в котором Повесть находится.

Редакции Повести о Михаиле Тверском в московской летописной традиции наиболее многочисленны и стоят ближе к первоисточнику. В ряде случаев именно они легли в основу отдельных редакций памятника, включенных в сборники. Как наиболее

---

[1] НПЛ, стр. 15—100.

[2] *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

[3] «Псковские летописи», вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955.

[4] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2. Пг., 1915; «Новгородские летописи». СПб., 1879.

[5] ПСРЛ, т. I, вып. 3, изд. 2. Л., 1928; *А. Н. Насонов.* Летописный свод XV века (по двум спискам).—«Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955.

[6] На материале московского летописания XIV в. это убедительно показано И. У. Будовницем (*И. У. Будовниц.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века.—ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956).

важные, московские летописные редакции должны быть изучены прежде всего. Рассматриваются они в порядке старшинства. Последовательность определяется как анализом самих редакций, так и принципиальной схемой русского летописания XV—XVI вв., установленной А. А. Шахматовым и подтвержденной и уточненной последующими исследователями русского летописания.

1. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В СОСТАВЕ СОФИЙСКОЙ I ЛЕТОПИСИ

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского в Софийской I летописи была опубликована в 1851 г.[7] по спискам Толстовскому[8] (был принят за основной), Оболенского[9], Карамзина[10], Бальзеровскому[11], Воронцовскому[12] и Царского[13].

Сравнение издания с рукописями показывает, что оно было не вполне строгим и точным. Списки О и К, представляющие старший извод Софийской I летописи, были использованы лишь в вариантах, да и то в вариантах отразились далеко не все особенности их текстов.

Списки О, К, Б, Т, В и Ц Софийской I летописи, просмотренные de visu, дают достаточно четкое представление о редакции Повести в этой летописи. Все же для более полного анализа полезно привлечь еще два летописных текста, где сохранилась та же редакция памятника[14].

---

[7] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 207—215.

[8] ГПБ, F. IV. 211, лл. 189—199. Далее список обозначается буквой Т.

[9] ЦГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 2, № 3, лл. 324—340 об. Список обозначается буквой О.

[10] ГПБ, Q. IV. 298, лл. 393, об.—411 (старой пагинации). Список обозначается буквой К.

[11] ЛОИИ, к. 115, № 23, лл. 222 об.— 232. После л. 223 пропущен лист (ПСРЛ, т. V, стр. 209, прим. 1 и 2). Частично поврежден л. 224: почти не читается текст после слов «еже и бысть» (л. 224) до слов «избиени будуть» (л. 224 об.). Список обозначается буквой Б. Ссылки на него даются в тексте.

[12] БАН, 34.2.31, лл. 325 об.— 339 об. Список обозначается буквой В.

[13] ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 248 (231), лл. 166—176. Список обозначается буквой Ц.

[14] 1) ГБЛ, ф. 178 (Музейное собрание), № 3841, лл. 226 об.— 236 об. После л. 226 об. нет одного листа (текста от слов «великыя княгини Оксинии» до слов «не пощадѣти начароду»), а после л. 232 об.—двух листов (текст от слов «богови и глаголя; во дне же всегда» до слов «възверзи на господа печаль свою»; ср. ПСРЛ, т. V, стр. 207—208 и 212—213). Список описан в издании «Правда Русская», т. I. М.—Л., 1940, стр. 367. Условное обозначение — БЛ II. 2) ГБЛ, ф. 178 (Муз. собр.), № 5710, лл. 234 об.—245 об. по пагинации, современной списку. Летописный свод, кончающийся записью о Полтавской победе 1709 г., кратко описан А. Н. Насоновым в статье «Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы)» («Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 284). Данные об этом же своде приводятся в статье А. А. Зимина «Новые списки Русской Правды» («Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 323). Условное обозначение — БЛ III.

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского в Софийской I летописи помещена под 6827 г. и имеет заголовок: «Убиение князя великого Михаила Ярославичя Тфѣрьского в Ордѣ от цесаря Озбяка»[15]. Текст Повести не разделяется на части заголовками или указанием на годы, рассказ о событиях, происходивших в течение почти полувека, оформлен в виде одной погодной летописной статьи.

Изучение Повести по различным спискам Софийской I летописи показывает, что текст памятника в списках О и К передан более полно и исправно, чем в остальных. Так, в списках О, К современником Михаила, его матери Ксении и Юрия Московского, после смерти великого князя Владимирского Андрея Александровича поддержавшим тверского князя в его борьбе с Юрием за великокняжеский стол, правильно назван митрополит Максим. Остальные списки на место Максима ставят митрополита Петра (стр. 207, вар. і и стр. 208, вар. а)[16].

Только в списках О, К встречается фраза «и написаша многа лжесвѣдѣтельства на блаженаго великого князя Михаила» (стр. 209). Об этих лжесвидетельствах, очевидно обвинительных грамотах, составленных против Михаила по приказу Кавгадыя русскими князьями и боярами, политическими противниками Твери, и отправленных в Орду, говорится во всех списках этой редакции Повести при описании первого суда над Михаилом (стр. 210). После слов «положити душю свою за свое отчество» только в О, К читается: «и избави насъ множество своею кровию отъ многоразличныхъ бѣдъ» (стр. 210, вар. д). Во фразе «аже будеть ему на кого гнѣвъ, хотя и на своего племянника», заключительная часть в О, К звучит иначе: «хотя и отъ своего племени» (стр. 212, вар. і). В помещенном в Повести диалоге между Кавгадыем и сторожами князя Михаила только в О, К есть фраза «они же рѣкоша», указывающая, что Кавгадыю отвечали сторожа (стр. 212, вар. к). Вместо фразы «не можаху донести ракы къ церкви» в О, К читается «не можаху донести ракы къ церкви тѣсноты ради народа» (стр. 215, вар. г). Вместо «положиша въ церкви святаго Спаса», в О, К— «положиша и въ церкви святаго Спаса въ гробѣ» (стр. 215, вар. д).

---

[15] В списке О Софийской I летописи заголовок отсутствует, но для него оставлено место (ЦГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 2, № 3, л. 324). Заголовок приводится по спискам К (ГПБ, Q. IV. 298, л. 393 об.) и Т (ГПБ, F. IV. 211, л. 189). В печатном издании заголовок передан не вполне точно (ПСРЛ, т. V, стр. 207).

[16] А. А. Шахматов, характеризуя разницу между старшим и младшим изводами Софийской I летописи, писал, что в Софийской I летописи младшего извода в статье 6827 г. «митрополит Максим правильно (опечатка? — *В. К.*) заменен Петром» (*А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 220). Но Петр был поставлен на русскую митрополию после того, как Михаил Тверской занял великокняжеский стол.

Важной особенностью списков О, К является постоянное титулование Михаила великим князем [17]. Более точно в этих списках определено время смерти Кавгадыя: «не пробывъ убо ни до полулѣта» (О, л. 338 об.; К, л. 409) вместо «ни единого лѣта», как в списках младшего извода (Б, л. 230 об.; Т, л. 198; В, л. 338; Ц, л. 175; БЛ II, л. 234 об.; БЛ III, л. 244 об.). Две последние характерные черты списков О, К не отражены в первом издании Софийской I летописи.

Кроме приведенных разночтений, можно указать ряд других, менее значительных, отличающих списки О, К от других списков Софийской I летописи (см. стр. 208, вар. г, д, е; стр. 209, вар. а, в. е, к, м, о; стр. 210, вар. ж, з; стр. 211, вар. г, з; стр. 212, вар. е, л. м; стр. 213, вар. е; стр. 214, вар. д, з).

Как известно, списки О и К представляют собой первую, старшую редакцию Софийской I летописи, а списки Б, Т и В — вторую, младшую редакцию этой же летописи, несколько сократившую первую и дополнившую ее по московской летописи 1456 г.[18] Анализ Повести как отдельной летописной статьи в составе перечисленных списков Софийской I летописи вполне подтверждает общий вывод о некотором сокращении текста в Софийской I летописи младшего извода по сравнению со старшим изводом. Вместе с тем становится очевидным, что более древний текст Повести сохранился в списках О, К.

Однако целый ряд мест Повести, читающихся как в обоих списках Софийской I летописи старшего извода, так и в Софийской I летописи младшего извода и производных от них сводов, показывает, что текст памятника подвергался правке или имел ошибочные чтения уже в протографе этих летописей. Прежде всего следует указать на некоторые фактические неточности. Во всех списках Михаил Ярославич назван внуком Всеволода Юрьевича (О, л. 324; К, л. 394; Б, л. 221 об.; Т, л. 188—188 об.; В, л. 325 об.; Ц, л. 166; БЛ II, л. 226 об.; БЛ III, л. 234 об., ПСРЛ, т. V, стр. 207). На самом же деле Всеволод Большое Гнездо приходился прадедом, а не дедом Михаилу. Имя Всеволода Юрьевича вставлено в текст Повести ошибочно вместо имени Ярослава Всеволодовича [19], настоящего деда тверского князя. Об ошибке свидетельствует дальнейший текст Софийской I летописи, где о деде Михаила говорится, что «кончавшуся ему нужною смертью в Ордѣ за крестьяны» (О, л. 324; во всех

---

[17] ЦГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 2, № 3, лл. 324, 325, 325 об., 326 об.— 328 об., 330 об., 331, 332, 334, 334 об., 336 об., 337 об., 338, 339 об.; ГПБ, Q. IV. 298, лл. 394, 395—396, 397, 397 об., 398 об., 400 об., 401, 402, 404, 405 об., 407, 408, 408 об., 410 об.

[18] *А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 208, 217—220, 366—367.

[19] Возможно, что в протографе стояло «Всеволодичя», как в списках основном и П Пространной редакции Повести. «Всеволодич» (разумеется Ярослав Всеволодович) при позднейшем осмыслении превратился во Всеволода.

остальных списках есть эта же фраза, но правописание отдельных слов иное—К, л. 394; Т, л. 188 об.; Б, л. 221 об.; В, л. 325 об.; Ц, л. 166; БЛ II, л. 226 об.; БЛ III, л. 234 об.). Насильственной смертью от татаро-монгол погиб не Всеволод Юрьевич, а Ярослав Всеволодович, который был отравлен в ставке великого хана Гуюка в Каракоруме[20].

Повесть в составе Софийских и производных летописных сводов сообщает, что Михаил в предсмертной беседе со своим сыном Константином «приказывааше къ княгини и къ сынома своима про отчину свою» (О, л. 335 об.; К, л. 406; Б, л. 228 об.; Т, л. 196; В, л. 335; Ц, л. 173). Двойственное число как будто показывает, что у Михаила кроме Константина было еще два сына. Между тем в Твери оставались не два, а три Михайловича: Дмитрий, Александр и Василий, о которых Повесть в составе тех же летописей говорит далее (ПСРЛ, т. V, стр. 215). Следовательно, чтение «сынома своима» неточно[21].

Выше говорилось о том, что в списках О, К Михаил Тверской всегда назывался великим князем. К этому следует добавить, что так же постоянно великим князем титулуется и Юрий Московский — особенность, сохранившаяся во всех списках этой редакции. Чтения списков О, К — более старые по сравнению с другими списками, но их нельзя признать древнейшими. Постоянное титулование Михаила и Юрия великими князьями, без учета того, когда и кто из них действительно был великим князем Владимирским, черта, безусловно, поздняя. Иногда это приводит к явным несообразностям: «приде благовѣрныи великии князь Михаило в Русь, и посаженъ бысть на столѣ великаго княжения...» (О, л. 325; К, л. 395), татары «даша великое княжение великому князю Юрью Даниловичю...» (О, л. 326; К, л. 396).

Во всех списках редакции имеется следующая фраза: Михаил при расставании с Дмитрием и Александром «пакы много учивъ *сына своего* всякои добродѣтели, веляше убо *ему* послѣдовати благимъ своимъ ндравомъ, и не могуще разлучитися на мнозѣ слезъ *ихъ*, и едва разлучистася; отпусти *ихъ* в свое отечество, давъ *имъ* рядъ, написавъ грамоту, раздѣливъ *имъ* вотчину свою, ти тако отпусти *я*»[22] (О, л. 330; К, л. 400; Б, лл. 224 об.—225; Т, лл. 192 об.—193; В, л. 330; Ц, л. 169 об.; БЛ II, л. 230; БЛ III, л. 238—238 об.). Нарушение согласования бросается в глаза. Ошибка объясняется тем, что первоначальная форма «сына» (вин. пад. дв. чис. под влиянием склонения на —о, —jo) была

---

[20] *П. Карпини.* История монголов. СПб., 1911, стр. 57; «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стр. 536, под 6758 г.: «Ярослава великого князя Суждальского зелиемъ умориша»; *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 31—32.

[21] Только в БЛ III правильно стоит «к сынам своимъ» (л. 242 об.), но это уже позднейшая замена двойственного числа множественным.

[22] В цитатах из памятников здесь и далее курсив автора.

принята за вин. пад. ед. чис.[23] Следовательно, чтение протографа Повести в составе Софийских и близких к ним летописей является поздним.

Приведенные примеры показывают, что текст Повести в Софийской I летописи подвергся некоторой обработке: вставки титула «великий» по отношению к князьям Михаилу и Юрию. Кроме того, имеются небольшие искажения текста. Отсюда можно заключить, что редакция Повести в Софийской I летописи не является первоначальной.

Обращает на себя внимание титул митрополита Максима в Повести по Софийской I летописи. Максим назван митрополитом «Киевским и всея Руси». Но впервые так титулуется в летописи митрополит Киприан при описании его неудачной поездки в Новгород зимой 1391 г.[24] Начиная с этого времени русские митрополиты вплоть до Ионы носили титул «Киевских и всея Руси»[25]. Иона в редких случаях в начале и в конце своей деятельности как главы русской церкви титуловался митрополитом «всея Руси»[26]. Постоянным оставался титул митрополит «Киевский и всея Руси»[27]. Но преемник Ионы Феодосий титулуется только

---

[23] Отмеченный случай типичен для склонения существительного «сынъ» (*А. А. Шахматов*. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 86).

[24] *М. Д. Приселков*. Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 438; ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 141; НПЛ, стр. 384. До Киприана русские митрополиты в русских источниках титуловались митрополитами «всея Руси» (РИБ, т. VI. СПб., 1908, стлб. 79, 85, 139 (митрополит Максим), 163, 167; *М. Д. Приселков*. Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 338, 352, 354, 358, 365, 373, 375, 381, 404; ДДГ, стр. 19, 25, 30). В документах Константинопольской патриархии русские митрополиты титулуются митрополитами «всея Руси» до 1347 г. (РИБ, т. VI, прилож., стлб. 11—12). С 1347 г. в связи с ликвидацией Галицкой и восстановлением единой русской митрополии в византийских источниках появляется титул «митрополит Киевский и всея Руси» (РИБ, т. VI, прилож., стлб. 13—14, 17—20 (грамота от 15 августа 1347 г., где титулы «Киевский и всея Руси» «и всея Руси» еще смешиваются), 21—22, 31—32, 35—38, 41—48, 51—54, 57—60, 63—64, 67—68, 71—74, 77—80, 85—86, 93—96, 101—104, 109—112, 115—122, 141—142, 149—150). В данном случае византийская практика расходилась с русской. Киприан первоначально также именовался митрополитом «всея Руси» (РИБ, т. VI, стлб. 173; ДДГ, стр. 29; АФЗ и X, т. 4. I. М., 1951, стр. 28, 179—180. Последняя грамота датируется 21 октября 1391 г.). В грамоте от 29 августа 1392 г., данной новгородскому архиепископу Иоанну, Киприан титулуется и митрополитом «Киевским и всея Руси» и просто «всея Руси» (РИБ, т. VI, стлб. 229, 230). В документах, датированных или точно датируемых временем после 1392 г., Киприан назван митрополитом «Киевским и всея Руси» (ДДГ, стр. 39, 40, 52; АФЗ и X, т. 4. I, стр. 23, упоминание).

[25] Фотий (АФЗ и X, т. 4. I, стр. 24, 56, 178, 186, 200; ДДГ, стр. 57, 60, 63, 65; РИБ, т. VI, стлб. 269, 277, 289, 296, 307, 315—316, 357, 361, 365, 375, 385, 391, 403, 419, 421, 427, 465, 475, 481, 487, 491, 497, 501—502, 528, 557, 645, 662, 668); Исидор (ДДГ, стр. 105).

[26] АФЗ и X, т. 4. I, стр. 123, 124, 129; ДДГ, стр. 155, 159; РИБ, т. VI стлб. 627, 628, 630, 631, 671, 683, 684, 687.

[27] АФЗ и X, т. 4. I, стр. 48, 49, 82, 92, 107, 108, 112, 117, 157, 158, 159, 170, 180—181, 200, 210, 236 242, 243, 248, 256; ДДГ, стр. 164, 166, 168, 171,

как митрополит «всея Руси», что было связано с разделением русской митрополии[28]. В Литву от константинопольского патриарха был поставлен униат митрополит Григорий[29]. Феодосий, как известно, такой санкции не получил. Последующие московские митрополиты носили титул «всея Руси»[30]. Следовательно, титул митрополит «Киевский и всея Руси» имел хождение на протяжении 70 лет: с 1391 по 1461 г. Наделение в Повести о Михаиле Тверском таким титулом митрополита Максима свидетельствует, что Повесть в том виде, в каком она читается теперь в Софийской I летописи, была написана или обработана в указанный отрезок времени.

Каков же источник Повести в названной летописи? Помещение Повести в Софийской I летописи под 6827 г. показывает, что составитель этой летописи придерживался сентябрьского летосчисления. Убийство Михаила, по самой Повести, произошло в среду 22 ноября, что приходится на 1318 г. Следовательно, Повесть о смерти Михаила могла читаться под 6826 г. мартовским или, как в данном случае, под 6827 г. сентябрьским. Но если следовать сентябрьскому летосчислению, то возвращение из Орды Юрия, приехавшего «на другое лето», следует датировать по крайней мере 1 сентября 1319 г. Похороны же Михаила в Твери состоялись 6 сентября этого года. Если даже не доверять свидетельству Повести о том, что тверичи, узнав о гибели Михаила, «многи дни неутѣшно» оплакивали смерть своего князя, усматривая в этом литературную гиперболу, то и тогда чрезвычайно короткий промежуток времени между приездом Юрия, который выдал тело Михаила, и похоронами Михаила в Твери оказывается по Повести перенасыщенным событиями. Тверичи вели длительные переговоры с Юрием о перевозе останков князя из Москвы в Тверь. Два раза отправлялось посольство к великому князю, причем второй раз в стольный Владимир, прежде чем Юрий согласился на просьбу. Тогда специальная миссия была послана в Москву, и гроб Михаила был, наконец, доставлен в Тверь. Ясно, что одни переезды посольств должны были занять гораздо больше времени, чем те пять дней, которые получаются между похоронами Михаила и приездом Юрия, если возвращение последнего датировать по сентябрьскому 6827 г. Противоречие устраняется, если принять за год смерти Михаила 6826 мартовский, как в некоторых других летописных редакциях Повести. Тогда возвращение Юрия следует датировать временем после

175, 178, 179, 182, 186, 189; РИБ, т. VI, стлб. 539, 543, 548, 555, 564—565, 567—569, 573, 579, 589, 591, 594, 599, 601, 603, 605, 611, 613, 615, 619, 625, 633, 634, 635, 639, 645, 657, 664, 673, 685, 686, 911.

[28] АФЗ и Х, т. 4. I, стр. 24, 97, 113, 114, 123, 125, 131, 141, 142, 159, 208, 247; ДДГ, стр. 193, 198, 199, 201, 204, 207, 209; РИБ, т. VI, стлб. 689, 693, 695, 697, 699, 703, 927.

[29] РИБ, т. VI, № 81, 83—87.

[30] Титулы Филиппа, Геронтия, Зосимы, Симона см. по указателям к ПСРЛ, т. XVIII; НПЛ; РИБ, т. VI; ДДГ; АФЗ и Х, ч. I.

28 февраля 1319 г., а все переговоры можно отнести ко времени между 1 марта и 6 сентября 1319 г. Из сказанного вытекает, что 6827 г., под которым Повесть читается в Софийской I летописи, поставлен ошибочно. Это след не вполне умелой компиляции.

Вопрос заключается в том, на каком этапе летописной работы была сделана эта компиляция. Попала ли Повесть впервые в свод при составлении Софийской I летописи или это произошло раньше, при составлении источников Софийской I? А. А. Шахматов считал, что Повесть имелась уже в источнике Софийской I — Новгородско-Софийском своде 1430-х годов[31]. Этот свод восстанавливается на основании общего материала Софийской I и Новгородской IV летописей. А. А. Шахматов возводил Повесть о смерти Михаила Тверского к своду 1430-х годов по аналогии с некоторыми другими большими летописными статьями, которые читаются теперь в Софийской I летописи. В Новгородской IV их нет, однако остались следы редакционной обработки, свидетельствующие, что такие статьи были в источнике Новгородской IV летописи — своде 1430-х годов. Аргументацию А. А. Шахматова можно дополнить. Правда, привлечение Новгородской IV летописи не решает вопроса о том, была ли Повесть в своде 1430-х годов. Хотя в Новгородской IV дважды очень коротко сообщается о смерти в Орде Михаила, что само по себе свидетельствует о соединении разных источников, но известия эти восходят к Ростовской летописи[32] и к Новгородской I летописи[33], которые были дополнительными источниками Новгородской IV[34]. Обращаясь к тексту самой Повести, находим, что Суздальская земля в ней названа Низовской[35] — термин, характерный для Великого Новгорода. Очевидно перед нами след редакционной правки По-

---

[31] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков.— ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 107—108; *он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 211, прим. 1 и стр. 212. Во всех работах А. А. Шахматова, изданных при его жизни, кроме статьи о летописях в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона и I тома «Повести временных лет», этот свод назван сводом 1448 г. Составление Новгородско-Софийского свода А. А. Шахматов передатировал на основании письма к нему А. В. Маркова (*Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 448—449). Недавно Я. С. Лурье предложил вернуться к дате 1448 г. (*Я. С. Лурье.* К проблеме свода 1448 г.— ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, стр. 142—146). Предложение Я. С. Лурье вряд ли приемлемо. Дело в том, что в 1448 г. пасха не совпадала с благовещением (на таком совпадении основывается датировка свода), на что не обратил внимания исследователь. Поэтому дата 1448 г., выведенная еще А. А. Шахматовым, оказывается ошибочной.

[32] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2, стр. 257 — сообщение под 6826 г. и сообщение о привозе тела Михаила в Тверь под 6827 г. (ср. ПСРЛ, т. I, вып. 3, изд. 2, стлб. 529; *А. Н. Насонов.* Летописный свод XV века, стр. 299 и вар. 16 на этой же странице).

[33] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2, стр. 257— под 6827 г. (ср. НПЛ, стр. 96 и стр. 338—6827 г.).

[34] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 185—186.

[35] ПСРЛ, т. V, стр. 208—209.

вести в Новгородско-Софийском своде 1430-х годов. Необходимо также отметить, что в летописном рассказе о Куликовской битве, помещенном как в Софийской I, так и в Новгородской IV летописях и, следовательно, читавшемся в их общем источнике, есть следующая фраза: «Самому же князю великому бѣаше видѣти всь доспѣхъ его битъ и язвенъ, но на тѣлеси его не бѣше язвы никоея же»[36]. Как указал А. С. Орлов[37], она заимствована из Повести о Михаиле Тверском: «Самуму [самому — *К*] же великому князю Михаилу видѣти доспѣх весь язвенъ, на [а на — *К*] телеси же его не бысть никоея [никакоя — *К*] же раны»[38]. Естественнее всего полагать, что редактор свода (здесь не столь важно, какого), составляя рассказ о Куликовской битве, воспользовался теми материалами, которые уже имелись в редактируемом им своде, в данном случае Повестью о Михаиле. Но поскольку точно устанавливается, что статья о победе над Мамаем была в Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в., то из этого можно заключить, что в том же своде была помещена и статья о Михаиле Тверском.

Источники свода 1430-х годов известны. Это Новгородская владычная летопись и свод митрополита Фотия[39]. В Новгородской владычной летописи Повести не было, следовательно, она читалась в своде Фотия 1423 г.[40] Таким образом, с известным основанием можно утверждать, что рассматриваемая или близкая к ней редакция Повести была уже в своде 1423 г.

Как отмечалось выше, статья о Михаиле Тверском в Софийской I летописи представляет собой вполне законченное, целостное произведение и обнаруживает явные признаки не совсем удачного соединения с другими летописными статьями. Эта характеристика должна быть распространена и на статью о Михаи-

---

[36] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2. Л., 1925, стр. 321. В Софийской I: «Самому же великому князю Дмитрею Ивановичю бяше видѣти доспѣхъ весь битъ на немъ и язвенъ, но на тѣлеси его не бысть раны никоея же» (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, прибавление к Софийской I летописи, стр. 96).

[37] *А. С. Орлов.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.— Л., 1937, стр. 205.

[38] К, лл. 397 об.— 398; О, л. 327 об.

[39] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 156—157, 366; *он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах.— ЛЗАК, вып. XX. СПб., 1908, стр. 198.

[40] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 306. Свод Фотия датируется различно. А. А. Шахматов датировал его 1423 г.— *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков, стр. 118 (1422 г.), 160—162 (1423 г.); *он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 155, 186, 366. М. Д. Приселков считал, что Владимирский Полихрон составлен в 1418 г. (*М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 142—145). А. Н. Насонов предложил вернуться к старой дате — 1423 г. (*А. Н. Насонов.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник.—«Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 356 (об окончании Софийской I на 1422 г.; во фразе опечатка: следует «не на 1418 г.») и стр. 357. Датировка свода Фотия А. А. Шахматовым представляется более обоснованной, чем М. Д. Приселковым.

ле в своде 1423 г. Поэтому, говоря об источнике, к которому восходила Повесть в своде 1423 г., необходимо указать на следующие логические возможности: или статья о тверском князе восходила к совершенно самостоятельному и не зависимому от летописи памятнику, или она восходила к произведению, написанному специально для какой-то летописи ее редактором. В последнем случае таким редактором мог быть составитель свода 1423 г. или же составитель одного из летописных источников свода 1423 г., судя по тематике Повести — тверского.

Последующий анализ позволит уточнить эти предварительные выводы об источниках Повести в своде 1423 г. Бесспорно только то, что прежде, чем попасть в Софийскую I летопись, Повесть о Михаиле проделала известный путь развития в составе более ранних летописных сводов, не сохранившихся до настоящего времени.

Детально проследить редакционную обработку Повести о смерти в Орде Михаила Тверского в сводах 1423 г. и 1430-х годов не представляется возможным. Однако самый факт помещения в них Повести проливает некоторый свет на политические взгляды и литературную манеру, которых придерживались сводчики. Если говорить о своде митрополита Фотия, то его идеи, направленность и литературные особенности в значительной степени выяснены в работах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева [41]. В литературе отмечается общерусский характер свода, его политическая «объективность», стремление составителей придать памятнику учительный характер. Действительно, обращение сводчиков 1423 г. к Повести о Михаиле Тверском свидетельствует и об их определенной политической беспристрастности в оценке московско-тверских отношений столетней давности (в самой Повести не скрыты вероломство и причастность Юрия к убийству Михаила, в других летописных статьях свода рассказывалось о клятвопреступлении и жестокости тверичей, например рассказ о взятии Михаилом Торжка под 6823 г.) и о желании сделать свод более назидательным. В то же время направленность Повести против татарского ига, горькие рассказы об успехах ордынской политики «разделяй и властвуй» на Руси, гневные обличения хана и его окружения придавали своду Фотия известную патриотическую окраску, в большей мере подчеркивали его общерусский характер. Подобные тенденции, правда с определенными поправками, являются характерными и для всех последующих сводов, содержавших или содержащих Повесть.

Сохранившиеся тексты дают возможность несколько детализировать высказанные положения и наметить идейную эволюцию

---

[41] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков, стр. 159—167; *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв., стр. 6, 145—146; *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 305—308.

Повести в Софийских и производных от них летописях. Как уже отмечалось, в Софийской I летописи старшего извода Михаил и Юрий одинаково наделены титулами «великий князь». Такое «уравнение в правах» двух соперников возникло в результате позднейшей редакторской правки[42]. Не ясно только, где именно эта правка произведена: в своде 1423 г., 1430-х годов или в протографе Софийских летописей. Но совершенно очевидно, что подобная правка отразила тот достаточно широкий, не узкомосковский подход к истории борьбы Москвы и Твери за великое княжение в начале XIV в., какой был характерен прежде всего для митрополичьего свода 1423 г.

В Софийской I летописи младшего извода, составленной в Москве в 1456 г., уже заметны определенные изменения. Постоянное титулование Юрия Московского «великим князем» сохраняется, титул же Михаила Тверского опущен[43]. Удалены также две фразы о том, что по повелению Юрия и Кавгадыя русские князья написали ложные обвинительные грамоты против Михаила[44], и о том, что Михаил «избави насъ множество своею кровию отъ многоразличныхъ бѣдъ». Идейная тенденция указанных изменений ясна. В своде 1456 г., в основе которого лежал свод 30-х годов XV в., под влиянием централизаторских успехов Москвы и в целях дальнейшего укрепления авторитета московских князей была произведена ревизия источника и переоценка исто-

[42] Для Софийской I летописи вообще характерно наделение князей титулом «великий». Сходные наблюдения по отношению к Александру Невскому сделал Ю. К. Бегунов (*Ю. К. Бегунов.* Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописей.— «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, стр. 235), а по отношению к Дмитрию Донскому — С. К. Шамбинаго (*С. К. Шамбинаго.* Повести о Мамаевом побоище.—СОРЯС, т. XXXI, № 7. СПб., 1906, стр. 74).

[43] Исключение составляют только следующие три места в Софийской I летописи младшего извода и происходящих от нее сводах, где Михаил фигурирует с титулом великий князь: в обращении митрополита Максима к Юрию Московскому «азъ имаюся тебѣ с великою княгинею Оксиниею, матерью *великого князя* Михаила» (Б, л. 222; Т, л. 188 об.; В, л. 326; Ц, л. 166 об.; БЛ III, л. 235); в сообщении о предпоследнем совместном пребывании Михаила и Юрия в Орде — «и пакы бывшим *великим* княземъ в Ордѣ» (Б, л. 223; Т, л. 189 об.; В, л. 327; Ц, л. 167; БЛ II, л. 227; БЛ III, л. 235 об.); в описании первого (бескровного) столкновения между Михаилом и Юрием после получения последним в Орде великого княжения — «*великыи* князь Михаило срѣте его с полкы своими» (Б, л. 223; Т, л. 189 об.; В, л. 327; Ц, л. 167 об.; БЛ II, л. 227; БЛ III, л. 236). Любопытно, что все приведенные чтения являются анахронизмами. Во втором примере великим князем ошибочно назван Юрий. В первом и третьем примерах Михаил титулуется «великим князем», когда в действительности он им не был. Очевидно, это следы несколько небрежной работы редактора Софийской I летописи младшего извода, в общем-то систематически опускавшего титул Михаила, имевшийся в его источнике — Софийской I летописи старшего извода.

[44] На политические мотивы изъятия этой фразы составителями Софийской I летописи младшего извода впервые указал А. А. Шахматов (*А. А. Шахматов.* Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909, стр. 2—3; *он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 218—219).

рии борьбы московских князей за великокняжеский стол. Зачинатель борьбы, Юрий Московский, постепенно реабилитировался авторами позднейших средневековых концепций русской истории, а его политический противник Михаил Тверской также постепенно низводился с того высокого нравственного пьедестала, на который он был вознесен своими сторонниками. Переработка Повести о Михаиле Тверском в Софийской I летописи младшего извода в более приемлемом для московских князей духе стоит в ряду с другими фактами тенденциозной, промосковской редакции в этой летописи некоторых известий XII—XIV вв.[45]

2. РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В СВОДЕ 1479 г.

Следующая по времени переработка Повести сохранилась в Московском великокняжеском своде 1479 г. Идентичный, в основном, текст читается в Эрмитажном списке, Московском своде конца XV в., Типографской летописи и так называемой Ростовской летописи[46].

Повесть помещена под 6826 г. и разделена на две части. Вторая часть, в которой рассказывается о возвращении из Орды на Русь князя Юрия с плененными им тверичами, выделена в особую статью и читается в этой редакции под 6827 г. Общий заголовок Повести: «Убьенье князя Михаила Тверьского во Орде от царя Озбяка» (стр. 161)[47]. По сравнению с заголовками предыдущей редакции нет титула «великий» применительно к князю Михаилу. Свой заголовок имеет и вторая часть: «О приходѣ великого князя Юрья из Орды» (стр. 166, прим. а)[48].

Как полагал А. А. Шахматов, ближайшим источником Московского великокняжеского свода 1479 г. явился московский

---

[45] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 219, редакция статей 6678, 6877, 6879 и 6903 гг. Последний пример и пример с переработкой статьи 6827 г. повторены у М. Д. Приселкова (*М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв., стр. 154). Следует иметь в виду, что уже в Софийской I летописи старшего извода были сделаны поправки в промосковском духе. Одну из них под 6894 г. отметил еще И. А. Тихомиров, но неверно отнес к Воскресенской летописи (*И. А. Тихомиров.* Обозрение состава московских летописных сводов.— ЛЗАК, вып. X. СПб., 1895, стр. 10; ср. ПСРЛ, т. V, стр. 241 и т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2, стр. 345).

[46] ГПБ, Эрм. собр., № 416 б, лл. 448 об.— 458 об.; ПСРЛ, т. XXV. М.— Л., 1949, стр. 161—166; т. XXIV. Пг., 1921, стр. 108—114; ЦГАДА, ф. 181, № 20, лл. 297—303 об. Разница между текстами Повести в этих отличных друг от друга летописных сводах очень невелика. Она сводится к отдельным опискам, пропускам, иному правописанию и т. п., т. е. к таким мелким разночтениям, которые не дают материала о происхождении редакции в целом.

[47] Здесь и далее ссылки в тексте даны по своду конца XV в., изданному в XXV-м томе ПСРЛ.

[48] Такого заголовка нет только в Типографской летописи (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 114).

великокняжеский свод 1472 г.[49] Эта точка зрения А. А. Шахматова в настоящее время разделяется исследователями[50]. Но последние иногда склонны принимать за свод 1472 г. Никаноровскую летопись[51]. Сравнение Повести о Михаиле Тверском в своде 1479 г. и в Никаноровской летописи показывает, что тексты Повести в этих летописях различны и независимы друг от друга, они восходят к общему источнику[52].

---

[49] *А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи.— ЧОИДР, 1904, кн. 1, стр. 45; *он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 282—283, 359—360, 367.

[50] *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв., стр. 173—180; *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 469—472.

[51] *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв., стр. 173—180 и особенно стр. 165—166; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 363.

[52] В тексте Повести о смерти Михаила Тверского в Никаноровской летописи есть пропуски по сравнению с текстом Повести в своде 1479 г. В Никаноровской летописи нет текста: от слов «и воиде в богомерзъкую вѣру Срачиньскую» до слов «и бывши тамо пре велицѣ межи ими» (ПСРЛ, т. XXVII. М.— Л., 1962, стр. 56; т. XXV, стр. 161); от слов «в нем же болшая последи бысть погыбель» до слов «избавивъ не плѣна множество душь, бывъших во скверных руках Татарьских» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. XXV, стр. 162); от слов «и у отца своего духовного у игумена Иоана» до слов «очищаа душу свою» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. XXV, стр. 162); от слов «и веляше имъ последовати благымъ своимъ нравомъ» до слов «и едва разъидостася» (там же, т. XXVII, стр. 58; т. XXV, стр. 162); от слов «яко сподобилъ мя еси» до слов «скончати подвигъ сеи» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. XXV, стр. 163); от слов «но всегда свѣтла лицемъ и весела взоромъ» до слов «да не печалуите про древо се» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. XXV, стр. 163); от слов «вси, видящеи мя» и до слов «спасеть, яко же хощет» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. XXV, стр. 164); от слов «мѣсяца ноявриа въ 22» до слов «Вежу же блаженаго разграбиша Русь и Татарове» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. XXV, стр. 165); от слов «со княземъ Костянтиномъ» до слов «терзающе нещадно акы нѣкакыя злодѣя и» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. XXV, стр. 165).

В свою очередь в Повести из свода 1479 г. есть пропуски по сравнению с текстом Повести в Никаноровской летописи. В своде 1479 г. нет текста: от слов «и благослови его на свои стол» до слов «ему же» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 161; т. XXVII, стр. 56); от слов «не хотя роду человѣчю добра» до слов «по милостию пресвятыя троицы» (там же, т. XXV, стр. 161; т. XXVII, стр. 56); от слов «блаженныи же великии князь Михаило стрѣте его с полки своими» до слов «не престая желаше кровопролития» (там же, т. XXV, стр. 162; т. XXVII, стр. 57); от слов «и начаша городы жещи и многи села» до слов «и бысть видѣти безчисленое множество ратных, падающе язвени под конѣ» (там же, т. XXV, стр. 162; т. XXVII, стр. 57); от слов «и от игуменов и попов» до слов «пролию кровь свою за них» (там же, т. XXV, стр. 162; т. XXVII, стр. 57); от слов «помянул бо бяше блаженнаго» до слов «и избави нас множество своею кровию от многоразличных бѣд» (там же, т. XXV, стр. 162; т. XXVII, стр. 58); от слов «по глаголющему пророку: уши имуть» до слов «яко же бо восхотѣша, то и сотвориша» (там же, т. XXV, стр. 163; т. XXVII, стр. 58); от слов «и рече попов ѣ» до слов «он же вда ему книгу» (там же, т. XXV, стр. 164; т. XXVII, стр. 59); от слов «сохрани мя» до слов «тѣм же и возглаголах» (там же, т. XXV, стр. 164; т. XXVII, стр. 59); от слов «чюяше при дверех» до слов «по святую душу его» (там же, т. XXV, стр. 164; т. XXVII, стр. 59); от слов «аще бы ми был

Наибольшее сходство Повесть в своде 1479 г. обнаруживает с Софийской I летописью. Сравнивая текст Повести в своде 1479 г. с Софийской I летописью, находим, что в своде 1479 г. сокращен текст Софийской I. В редакции свода 1479 г. вместо текста Софийской I от слов «Сий блаженный, приснопамятный, боголюбивый князь Михайло Ярославич» до слов «благослови его на свой столъ на великое княжение сего христолюбиваго князя Михаила» (ПСРЛ, т. V, стр. 207) читается одна фраза: «по преставлении великого князя Андрѣа Александровича» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 161); вместо «яко же и преже его князи бывшии имяху обычай тамо взимати великое княжение» (стр. 207) — «яко же обычаи есть взимати тамо великое княженье» (стр. 161). Текст Софийской I летописи от слов «не хотя роду человѣчю добра» до слов «но милостию пресвятыя богородица» (стр. 207—208), где рассказывается о происках татар, заменен фразой «и дастъ цесарь великое княженье князю Михаилу» (стр. 161) [53].

В своде 1479 г. нет текста от слов «яко же бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти» до слов «но мы бывшее възглаголемъ» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 161; т. V, стр. 208), текста от слов «блаженный же великый князь Михайло срѣте его съ полкы своими» до слов «еже и створися за грѣхы наша» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 208) [54]. Вместо текста Софийской I летописи от слов «и Моръдвы, начаша городъ жечи и многа села» до слов «и поиде противу ратнымъ» (стр. 208—209) в Повести свода 1479 г. читается «и пришедше в землю Тферьскую много зла створиша» (стр. 162). В Московском своде 1479 г. нет текста: от слов «не могуще брани носити» до слов «яко снопы въ жатву на нивѣ» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209); от слов «самому же князю Михаилу видѣти доспѣхъ свой весь язвенъ» до слов «и избави изъ плѣна множество душа, бывшая въ скверныхъ рукахъ поганьскыхъ» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209); от слов «и рече князь Михайло» до слов «абы ны чимъ помочи християномъ» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209); нет фразы «и написаша многа лжесвѣдѣтельства на блаженаго великого князя Михаила», которая, правда, читается только в Софийской I старшего извода (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209); опущен текст: от слов «глаголаше: азъ, отче, аще много мыслихъ» до слов «еже и бысть молитвою его» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209—210); от слов «помянувъ бо бяше блаженнаго отечьстволюбца» до слов «положити душю свою за свое отчество» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 210); нет фразы «се бо умякнуша

врагъ Кавгадыи поносилъ» до слов «и тако» (там же, т. XXV, стр. 164; т. XXVII, стр. 60) и т. д. Число примеров, говорящих о различии текстов Повести в своде 1479 г. и Никаноровской летописи, можно увеличить.

[53] Ср. *А. Н. Насонов.* Московский свод 1479 года и его южнорусский источник, стр. 379.

[54] То же отмечено и А. Н. Насоновым (там же).

исперва словеса ихъ паче елея, и та бо нынѣ быша стрѣлы» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 210), фразы «о таковыхъ судияхъ речено бысть: поставлю властеля ругателя ихъ, и судию не милующи ихъ» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 210); нет текста от слов «по глаголющему пророку» до слов «яко же бо въсхотѣша, то и сътвориша» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 211); нет фразы «да не прелестять мене словеса лукавыхъ, ни да устрашать мя прещения нечестивыхъ» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 211); нет текста от слов «исповѣдаяся ему, глаголаше» до слов «и врази ми быша, досажающи ми безъ правды» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 211); после фразы «а он прилѣжно глаголаше» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 211), которая есть как в Софийской I, так и в своде 1479 г., в Софийской I идет речь Михаила, а в своде 1479 г. она выпущена: текст от слов «господи, не отврати лица твоего» до слов «во дне же всегда» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 211—212). В своде 1479 г. нет фраз: «по малѣ бо узрите е прочее выя моея» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 212) и «яко ты еси исторгый мя отъ чрева матери моея» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 213); нет текста от слов «и рече попови» до слов «онъ же вда ему книгу» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 213); не приведены цитаты из псалмов при описании причащения Михаила (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 213); нет текста от слов «аще бы ми былъ врагъ Кавгадый поносилъ» до слов «уповаю на тя, и тако» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 213). Вместо фразы «нужную смерть господина своего князя Михаила» Софийской I (т. V, стр. 214) в редакции свода 1479 г. читаем «нужную смерть великого князя Михаила» (т. XXV, стр. 165). Далее тексты Софийской I летописи и свода 1479 г. в основном сходны, встречаются лишь мелкие разночтения[55].

Сопоставляя там, где это возможно, текст Повести свода 1479 г. с текстами Повести Софийской I старшего и младшего изводов, находим, что в своде 1479 г. встречаются чтения как младшей, так и старшей редакции Софийской I летописи.

Чтения свода 1479 г., совпадающие с чтениями Софийской I летописи младшего извода: «во князѣх сихъ» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 161; т. V, стр. 208, вар. г); «крестъ цѣловаша» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209, ср. вар. к); «поидоша наперед во Орду» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209, ср. вар. м), «не отягчаюгь ему плеща» (там же, т. XXV, стр. 164; т. V, стр. 212, ср. вар. л.); «и се в тои час» (там же, т. XXV, стр. 164; т. V, стр. 213, ср. вар. с), в двух последних примерах древнейшее двойственное число заменено множественным, а краткая форма указательного местоимения тъ — полной; «не братъ ли ти ста-

[55] О значительном сокращении статьи 6827 г. в своде 1479 г. по сравнению с Софийской I писал А. А. Шахматов (*А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 264—266).

рѣишии, как и отецъ» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 214; ср. вар. д); «не пребысть убо ни единого лѣта» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 214, ср. О, л. 338 об., К, л. 409); «и положиша и въ церкви святаго Спаса» (там же, т. XXV, стр. 166; т. V, стр. 215 , ср. вар. д). В своде 1479 г., как и в Софийской I летописи младшего извода, Михаил Ярославич не титулуется великим князем [56].

Чтения свода 1479 г., совпадающие с чтениями Софийской I летописи старшего извода: «митрополить Максимъ» [57] (там же, т. XXV, стр. 161; т. V, стр. 207, ср. вар. і), «митрополитомъ Максимомъ» (там же, т. XXV, стр. 161; т. V, стр. 208, ср. вар. а), «творяста миръ межи собою многажды» (там же, т. XXV, стр. 161; т. V, стр. 208, вар. д.), «а окаанного Кавгадыя и татар его не повелѣ князь Михаилъ избивати» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 209, вар. е), «сотворите има суд» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 210, вар. ж), «хотя и от своего племени» (там же, т. XXV, стр. 164; т. V, стр. 212, вар. і), «они же рекоша» (там же, т. XXV, стр. 164; т. V, стр. 212, вар. к), «се колико множество народа стоить» (там же, т. XXV, стр. 164; т. V, стр. 212, вар. м), «и рано пришедше» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 214, вар. з), «дъска на неи единако ужи привязана» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 214, ср. вар. и), «тѣло же... особь на единомъ мѣстѣ лежаше» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 214, вар. і), «не можаху ракы донести церкви тѣсноты ради народа» (там же, т. XXV, стр. 166; т. V, стр. 215, вар. г).

Есть также ряд чтений в своде 1479 г., промежуточных между чтениями Софийской I летописи старшего и младшего изводов, и чтений, одинаковых с ошибочными чтениями Софийской I: «сынове глаголаста ему» (там же, т. XXV, стр. 162; т. V, стр. 210), «пощаашеся и причащаяся» (там же, т. XXV, стр. 163; т. V, стр. 211 и вар. г), «минувши всѣ городы высокые» там же, т. XXV, стр. 164, ср. прим. б; т. V, стр. 213, ср. вар. д), «обрѣтоша его стояща» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 214, ср. вар. б), «он же пакы воскочи» (там же, т. XXV, стр. 165; т. V, стр. 214, вар. в), «дугу небесну, приклоняющуся над хлѣвину святаго, идѣ же тѣло его лежаше» (там же, т. XXV, стр. 166; т. V, стр. 215; ср. в Пространной редакции: «дугу небесную, прикладающе над хлѣвину, идѣ же лежит тѣло [святого]»).

Наличие в тексте Повести о смерти Михаила, помещенной в своде 1479 г, чтений, сходных с чтениями Софийской I летописи

[56] Исключением является единственный случай: «Горесть бо и бѣ, братие, тогда в тои час таковую видѣвши нужную смерть великого князя Михаила» (стр. 165). В Софийской I летописи эта фраза звучит несколько иначе: «горесть бо се нынѣ, братие, и есть, въ той часъ таковую видѣвши нужную смерть господина своего [великаго — *доб. О, л. 337 об.; К, л. 408*] князя Михаила» (стр. 214). Возможно, титул «великий» появился при переделке фразы Софийской I летописи старшего извода.

[57] Ср. *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 258, пример из статьи 6827 г.

младшего извода, Софийской I старшего извода, а также чтений, промежуточных между чтениями Софийской I старшего и младшего изводов, позволяет сделать два вывода: или текст свода 1479 г. восходит к летописному своду, промежуточному между Софийской I старшего и Софийской I младшего изводов, или Повесть в своде 1479 г., а возможно и в его источнике, заимствованная из одной редакции Софийской I летописи, подверглась правке по другой редакции, так как чтения, сходные с Софийской I старшего и младшего изводов, встречаются на всем протяжении текста Повести в редакции 1479 г., хотя этот текст и сокращен. Но несомненно, что основным источником редакции Повести свода 1479 г. послужила Софийская I или очень близкая к ней летопись.

Повесть в своде 1479 г. имеет и дополнительные известия по сравнению не только с редакцией Повести в Софийской I летописи, но и со всеми другими редакциями памятника[58]. В своде 1479 г. точно определено место битвы между Михаилом и Юрием — Бортеневo, указано, что это сражение произошло «в лѣто 825», уточнено и время поездки в Орду Юрия с Кавгадыем: «тогда же уже наставшу лѣту 826-му» (стр. 162). Поскольку в Софийской I летописи таких данных нет, то название места битвы и обе даты следует признать вставками в текст свода 1479 г.

О том, что в последнем использован какой-то дополнительный источник, свидетельствует следующий отрывок: «Си же побѣда створися мѣсяца декабря во 22 в лѣто 825. *Возврати же ся князь Михаило во град свои с великою побѣдою*, избавивъ ис плѣна множество душь, бывъших во скверных руках татарьских, *и возвратишася во свое отечьство с великою радостью»* (стр. 162). Сообщение о возвращении Михаила в Тверь повторено дважды. Дублирование известия указывает на соединение двух источников. Один из них — уже известная нам Софийская I или близкая к ней летопись, где говорилось, что Михаил «възвратися въ свое отечьство с великою радостию»[59].

Относительно второго источника можно с уверенностью сказать, что он также содержал рассказ о победе Михаила над Юрием и татарами. К нему же следует отнести и остальные дополнительные известия редакции Повести свода 1479 г. Хронологические пометы указывают на то, что источником послужила летопись[60]. В этой летописи под 6825 г. должен был читаться рассказ о битве при Бортеневе и победе тверского князя, а под 6826 г.— сообщение о поездке в Орду Юрия Московского.

---

[58] Кроме редакции Повести Великих Миней Четий, восходящей к редакции, отразившейся в своде 1479 г., а также списка Царского Воскресенской летописи, где указание на Бортенево заимствовано из свода 1479 г.

[59] ПСРЛ, т. V, стр. 209.

[60] Так полагал и А. А. Шахматов (*А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи.— ЧОИДР, 1904, кн. 1, стр. 23). Однако А. А. Шахматов не рассматривал, какой летописный текст был использован для вставок.

Из всех летописных сводов лишь в Симеоновской, своде 1497 г., Уваровской (своде 1518 г.), списке Дубровского и Львовской летописи под 6825 г. сообщается о битве на Бортеневе, а под 6826 г.— о поездке Юрия в Орду. В последних четырех летописях изложение статей 6825—6827 гг. совершенно одинаково. Как показано будет ниже, здесь был сокращен текст, читавшийся в своде 1479 г. Следовательно, вставки, имеющиеся в последнем, были сделаны по летописи, близкой не к сводам 1497 г. и 1518 г., списку Дубровского или Львовской летописи, а к Симеоновской. Симеоновская летопись моложе свода 1479 г., но она использовала Троицкую летопись. Очевидно из Троицкой или близкой к ней летописи и попали в Повесть название места сражения Михаила с Юрием — Бортенево, дата этой битвы и дата отъезда Юрия в Орду. К тому же источнику следует отнести и фразу о возвращении Михаила с победой в Тверь. Правда, в Симеоновской летописи такой фразы нет[61], но следует иметь в виду, что Симеоновская летопись несколько сократила текст своего источника — Троицкой летописи[62].

Итак, при новой переработке Повести о смерти Михаила Тверского в качестве основного источника была использована Софийская I летопись или свод, занимавший промежуточное положение между Софийской I летописью старшего и Софийской I летописью младшего изводов, а для вставок — летопись, близкая к Троицкой (Симеоновской).

Эти данные, полученные на основании анализа только Повести о смерти Михаила Тверского (статей 6826—6827 гг.) свода 1479 г., не противоречат тому, что известно об источниках свода 1479 г. в целом. Как показал А. А. Шахматов, свод 1479 г., исследованный им по списку Эрм. 416 б, имеет общие чтения как с Софийской I старшего, так и с Софийской I младшего изводов, а также с Троицкой (по выпискам Н. М. Карамзина) и Симеоновской летописями[63]. Сделанные наблюдения послужили А. А. Шахматову основой для ряда последовательно корректировавшихся выводов относительно источников свода 1479 г.[64] В своих самых поздних работах А. А. Шахматов писал, что Московский свод 1479 г. представляет собой соединение Софийской

---

[61] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 88.

[62] *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 41—42. Однако на этих страницах указаны не все пропуски в Симеоновской летописи по сравнению с Троицкой (ср. там же, стр. 358, прим. 2).

[63] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 258—259 (примеры одинаковых чтений со старшим изводом в ряде статей от 6746 по 6923 г.), стр. 259 (примеры одинаковых чтений с младшим изводом от 6742 по 6919 г.), стр. 267—270 (сравнение с Троицкой летописью).

[64] Там же, стр. 281—283, прим. на стр. 281, табл. 13. Об эволюции во взглядах А. А. Шахматова на источники свода 1479 г. см.: *А. Н. Насонов.* О неизданной рукописи А. А. Шахматова «Обозрение летописных сводов».— «Проблемы источниковедения», вып. II. М.— Л., 1936, стр. 292—293.

I летописи с московским сводом [65]; или (второй вариант) непосредственным источником свода 1479 г. был свод 1472 г., переработавший московский свод 1456 г., составленный в свою очередь на основании Софийской I, общерусского свода 1423 г., Троицкой летописи и других [66]. Последнему утверждению соответствует таблица 13 «Обозрения...», из которой видно, что источником свода 1456 г. служила, собственно, не Софийская I летопись, а общий протограф списков старшего и младшего ее изводов [67]. Приведенная выше характеристика источников Повести совпадает с характеристикой источников, к которым по крайней мере восходит свод 1479 г. Возможно только, что в числе последних был не общий протограф Софийской I летописи, а свод, занимавший промежуточное положение между общим протографом и младшим изводом Софийской I. Об этом говорят отмеченные выше «промежуточные» чтения Повести в своде 1479 г.

Новая редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского сохранилась в составе свода 1479 г. Но здесь ли впервые была сделана переработка? А. А. Шахматов на основании косвенных данных высказал предположение, что сокращение рассказа о Михаиле произведено впервые редактором свода 1479 г. [68]

В начале 60-х годов XX в. А. Н. Насонов пришел к выводу, что этот свод в части до 1423 г. имел общий источник с Ермолинской летописью. По А. Н. Насонову, свод 1479 г. в указанной части содержал сокращенный текст общерусского свода, составленного ранее 1472 г. Последний также сокращал свои источники [69]. Поэтому с абсолютной точностью судить о том, где и какие именно были произведены сокращения в Повести, нельзя. Они могли быть сделаны и сводчиком 1479 г., как считал А. А. Шахматов, и сводчиком, составлявшим источник свода 1479 г. Сравнение редакций в своде 1479 г. и в Ермолинской летописи показывает, что в Ермолинской сокращен тот самый текст, который читается в своде 1479 г. [70] Следовательно, есть больше основа-

---

[65] *А. А. Шахматов*. Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания.—ЛЗАК, вып. XXIX. Пг., 1916, стр. IV.

[66] *А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 367 (статья «Летописи» из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона). Приблизительно те же источники свода 1479 г. называет и А. Н. Насонов (Софийскую I — предположительно, а вместо свода 1423 г.—Новгородско-Софийский свод 1430-х годов) (*А. Н. Насонов*. Московский свод 1479 года и его южнорусский источник, стр. 350, прим. 1).

[67] *А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 282.

[68] Там же, стр. 265.

[69] *А. Н. Насонов*. Московский свод 1479 года и его южнорусский источник, стр. 360—362; *он же*. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись.— «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского». М., 1961, стр. 222.

[70] См. далее стр. 98.

ний полагать, что данная редакция появилась впервые в источнике свода 1479 г., составление которого следует отнести к 60-м годам XV в.[71]

Какие изменения внес составитель новой редакции Повести о смерти Михаила Тверского?

Прежде всего следует указать на сокращения, носящие характер литературной правки: из Повести удалены речи князя Михаила, авторские рассуждения, цитаты из священного писания. Подобные сокращения типичны не только для Повести в своде 1479 г., но и для всего свода в части до 1423 г.[72]

Одной из важных особенностей Повести, читающейся в своде 1479 г., является опущение титула «великий» и эпитетов «блаженный», «преподобный» по отношению к князю Михаилу. Правда, такая правка проведена не строго последовательно, но при сравнении с текстом Софийской I она заметна. Юрий Московский не назван в новой редакции сыновцем, т. е. вассалом, тверского князя [73].

Опущены в новой редакции и некоторые детали фактического характера. Нет родословия Михаила, отсутствует указание, что тверского князя благословил на владимирский стол великий князь Андрей Александрович, дядя Юрия; не говорится о том, что Юрий при первой поездке в Орду вошел в сговор с татарами и начал домогаться великого княжения, нарушив тем самым слово, данное перед поездкой митрополиту Максиму. Ничего не сказано о добровольном отказе Михаила от великого княжения, о зверствах войск Юрия и Кавгадыя в Тверском княжестве, о совете Михаила со своими князьями и боярами перед выступлением против Юрия и Кавгадыя. Вместо подробного описания победы тверского князя над московским, как в Софийской I летописи, в своде 1479 г.— лишь две трафаретные фразы о сражении у Бортенева. Опустив эти известия, редактор снял с Юрия обвинения в напрасных жестокостях и кровопролитии, а действия Михаила представил в менее благоприятном свете.

Реальные факты, отсутствующие в рассматриваемой редакции, относятся к той части Повести, которая посвящена описанию событий на Руси, предшествовавших поездке и убийству в Орде Михаила. Становится очевидным, что составитель свода 60-х годов XV в. стремился обелить Юрия и если не оправдать его действия, а оправдать их было просто невозможно, то по крайней мере умолчать о наиболее вопиющих фактах вероломства и жестокости московского князя. Вместе с тем о Михаиле говорилось в менее благожелательных тонах. Особо надо отме-

[71] Обоснование датировки см. далее на стр. 99.

[72] А. А. Шахматов указал на сокращения в своде 1479 г. и привел примеры (*А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 266). К аналогичному выводу пришел и А. Н. Насонов (*А. Н. Насонов.* Московский свод 1479 года и его южнорусский источник, стр. 378 и далее).

[73] ПСРЛ, т. XXV, стр. 161.

тить тот факт, что в новой редакции Повести были приведены не все доказательства прав Михаила на владимирский стол, что находилось в тесной связи с идеей преемственности власти великих князей Киевских и Владимирских только московскими князьями[74]. Ратные подвиги тверского князя не описывались столь подробно, как в Софийской I летописи. Таким образом, обработка рассматриваемой редакции Повести о смерти Михаила Тверского в части, касающейся соперничества Михаила и Юрия, произведена с явно промосковских позиций. Этот факт не является единичным. Он стоит в ряду с другими тенденциозными изменениями, характерными для свода 60-х годов XV в.

Еще И. А. Тихомиров обратил внимание на промосковскую обработку статей 6849 и 6901 гг., хотя полагал, что правка сделана составителем Воскресенской летописи[75]. А. А. Шахматов показал, что эти подвергнутые промосковской цензуре статьи читались уже в Московском своде 1479 г., а кроме того, обнаружил московскую руку в известиях 6847, 6906, 6879 и 6679 гг.[76] Но и он был неправ, приписывая тенденциозные исправления сводчику 1479 г. Как показывает сравнение свода 1479 г. с Ермолинской летописью, большинство из указанных промосковских изменений читалось уже в своде 60-х годов XV в.— общем источнике Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи[77]. Возможно, в этом же источнике были впервые опущены места, свидетельствовавшие о связи и зависимости русских князей от Орды[78].

Вторая часть Повести о Михаиле, как видно из свода 1479 г., подверглась значительно меньшим переделкам. Хотя цитаты из

---

[74] Ср. *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 15. Цитата о начале княжения Владимирского, приведенная здесь, восходит к своду Фотия (ПСРЛ, т. V, стр. 163; т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2, стр. 163; ср. НПЛ, стр. 33, 221; ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1927, стлб. 335; *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 245).

[75] *И. А. Тихомиров.* Обозрение состава московских летописных сводов, стр. 9—10.

[76] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 266—267. Известия двух последних лет были подвергнуты московской цензуре уже в своде 1456 г., что обнаруживается при анализе текста Софийской I летописи младшего извода (*А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 219). Но в своде 1479 г. есть небольшие отклонения от свода 1456 г. Вместо «палаумные смерди» (о рязанцах под 6879 г.), как в Софийской I (ПСРЛ, т. V, стр. 232, вар. а), в Московском своде 1479 г. стоит «палаумные людища» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 187), а вместо «таковъ бо бѣ обычяй блядинымъ дѣтемъ» (о новгородцах, выгнавших князя Романа,— под 6678 г.) — «таковъ бо бѣ обычаи оканных смердов измѣнниковъ» (ПСРЛ, т. V, стр. 164, вар. б; т. XXV, стр. 82, под 6679 г.).

[77] Под 6847, 6849, 6906 и, вероятно, под 6901 гг. (ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 172, 173, 228, 221; т. XXIII. СПб., 1910, стр. 105, 106, 136 и 133).

[78] *А. Н. Насонов.* Московский свод 1479 года и его южнорусский источник, стр. 379—380.

Псалтири и благочестивые речи Михаила были сняты редактором, но обстоятельства кончины тверского князя изложены весьма подробно, в полном согласии с Софийской I летописью. И все же направленность Повести в своде 1479 г. против владычества татар несколько изменилась по сравнению с Софийской I летописью. В новой редакции было опущено обличение хана: «а не вѣси, окаанне, уже еси своею казнию сплелъ ему вѣнець пресвѣтелъ» [79]. Затушевывание причин вражды московского и тверского князей и истинной роли Юрия в убийстве соперника привело к тому, что почти единственным виновником гибели Михаила оказался «беззаконный и треклятый окаянный» Кавгадый. В переделке XV в. он стал олицетворением сил, враждебных Михаилу, на него был обращен весь пафос обличения и негодования. Так в позднейшей интерпретации зловещая фигура Кавгадыя заслоняла собой и московского князя, и татарского хана.

3. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В РЕДАКЦИИ ЕРМОЛИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Редакция Повести в своде 1479 г. стоит в тесной связи с ее редакцией в Ермолинской летописи. Помимо Ермолинской летописи идентичный текст читается в своде 1497 г.[80], Уваровской летописи — своде 1518 г.[81], в списке Дубровского Новгородской IV летописи [82] и во Львовской летописи [83]. Основным списком является список Ермолинской летописи [84]. Повесть о Михаиле Тверском в рассматриваемой редакции не имеет заголовка и разделена на погодные статьи. В Ермолинской летописи она читается под 6825, 6827 гг. (статьи 6826 г. в Ермолинской летописи нет, события этого года отнесены к 6827 г.) и снова под 6827 г. [85] В Львовской летописи Повесть читается под 6825, 6826 гг. и снова под 6826 г.; нет статьи 6827 г. [86] Возможно, что подобные хронологические несообразности объясняются влиянием других летописей, по которым проводилась правка. В своде 1497 г., Ува-

---

[79] ПСРЛ, т. XXV, стр. 162; ср. ПСРЛ, т. V, стр. 210.

[80] ПСРЛ, т. XXVIII. М.— Л., 1963, стр. 65—67. В своде 1497 г. есть некоторые пропуски: от слов «князь Юрьи приѣхаша надъ тѣло его» до слов «да чему сякъ поврьжено наго» (гаплография), стр. 66, (л. 150 об); ср. ПСРЛ, т. XXIII, стр. 100); нет фразы «еже бысть оканному Кавгадыю, не пребывъ бо ни единаго лѣта, изверже злѣ оканны животъ свои» (стр. 67, (л. 151); ср. ПСРЛ, т. XXIII, стр. 100).

[81] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 225—227. Текст Повести по Уваровской летописи (ГИМ, Увар., 188) был напечатан ранее в виде вариантов к Ермолинской летописи.

[82] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2, стр. 475—477.

[83] ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 174—177.

[84] Ссылки на Ермолинскую летопись даются в тексте по изданию: ПСРЛ, т. XXIII, стр. 98—101.

[85] Там же, стр. 98, 99, 101.

[86] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 174, 175, 176.

ровской летописи и списке Дубровского Повесть читается под 6825, 6826 и 6827 гг.[87]

Текст Повести в Ермолинской летописи может быть сопоставлен только с Софийской I летописью младшего извода и сводом 1479 г.[88] Сравнение чрезвычайно затруднено тем, что текст Повести в Ермолинской летописи сильно сокращен. Однако разделение Повести в Ермолинской и сходных летописях на погодные статьи, как в своде 1479 г., может свидетельствовать о том, что разбираемая редакция восходит к тексту Повести, известному по своду 1479 г. В последней статье 6827 г. в Ермолинской летописи (6826 г. — во Львовской) описываются те же события, что и в статье 6827 г. Московского свода.

Сличение некоторых мест Ермолинской летописи, Московского свода 1479 г. и Софийской I летописи младшего извода показывает, что в Ермолинской сокращен текст, читающийся именно в своде 1479 г.

Ермолинская летопись	Московский свод конца XV в.	Софийская I летопись младшего извода
«Бысть же въ день среду» (стр. 99)	«Бысть же въ день среду» (стр. 164)	«Въ среду рано» (стр. 213)
«се уже идуть на убьение мое» (стр. 99)	«се ѣдуть сии уже на убиение мое» (стр. 165)	«вѣдаю, на что ѣдуть, на убиение мое» (стр. 213)
«доска же единако на телѣзе, ужи привязана, а тѣло его лежаше окромѣ» (стр. 100)	«телѣга стояше, и дъска на неи единако ужи привязана, тѣло же святаго особь на единомъ мѣстѣ лежаше» (стр. 165)	«телѣга стояше и доска на ней единако на досцѣ привязана, тѣло же святаго о себѣ на единомъ мѣстѣ лежаше» (стр. 214 и вар. и)
«около санеи множество народа со свещами» (стр. 100)	«около санеи множество народа со свѣщами» (стр. 166)	«около саней множество народа идяху съ свѣщами» (стр. 215)
«сентебря 6» (стр. 101)	«мѣсяца септеврия в 6» (стр. 166)	«мѣсяца сентября въ 6 день, на Чюдо архангела Михаила» (стр. 215)

Следует добавить, что в тексте Повести по Ермолинской летописи нет ничего лишнего по сравнению с текстом свода 1479 г.,

---

[87] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 65—67, 225—227; т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2, стр. 475, 477.

[88] Это видно хотя бы из того, что время смерти Кавгадыя в Ермолинской летописи определено следующим образом: «не пребывъ бо ни единаго лѣта» (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 100), так, как и в Софийской I летописи младшего извода и своде 1479 г. В Софийской I летописи старшего извода, Никаноровской и Вологодско-Пермской: «не пребывъ до полулѣта». В Ермолинской летописи приводится дата убийства Михаила — 22 ноября, сообщается о разграблении русскими и татарами вежи тверского князя и заковании в железá сопровождавших его лиц (стр. 100). Этого нет в Никаноровской летописи (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 60). Следовательно выводить текст Ермолинской из Никаноровской (Вологодско-Пермской) летописи нельзя.

но все, что есть в Ермолинской летописи, читается в своде 1479 г.

Итак, Ермолинская летопись сокращала редакцию Повести, помещенную в своде 1479 г. Как показал А. Н. Насонов, Ермолинская летопись в части до 1423 г. сократила собственно не текст свода 1479 г., а текст его источника [89]. Составление свода, легшего в основу как свода 1479 г., так и Ермолинской летописи, А. Н. Насонов относил ко времени между 1464 и 1472 гг. [90] Эту дату можно уточнить. Указание на «прочих митрополитов», «доныне» перед кончиной переписывавших прощальную грамоту Киприана, читающееся под 6914 г. и в своде 1479 г. и в Ермолинской летописи [91], действительно позволяет датировать их общий протограф временем не ранее 60-х годов XV в. [92] Свод, послуживший источником свода 1479 г. и Ермолинской летописи, вероятно, и был составлен в эти годы, скорее всего в окружении митрополита Феодосия. Феодосий живо интересовался литературой и специально заказывал новые сочинения [93]. Сохранилось также несколько произведений, принадлежавших его перу [94]. В 60-е годы XV в. в Москве повысился интерес к истории Киевской Руси. В общий источник свода 1479 г. и Ермолинской летописи были включены известия из южнорусского источника, а в 1461 г. в Москву из Киева был переслан Киево-Печерский Патерик в новой обработке, предпринятой в 1460 г. Кассианом крылошанином [95].

Редакционная работа составителя Ермолинской летописи заключалась не только в сокращении своего источника, но и в некотором перемещении материала Повести. Последнее относится к статье 6825 г., куда редактор поместил взятые из Повести известия о победе Михаила у Бортенева (текст от слов «ту сретоша его на Бортеневе» до слов «князь Юрьи беже въ Новъгородъ» — стр. 98) и большой отрывок о плененном тверским князем, а за-

[89] *А. Н. Насонов.* Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись, стр. 219—221.

[90] *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 273.

[91] ПСРЛ, т. XXV, стр. 236; т. XXIII, стр. 140.

[92] Преемниками Киприана были Фотий, Исидор, Иона. Фотий скончался 2 июля 1431 г. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 248). Униату Исидору дали возможность убежать из заключения в сентябре 1440 г. (там же, стр. 261). Иона умер 31 марта 1461 г. (там же, стр. 277). Следовательно, писать о митрополитах, по примеру Киприана составлявших прощальные грамоты, можно было только после смерти Ионы.

[93] По благословению Феодосия Пахомий Серб написал житие Кирилла Белозерского (*В. Яблонский.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 85, 92).

[94] Феодосию принадлежит рассказ об исцелении чернеца Чудова монастыря Наума у гроба митрополита Алексея (ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, стр. 373—380) и ряд других сочинений (о них см.: *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 169).

[95] *В. Яковлев.* Памятники русской литературы XII и XIII веков. СПб., 1872, стр. IV.

тем отпущенном им на свободу Кавгадые и о соглашении между Юрием и Михаилом у Синеевского (текст от слов «Татаръ же Кагавадыевыхъ избивати не повелѣ» до слов «яко обѣма поити во Орду» — стр. 98). В своде 1479 г. приведенные сообщения читаются в Повести как относящиеся к 6825 г. Дата была вставлена в текст Повести скорее всего редактором свода 60-х годов XV в. Составитель Ермолинской летописи, видимо, обратил внимание на дублирование дат (6825 и 6826 гг.) в своем источнике, поскольку в своде 60-х годов XV в. под этими годами шли летописные статьи и те же годы повторялись в тексте Повести, а потому решил упростить текст, перенеся известия 6825 г. Повести в летописную статью того же года [96].

Появление новой редакции Повести датируется временем составления Ермолинской летописи. А. А. Шахматов установил, что в основе Ермолинской летописи лежал свод 1472 г., который он определил как ростовский владычный свод Вассиана Рыла [97]. Следовательно, данная редакция Повести возникла в начале 70-х годов XV в.

Об идейной окраске Повести о смерти Михаила в Ермолинской летописи можно судить по тем купюрам, которые сделаны редактором. Заметно, что новый редактор не проявил большого интереса к истории московско-тверского соперничества начала XIV в. Поместив два отрывка из Повести в статью 6825 г., он этим, собственно, и ограничился в описании событий на Руси до поездки Михаила в Орду. Характерно также, что титул «великий князь» по отношению к Юрию в новой редакции снят [98]. Нет эпитетов «блаженный», «благочестивый» применительно к тверскому князю [99]. Даже Кавгадый лишь один раз назван «оканным» (стр. 100), хотя его неблаговидные поступки не замалчиваются. Обвинения хана Узбека в смерти Михаила, значительно смягченные в предыдущей редакции, в Ермолинской летописи отсутствуют вовсе. Отношение к нему вполне лояльное, что спра-

---

[96] В статье 6825 г. Московского свода 1479 г., восходящей к Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 206—207, статьи 6824—6825 гг.), нет ни названия места битвы Михаила с Юрием — Бортенева, ни известий о пленении Кавгадыя и его освобождении, ни названия места новой встречи Михаила с Юрием — Синеевского (ПСРЛ, т. XXV, стр. 161).

[97] *А. А. Шахматов.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод.— ИОРЯС, т. IX, кн. 1. СПб., 1904, стр. 412, 417.

[98] Есть только одно исключение: «посла князя Александра съ бояры къ *великому князю* Юрью въ Володимерь» (стр. 101). В списке Дубровского в трех первых упоминаниях Юрия фигурирует титул «великий князь» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2, стр. 475), но не ясно, следует ли возводить эти чтения к протографу или они являются индивидуальной особенностью списка.

[99] За единственным исключением: «два облака, осѣняюще надъ тѣломъ *блаженаго* князя Михаила» (стр. 100). Отсутствие этих эпитетов характерно и для Повести в своде 1479 г. В данном случае это лишний аргумент в пользу большой близости двух редакций.

ведливо отметил Л. В. Черепнин [100]. Конечно, антиордынская окраска Повести в новой редакции осталась, но она сильно потускнела в сравнении с Повестью в своде 1479 г. Видимо, и на русско-татарские отношения первых двух десятилетий XIV в. составитель Ермолинской летописи обращал мало внимания.

Если к поднятым в Повести политическим вопросам редактор Ермолинской летописи проявил порядочное равнодушие, то совершенно иначе отнесся он к назидательному материалу, имевшемуся в памятнике. Главное внимание в Ермолинской летописи уделено рассказу о казни тверского князя и о последующих чудесах. Здесь это занимает несколько больше половины всего повествования, в предыдущей же редакции — менее двух пятых. Видимо, мученический конец Михаила и проявления его святости более всего заинтересовали сводчика 1472 г. В содержательной в целом работе об идеологической борьбе в русской публицистике в конце XV — начале XVI вв. Я. С. Лурье высказал мнение, что в своде, который лег в основание Ермолинской и сходных летописей, «обнаруживается критическое отношение не только к великокняжеской власти, но и к религиозным воззрениям того времени», в частности, к чудотворству [101]. Свой вывод о характере всего свода исследователь основывает исключительно на анализе статьи 1463 (6971) г., где иронически рассказывается о чудесах ярославских святых. Однако анализ других статей Ермолинской летописи не подтверждает сделанного автором заключения. В протографе этой летописи специально отмечались чудеса под 1348, 1351, 1357, 1372, 1395, 1408, 1416 и 1462 гг., причем без всякого иронического к ним отношения [102]. А рассказ о Михаиле и Федоре Черниговских, как и рассказ о Михаиле Тверском, сокращен с таким расчетом, чтобы читатель обратил внимание на чудесные явления, случившиеся после смерти мучеников [103]. В своде, конечно, наблюдается критическое отношение не к чудотворству, как понимал его сводчик, а к псевдочудотворству, что уже

---

[100] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 470. Это наблюдение послужило автору одним из доводов при датировке Повести в Ермолинской летописи временем княжения Ивана Калиты.

[101] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века, стр. 71.

[102] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 109, 110, 112, 117, 134, 141, 145, 157. В данном случае под протографом Ермолинской летописи понимается общий источник Ермолинской, Львовской летописей, сводов 1497 г., 1518 г. и списка Дубровского. Отметим также, что в протографе Ермолинской и Львовской летописей в статье 6807 г., вопреки сообщению под 6971 г., говорилось, что у гроба Федора Ярославского происходили многие чудеса и исцеления (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 95; т. XX, ч. 1, стр. 172). Но такого известия нет ни в своде конца XV в., ни в списке Дубровского (ПСРЛ, т. XXV, стр. 392; т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2, стр. 475).

[103] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 81; ср. т. XXV, стр. 136—139. В редакциях статей о Михаиле Черниговском и Михаиле Тверском видна церковная рука.

отмечалось в литературе [104]. Статья 1463 г. Ермолинской летописи носит несомненно антимосковский характер. Выступая против политики Ивана III в Ярославском княжестве и против связанного с политикой великого князя открытия мощей ярославских святых, летописатель 70-х годов XV в. в предыдущих статьях своего свода как антитезу современности приводил сведения о чудесах признанных, в его глазах, святых. Этим можно объяснить характер обработки рассказа о Михаиле Тверском в Ермолинской и сходных с ней летописях, обработки, носившей прикровенный политический характер.

4. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В РЕДАКЦИИ НИКАНОРОВСКОЙ И ВОЛОГОДСКО-ПЕРМСКОЙ ЛЕТОПИСЕЙ

Последняя в XV в. переработка Повести о смерти Михаила Тверского известна по неизданному летописному тексту, сохранившемуся в одном из сборников Государственной библиотеки им. В. И. Ленина [105], по Никаноровской [106] и Вологодско-Пермской летописям [107].

В этих сводах Повесть помещена под 6827 г. [108] и имеет заголовок: «Убиение великаго князя Михаила Ярославича Тфирскаго в Ордѣ от царя Озбяка» (стр. 56) [109]. Текст не разделен на части, изложение сплошное, как и в Софийской I летописи.

Из рассмотрения трех предыдущих редакций Повести в летописных сводах XV в. вытекает, что редакция памятника в Никаноровской, Вологодско-Пермской летописях и летописном отрывке Муз. 3271 не могла возникнуть ни из редакции свода 60-х годов XV в., ни из редакции Ермолинской летописи. Исследуемая редакция может быть сопоставлена только с Софийской I летописью.

Сравнение редакций Повести Софийской I летописи и Никаноровской [110] показывает, что в последней сокращен текст, читающийся в Софийской I летописи.

---

[104] *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования по истории русского летописания.— «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 266—267.

[105] ГБЛ, ф. 178 (Муз. собр.), № 3271, лл. 109—121 об. (далее в тексте — Муз. 3271).

[106] ПСРЛ, т. XXVII, стр. 56—61.

[107] ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, стр. 99—107.

[108] В указанной выше рукописи год не проставлен, но следующая за Повестью летописная статья помечена 6828 г. (ГБЛ, Муз. 3271, лл. 109, 121 об.).

[109] Здесь и далее ссылки в тексте даны по Никаноровской летописи, изданной в ПСРЛ, т. XXVII.

[110] Сравнение проведено не только по Никаноровской летописи, но и по всем другим текстам, содержащим ту же редакцию Повести. Чтобы не загромождать текст обилием сносок, ссылки даются лишь на Никаноровскую, тем более что смысловых вариантов между текстами Повести в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях нет.

В Никаноровской летописи нет текста от слов «О томъ рече господь пророкомъ» до слов «всякою казнию не пощажу васъ» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 56; т. V, стр. 208), опущено имя митрополита Максима, выполнявшего обряд посажения на великокняжеский стол Михаила Тверского (там же, т. XXVII, стр. 56; т. V, стр. 208); пропущен текст от слов «войде въ богомерзьскую вѣру срачиньскую» до слов «но врагъ нашь всепагубный дьяволъ пакы рать вздвизааше» (там же, т. XXVII, стр. 56; т. V, стр. 208). Вместо текста: «и пакы бывшимъ великимъ княземъ въ Ордѣ, и бывши прѣ велицѣ межи има, и оставиша великого князя Юрия Даниловича у себе въ Ордѣ, а князя Михаила отпустиша на Русь; минувшу же единому лѣту, и паки безаконнии измаилтяне не сыти суще мьздоимьства, его же желаахy, վземше много сребра, и даша великое княжение великому князю Юрию Даниловичю», помещенного в Софийской I летописи (стр. 208), в Никаноровской читается: «и минувши единому лѣту, а великого князя Юрья Данилевича в Ордѣ у себя оставиша, и вземше много сребра и даша княжение великому князю Юрью Данильевичю» (стр. 56—57); легко видеть, что в Никаноровской текст механически сокращен по сравнению с Софийской I летописью. Далее в Никаноровской летописи при описании отказа Михаила Тверского от великого княжения опущено обращение к Юрию — «брате» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 57; ср. т. V, стр. 208); опущена фраза «еже и створися за грѣхы наша» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 208); нет указания на отряды бесермен и мордвы в войске Юрия и Кавгадыя (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 208); опущено обращение Михаила к своим князьям и боярам перед выступлением на Юрия: от слов «братие, слышите, что глаголеть господь» до слов «да вмѣнится намъ слово господне въ спасение» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); опущена ссылка на милость богоматери и помощь архангела Михаила, якобы благодаря которым князь Михаил одержал победу над Юрием и Кавгадыем (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); нет фразы «яко снопы въ жатву на нивѣ» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); нет фразы «въ немъ же послѣдняя болши погыбель» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); опущена дата сражения Михаила с Юрием: «си же побѣда сътворися мѣсяца декабря 22» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); нет текста от слов «рече бо блаженный Давыдъ» до слов «бывшая въ скверныхъ рукахъ поганьскыхъ» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); нет указания на то, что Юрий вторично выступил против Михаила не только с новгородской, но и со псковской ратью (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); опущена фраза «и пакы не хотя видѣти другаго кровопролития за толь малы дни» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209); текст от слов «и отъ отца своего духовнаго игумена Ивана» до слов «многа тягота створяет-

ся въ наю разности» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209—210); опущен текст от слов «да негли бы ми господь отдалъ грѣховъ» до слов «еже и бысть молитвою его» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 210). Опущено имя Дмитрия (Солунского), хотя приводится фраза из его жития (там же, т. XXVII, стр. 58; т. V, стр. 210); нет фразы «веляше убо ему послѣдовати благымъ своимъ нравомъ, не могуще разлучитися на мнозѣ слезъ ихъ, и едва разлучистася» (там же, т. XXVII, стр. 58; т. V, стр. 210); нет цитаты из книги пророка Исаии: «о таковыхъ судияхъ речено бысть: поставлю властеля ругателя ихъ, и судию, не милующи ихъ» (там же, т. XXVII, стр. 58; т. V, стр. 210, вар. і). В Никаноровской выпущен текст: от слов «яко сподобилъ мя еси начатокъ прияти мучения моего» до слов «ни да устрашать мя прещения нечестивыхъ» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 211); от слов «но пакы славяше бога» до слов «и врази ми быша досажающи ми безъ правды» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 211). Большой отрывок Софийской I летописи от слов «господи, не отврати лица твоего» до слов «по малѣ бо узрите е прочее выя моея» (стр. 211—212) заменен в Никаноровской фразой «и тѣшааше бояръ своихъ» (стр. 59). В последней нет текста от слов «вси видящеи мя покиваауху главами своими» до слов «исторгый мя отъ чрева матери моея» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 212—213). Вместо фразы Никаноровской летописи: «нача молвити тихо со умилением» (стр. 59) в Софийской I читается: «нача молвити тихо со умилениемъ и глубокымъ въздыханиемъ» (стр. 213). В Никаноровской опущен текст: от слов «и сей нынѣ ненавидяй мене» до слов «уповаю на тя» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. V, стр. 213); от слов «мѣсяца ноября въ 22» до слов «7 часа дни» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. V, стр. 214); от слов «и съ тезоименитникомъ своимъ» до слов «вежу же блаженнаго разграбиша Русь и Татарове» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. V, стр. 214) нет фразы «изнимавше влечахуть нагихъ, терзающе нещадно, акы нѣкыя злодѣя» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. V, стр. 214). Далее изложение в Никаноровской летописи совпадает с изложением Софийской I.

Из приведенного материала видно, что в Никаноровской летописи опущены не только рассуждения князя Михаила, цитаты из священного писания, но и целый ряд важных фактов, таких, как дата сражения между Юрием и Михаилом, дата убийства Михаила и др., имеющихся в редакции Софийской I летописи. Вместе с тем Никаноровская летопись не содержит лишних фактов по сравнению с Софийской I летописью, ни каких-либо вставок из других источников. Все, что есть в данной редакции, находится и в Софийской I летописи. Поэтому нельзя согласиться с А. А. Шахматовым в том, что текст Повести о смерти Михаила (статья 6827 г.) в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях тождествен с Софийской I летопи-

сью[111]. Повесть в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях явно сокращена по сравнению с Софийской I летописью. И это подтверждает другой, более широкий вывод А. А. Шахматова о том, что редактор оригинала первых двух летописей сокращал свои источники.

Какой же из двух изводов Софийской I летописи лег в основу новой переработки? Несмотря на сокращения, видно, что источником протографа Никаноровской, Вологодско-Пермской летописей и летописного отрывка Муз. 3271 послужила Софийская I летопись старшего извода. Так, в текстах рассматриваемой редакции правильно приведено имя митрополита — Максим (стр. 56), что читается только в списках О, К Софийской I летописи (стр. 207, вар. і). Со списками О, К текст данной редакции сходен в следующих чтениях: «а оканнаго же Кавгадыя с дружиною его не повелѣ избивати князь Михаило» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209, вар. е); «и поидоста наперед в Орду» (там же, т. XXVI, стр. 101; т. V, стр. 209, вар. м. В Никаноровской описка: см. стр. 57, прим. к); «и написаша многажды, свѣдѣтелствуя на блаженнаго великаго князя Михаила» (там же, т. XXVII, стр. 57; т. V, стр. 209)[112]; «и избави нас множество своею кровию от многоразличных бѣд» (там же, т. XXVII, стр. 58; т. V, стр. 210, вар. д); «собрашася всѣ князи Ординьстии во едину вежу цареву двору» (там же, т. XXVII, стр. 58; т. V, стр. 210, вар. з); «не престая, пояше Псалтырь» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 211, вар. з); «хотя и от своего племяни» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 212, вар. і); «они же рѣша» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 212, вар. к); «да не отягчают ему плещу» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 212, вар. л); «се колко множество народа стоит» (там же, т. XXVII, стр. 59; т. V, стр. 212, вар. м); «знакоми ти псалмы» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. V, стр. 213, вар. л); «какъ отецъ, великии князь» (там же, т. XXVII, стр. 60, прим. л.; т. V, стр. 214, вар. д); «рано пришедше» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. V, стр. 214, вар. з); «и крови много изшедше изъ язвы» (там же, т. XXVII, стр. 60; т. V, стр. 214, вар. к); «и не пребывъ до полулѣта» (там же, т. XXVII, стр. 60—61; О, л. 338 об.; К, л. 409); «не можаху раки донести до церкви тѣсноты ради народа» (там же, т. XXVII, стр. 61; т. V, стр. 215, вар. г); «и положиша и во церкви святаго Спаса во гробѣ» (там же, т. XXVII, стр. 61; т. V, стр. 215, вар. д). Важным признаком происхождения редакции Повести в Никаноровской летописи от Софийской I летописи старшего извода является постоянное титулование в первой Михаила великим князем.

---

[111] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 351.

[112] Отмечено А. А. Шахматовым (*А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 354, прим. 1, под 6827 г.).

Полученные данные не противоречат существующим в литературе наблюдениям относительно источников Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей в части до 1418 г. и характера их обработки. А. А. Шахматов показал, что основным источником Никаноровской летописи до известий 1418 г. была Софийская I летопись старшего извода, которую составитель Никаноровской летописи сокращал[113]. В основание Вологодско-Пермской (Великопермской) летописи, по мнению А. А. Шахматова, был положен протограф Никаноровской[114].

Сличение Вологодско-Пермской летописи непосредственно с Софийской I летописью произвел М. Н. Тихомиров[115]. Он также нашел, что текст в Вологодско-Пермской до 1418 г. представляет собой сокращение текста, читающегося в Софийской I леписи старшего извода. Таким образом, анализ Повести о смерти Михаила Тверского в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях подтверждает более широкие выводы А. А. Шахматова и М. Н. Тихомирова и в свою очередь подтверждается ими[116].

Текст летописи в сборнике Муз. 3271, содержащий статью 6827 г., в которой рассказывается о казни Михаила Тверского, изучался А. Н. Насоновым и И. М. Кудрявцевым. А. Н. Насонов дал беглую характеристику летописных отрывков из этого сборника, указав, что они представляют собой извлечения из Софийской I летописи или ее протографа, а с 6930 г. текст отрывков близок Московскому своду 1479 г.[117] И. М. Кудрявцев показал, что летописный текст в сборнике Муз. 3271 совпадает с Вологодско-Пермской летописью[118]. Характеристика летописного отрывка в целом согласуется с теми наблюдениями, которые были сделаны в отношении помещенной в нем редакции Повести о смерти Михаила Тверского[119].

---

[113] *А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 354 и прим. 1.

[114] Там же, стр. 348.

[115] *М. Н. Тихомиров*. О Вологодско-Пермской летописи.— «Проблемы источниковедения», вып. III. М.—Л., 1940.

[116] Там же, стр. 229. М. Н. Тихомиров дополнил наблюдения А. А. Шахматова о совпадении чтений списков О, К Софийской I летописи с чтениями Вологодско-Пермской летописи, указав на сходный текст под 1175, 1267 (в тексте опечатка — 1167 г.) и 1294 гг.

[117] *А. Н. Насонов*. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы).— «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 251.

[118] *И. М. Кудрявцев*. Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания. Материалы к исследованию.— «Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей», вып. 22. М., 1962, стр. 225—233.

[119] Когда данная работа была уже сдана в издательство, вышла из печати статья Я. С. Лурье «Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в.» — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973. Ее автор пришел к выводу о существовании сводов 50—60-х годов XV в., самый поздний из которых послужил источником Никаноровской летописи. Рамки настоящей

Следует указать на некоторые различия между чтениями Повести в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, с одной стороны, и сборнике Муз. 3271, с другой, причем чтения в сборнике Муз. 3271 в ряде случаев оказываются ближе к Софийской I летописи старшего извода, т. е. к общему источнику указанных летописей.

Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи	Сборник Муз. 3271	Софийская I летопись
«азъ же терпя им и чаях» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 57; т. XXVI, стр. 100; Лондонский список Вологодско - Пермской летописи (далее—Л), л. 134 об.)	«аз же терпяхъ имь и чаяхъ» (л. 111)	«азъ же терпяхъ имъ и чаяхъ» (ПСРЛ, т. V, стр. 208)
«еже головы моея хотят» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 57; т. XXVI, стр. 100; Л, л. 134 об.)	«еже головы моея ловять» (л. 111)	«еже головы моея ловять» (там же)
«и умиришася и крестъ целоваше» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 57; т. XXVI, стр. 101; Л, л. 135)	и умиришася и крестъ целоваста» (л. 112)	«и умирившися и крестъ цѣловаста» (списки К, О—там же, стр. 209, вар. к)
«зане же обаженъ еси царю» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 58; т. XXVI, стр. 101; Л, л. 135)	«зане же обажен еси ко царю» (л. 112 об.)	«зане же обаженъ еси ко царю» (там же, стр. 210)
«и не вмѣниша себѣ ни мала словиси праведнаго» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 58; т. XXVI, стр. 102; Л, л. 137)	«и не вмѣниша себѣ ни мала словеси преподобнаго» (л. 114 об.)	«и не вмѣниша себѣ нимало словеси преподобнаго» (там же, стр. 211)
«не престая, пояше Псалтырь» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 59; т. XXVI, стр. 103; Л, л. 137 об.)	«не престаяше поя Псалтырь» (л. 115)	«не престаяше поя Псалтирь» (там же, стр. 211, вар. з)
«в болшии чести будет» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 59; т. XXVI, стр. 103; Л, л. 138).	«въ болшии чести будеши» (л. 115 об.)	«въ болшей чести будеши» (там же, стр. 212)
«яко дугу небу преклоняютщуся над хлевину святаго» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 61; т. XXVI, стр. 106; Л, л. 141)	«яко дугу небесну преклоняющуся над хлѣвину святого» (л. 120)	«яко дугу небесную прикланяющюся надъ хлѣвину святаго» (там же, стр. 215)

монографии не позволяют подробно рассмотреть всю аргументацию Я. С. Лурье, ряд исходных моментов которой вызывает возражения. Это тема большого самостоятельного исследования. Представляется все же, что указанные своды являются извлечениями из более поздних летописных памятников.

В то же время нельзя считать, что Повесть в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях восходит к тексту сборника Муз. 3271. Последний изобилует описками, которых нет в указанных летописях. Вот наиболее характерные: «Силѣевьского» (л. 112) вместо «Синѣевского» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 57 и т. XXVI, стр. 101); «понгы узами» (л. 114 об.) вместо «понесы и узами» (там же, т. XXVII, стр. 58 и т. XXVI, стр. 102); «река кому князь Юрье река» (л. 118 об.) вместо «река великому князю Юрью» (там же, т. XXVII, стр. 60 и т. XXVI, стр. 105); «повеликыи же князь Юрье» (л. 118 об.) вместо «великии же князь Юрье» (там же, т. XXVII, стр. 60 и т. XXVI, стр. 105).

Из приведенных сопоставлений видно, что текст Повести в сборнике Муз. 3271 в ряде случаев старше текста протографа Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей и, в свою очередь, восходит к общему с ними протографу. Подобный факт имеет важное значение при восстановлении общего протографа летописного отрывка из сборника Муз. 3271, Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей.

Время составления редакции Повести в Никаноровской и в близких к ней летописях определяется двумя крайними датами. При составлении Никаноровской летописи был использован, по-видимому, свод 1479 г. Понятно, что переработка Повести не могла быть сделана ранее этого года. Древнейший список редакции относится к концу XV в. Следовательно, рассматриваемая редакция Повести о Михаиле Тверском появилась примерно в последние два десятилетия XV в.

Сокращение текста статьи 6827 г. Софийской I летописи старшего извода в Никаноровской и сходных летописях привело не только к обеднению фактической части рассказа, но и к несколько иной идейной окраске памятника. Опущенными оказались речи Михаила, зачастую представлявшие собой обильные цитаты из священного писания, авторские оценки событий и людей, в отношении Михаила преисполненные панегирического духа. Значительно меньшее внимание к благочестивым словам и помыслам Михаила, его смирению и склонности к самопожертвованию, качествам, расцвеченным в рассказе Софийской I летописи, является самой характерной чертой новой редакции. Мученический ореол Михаила в рассказе Никаноровской летописи блекнет, тверской князь предстает не столь идиллической фигурой, как в Софийской I летописи.

К оценкам московско-тверского соперничества, татарской политики на Руси, содержавшимся в его источнике, редактор Повести в Никаноровской летописи отнесся почти безразлично. Он сохранил титулование Михаила и Юрия великими князьями, оставил нелестные отзывы о Кавгадые. В то же время редактор опустил некоторые факты, свидетельствовавшие о борьбе московского и тверского князей, а также отдельные резко отрицательные характеристики хана Узбека и его окружения, но та-

ких сокращений очень немного, и не всегда ясно, итог это сознательной или механической правки.

Характер переработки Повести в полной мере может выясниться только при изучении идейной направленности всего летописного свода, который лег в основание летописного текста из сборника Муз. 3271, Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей. А. А. Шахматов указал на стирание в этом своде следов вольностей новгородских, сделанное с промосковских позиций [120].

Основываясь на материалах Вологодско-Пермской летописи, вывод А. А. Шахматова принял и развил М. Н. Тихомиров [121]. Многое из сказанного ими относится и к недошедшему оригиналу этих летописей, но темных пятен остается немало. Политическую направленность свода, к которому восходят указанные летописи, можно было бы лучше понять, зная, где он был составлен. Прямых указаний на это нет, возможны лишь некоторые предположения. Казалось бы, наличие промосковской редакции некоторых известий свода ведет к Москве, но в 80-е и 90-е годы XV в. промосковские оценки исторических событий, ставшие официальными, могли появиться и в летописании других центров молодого Русского государства [122].

Интересно, что во всех сохранившихся списках Никаноровской и близких к ней летописей довольно заметно одно языковое явление: мена *ѣ* на *и* [123]. Такая особенность ведет к Новгороду, Вологде, Перми. Не является ли она показателем того, что общий протограф этих летописей был составлен в одном из указанных городов [124]? Определение места, откуда произошел протограф, более углубленное изучение его политической тенденции поможет яснее понять и характер редакции Повести о смерти Михаила Тверского в этом летописном своде.

---

[120] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 355 и прим. 1; стр. 357. М. Д. Приселков ошибочно приписал эти исправления сводчику 1472 г. (*М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв., стр. 176).

[121] *М. Н. Тихомиров.* О Вологодско-Пермской летописи, стр. 239—240.

[122] К такому же выводу приходит и Я. С. Лурье (*Я. С. Лурье.* Новые памятники русского летописания конца XV в.— «История СССР», № 6, 1964, стр. 131).

[123] Языковые явления, характерные для северных говоров, отмечены и на материале сборника Муз. 3271 (*И. М. Кудрявцев.* Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания. Материалы к исследованию, стр. 225).

[124] А. А. Шахматов и М. Н. Тихомиров показали связь Вологодско-Пермской летописи с пермским владычным двором. И. М. Кудрявцев убедительно относит составление всего сборника Муз. 3271 к канцелярии пермского епископа Филофея. Не составлена ли и Никаноровская летопись при дворе пермских владык как общерусская основа для местного вологодско-пермского свода?

5. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В РЕДАКЦИИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Летописные своды XVI в., восходящие к Софийской I летописи[125], дали две редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского. Речь идет о Воскресенской летописи и Степенной книге.

В Воскресенской летописи Повесть о смерти Михаила Тверского помещена под 6827 г. и озаглавлена: «Убиение князя Михаила Ярославича Тверскаго въ Ордѣ отъ царя Озбяка»[126]. Повесть разделена на две части. Первая часть кончается сообщением о привозе тела Михаила в Москву и замечанием, что в Твери ничего не знали об убийстве своего князя. Вторая часть начинается с известия о возвращении Юрия Московского из Орды на Русь. Она представляет собой отдельную летописную статью тоже 6827 г., имеющую свой заголовок: «О приходѣ великаго князя Юрья изъ Орды» (стр. 197, прим. щ).

Сравнение первой части Повести в Воскресенской летописи со всеми более ранними редакциями памятника в составе летописных сводов показывает, что в ее основе лежит Софийская I летопись младшего извода. В редакции Повести, представленной Воскресенской летописью, есть, например, текст от слов «о томъ рече господь пророкомъ» до слов «всякою казнию не пощажу васъ», от слов «яко же бо о таковыхъ рекоша дѣти царския» до слов «се бысть за наша согрѣшения» (стр. 189), которого нет ни в редакции свода 60-х годов XV в. (читается в Московском своде 1479 г.), ни в редакции свода двух последних десятилетий XV в. (читается в Никаноровской летописи), ни тем более в Ермолинской летописи. Он есть только в Софийской I летописи. В Воскресенской летописи Михаил не титулуется великим князем, а про Кавгадыя сказано, что он умер, «не пребывъ убо ни единаго лѣта» (стр. 196). Последние особенности ведут к Софийской I летописи младшего извода.

Из всех летописных сводов, где читается редакция Повести о смерти Михаила Тверского Софийской I летописи младшего извода, самым близким к первой части Повести в Воскресенской летописи оказывается свод в списке Царского. Это выясняется сопоставлением чтений Воскресенской летописи, списка Царского и всех других списков Софийской I летописи.

---

[125] В подавляющем большинстве летописных сводов XVI—XVIII вв. имеются те редакции Повести о смерти Михаила Тверского, которые в настоящей главе рассмотрены выше.

[126] ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 188, прим. с. Далее ссылки на Воскресенскую летопись в тексте даются по этому изданию.

Воскресенская летопись	Список Царского [127]	Другие списки Софийской I летописи [128]
«и бысть туга велика» (стр. 190)	«и бысть туга велика» (л. 167 об.)	«и бысть туга немала» (стр. 208)
«яко снопы въ жатву» (стр. 190)	«яко снопы в жатву» (л. 168)	«яко снопы въ жатву на нивѣ» (стр. 209)
«никоея же язвы» (стр. 190)	«никоея же язвы» (л. 168 об.)	«никоея же раны» (стр. 209)
«избави ихъ плѣна множество душа» (стр. 190, вар. аа)	«избави ихъ плена множество душа» (л. 168 об.)	«избави изъ плѣна множество душа» (стр. 209)
«абы чимъ помочи» (стр. 191)	«абы чимъ помочи» (л. 168 об.)	«абы ны чимъ помочи» (стр. 209)
«посла сына своего Костянтина» (стр. 191)	«посла сына своего Костянтина» (л. 169)	«посла сына своего князя Костянтина» (стр. 209)
«како бы ми помочи» (стр. 191)	«како бы ми помочи» (л. 169)	«како бы ны помочи» (стр. 209)
«негли бы прощение приялъ» (стр. 194)	«негли бы прощение приалъ» (л. 172)	«прощение получилъ» (стр. 212)
«съѣхалося бѣше отъ всѣхъ языкъ и многое множество» (стр. 194)	«съѣхалося бѣше от всѣх языкъ и многое множество» (л. 172 об.)	«съѣхалося бѣше множество отъ всѣхъ языкъ» (стр. 212)
«рече же отъ своихъ единъ отъ стоящихъ ему» (стр. 194)	«рече же от своих единъ от стоящихъ ему» (л. 172 об.)	«рече же единъ отъ своихъ предстоящихъ ему» (стр. 212)
«звата и по святую душю» (стр. 195)	«звата и по святую душу» (л. 173)	«звата и по святую душу его» (стр. 213)
«отбѣгоша во станы» (стр. 196)	«отбѣгоша в станы» (л. 174 об.)	«отбѣгоша въ станы своя» (стр. 214)
«святъ есть князь же си» (стр. 197)	«святъ есть князь же сии» (л. 175)	«святъ есть князь сии» (стр. 214)
«пришедшу ему исповѣда» (стр. 197)	«пришедшу ему исповѣда» (л. 175 об.)	«пришедше исповѣда» (стр. 215)

Примеры общих чтений в первой части Повести Воскресенской летописи со списком Царского можно увеличить.

Как и весь список в целом [129], Повесть о смерти Михаила в списке Царского подверглась правке, сделанной почерком и чернилами, отличными от почерка и чернил, которыми написана вся рукопись. Правка коснулась следующих фраз. Во фразе «и выходъ вдалъ есмь» списка Царского после слова «вы-

[127] ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 248 (231). Далее ссылки в тексте даны по этой рукописи.

[128] Ссылки в тексте на Софийскую летопись даются по изданию: ПСРЛ, т. V. СПб., 1851.

[129] Характеристику списка см. в статье Л. Н. Пушкарева «К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи» («Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959, стр. 434—435).

ходъ» добавлено слово «царю» (л. 167 об.). Первоначальная фраза читается в Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 208, вар. и, і), а исправленная — в Воскресенской (ПСРЛ, т. VII, стр. 190). К фразе «и бысть сѣчя велика» добавлено «на мѣстѣ нарицаемѣм Бортеневѣ» (л. 168). Первоначальная фраза читается в Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 209, ср. вар. г), исправленная — в Воскресенской (ПСРЛ, т. VII, стр. 190). Во фразе «аже тя слышаща царствующа» слово «аже» переделано на «а преже» (л. 172 об.). Первоначальная фраза читается в Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 212, вар. н), исправленная — в Воскресенской (ПСРЛ, т. VII, стр. 194). Во фразе «разъгнавше блаженаго вси люди его» после слова «разъгнавше» вставлен предлог «от» (л. 174). Первоначальная фраза читается в Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 214, ср. вар. а), исправленная — в Воскресенской (ПСРЛ, т. VII, стр. 196). Во фразе «и доска, на неи единако на дъскѣ привязана» слова «на дъскѣ» заменены словом «ужи» (л. 174 об.). Исправленная фраза читается в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, стр. 196), в списках О, К Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 214, вар. и) и, что особенно важно отметить, в Московском своде 1479 г. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 165).

Следует указать случаи исправления явных описок в списке Царского позднейшим правщиком. Во фразе «слава тебѣ, владыко человѣколюбче» буквы «любче» написаны на верхнем поле со знаком вставки (л. 171). Исправлена явная описка. И в Софийской I, и в Воскресенской летописях читается «человѣколюбче» (ПСРЛ, т. V, стр. 211; т. VII, стр. 193). Во фразе «послушалъ въ свою вежу» первое слово исправлено на «пошелъ» (л. 172 об.), «досающи без правды» переделано в «досажающи без правды» (л. 171), «утвердишая въ оковань» — в «утвердиша я въ оковѣхъ» (л. 174 об.), «а не прикосся ему ничто же» — в «а не прикоснуся ему ничто же» (л. 174 об.), «или живу ему» — в «елѣ живу ему» (л. 175 об.). Исправленные фразы читаются как в Софийской I, так и в Воскресенской летописях.

Кроме дополнений и исправлений, позднейший правщик списка Царского сделал ряд неверных добавлений, искажающих смысл текста. Во фразе «но и паче вижю же главы моеа ловятъ» после слова «вижю» вставлено слово «его» (л. 167 об.). Фраза с новым словом, исказившим текст, читается в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, стр. 190, вар. и) и не читается в Софийской I (ПСРЛ, т. V, стр. 208). Во фразе «и про тѣх, же с ними были» поверх букв «тѣ» написана буква «х», а над буквой «х» буква «и» (л. 173). Получилось «и про тѣх их же с ними были». Эта фраза читается в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, стр. 195, вар. д, е) и не читается в Софийской I (ПСРЛ, т. V, стр. 213). Во фразе «и тамо слышавше гости» в последнем слове буква «г» была написана как «ғ». Правивший список Царского принял эту букву и следующую за ней букву

«о» за одну букву «ю» и вписал сверху над словом «гости» новые буквы «го» (л. 175). Получилось «и тамо слышавше ю гости». Искаженная после «поправки» фраза читается в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, стр. 197), первоначальная — в Софийской I (ПСРЛ, т. V, стр. 215). Такова та позднейшая правка, которой подверглась Повесть в списке Царского. Все исправления, даже явно неудачные, читаются в Воскресенской летописи.

Исключив из числа поправок такие, которые сделаны по смыслу или исправляют явные описки, получим ряд вставок в список Царского. Из всех вставок наиболее показательной является вставка о Бортеневе. В текст Повести о смерти Михаила Тверского название Бортенево впервые попало при обработке Повести в своде 60-х годов XV в. Естественно предположить, что Повесть в списке Царского правилась по Повести в летописи, восходившей к этому своду. Предположение подтверждается при сопоставлении исправленных чтений списка Царского с чтениями редакции Повести, восходящей к своду 60-х годов XV в. (цитируется по XXV тому ПСРЛ).

Список Царского	Московский свод конца XV в.
«а преже тя слышаща царствующа» (л. 172 об.)	«а преже слышаше тя царствующа» (стр. 164)
«разъгнавше от блаженаго вси люди его» (л. 174)	«разгнавше от блаженаго всѣ люди его» (стр. 165)
«и доска на неи единако ужи привязана» (л. 174 об.)	«и дъска на неи единако ужи привязана» (стр. 165)

Итак, Повесть в списке Царского правилась по редакции Повести свода 60-х годов XV в.

Теперь можно вернуться к основной теме данного раздела — Повести о смерти Михаила в Воскресенской летописи. Оказывается, что в последней нет тех описок списка Царского, которые в нем самом остались неисправленными.

Воскресенская летопись	Список Царского
«единаго отъ князей своихъ» (стр. 189)	«едино от князяи своих» (л. 167 об.)
«проклятаго Кавгадыя» (стр. 189)	«преклятаго Кавгадыя» (л. 167 об.; в Софийской I — «треклятаго»)
«на другую сторону Влъгы» (стр. 190)	«на другую страны Волги» (л. 167 об.)
«другую сторону» (стр. 190)	«а друю страну» (л. 168)
«возложиша колоду велику» (стр. 193)	«възложиша колодо велику» (л. 170 об.)

Эти примеры показывают, что составитель протографа Воскресенской летописи не всегда слепо копировал список Царского, но исправлял его явные описки. Более того, в первой части Повести Воскресенской летописи есть и другие отклонения от

списка Царского. Михаил Ярославич назван внуком не Всеволода Юрьевича, а Ярослава Всеволодовича. что правильно. Исправление могло быть сделано по смыслу составителем протографа Воскресенской летописи, хорошо знавшим княжеские родословные[130]. Вместо митрополита Петра, как в списке Царского (лл. 166 об., 167), в Воскресенской верно назван митрополит Максим (стр. 188, 189). Здесь речь может идти только о правке по какому-то источнику. Им могла быть лишь редакция Повести, читающаяся в Софийской I летописи старшего извода, или редакция, представленная сводом 1479 г.

Сделать выбор помогает анализ второй части Повести в Воскресенской летописи. Вопреки ожиданиям, составитель Воскресенской летописи не использовал до конца свой основной источник — список Царского. Заключительная часть Повести списана им не со списка Царского, а с редакции, известной по своду 1479 г. Переход к новому источнику в Воскресенской летописи виден уже в дублировании года. Обе части Повести читаются под 6827 г., хотя в них повествуется о событиях разного времени. Текстологическое сравнение уточняет вопрос о том, какой именно источник был использован во второй части Повести.

Воскресенская летопись	Московский свод конца XV в.	Список Царского
«О приходѣ великаго князя Юрья изъ Орды. Въ лѣто 6827. Князь великии Юрьи Даниловичь приде въ Русь на великое княжение» (стр. 197, вар. щ)	«О приходѣ великаго князя Юрья из Орды. В лѣто 6827. Князь велики Юрьи Данилович прииде в Русь на великое княженье» (стр. 166 и прим. а)	«На другое же лѣто прииде в Русь великыи князь Юрьи Даниловичь на великое княжение» (л. 175 об.)
«яко князь Михайло убиенъ бысть» (стр. 197)	«яко князь Михаило убьенъ бысть» (стр. 166)	«яко князь Михаило убиенъ есть» (л. 175 об.)
«не бѣ слышати» (стр. 198)	«не бѣ слышати» (стр. 166)	«не бяше слышати» (л. 176)
«и не можаху раки донести къ церкви тѣсноты ради народа» (стр. 198)	«не можаху ракы донести церкви тѣсноты ради народа» (стр. 166)	«И не можаху нести ракы блаженаго къ церкви» (л. 176)
«Тако бо удиви» (стр. 198)	«Тако бо удиви» (стр. 166)	«Како удиви богъ» (л. 176)

Из сопоставления ясно видно, что вторая часть Повести о смерти Михаила Тверского в составе Воскресенской летописи совпадает с редакцией, восходящей к своду 60-х годов XV в. Поскольку вторая часть Повести в Воскресенской летописи заимствована из редакции, известной по своду 1479 г., естественно считать, что для поправок в первой части Повести Воскре-

[130] Ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 231—240.

сенской летописи (замена имени митрополита Петра именем Максима) была использована та же редакция. Она же послужила источником исправлений в списке Царского, который был взят за основу при составлении Воскресенской летописи.

Наблюдения над источником правки Повести о смерти Михаила Тверского в списке Царского, а также над источниками Повести в составе Воскресенской летописи вполне совпадают с теми выводами, какие имеются в литературе относительно источников списка Царского (всех позднейших вставок) и Воскресенской летописи в целом. А. А. Шахматов писал, что список Царского «переработал текст Софийской I-й летописи на основании Московского свода»[131]. Судя по примечанию, где А. А. Шахматов отметил помарки в списке Царского, под переработкой он понимал позднейшие исправления. Текст, который А. А. Шахматов приводит в примечании, читался в своде 1479 г.[132] Что касается Воскресенской летописи, то в ее основание, по мнению того же исследователя, «положен Московский свод, доведенный до 1479 г., систематически сближенный с текстом Софийской I-й, и список Царского»[133]. Очевидно, что свод 1479 г. послужил источником обеих летописей (в списке Царского — для позднейшей правки). Этот свод содержал именно ту редакцию Повести, которая, как выяснено выше, была использована для правки текста Повести в списке Царского и в качестве источника в Воскресенской летописи. Наличие одинакового источника у правщика списка Царского (последний послужил основой Воскресенской летописи) и у составителя последней, характер работы этого составителя (он исправил те ошибки, которые были в основном тексте, но почему-то точно скопировал погрешности списка Царского, которые получились в результате позднейшей правки списка), заставляет думать, что правщик списка Царского и составитель оригинала Воскресенской летописи — одно и то же лицо. В таком случае правленый список Царского следует признать сохранившимся непосредственным источником Воскресенской летописи. Впрочем, для окончательного подтверждения сказанного необходимо полное сличение списка Царского с Воскресенской летописью.

Если Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского в Воскресенской летописи довольно четко отличается от редакций Повести в других летописных сводах своими источниками, то этого нельзя сказать о ее идейной окраске.

Идейные особенности Повести в Воскресенской летописи чрезвычайно близки идейным особенностям Повести в Софий-

---

[131] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 353 и прим. 1. Анализу списка Царского А. А. Шахматов посвятил особую главу, но она до сих пор не найдена (там же, стр. 216, прим. редакции).

[132] ПСРЛ, т. XXV, стр. 138.

[133] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 370.

ской I летописи младшего извода. Характеристика последних может быть распространена и на идейные особенности Повести в Воскресенской летописи.

Любопытно иное, именно то, что составитель Воскресенской летописи, имея две редакции Повести (в списке Царского и своде 1479 г.), в идейном отношении определенно отличавшиеся друг от друга, предпочел редакцию в списке Царского, менее промосковскую, чем в своде 1479 г. Вероятно, выбор был обусловлен большей полнотой редакции списка Царского по сравнению со сводом 1479 г. Здесь могли проявиться литературные вкусы составителя. Но нужно также обратить внимание на то обстоятельство, что Воскресенская летопись составлялась в конце 30-х — начале 40-х годов XVI в.[134], в период боярского правления, когда могли не так чувствительно относиться к вопросу о политическом престиже московских великих князей былого времени[135].

6. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В РЕДАКЦИИ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

Последняя из всех летописных редакций XVI в. Повести о Михаиле Тверском появилась в Степенной книге. В громадный труд, в отличие от всех других летописных сводов давший не погодное изложение событий, а только генеалогию правящей династии, был включен и рассказ о Михаиле. Он был помещен в 6-й главе 10-й степени и имел заголовок: «Страдание за християны во Ордѣ блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго. Сего Михаила отецъ Ярославъ, братъ Александру Невскому, о немъ же зри въ коньцы 8-я грани» (стр. 333)[136].

---

[134] А. А. Шахматов считал, что первоначальные редакции Воскресенской летописи доводили рассказ до 1533 и 1537 гг. (*А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 370). С. А. Левина полагает, что Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г. сторонником правительства Шуйских. Последнее стояло у власти до 23 декабря 1543 г. (*С. А. Левина*. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века.— ТОДРЛ, т. XI. М.— Л., 1955, стр. 376, 379). Поправку ко второй дате см. в работе Д. С. Лихачева «Текстология» (М.— Л., 1962, стр. 274).

[135] Любопытно отметить, что правщик списка Царского, являвшийся, по нашему мнению, одним из составителей Воскресенской летописи, вычеркнул в статье 6678 г. резкий выпад против новгородцев, а в статье 6879 г.— такой же выпад против рязанцев (ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 248, лл. 99 и 196; см. также ПСРЛ, т. V, стр. 164, прим. б и стр. 232, прим. а) В Воскресенской летописи злая реплика в адрес новгородцев и сердитая характеристика рязанцев остались, но попали они туда не из списка царского, а из Московского свода 1479 г. (ПСРЛ, т. VII, стр. 87, под 6679 г.; т. VIII. СПб., 1859, стр. 18, под 6879 г.; ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 82, 187). Кроме того, в списке Царского вычеркнут целый ряд колких замечаний в адрес бояр (ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 248, лл. 259 об., 278 об., 284 об.).

[136] Здесь и далее ссылки на Степенную книгу даются в тексте по изданию: ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908.

Текст Повести в Степенной книге представляет собой несколько переработанную статью из летописи, близкой к Софийской I летописи младшего извода. Как и в последней, в Степенной книге вместо митрополита Максима фигурирует митрополит Петр (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 333, 334; ср. там же, т. V, стр. 207, вар. і и стр. 208, вар. а); нет сообщения о том, что русские князья «написаша многа лжесвѣдѣтельства на блаженаго великого князя Михаила» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 335; ср. там же, т. V, стр. 209); о том, что Михаил «избави насъ множество своею кровию отъ многоразличныхъ бѣдъ» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 336; ср. там же, т. V, стр. 210, вар. д); «великим князем» постоянно титулуется только Юрий Данилович, о Кавгадые сказано, что он скончался, «не пребывъ убо ни едино лѣто» после Михаила (там же, т. XX, ч. 1, стр. 341). Следующие чтения также говорят о близости текста Повести в Степенной книге к Софийской I летописи младшего извода: «аще и творяста миръ между себе» (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 334; ср. там же, т. V, стр. 208, вар. д); «поидоша напредъ во Орду» (там же, т. XX , ч. 1, стр. 335; ср. там же, т. V, стр. 209, вар. м); «во едино вежу за царевъ дворъ» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 336; ср. там же, т. V, стр. 210, вар. з); «и послу на брани одолѣхъ» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 337; ср. там же, т. V, стр. 211, вар. б; «одолѣх», видимо, появилось под влиянием чтения «избивахъ», как в некоторых списках Софийской I летописи младшего извода, вместо правильного «избавихъ»); «хотя и на своего племянника» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 339; ср. там же, т. V, стр. 212, вар. і); «селико народа множество стоящихъ» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 339; ср. там же, т. V, стр. 212, вар. м); «и обрѣтоша святого стояща на молитвѣ» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 340; ср. там же, т. V, стр. 214, вар. б); «не можаху донести раки блаженнаго» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 342; ср. там же, т. V, стр. 215, вар. в).

По сравнению с Софийской I младшего извода в Степенной книге встречаются отдельные пропуски. Так, нет фразы «то и азъ отступаюся тебѣ, княжи на великомъ княжении» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 334; т. V, стр. 208), фразы «побѣди благовѣрныи князь Михайло» (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 335; т. V, стр. 209); фразы «Кавгадый же и великий князь Юрий приѣхаша вскорѣ надъ тѣло его» (там же, т. XX, ч. 1, стр. 340; т. V, стр. 214). Все эти пропуски в Степенной книге объясняются гаплографией.

Небольшие вставки отличают текст Повести в Степенной книге от его источника. В Книге Степенной царского родословия точно указаны предки Михаила Ярославича: дед Ярослав Всеволодович и прадед Всеволод Юрьевич (стр. 333). Рассказывая о посажении на великокняжеский стол тверского, а не московского князя, составители Степенной книги объясняют причины этого тем, что «благоволи же богъ тогда быти на великомъ княжении князю Михаилу» (стр. 334). Фраза является как бы лакмусовой бумажкой, помогающей сразу же определить редакцию

Степенной книги или производную от нее. В текст Повести Степенной книги введен новый заголовок: «Молитва» (стр. 337).

Однако основная переработка Повести составителями Степенной книги заключалась в изменении языка и стиля источника, его фразеологии. Так, вместо фразы, читающейся в Софийской I летописи младшего извода, «княжащу ему въ отчинѣ своей» (стр. 207) в Степенной написано «державствующю же ему во отечествии своемъ» (стр. 333); вместо «чего въсхочешь изъ отчины вашея, то ти дасть» (стр. 207) — «его же восхощеши во отечествии вашемъ, невозбранно отъ него восприимеши» (стр. 333); вместо «свадиша братию» (стр. 207) — «свадиша христоименитыхъ князей единоплеменныхъ» (стр. 333); вместо «бывши прѣ велицѣ межи ими» (стр. 208) — «бывшю сопрѣнию велику межу има» (стр. 334); «обадилъ тя есть ко царю Кавгадый» (стр. 210) — «обадилъ бо есть на тя ко царю Кавгадый» (стр. 336, вар. 3 и вар. 4); «давъ имъ рядъ, написа грамоту» (стр. 210) — «давъ имъ розрядъ и грамоту написа» (стр. 336); «царь же дасть ему пристава» (стр. 210) — «царь же даде ему приставника» (стр. 336); «и тако на всякъ часъ моляся богови» (стр. 212) — «таковѣми глаголы на всякъ день моляся богови» (стр. 338). Приведем еще несколько примеров изменения лексики Повести в Степенной книге: «болшая дары» (стр. 208) — «сугубѣйшая дарования» (стр. 333); «отъ поповъ» (стр. 209) — «отъ всего священнаго собора» (стр. 335); «думаша же бояре» (стр. 210) — «совѣтоваху же боляря» (стр. 336).

Изменения языка и стиля Повести о смерти Михаила Тверского находятся в полном соответствии с той литературной манерой обработки источников, которая была присуща составителям Степенной книги. В памятнике данной редакции нашли отражение и характерные черты макарьевской литературной школы, последователями которой были редакторы Степенной книги; и типичный провиденциализм XVI в., объяснявший получение Михаилом великокняжеского стола божественным промыслом [137]; и замыслы самих составителей Степенной книги, излагавших главным образом историю московского великокняжеского дома, а потому поместивших Повесть о Михаиле в последней главе 10-й степени, после рассказов об Иване Калите и митрополите Петре, младших современниках тверского князя. Нарушение исторической последовательности было связано с желанием подчеркнуть наследственные права на великое княжение Владимирское исключительно московских князей.

В соответствии со своими литературными задачами — дать возможно полную биографию князей [138] — составители Степен-

---

[137] Возможно, здесь сказались также и средневековые теории о божественном происхождении верховной власти.

[138] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 242—243.

ной книги поместили один из самых обстоятельных рассказов о Михаиле.

Небольшая заметка об изгнании татар из Ростова, идущая в Степенной книге непосредственно за Повестью и восходящая к той же Софийской I летописи[139], является как бы оптимистическим противопоставлением трагическому повествованию о гибели в Орде русского князя. Видимо, антиордынская публицистика в Повести о смерти Михаила была созвучна эпохе, она была понята и принята составителями Степенной книги.

Степенная книга на протяжении более чем двух столетий была любимым чтением на Руси. Об этом свидетельствуют многочисленные списки памятника, его переработки, выписки отдельных статей. В частности, Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского в редакции Степенной книги нередко попадается в составе различных сборников.

Исследование Повести о Михаиле Тверском в той ветви русского летописания XV—XVI вв., которая берет свое начало от Владимирского Полихрона 1423 г. митрополита Фотия, показывает, что Повесть последовательно перерабатывалась в больших летописных сводах. Вместе с новой редакцией летописного свода появлялась и новая редакция Повести. В большинстве случаев переработка Повести заключалась в иной идейной окраске и в некотором изменении литературного стиля (редакции Софийской I летописи младшего извода, свода 60-х годов XV в., Ермолинской летописи, свода двух последних десятилетий XV в.), в использовании разных источников (в своде 60-х годов XV в. дополнительно была привлечена летопись, близкая Троицкой, в Воскресенской летописи были соединены два рассказа из разных редакций), наконец, составители Степенной книги сильно подновили язык Повести.

В сохранившихся до настоящего времени летописных сводах, генетически восходящих к митрополичьему своду 1423 г., самая старшая редакция Повести читается в Софийской I летописи старшего извода. Но и эта редакция не может быть признана первоначальной, она имеет поздние чтения и сохранила несомненные признаки механического включения в летописный свод.

7. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В РЕДАКЦИИ РОГОЖСКОГО ЛЕТОПИСЦА И БЛИЗКИХ К НЕМУ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ

Особый путь проделала Повесть о смерти Михаила в тверских летописных сводах. Известно, что тверские своды не сохранились в чистом виде. Позднейшие компиляторы сильно сокра-

[139] ПСРЛ, т. V, стр. 216, под 6828 г.

щали и изменяли тексты тверских летописных памятников, перебивали тверские статьи вставками из московских и ростовских сводов. В результате такой работы тверское летописание дошло в урезанном и фрагментарном виде. В 1909 г. А. А. Шахматов писал, что тверские летописи известны «в жалких отрывках, сбитых, перепутанных с заимствованиями из других сводов» [140]. Позднее были найдены новые тексты, содержавшие тверской летописный материал [141], и проведена работа по реконструкции тверского летописания [142]. Это позволяет успешнее решать вопросы, связанные с изучением Повести в тверской летописной традиции.

Рассказ о смерти в Орде Михаила Тверского в Рогожском летописце, Тверском сборнике, Забелинском и Толстовском его списках читается под 6826 г. (текст от слов «тому же лѣту исходящу, прииде въ Орду благовѣрныи князь Михаилъ» и до конца статьи) и под 6827 г. (текст от начала статьи до слов «яко вѣрныи строитель къ своему владыцѣ» включительно) [143]. Во фрагменте тверского летописного свода, напечатанном А. Н. Насоновым, тот же рассказ помещен под 6826 г. (текст от слов «И приѣха во Орду благовѣрныи князь» до конца статьи) и под следующим, 6831 г., ошибочно поставленным вместо 6827 г. (текст от начала статьи до слов «яко верныи строитель своему владыце» включительно) [144].

[140] *А. А. Шахматов.* Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909, стр. 4.

[141] После 1909 г. были напечатаны летописные записи 1390—1522 гг., относящиеся к Твери («Журнал 115-го заседания Тверской ученой архивной комиссии». Тверь, 1913, стр. 12—55. Их анализ см.: *В. А. Кучкин.* О тверском летописном материале в составе двух рукописных сборников.— «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 341—349). А. Н. Насоновым опубликован фрагмент тверского летописного свода особой редакции (*А. Н. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века.— «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 26—40).

[142] *А. Н. Насонов.* Летописные своды Тверского княжества.— «Доклады Академии наук СССР», 1926, ноябрь — декабрь, стр. 125—128; *он же.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия Академии наук СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9 и № 10.

[143] Рогожский летописец — ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стлб. 38—41; Тверской сборник — там же, т. XV. СПб., 1863, стлб. 410—413; Забелинский список — ГИМ, Муз. собр., № 288 б, лл. 149—150 об.; Толстовский список — ГПБ, F. IV. 214, лл. 323 об.— 327 (последнее название условно, поскольку текст Тверского сборника в рукописи ГПБ, F. IV. 214 дополнен другими источниками). На Толстовский список впервые обратил внимание А. А. Шахматов в своих «Разысканиях...» (*А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах.— ЛЗАК, вып. XX. СПб., 1908, стр. 454, прим. 1). Характеристика Толстовского списка дана А. Н. Насоновым (*А. Н. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века.— «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 26—28).

[144] *А. Н. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века, стр. 35—37. В дальнейшем этот отрывок летописного свода для краткости будем называть фрагментом.

В Рогожском летописце, Тверском сборнике, Забелинском и Толстовском списках текст Повести почти тождествен [145]. Это указывает на наличие одной редакции Повести о Михаиле во всех перечисленных сводах [146].

Судя по некоторым чтениям: «едутъ на мое убиение» вместо «идут...» (далее во всех списках сообщается, что Юрий и Кавгадый «съсѣдоста съ конеи у тръгу», т. е. они действительно ехали), «черньци» вместо «чернечьскыи чинъ», лучший текст читается в Рогожском летописце [147].

Больше отличий от текстов Рогожского летописца, Тверского сборника, Забелинского и Толстовского списков обнаруживает текст фрагмента Тверского летописного свода [148]. Во фрагменте

---

[145] Смысловые разночтения весьма немногочисленны: «одари князи и царици» (Рог., стлб. 38; Тв., стлб. 411) — «одари князя и царици» (Заб., л. 149 об.; Толст., л. 325); «с многымъ усиленнемь моляся» (Рог., стлб. 39) — в остальных списках первых двух слов нет (Тв., стлб. 411; Заб., л. 149 об.; Толст., л. 325 об.); «едутъ на мое убиение» (Рог., стлб. 39) — «идут на мое убиение» (Тв., стлб. 411—412; Заб., л. 149 об.; Толст., л. 325 об.); «князь Михаилъ» (Рог., стлб. 40) — «князь Михаил Ярославич» (Тв., стлб. 412; Заб., л. 149 об.; Толст., л. 325 об.); «положиша и въ церкви святаго Спаса» (Рог., стлб. 40) — «и положиша его въ церкви святаго» (Тв., стлб., 412; Заб., л. 150; в Толст. добавлено «архистратига Михаила», л. 326); «положиша его честнѣ въ церкви святаго Спаса» (Рог., стлб. 40) — «положиша его честно [*нет в Тв., Толст.*] въ церкви святаго Спаса у отца его» (Тв., стлб. 412; Заб., л. 150; Толст., л. 326); «любяше черньци» (Рог., стлб. 41) — «любяше чернечьскыи чинъ» (Тв., стлб. 413; Заб., л. 150; Толст., л. 326 об.).

[146] Тверской летописный материал в Тверском сборнике, Забелинском и Толстовском списках восходит к одному протографу, который, в свою очередь, имеет общий источник с Рогожским летописцем.

[147] В дальнейшем ссылки на данную редакцию памятника будут приводиться в тексте по этому источнику.

[148] Приводим все существенные смысловые разночтения между текстами Рогожского летописца и других сводов, с одной стороны, и текстом фрагмента, с другой стороны (не приводятся разночтения типа «у моря Сурожьскаго» — «к морю Сурожску» и разночтения, в которых изменен лишь порядок слов): «Тому же лѣту исходящу прииде въ Орду благовѣрныи князь Михаилъ» (стлб. 38) — «И приѣха во Орду благовѣрныи князь, исходяшу ему» (стр. 35); «септября 6» (стлб. 38) — «сентября в 6 день на память чюдеси архистратига Михаила» (стр. 35); «Они же судивше» (стлб. 39) — «Судивше же» (стр. 35); «виною оболгаша его къ безаконному царю Озбяку» (стлб. 39) — «виною рекоша ко царю, оболгаша» (стр. 35); «Въ вторую же недѣлю» (стлб. 39) — «В девятую недѣлю» (стр. 35); «и повелѣ начати» (стлб. 39) — «Потом повелѣ начати» (стр. 35); «Присѣдящи у него сыну его Костянтину и обычьнымъ его, и рече» (стлб. 39) — «предсѣдящу у него сыну его Костянтину. И рече блаженныи» (стр. 35); взяша отъвѣтъ» (стлб. 39) — «прииде отвѣтъ от царя» (стр. 35); «И се единъ отъ слугъ его» (стлб. 39) — «И се единъ от предстоящихъ его» (стр. 35); «Кавгадыи и Юрии едутъ» (стлб. 39) — «Кавгадыи и людие едутъ» (стр. 35); «Кавгадыи же и Юрии съсѣдоста съ конеи у тръгу» (стлб. 39) — «Кавгадыи же и Юрьи ссѣдоша у торгу» (стр. 35—36); «Онъ же бѣ стоя» (стлб. 39) — «блаженныи же стоя» (стр. 36); «Похващьше и за соху» (стлб. 39) — «И похватиша созади святаго» (стр. 36); «и обращаа ножемъ отърѣза честное сердце его» (стлб. 39) — «и вихляя ножемъ отрѣзая сердце» (стр. 36); «ноемвриа 22 въ часъ 6 дне» (стлб. 40) — «ноября въ 22 день, на память святаго апостола Филимона, среду, въ

много явно испорченных чтений: вместо «лѣту исходящу» — «исходяшу ему», «вторую же недѣлю» — «девятую недѣлю», ошибка произошла, видимо, от того, что цифра 2 (В҃) была принята за цифру 9 (Ѳ҃); «Кавгадыи и Юрии едутъ» — «Кавгадыи и людие едутъ», но далее во фрагменте говорится уже не о людях, а о Юрии; «мученикъ, иже пострадаша» — «мучение, иже пострадаша» и т. д. Однако во фрагменте есть два чтения, которые явно древнее соответствующих чтений Рогожского летописца и других: «прииде отвѣтъ от царя» вместо «взяша отъвѣтъ» и указание на день недели в дате смерти Михаила («ноября въ 22 день... среду» вместо «ноемвриа 22»).

Тем не менее все разночтения между Рогожским летописцем и фрагментом не таковы, чтобы говорить об особой редакции Повести во фрагменте. Это одна и та же редакция. В двух случаях текст Повести во фрагменте оказывается несколько ближе к общему протографу редакции по сравнению с Рогожским летописцем, Тверским сборником, Забелинским и Толстовским списками. В гораздо же большем числе случаев текст фрагмента содержит более поздние чтения. Подобная характеристика Повести о Михаиле в составе фрагмента тверского летописного свода в целом согласуется с анализом всего фрагмента, произведенным А. Н. Насоновым. Сравнивая фрагмент с Рогожским ле-

---

6 часъ дне» (стр. 36); «тѣло блаженаго Михаила» (стлб. 40) — «тѣло блаженного князя Михаила» (стр. 36); «и съ нимъ Костянтинъ Михаилович» (стлб. 40) — «и с нимъ князь Костянтинъ Михайловичь» (стр. 36); «приехи на Тферь Прохоръ» (стлб. 40) — «приѣха Прохор» (стр. 36); «честное же и святое тѣло князя Михаила» (стлб. 40) — «честное же (в публикации А. Н. Насонова «честно, еже» — *В. К.*) и святое тѣло великаго князя Михаила» (стр. 36); «септября 6» (стлб. 40) — «сентября въ 6 день, на память чюдеси архангела Михаила» (стр. 36); «Тогда же изыде весь градъ» (стлб. 40) — «Тогда изыде весь народ» (стр. 36); «плачь велеи сътвориша и рыдание» (стлб. 40) — «плачь велик сотвориша и рыдание много» (стр. 36); «пѣвше надъ нимъ обычное пѣние нагробное и положиша его честнѣ въ церкви святаго Спаса» (стлб. 40) — «пѣние над ним надгродное (так в издании — *В. К.*) пѣвше, положиша в церкви всемилостиваго Спаса» (стр. 36); «Сеи блаженыи и христолюбивыи князь Михаилъ Ярославич» (стлб. 40) — «Сеи благовѣрныи и христолюбивыи великии князь Михаил Ярославичь» (стр. 36); «одолѣваше противнымъ» (стлб. 40) — «одолѣваше ратнымъ» (стр. 36); «бѣше бо блаженыи» (стлб. 40) — «бяше бо святыи и блаженныи» (стр. 36); «по вся дни и нощи, любяи правду» (стлб. 40) — «по вся дни, нищих любя и правду» (стр. 36); «любяше черньцы, подаа трѣбованиа имъ» (стлб. 41) — «любя черноризицъ и падая потребная имъ» (стр. 36); «въздержася отъ похоти, пианьства, тѣм и любимъ бѣ материю своею преподобною Оксиниею, бѣше, бо послушливъ въ всемъ матери своеи» (стлб. 41) — «воздержанъ от пиянства тѣм и любимъ бѣ материю своею княгинею Ксѣниею, бяше же не преслушаяся ни во едином словеси» (стр. 36); «трьпѣниа святыхъ мученикъ, иже пострадаша» (стлб. 41) — «терпѣние и мучение, иже пострадаша» (стр. 36); «сподоби его богъ единаго за многыи родъ» (стлб. 41) — «сподоби богъ единаго за много народа» (стр. 36); «блаженую страсть» (стлб. 41) — «блаженную смерть» (стр. 36); «не вѣры ради убиенъ» (стлб. 41) — «вѣры ради убиенъ» (стр. 36); «радуяся прииде» (стлб. 41) — «радуяся причтенъ» (стр. 36).

тописцем, Тверским сборником и Никоновской летописью, А. Н. Насонов установил, что текст фрагмента имеет как пропуски по сравнению с названными летописями (что говорит о его позднем происхождении), так и некоторые лишние известия [149], которые могут свидетельствовать о том, что в ряде случаев во фрагменте лучше отразился общий источник Рогожского летописца, Тверского сборника и Никоновской летописи. В целом же перечисленные летописи (кроме Никоновской), содержащие фрагменты тверских сводов, сохранили одну редакцию Повести о Михаиле Тверском.

Повесть в тверской летописной редакции не имеет никакого заголовка. Под 6826 г. читается краткий рассказ о прибытии Михаила в Орду, двукратном судебном разбирательстве дела тверского князя, дается сравнительно подробное описание последнего дня Михаила и его гибели. Непосредственно за этим следует сообщение о привозе тела Михаила из Орды в Москву и положении его в церкви Спаса. Так кончается статья 6826 г.

Под следующим, 6827 г. (6831 г. фрагмента) рассказывается о возвращении из Орды Юрия с пленным Константином Михайловичем Тверским и боярами его отца, затем читается известие о приезде в Тверь епископа Ростовского Прохора и князя Ярослава Стародубского с мирными предложениями от Юрия Московского, поездке Александра Тверского во Владимир, докончании с Юрием «на Петров день», сообщается о перевозе тела Михаила из Москвы в Тверь и его похоронах в Спасском соборе. Далее следует довольно длинный по сравнению с небольшим рассказом о смерти Михаила некролог тверского князя.

Основная часть Повести — о пребывании и смерти в Орде Михаила — в тверских летописных памятниках (статья 6826 г.) страдает внутренней противоречивостью.

Согласно тверской редакции Повести Михаил прибыл в Орду 6 сентября 1318 г. Через месяц, т. е. 6 октября, над ним состоялся первый суд, а еще через неделю, 13 октября,— второй. 13 октября в 1318 г. приходилось на пятницу. Поэтому указание Рогожского летописца, что на Михаила возложили соху после суда «наутриа же въ суботу», правильно. Далее говорится, что Михаил пробыл «в такои нужди и въ безмѣрнѣи тягости» 26 дней до самого дня смерти. Прибавление 26 дней к 13 октября, когда Михаила связанным привели на суд, или к 14 октября, когда его заковали, дает вторник 7 ноября или среду 8 ноября 1318 г. В том и другом случае это не совпадает с датой убийства Михаила, которое по Повести в тверской редакции произошло в среду 22 ноября 1318 г. (стлб. 39—40).

Из рассказа Рогожского летописца совершенно непонятно, каким образом Михаил, приехавший к морю Сурожскому, «иде

[149] *А. Н. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века, стр. 33.

же вътече Донъ рѣка», очутился «за рѣкою за Теркою подъ великими горами Ясьскыми и Черкасьскыми», как и зачем в последний день Михаила рядом с ним оказался сын его Константин (стлб. 39). Очевидно, что подобные несообразности и недомолвки появились в результате опущения целого ряда деталей в разбираемой редакции памятника.

На сокращение в Рогожском летописце более пространного текста прямо указывает фраза о том, что перед казнью Михаил взял Псалтирь «и разгнувъ, обрѣте псаломъ: «Вънуши, боже, молитву мою» и прочте и до конца» (стлб. 39). Здесь приведено только начало 2 стиха LIV псалма. Вся фраза могла явиться переработкой такого текста Повести, где цитата из Псалтири продолжалась далее. На каком-то этапе редакционной работы продолжение было опущено и заменено кратким указанием «прочте и до конца». Действительно, сравнивая это место Рогожского летописца с соответствующим местом Повести, например, в Софийской I летописи, находим, что в последней цитируется, помимо второго, еще 3 и 4 стихи того же псалма, а далее стихи 5, 23, 7, 8, 9, 13, 20, 24 [150]. Таким образом, справедливость характеристики приведенной фразы подтверждается текстом, в котором есть более пространная выдержка из LIV псалма, сокращенная в Рогожском летописце и сходных с ним летописях.

В рассматриваемой редакции Повести Михаил назван святым: соху возложили «на выю святаго Михаила» (стлб. 39), князь Юрий «посла въ Русь честное и святое тѣло блаженаго Михаила» (стлб. 40). В русской церкви святым признавался тот, кто прославился чудотворением [151]. Тверской князь мог считаться святым лишь в силу тех «чудесных» явлений, которые будто бы случились после его смерти и о которых известно из Повестей в московской летописной традиции. В тверской летописной редакции памятника рассказа о «чудесах» нет, но Михаил назван святым. Указания на святость Михаила свидетельствуют о существовании в одном из протографов разбираемой редакции Повести рассказа о «чудесах» у гроба князя, рассказа, который позднее был опущен и не читается теперь ни в Рогожском летописце, ни в близких к нему сводах.

Обратимся к рассмотрению той части Повести, которая помещена под 6827 г. Здесь встречается известие о приезде в Тверь ко князю Александру Прохора, епископа Ростовского, и Ярослава Стародубского [152]: «Того же лѣта приеха на Тферь Прохоръ

---

[150] ПСРЛ, т. V, стр. 213, прим. і, к, м, о, р.

[151] *Е. Е. Голубинский.* История канонизации святых в русской церкви.— ЧОИДР, 1903 г., кн. 1, стр. 40—41; ср. ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2. Л., 1926, стлб. 131.

[152] Л. В. Черепнин полагает, что речь идет о приезде в Тверь двух епископов: Ростовского и Ярославского (*Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 473), но Ростов и Ярославль в XIV—XV вв. принадлежали к одной епархии — Ростовской.

епископъ Ростовскы и Ярославъ Стародубскыи[153], зовуще князя Александра къ князю Юрию въ любовь. По цѣлованию ихъ князь Александръ еде въ Владимирь на Петровъ день и доконча съ княземъ Юриемь любовь; честное же и святое тѣло князя Михаила, отца своего, веземше съ Москъвы, привезоша въ Тфѣрь сентября 6»[154]. Далее сообщается, что встречать гроб вышли все тверичи, в том числе вдова Михаила княгиня Анна с сыновьями Дмитрием, Александром и Василием[155]. Получается, что князь Александр привозит прах своего отца в Тверь и в то же время встречает гроб Михаила вместе с матерью и братьями. Налицо явная несогласованность в рассказе. Очевидно, она возникла в результате соединения двух разных источников. Известие о посольстве ростовского епископа и стародубского князя довольно позднее. Послы приезжают, «зовуще князя Александра къ князю Юрию въ любовь», хотя следовало бы ожидать вместо имени Александра имя его старшего брата Дмитрия, который после смерти отца занял тверской стол и от имени которого только и могли заключаться всякие соглашения. Поздний характер сообщения о посольстве к Александру Тверскому и нарушение логики рассказа в тверском летописном варианте Повести указывают на вставку известия о епископе Прохоре и князе Ярославе[156].

Тверской летописный вариант Повести о Михаиле заканчивается некрологом этого князя. В отличие от сухого, подчас сбивчивого основного рассказа, некролог подробен и не имеет заметных следов сокращения. Разная литературная манера, в какой написаны основная часть и окончание Повести в тверских сводах, заставляет думать, что и писались эти части в разное время, некролог, вероятно, в более позднее. Начало некролога Михаила Ярославича обнаруживает ближайшее сходство с некрологом другого тверского князя — Михаила Александровича, а конец списан с некролога великого князя Киевского Всеволода Ярославича[157].

[153] В Ярославе Стародубском следует видеть князя Федора Стародубского, упомянутого в том же Рогожском летописце под 6838 г. (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 45). В средневековой Руси было распространено сочетание княжеского языческого имени Ярослав с крестильным именем Федор.

[154] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 40; «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 36. Так и в Никоновской летописи — ПСРЛ, т. X, стр. 186.

[155] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 40.

[156] Вставка сообщения о посольстве Прохора и Ярослава свидетельствует о том, что в Твери наряду с Повестью ходили какие-то иные рассказы, связанные с событиями убийства Михаила. Вероятно, к подобным рассказам принадлежит и сообщение Рогожского летописца под 6826 г. о происках в Орде Юрия и Кавгадыя и пребывании там Константина Михайловича. Сообщение позднее: Кавгадый уже назван «начальником всего зла», рассказано о судьбе Константина, который возвратился в Тверь не ранее 1320 г. (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 41), приведено не находящее подтверждений известие, что Михаил Ярославич хотел с казной бежать «въ Нѣмци».

[157] О другом источнике некролога см. ниже, стр. 223—224.

Некролог
Михаила Ярославича

«бѣше тѣломъ преболии человѣкъ и крѣпле и сановитъ велми и съмысленъ паче мнозѣхъ, възоръ имыи грозенъ и преудивленъ излише всякого человѣка...» [158]

Некролог
Михаила Александровича

«Бѣаше бо сеи князь был тѣломъ великъ и сановитъ, и смышленъ, и разуменъ, взоръ имѣаше грозенъ и преудивленъ лише чловѣка...» [159]

Некролог
Михаила Ярославича

«любяи правду, въздая честь епископомъ и попомъ, паче же любяше черньци, подаа трѣбованиа имъ, бѣ бо самъ въздержася отъ похоти, пианьства, тѣмъ и любимъ бѣ материю своею» [160].

Некролог
Всеволода Ярославича

«любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци и подаяше требованье имъ, бѣ же и самъ въздержася от пья[нь]ства и от похоти, тѣмъ любимъ бѣ отцемь своимъ» [161].

В каком соотношении между собой находятся тексты некрологов обоих тверских князей, какой из них послужил источником другого, выяснится после того, как будет установлено время появления тверской летописной версии Повести о смерти в Орде Михаила Ярославича, сохраненной в Рогожском летописце и близких к нему сводах. Использование авторами некролога Михаила Ярославича некролога Всеволода указывает на их знакомство с летописью, близкой Лаврентьевской или Троицкой.

Вывод о сокращении текста основной части Повести, которому должен был предшествовать более обширный текст, находит свое подтверждение в анализе всего тверского летописного материала Рогожского летописца и Тверского сборника. А. Н. Насонов считал, что общим источником Рогожского летописца и Тверского сборника был Тверской великокняжеский свод 1455 г. Бориса Александровича [162]. В части до 6868 г. этот свод сокращал материал [163], имевшийся в его источнике — великокняжеском своде 1425 г. Ивана Михайловича [164]. Таким образом, отмеченные выше сокращения в Повести — статьях 6826 и 6827 гг.— могут быть объяснены теми приемами работы, которые были характерны для сводчика 1455 г. Впрочем, все сокращения в тверской летописной Повести о Михаиле возвести к своду 1455 г. нельзя. Привлекая Никоновскую летопись, где, согласно А. Н. Насонову, отразился кашинский свод 1425 г., среди своих

[158] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 40.
[159] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2, стр. 389.
[160] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 40—41.
[161] ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2, стлб. 216, под 6701 г.; ср. ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стлб. 207.
[162] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 738.
[163] Там же, стр. 734.
[164] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 754, 770—771.

источников имевший тот же тверской свод 1425 г. Ивана Михайловича [165], видим, что некоторые черты Повести, известной по Рогожскому летописцу и близким к нему летописным памятникам, имелись и в более обширном кашинском своде 1425 г. [166] Так, в кашинском своде 1425 г. была уже спутана хронологическая канва рассказа о пребывании Михаила в Орде [167], имелась вставка о посольстве в Тверь ростовского епископа Прохора [168] и читался некролог Михаила Ярославича [169]. Сокращения Повести в кашинском своде 1425 г. понятны: в источнике кашинского свода— тверском своде 1425 г.— был сокращен материал обширного тверского свода 1409 г. [170] Более точная датировка сокращений и других изменений в тверской летописной редакции Повести связана с определением ее источника.

Если сопоставить тверскую летописную версию Повести со старшей редакцией Повести в московской летописной традиции, то между ними обнаружится большое сходство [171]. В обоих вариантах Повести события с момента приезда Михаила в Орду до погребения погибшего князя в тверском кафедральном соборе описываются в одной и той же последовательности, в одних и тех же выражениях.

Рогожский летописец	Софийская I летопись старшего извода
«прииде въ Орду благовѣрныи князь Михаилъ у моря Сурожьскаго, иде же вътече Донъ рѣка, септября 6» (стлб. 38)	«Дошедшю же ему в Орду мѣсяца семьтября въ 6 день на усть рѣкы Дону, иде же течеть в море Сурожеское» (О, л. 330; К, л. 400)
«по обычаю одари князи и царици, послѣди самого царя» (стлб. 38)	«одари всѣ князи ординьскыя и царици, после же и самого царя» (О, л. 330; К, л. 400 об.)
«поставиша его съвязана на судъ» (стлб. 39)	«поставиша его на другомъ судѣ связана» (О, л. 331; К, л. 401)

---

[165] Там же, стр. 771.

[166] Полностью восстановить редакцию Повести в кашинском своде 1425 г. по Никоновской летописи нельзя. Составители Никоновской летописи в рассказе о смерти Михаила Ярославича использовали несколько летописных версий Повести. Компиляция получилась настолько сложной, что разграничение источников возможно только по ряду специфических особенностей, присущих каждому из них. Подробнее см. раздел о Повести в Никоновской летописи.

[167] См. ниже, стр. 137—139.

[168] ПСРЛ, т. X, стр. 186.

[169] Там же, стр. 187.

[170] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 762.

[171] Поскольку тверской вариант Повести уже был в кашинском своде 1425 г., сопоставлять тверской вариант следует только с редакцией Повести в Софийской I летописи старшего извода, восходящей к редакции Полихрона 1423 г. Все остальные редакции Повести, происшедшие из Софийской I летописи старшего извода, возникли позже не только 1425 г., но и 1455 г., когда был составлен тверской свод, отразившийся в Рогожском летописце и близких к нему сводах.

«возложиша соху отъ тяжка дрѣва на выю святаго Михаила» (стлб. 39)	«възложиша колоду велику от тяшка древа на выю святого» (О, л. 331 об.— 332; К, л. 402)
«Бывшу ему въ такои нужди и въ безмѣрнѣи тягости 26 днии за рѣкою за Теркою подъ великими горами Ясьскыми и Черкасьскыми у града Тетякова на рѣцѣ Севенчи» (стлб. 39)	«Бывьшу же блаженому и великому князю в неизрѣченнѣмь томъ томленьи и тяготѣ дни 26 за рѣкою Теркомъ на рецѣ на Сѣ[ве]ньцѣ, под городомъ Тетяковымъ, минувше всѣ городы[172] высокие Ясьскые и Черькаскыя, близь Ворот Желѣзных» (О, л. 335; К, л. 405 об.)
«рано въ среду въста блаженыи Михаилъ и повелѣ начати иерею заутреню и часы, самъ же прилѣжно послушаша» (стлб. 39)	«Въ среду рану повелѣ отпѣти заутренюю и часы, сам же съ плачемъ послушааше» (О, л. 335; К, л. 405 об.)
«Присѣдящи у него сыну его Костянтину» (стлб. 39)	«пресѣдящу у него сыну его князю Костянтину» (О, л. 335 об.; К, л. 406)
«вѣдѣ, на что едутъ, на мое убиение» (стлб. 39)	«вѣдаю, на что ѣдутъ, на убиение мое» (О, л. 336 об.; К, л. 407)
«посланиии же убиици, акы лютии звѣрие и немилостивии кровопивци, напрасно въскочиша въ вежу» (стлб. 39)	«Убиици же, яко дивие звѣрье, немилостивии кровопивци, разгнавше [от] блаженаго всѣ люди его, и въскочивъше въ вежу» (О, л. 336 об.—337; К, л. 407)
«и се единъ отъ безаконныхъ убиецъ, именемъ Романець, извлекъ великыи ножь и удари въ[173] сердце[173] блаженаго въ десную страну и, обращаа ножемъ, отърѣза честное сердце его» (стлб. 39)	«И се единъ от безаконых именемъ Романець, и извлекъ великии ножь и удари и [въ ребре — *доб. К*] святаго въ десную страну, и обращая ножь сѣмо и овамо, и отрѣза честное сердце его» (О, л. 337; К, л. 407 об.)
«Прииде князь Юрии изъ Орды и съ нимъ Костянтинъ Михаилович и боляре отца его» (стлб. 40)	«Прииде в Русь великии князь Юрьи Данилович на великое княжение и приведыи с собою князя Костянтина Михаиловича и бояръ и слугъ отца его» (О, л. 339 об.; К, л. 410)
Тело Михаила в Твери встречали «княгини его Анна съ сынами своими съ Дмитриемъ и Александромъ и Василиемъ» (стлб. 40)	«князь Дмитрии и князь Олександръ, и князь Василеи, и княгини его Анна» (О, л. 340; К, л. 410 об.)

Приведенный материал показывает, что в основе обеих редакций лежит один и тот же текст. Он сильно сокращен в тверском варианте Повести, а в Софийской I передан более полно. В последней есть описание событий, предшествовавших поездке Михаила в Орду; перечислены обвинения, которые выдвигались против Михаила; сообщается, что Михаила стерегли семь сторожей от семи татарских князей; назван по имени духовный

---

[172] Так во всех списках Софийской I летописи. Только в Воронцовском списке правильно «горы», но это явно позднейшая, хотя и верная конъектура.

[173—173] Следовало бы ожидать чтения «в ребра». В данном случае в Рогожском летописце след неудачной редакторской правки.

отец Михаила игумен Александр; указывается, что закованного Михаила повели за Узбеком, который «пошел на ловы» (тем самым объясняется, как Михаил с устья Дона попал на реку Севенцу), рассказано о третьем суде над Михаилом в торгу, где он отвечал перед заимодавцами; есть сообщение о том, что подготовлялся побег Михаила; что после его смерти вежу его разграбили русские и татары; описан путь, которым везли тело Михаила на Русь, и т. д. Всех этих фактов, которые носят вполне реальный характер и которых, конечно, невозможно придумать позднее, нет в Рогожском летописце и сходных с ним сводах. Нет в них и тех цитат из книг священного писания, авторских рассуждений, которые есть в Повести Софийской I летописи старшего извода. Впрочем, выше можно было убедиться в том, что в тверском варианте цитаты из Псалтири сокращались. Повесть о смерти Михаила в Софийской I летописи старшего извода сохранила более древние черты, чем текст Рогожского летописца. Очевидно, что в тверской редакции сокращен текст, чрезвычайно близкий Софийской I летописи старшего извода, однако не тот, который читается теперь в списках О, К.

В Рогожском летописце есть чтение, явно первоначальное по сравнению с соответствующим чтением О, К: «подъ... горами Ясьскыми и Черкасьскыми» (стлб. 39) вместо «городы высокие Ясьские и Черкасскыя» (О, л. 335; К, л. 405 об.). Высокими были, конечно, горы, а не города. Отсюда следует, что в Рогожском летописце сокращен текст, предшествовавший Софийской I летописи старшего извода. Кроме того, в тверском летописном варианте Повести обнаруживаются и другие отличия от текста списков О, К: есть известие о посольстве в Тверь Прохора и некролог Михаила Ярославича. Выше была высказана мысль и приведены некоторые доказательства того, что сообщение о посольстве и некролог являются поздними добавлениями к основному рассказу тверской версии. Текстологическое сравнение подтверждает это.

Указанные совпадения и различия между текстами Повести о Михаиле в московской и тверской летописных традициях свидетельствуют о том, что в основе обоих вариантов памятника лежит один источник[174]. Как было выяснено, редакция Повести в Софийской I летописи старшего извода восходит к Полихрону 1423 г. митрополита Фотия, а редакции Повести в Рогожском летописце и сходных с ним предшествовала редакция в тверском своде 1425 г. Тверской свод, естественно, не мог влиять на

---

[174] О существовании общего протографа, к которому восходят тексты статей о Михаиле Тверском в московском и тверском летописании, писал и А. А. Шахматов, сравнивая тексты Повести о Михаиле в Тверском сборнике и Воскресенской летописи (*А. А. Шахматов.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северовосточной».— «Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2. СПб., 1899, стр. 212).

Полихрон, но и нет оснований предполагать, что Полихрон был в числе источников тверского свода [175]. Следовательно, общий источник московской и тверской летописных версий памятника был старше Полихрона 1423 г.

Таким образом, рассмотрение тверского летописного материала, где сохранился рассказ о Михаиле, позволяет уточнить предварительный вывод первого раздела главы об источниках Повести во Владимирском Полихроне. Становится очевидным, что Повесть не была написана специально для Полихрона на основе каких-либо устных преданий о тверском князе. Она древнее Полихрона. Туда Повесть могла попасть или из нелетописного памятника, или из тверской летописи, которая лежала в основе тверского свода 1425 г.

В первом случае нужно предположить механическую вставку Повести в Полихрон Фотия. Слабо связанная с остальными статьями, Повесть едва ли могла отразить особенности тех летописей, которые легли в основание Владимирского Полихрона. Если же Повесть попала в свод 1423 г. из тверской летописи, то она должна иметь черты сходства с другими статьями того тверского источника, который был включен в свод 1423 г.

Что же известно о тверском летописном источнике Владимирского Полихрона? Судить о нем можно по тому материалу, который содержался в Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. Последний представлял собой соединение текста Владимирского Полихрона митрополита Фотия с новгородским сводом, послужившим главным источником Новгородской I летописи младшего извода [176]. Новгородско-Софийский свод восстанавливается при сличении Новгородской IV и Софийской I летописей. Их общие чтения восходят к этому своду [177]. Для характеристики тверского источника Полихрона из Новгородско-Софийского свода необходимо извлечь все известия, касающиеся событий в Твери и Тверском княжестве. Тверской источник Полихрона содержал, по-видимому, описания не только тверских событий, но и событий в других русских княжествах и землях. Часть таких описаний, вероятно, попала в Полихрон, а оттуда в Новгородско-Софийский свод, но выделить такой нетверской материал тверского источника трудно. Поэтому приходится ограничиваться анализом лишь тверских известий. Естественно, что сведения о Твери могли попасть в Новгородско-Софийский свод и в его источник — Владимирский Полихрон — не только через тверской летописный памятник, но и через новгородские, ростовские и московские (митрополичьи) летописные компиляции конца XIV — начала XV вв.

---

[175] *А. Н. Насонов*. Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 771.

[176] *А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 366.

[177] Там же, стр. 152—153, 366.

За вычетом подобных сведений среди материала, общего Софийской I и Новгородской IV летописям, остается немало известий, связанных с историей Тверского княжества и находящих аналогии главным образом в текстах Рогожского летописца, Тверского сборника и Никоновской летописи, где отразилось тверское летописание. Эти известия следует возводить к тверскому источнику Владимирского Полихрона.

Из их числа следует указать на статьи 6835, 6880, 6883, 6907, 6908 и 6917 гг. Софийской I и Новгородской IV летописей, тверской материал которых частью обширнее того, что содержится в Рогожском летописце, Тверском сборнике и Никоновской летописи. Характерно, что тверские известия Софийской I и Новгородской IV летописей оканчиваются рассказом о смерти тверского епископа Арсения. А. Н. Насонов на ином материале пришел к выводу о существовании обширного тверского свода 1409 г., кончавшегося именно таким рассказом[178]. Фрагменты этого памятника обнаруживаются и в Новгородско-Софийском своде. Восходят они к Полихрону. К этому тверскому своду следует возводить и Повесть о Михаиле Тверском, читающуюся теперь в Софийской I летописи старшего извода.

Таким образом, сходство между московской летописной версией Повести и ее тверским летописным вариантом объясняется тем, что и та, и другая летописные ветви восходят к обширному тверскому своду 1409 г., где была помещена Повесть о Михаиле.

Подобной точки зрения на источник Повести о тверском князе во Владимирском Полихроне придерживался А. А. Шахматов. Правда, его взгляды по данному вопросу менялись. Первоначально А. А. Шахматов предполагал, что Повесть имелась только в Новгородско-Софийском своде[179]. В более поздней работе он высказал мнение, что Повесть была уже во Владимирском Полихроне, куда она попала из тверского свода 1412 г. епископа Антония[180]. Строгой аргументации своего нового утверждения А. А. Шахматов не привел, опираясь больше на разработанные им общеметодические принципы определения источников летописных сводов. Однако дедуктивный прием А. А. Шахматова позволил ему получить верный результат.

При решении вопроса о том, откуда попала Повесть в тверской свод 1409 г., следует обратить внимание на хронологию статьи 6826 г. Рогожского летописца и близких к нему сводов. Как отмечалось выше, под 6826 г. в них читается основная часть

---

[178] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 756—757.

[179] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков.— ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 163.

[180] *А. А. Шахматов.* Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909, стр. 3. Д. С. Лихачев считал, что Повесть попала во Владимирский Полихрон из нелетописного источника (*Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 306).

Повести. Повесть начиналась с описания приезда в Орду Михаила Ярославича 6 сентября, «тому же лѣту исходящу»[181]. Лето означает здесь время года. Но перед Повестью в статье 6826 г. помещено сообщение о пожаре в Твери. Пожар датирован осенью, он случился в один из сентябрьских понедельников 1318 г.[182] В XVI—XVII вв. осенью считалось время с 24 сентября по 25 декабря[183], так было и в XV в.[184] Судя по статье 6826 г. в Рогожском летописце, подобным образом обстояло дело и в XIV в.[185]

Понедельник в сентябре 1318 г. приходился на 4, 11, 18 и 25 числа. Точная дата тверского пожара —25 сентября 1318 г. Отсюда следует, что статья 6826 г. в Рогожском летописце анахронична: после сообщения о пожаре в Твери 25 сентября, «осенью», рассказывается о событиях, случившихся до него, «лѣту исходящу». Нарушение хронологической последовательности указывает на соединение в статье 6826 г. двух разных источников, одним из которых являлась Повесть. По всей вероятности, следы не вполне умелой компиляции восходят к своду 1409 г.[186] Если Повесть о Михаиле Тверском в своде 1409 г. представляла собой законченное самостоятельное произведение, как в Софийской I летописи, сохранявшее черты вставки в летописный текст, то возможно, что она через ряд летописных редакций восходила к нелетописному источнику.

Теперь, установив общий источник Повести в Рогожском летописце и сходных с ним сводах и Повести в Софийской I летописи старшего извода, можно точнее датировать те особенности тверского летописного варианта памятника, о которых говорилось выше. Особенности эти состояли в сокращении основного рассказа о тверском князе, вставке известия о посольстве в Тверь ростовского епископа Прохора и Ярослава Стародубского и некрологе Михаила Ярославича. Все они могли появиться не ранее 1409 г. и не позднее середины 50-х годов XV в., скорее всего, в тверском великокняжеском своде 1425 г. Ивана Михайловича. Прослеженное сходство некрологов Михаила Ярославича и Михаила Александровича в свете полученных данных следует объ-

181 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38.

182 Там же. Указание на понедельник сентября находим в отрывке Тверского летописного свода (*А. Н. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века, стр. 35).

183 *Е. И. Каменцева.* Русская хронология. М., 1960, стр. 16, но вместо 25 декабря ошибочно указано 25 января.

184 ГИМ, Епарх., № 410, лл. 7 об.—33; сборник конца XV — второй четверти XVI в. Описание сборника см. в кн.: *Р. П. Дмитриева.* Повести о споре жизни и смерти. М.— Л., 1964, стр. 78—79.

185 Ср. сообщение Симеоновской летописи под 6807 г., восходящее к тверской летописи: «Того же лѣта подъ осень, мѣсяца сентября въ 15 день...» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 84).

186 Те же известия, что и в статье 6826 г. Рогожского летописца, находим в статье 6826 г. Никоновской летописи, где отразился кашинский свод 1425 г. (ПСРЛ, т. X, стр. 182).

яснять тем, что некролог Михаила Ярославича был списан с некролога его внука, читавшегося в своде 1409 г. Как уже отмечалось, составители некролога Михаила Ярославича были знакомы с летописью, близкой Лаврентьевской или Троицкой. Во всяком случае эта летопись была основана на той же редакции Повести временных лет, что и Лаврентьевская летопись [187]. Повидимому, весь материал для некролога Михаила Ярославича был заимствован из тверского свода 1409 г. В таком случае имеем лишнее доказательство тому, что этот свод, основывавшийся на Повести Временных лет, был обширнее известных в настоящее время тверских сводов XV—XVI вв., где события истории Киевской Руси изложены чрезвычайно кратко.

Перейдем к характеристике идейных особенностей тверского летописного варианта Повести. Он носит печать тех сложных изменений, которые претерпел текст рассказа о Михаиле в составе тверских летописных сводов первой четверти — середины 50-х годов XV в. К сожалению, до нас не дошел и мы не можем восстановить в полном объеме текст Повести в тверском великокняжеском своде 1425 г. Поэтому трудно точно представить характер редакторской работы над Повестью в сводах 1425 и 1455 гг. Составители обоих сводов сокращали свои источники. Редактор свода 1455 г. интересовался главным образом временем княжения Михаила Александровича, а потому опускал многие известия до 1360 г. [188] Им мог быть сокращен и текст статей 6826—6827 гг. В таком случае его обработку рассказа о смерти Михаила Ярославича следует признать вполне целенаправленной.

Однако Повесть о Михаиле в Рогожском летописце и других сводах, восходящих к тверскому своду 1455 г., гораздо подробнее кратких записей за другие годы, что свидетельствует об определенном интересе составителей свода к судьбе Михаила Ярославича. В Повести ясно чувствуется противоордынская и противомосковская направленность. Рядцы Узбека «оболгали» Михаила перед «беззаконным» ханом, приговорили к смерти тверского князя. Они — виновники его гибели. Но главную роль в убийстве Михаила сыграли Кавгадый и Юрий. На слова своего слуги о том, что к шатру Михаила едут Кавгадый и Юрий, князь отвечает: «Вѣдѣ, на что едутъ, на мое убиение» (стлб. 39). Далее прямо говорится, что Кавгадый и Юрий «убиицъ послаша» (стлб. 39). Вместе с тем из Повести выпущено многое из того, что подчеркивало бы права Михаила на великое княжение Владимирское, объясняло бы суть вражды московского и тверско-

---

[187] Напомним, что Лаврентьевская летопись представляет собой список великокняжеского свода 1305 г. Михаила Ярославича Тверского. Этот свод лег в основу последующего тверского летописания XIV — начала XV в.

[188] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 734; № 10, стр. 746.

го князей[189]. В Повести Михаил лишь однажды назван «великим князем». В основном же, как правильно отметил Л. В. Черепнин, подчеркнуто его «чисто пассивное ожидание мученической смерти», тверской князь изображен невинным страдальцем, пострадавшим «за християны и отчину свою»[190]. Возможно, подобные редакционные изменения объясняются работой сводчика 1455 г., который опускал материал, свидетельствовавший о княжеских междоусобицах[191]. Вероятно также, что на обработки Повести в тверских великокняжеских сводах XV в. влияла общая позиция тверских князей, с XV в. окончательно отказавшихся от борьбы с московскими князьями за титул великих князей всея Руси.

8. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В РЕДАКЦИИ НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Несомненный интерес к Повести о Михаиле Тверском проявили составители наиболее крупного летописного памятника 20—30-х годов XVI в.— Никоновской летописи[192]. В огромный свод было включено большое количество самых разнообразных источников: летописей и сказаний, повестей, грамот, разрядных записей, посланий и т. п. Весь этот колоссальный материал был переработан составителями в духе официальных взглядов русского самодержавия XVI в.[193]

Множественность источников Никоновской летописи ярко отразилась в статьях 6825—6828 гг., где под 6825—6826 гг. без всякого заголовка читаются отдельные фрагменты Повести, под 6827 г. помещен основной рассказ, а заключительная часть дана под 6828 г.[194] Так, в статье 6825 г. три раза сообщается о том,

[189] Подобная работа могла быть произведена как в своде 1425 г., так и в своде 1455 г.

[190] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 470. Подобным образом охарактеризован Михаил и в некрологе. После того как выяснены источники некролога, нельзя вслед за некоторыми исследователями придавать отдельным трафаретным фразам некролога слишком конкретный смысл и видеть в посмертной характеристике тверского князя иную оценку его гибели, чем в основной части Повести (*И. У. Будовниц.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века, стр. 86; *Л.В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 469—470.

[191] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 733, примеры начиная со статьи 6854 г.

[192] Время создания Никоновской летописи, о котором велись столь оживленные научные споры с XIX в. вплоть до наших дней, теперь окончательно установлено Б. М. Клоссом — 20—30-е годы XVI в. (*Б. М. Клосс.* Деятельность митрополичьей мастерской в 20-х—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи.—«Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 327—328).

[193] *Н. Ф. Лавров.* Заметки о Никоновской летописи.— «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии», вып. 1 (34). Л., 1927.

[194] ПСРЛ, т. X, стр. 180—187. Далее ссылки в тексте даны по этому изданию.

как после битвы при Бортеневo 22 декабря 1317 г. князь Михаил привел в Тверь пленного Кавгадыя и его татар: «татаръ изымаша и ведоша во Тверь» (стр. 181); Кавгадый «поиде къ нему (Михаилу.— *В. К.*) во Тверь за дружиною своею» (стр. 181); «князь Михайло же Ярославичь Тверскии татаръ Кавгадыевыхъ избивати не повелѣ, но приведе ихь во Тверь» (стр. 181). В той же статье четыре раза в сходных выражениях говорится о сестре хана Узбека Кончаке, жене Юрия Московского: Юрий женился, «у царя сестру его понявъ именемъ Коньчаку; егда же крестися и наречено бысть ей имя Агафиа» (стр. 180), «Кончаку изымаша, иже бѣ сестра Озбяка, царя Ординскаго» (стр. 181), «а Юрьева княгини, сестра Азбяка, царя Ординскаго» (стр. 181), «уморена бысть Кончака великая княгини Юрьева, сестра царева, нареченная во святѣмъ крещении Агафиа» (стр. 181). В статье 6827 г. повторяется фраза о смертном приговоре Михаилу Тверскому: «князь Михайло Ярославичь по суду достоинъ есть смерти» (стр. 182), «достоинъ есть Михаилъ смерти» (стр. 182), «но достоинъ еси смерти» (стр. 183), «Михаилъ по суду достоинъ есть смерти» (стр. 183). В начале упомянутой статьи дублировано определение места, где кочевала орда Узбека и куда прибыл Михаил (стр. 182). Подобные повторения свидетельствуют как об известной литературной манере составителей Никоновской летописи, так и об использовании ими разных источников, по крайней мере в статьях 6825 и 6827 гг.

Какие же материалы легли в основу рассказа о смерти Михаила Тверского Никоновской летописи?

Под 6825 г. читаются два отрывка из Повести, имеющие ближайшее сходство с Ермолинской летописью.

Никоновская летопись	Ермолинская летопись
«и поидоша ко граду ко Твери и за четыредесять верстъ не доидоша, и срѣте ихь князь Михайло Ярославичь Тверьский на Бортеневѣ съ силою своею» (стр. 181)	«и поиде ко Тфери, толко за сорокъ верстъ не доиде: ту сретоша его на Бортеневе князь Михаило съ силою своею» (стр. 98)
«Князь Михайло же Ярославичь Тверский татаръ Кавгадыевыхъ избивати не повел, но приведе ихъ во Тверь и многу честь въздаде Кавгадыю и татаромъ его, а они лстяху, глаголюще» (стр. 181)	«Татаръ же Кагавадыевыхъ избивати не повелѣ, но приведъ ихъ въ Тферь, и многу честь въздасть Кавгадыю и татаромъ его, а они льстяху, глаголюще» (стр. 98)

При разборе редакции Повести о Михаиле Тверском, сохранившейся в Ермолинской летописи, было показано, как части памятника попали в летописную статью 6825 г. Теперь сходные фрагменты обнаруживаются в Никоновской летописи. Использование составителями Никоновского свода летописи, близкой к Ермолинской, очевидно [195]. Но в целом известия статьи 6825 г.

[195] Следует иметь в виду, что из сходных чтений Никоновской и Ермолинской летописей, строго говоря, можно вывести только то, что составители Нико-

Никоновской летописи восходят не к Повести, хотя бы и разделенной на погодные статьи, как в Ермолинской и близких к ней летописях, а к тверскому летописному памятнику. Оттуда заимствован текст: от слов «князь же Михайло Ярославичь Тверский совѣщався со князи Суздалскыми» (стр. 180) до слов «и сташа на переѣздѣ у Волгы, и воеваша много» (стр. 181); от слов «а Кавгадый повелѣ дружинѣ своей стяги повращи» (стр. 181) до слов «поиде къ нему во Тверь за дружиною своею» (стр. 181), и два заключительных известия статьи[196]. Кроме того, ряд известий статьи 6825 г. обнаруживает сходство с известиями Софийской I летописи (первое известие о приходе из Орды Юрия Московского, затем текст от слов «и съступишася обои полцы, и бысть битва велиа» до слов «татаръ изымаша и ведоша во Тверь») и Симеоновской летописи (сообщения о смерти в Твери жены Юрия Московского Кончаки и похоронах ее в Ростове)[197].

Под следующим, 6826 г. в Никоновской летописи читается небольшой фрагмент Повести, близкий Ермолинской летописи.

Никоновская летопись	Ермолинская летопись
«Того же лѣта поиде во Орду князь велики Юрьи Даниловичь Московский со многими князи и з бояры и съ новогородцы, по совѣту Кавгадыеву, и снявся съ Кавгадыемъ, поидоша во Орду; а князь Михайло Ярославичь отпусти сына своего Констянтина, яко же преже речеся» (стр. 182)	«Того же лѣта князь Юрьи Даниловичь поиде въ Орду, поима съ собою князеи многихъ, и бояръ съ градовъ, и новогородцевъ, по совѣту Кавгадыеву; и снявся с Кавгадыемъ поиде. А князь Михаило отпусти сына Костянтина» (стр. 99)

Выражение «снявся с Кавгадыемъ» типично именно для редакции Повести в Ермолинской летописи[198]. О поездке князя

новской летописи использовали редакцию Повести о смерти Михаила, которая читается в Ермолинской. Характеристика же летописного источника в целом, при имеющихся данных, не может выйти за рамки гипотезы. Возможно, что в Никоновской летописи отразился один из источников Львовской летописи, где помещена та же редакция Повести, что и в Ермолинской (*А. А. Шахматов.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод.— ИОРЯС, т. VIII, кн. 4. СПб., 1903; т. IX, кн. 1. СПб., 1904; *он же.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северовосточной».—«Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2. СПб., 1899, стр. 188; *А. А. Зимин.* Русские летописи и хронографы конца XV—XVI вв. М., 1960, стр. 10—11). В дальнейшем сравнение текста Никоновской будет производиться с Ермолинской летописью — древнейшим списком редакции.

[196] Ср. ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 36—38. *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 729.

[197] Ср. ПСРЛ, т. V, стр. 207; т. XVIII, стр. 88. Следует иметь в виду, что составители Никоновской летописи перерабатывали и изменяли свои источники, поэтому абсолютного совпадения с указанными летописями нет.

[198] В других летописных редакциях Повести не только нет подобной фразы, но и все место передано иначе (ПСРЛ, т. V, стр. 209; т. XXV, стр. 162; т. XXVII, стр. 57). В тверском летописном варианте Повести такого места нет вообще (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38).

Константина Михайловича в Орду Никоновская летопись сообщала под предыдущим, 6825 г. по тверскому источнику. Повторив известие, составители Никоновской летописи сделали ссылку: «яко же преже речеся». Другие известия статьи 6826 г. Никоновской летописи восходят к летописи, близкой Симеоновской или Троицкой (первые два) [199], и тверскому летописному памятнику [200]. Последние два известия 6826 г. уникальны, кроме Никоновской летописи они нигде не встречаются.

Статья 6827 г. Никоновской летописи полностью посвящена рассказу о приезде Михаила в Орду, его пребывании там, гибели и перевозе останков тверского князя в Москву. Таким образом, здесь помещена бо́льшая часть Повести.

Как показано было выше, статья 6827 г. составлена на основании разных источников. Необходимо уточнить, каких именно. Уже в первой фразе разбираемой статьи встречается повторение. Михаил приехал в Орду «у моря Сурожскаго на усть Донъ рѣки, идѣ же втеклъ Донъ рѣка въ море, то убо море зовется Сурожское» (стр. 182). Соединение указаний двух источников очевидно. В редакциях Повести летописей, ведущих свое начало от Фотиева свода 1423 г., место прибытия Михаила обозначено так: «на усть рѣкы Дону, идѣ же течеть въ море Сурожьское» [201]. Исключение составляет редакция, представленная Ермолинской летописью, где читается «на усть реки Дону у моря Сурожьскаго» [202]. В тверской летописной редакции Повести — «у моря Сурожьскаго, иде же вътече Донъ рѣка» [203]. При сопоставлении приведенных текстов можно убедиться в том, что в Никоновской летописи скомбинированы фразы из московской летописной редакции Повести и тверской, причем из ряда московских редакций приходится исключить редакцию Ермолинской летописи.

Наличие по меньшей мере двух источников обнаруживается в той части статьи 6827 г. Никоновской летописи, где рассказывается о судебных разбирательствах дела тверского князя. Согласно Никоновской летописи, Михаила судили пять раз. Первый суд произошел спустя полтора месяца после его приезда в Орду (стр. 182). Через неделю состоялся второй суд (стр. 182). Еще через неделю — третий. Он происходил в пятницу и закончился глубоким вечером (стр. 183). Назавтра, в субботу, суд возобновился (стр. 183). На следующий день, в воскресенье, на шею Михаила надели «древо нѣкое велико» и повели за ханом «въ ловы» (стр. 183). Через 25 дней после этого состоялся новый суд над Михаилом в присутствии его

[199] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 88—89; *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.— Л., 1950, стр. 356.
[200] Ср. ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38.
[201] ПСРЛ, т. V, стр. 210; т. XXV, стр. 162; т. XXVII, стр. 58.
[202] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 99 и вар. 7.
[203] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38.

заимодавцев (стр. 183). Если следовать приведенному расчету составителей Никоновской летописи, то оказывается, что Михаил пребывал в полном здравии спустя девять дней после своей смерти[204]. Хронология рассказа Никоновской летописи, конечно, ошибочна. Для выяснения ошибки необходимо сопоставить хронологию рассказа Никоновской летописи с хронологией других летописных редакций Повести.

По Повести в московской летописной традиции, Михаил приехал в Орду 6 сентября, через полтора месяца его судили; через неделю, т. е. в субботу 28 октября 1318 г., состоялся второй суд, «наутрие въ недѣлю» Михаила заковали и повели за ханом «на ловы». Спустя 24 дня произошло последнее, третье по счету, судебное разбирательство дела Михаила[205].

По Повести в тверской летописной традиции, Михаил прибыл к хану того же 6 сентября, но первый суд состоялся через месяц; еще через неделю, т. е. в пятницу 13 октября 1318 г. Михаила судили во второй раз, «наутриа же въ суботу» его заковали, о третьем суде ничего не сказано[206]. В предыдущем разделе было выяснено, что хронология Повести в Рогожском летописце и близких к нему сводах в целом ошибочна, хотя, если исходить из этого ошибочного расчета, указания на то, что второй суд состоялся в пятницу, а Михаила заковали на следующий день, в субботу, верны. В целом же, обе редакции сообщают об одних и тех же событиях, только датируют их по-разному.

Нетрудно видеть, что в Никоновской летописи механически соединены два хронологических варианта рассказа: редакции в московской летописной традиции и редакции Повести в тверской летописной традиции. Показателен в этом отношении рассказ Никоновской летописи о третьем и четвертом суде над Михаилом. По сути дела, речь идет о втором суде над тверским князем. В тверской летописной редакции это судебное разбирательство датировано пятницей, а в московских — субботой. По Никоновской летописи суд начался в пятницу, а закончился в субботу. В тверском источнике сообщалось, что Михаила заковали наутро в субботу, а в московском (или московских) — наутро в воскресенье. По Никоновской летописи, в субботу Михаилу «на выю чепь велью возложиша», а в воскресенье «възложиша на выю его древо нѣкое велико» (стр. 183). Общее число судебных разбирательств дела тверского князя по Никоновской летописи равно сумме судебных разбирательств, опи-

---

[204] Михаил прибыл к Узбеку 6 сентября 1318 г. Отсюда первый суд датируется 21 октября, второй — 28, третий — 4 ноября, что приходилось на субботу, а не на пятницу, как в Никоновской летописи; 5 ноября суд продолжался, 6 ноября Михаила повели за ханом, 1 декабря 1318 г. состоялся последний суд над тверским князем.

[205] ПСРЛ, т. V, стр. 210—212; т. XXV, стр. 162—163; т. XXIII, стр. 99; т. XXVII, стр. 58—59.

[206] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38—39.

санных в тверской и московской летописных редакциях памятника.

Влияние тверского источника обнаруживается и в других местах той части Повести, которая читается в Никоновской летописи под 6827 г. О Михаиле, например, сказано, что он одарил «по обычаю» хана и его окружение (стр. 182). Приведенные слова есть только в тверской летописной редакции Повести, но их нет в московских летописных переделках памятника[207]. Из тверского источника заимствована назойливо повторяющаяся в статье 6827 г. Никоновской летописи фраза «достоинъ есть Михаилъ смерти» (стр. 182)[208]. К нему же восходит одно из обвинений, будто бы предъявленное Михаилу на третьем суде: «въ Нѣмцы съ казною бѣжати хотѣлъ еси» (стр. 183). В этом месте Никоновской летописи повторен помещенный в статье 6825 г. один из пунктов доноса Юрия и Кавгадыя на Михаила. О доносе говорится в Рогожском летописце, Тверском сборнике, фрагменте Тверского летописного свода[209]. Из тверского источника в Никоновскую летопись попало определение места, где был убит Михаил.

Никоновская летопись	Рогожский летописец	Ермолинская летопись	Летописи, где читаются другие редакции Повести
«за рѣкою за Теркою подъ великими горами подъ Яскими и Черкаскими, у града Титякова, на рѣцѣ Сивинцѣ, близь Вратъ Желѣзныхъ, у болвана мѣдянаго, у златыя главы у Темиревы, у богатыревы могилы» (стр. 184)	«за рѣкою за Теркою, подъ великими горами Ясьскыми и Черкасьскыми, у града Тетякова, на рѣцѣ Севенчи» (стлб. 39)	«за рекою Теркомъ, на рецѣ Севенцѣ, подъ градомъ Тетяковымъ, близъ Вратъ Желѣзныхъ, минувъ грады все Яские и Чрькаские» (стр. 99)	«за рѣкою Геркомъ, на рѣцѣ на Севенцѣ, подъ городомъ Тетяковымъ, минувшю всѣ городы высокия Ясьскыя и Черкасьскые, близь Воротъ Желѣзныхъ» (ПСРЛ, т. V, стр. 213)[210]

[207] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38; ср. ПСРЛ, т. V, стр. 210 — «и егда же одари». Такая же фраза в ПСРЛ, т. XXV, стр. 162; т. XXVII, стр. 58; т. XXIII, стр. 99 — «яко же одари».

[208] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 39.

[209] Там же, стлб. 38; т. XV, стлб. 410—411; *А. В. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века, стр. 35. Это место является вставкой в общий протограф сводов, сохранивших тверское летописание.

[210] Тот же текст в ПСРЛ, т. XXV, стр. 164; т. XXIII, стр. 99; т. XXVII, стр. 59 и прим. м. Написание «городы высокия Ясьскыя» вместо «горы...» встречается во всех списках летописей, содержащих различные редакции Повести. Исключение составляют Воронцовский список Софийской I летописи, а также Лондонский, Синодальный и Чертковский списки Вологодско-Пермской летописи, где правильно читается «горы» (ПСРЛ, т. V, стр. 213, прим. д; т. XXVI, стр. 104, вар. 11 и стр. 354).

Приведенные отрывки по смыслу чрезвычайно близки друг другу, в них перечислены одни и те же географические названия, только в Никоновской кое-что добавлено. Несмотря на большое сходство текстов, последовательность названий в Никоновской летописи совпадает именно с Рогожским летописцем, а не с редакциями Повести в московской летописной традиции.

Следующее место Никоновской летописи также заимствовано из тверского источника, что видно из сопоставления со всеми другими летописными редакциями Повести, предшествовавшими Никоновской летописи (см. стр. 141).

Приведенные общие чтения Никоновской летописи и Рогожского летописца показывают, что в тверском источнике, который был использован Никоновской летописью, читалась уже несколько сокращенная редакция Повести о смерти Михаила: была нарушена хронология рассказа, ничего не говорилось о третьем суде, кратко было сказано о втором, сокращено описание дня казни Михаила. Но об идентичности текстов тверского источника Никоновской летописи и Рогожского летописца говорить нельзя из-за отсутствия данных. По Никоновской летописи можно восстановить только отдельные фрагменты Повести ее тверского, точнее кашинского, летописного источника, но не весь памятник.

Данные, полученные в результате анализа статьи 6827 г. Никоновской летописи, а также статей двух предшествующих лет, об использовании Никоновской летописью тверского летописного источника вполне согласуются с более широкими выводами А. Н. Насонова о существовании кашинского свода 1425 г., отраженного в Никоновской летописи[211]. Как показал А. Н. Насонов, кашинский свод 1425 г. был полнее общего протографа Рогожского летописца и Тверского сборника[212]. По аналогии можно думать, что текст Повести в нем, частично восстанавливаемый по Никоновской летописи, был несколько распространеннее, чем в Рогожском летописце и близких ему сводах.

Использование составителями Никоновской летописи Повести в московской летописной традиции несомненно. Однако данных о дублировании некоторых эпизодов в Никоновской летописи еще недостаточно для более точной характеристики источника. О трех судах над Михаилом — 21 октября, 28 октября и 20 ноября 1318 г., о заковании Михаила наутро «в недѣлю» после второго суда рассказывают все летописные редакции Повести, ведущие свое начало от Фотиева Полихрона. Более определенные указания на источник Никоновской летописи дает заключительная часть статьи 6827 г. Начиная со слов «и привезаша ужи крѣпко» (стр. 185) до слов «и не поставиша

---

[211] *А. Н. Насонов*. Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 757.

[212] Там же, стр. 754—756, 771.

Никоновская летопись	Рогожский летописец	Софийская I и Никаноровская летописи	Московский свод конца XV в.	Ермолинская летопись
«Таже повелѣ пѣти заутреню и потомъ часы, и самъ прилѣжно внимаше съ плачемъ, и со слезами и з горкымъ въздыханиемъ; и потомъ повелѣ начяти правило святаго причащениа, и пояше самъ по книгамъ» (стр. 184)	«и повелѣ начати иерею заутреню и часы, самъ же прилѣжно послушаша съ многыми слезами и горкымъ въздыханиемь и повелѣ начати правило святаго причащениа, и пояше самъ по книгамъ» (стлб. 39)	«въ среду рано повелѣ отъпѣти заутреню и часы, самъ же съ плачем послушааше; и но семъ повелѣ правило причащению, и рече попови: «да быхъ азъ самъ[213] молвилъ псалмы си», онъ же вда ему книгу. И приимъ, нача молвити тихо со умилениемъ и[214] глубокымъ въздыханиемъ[214], источающи слезы, яко рѣку, и глаголаше: «схрани мя, господи, яко на тя уповахъ»; и по семъ: «господь пасетъ мя»; таже[215], «вѣровахъ, тѣм же и възглаголахъ», и прочая вся причащению» (ПСРЛ, т. V, стр. 213; т. XXVII, стр. 59)	«Бысть же въ день среду, повелѣ отпѣти заутреню и часы, самъ же с плачемъ послушаше, и по семъ повелѣ правило причащению. И веземъ книгу, начатъ сам псалмы молвити тихо и со умилениемъ и глубокымъ въздыханиемъ, точя слезы, яко рѣку, и изрече вся, иже къ причащенью» (стр. 164)	«повелѣ отправити себѣ, бяше бо съ нимъ игуменъ да попа два, правило же причащению самъ со слезами изглагола; бѣ же ту сынъ его Костянтинъ. И егда изглаголавъ, причастися пречистыхъ таинъ» (стр. 99).

213 Этого слова нет в Никаноровской летописи (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 59, л. 166).

214–214 В Никаноровской этих слов нет (там же).

215 В Никаноровской вместо этих слов — «и по сем» (там же).

Никоновская летопись	Ермолинская летопись	Софийская I летопись	Московский свод конца XV в.
«и повелѣ двѣма стрещи его» (стр. 185)	«и повелѣ двема стеречи его» (стр. 100)	«Въ настоящюю бо нощь великый князь Юрий Даниловичь двѣма отъ слугъ своихъ повѣле стрещи тѣлесе святаго» (стр. 214)	*Так же, как в Софийской I летописи* (стр. 165)
«доска же едина на телѣгѣ ужи привязана, а тѣло его лежаше кромѣ поодалъ телѣги, рано къ земли» (стр. 186)	«доска же единако на телѣзе ужи привязана, а тѣло его лежаше окромѣ, подале, раною къ землѣ» (стр. 100)	«и доска на ней единако ужи привязана, тѣло же святаго о себѣ на единомъ мѣстѣ лежаше раною къ земли» (стр. 214)	«и дъска на ней единако ужи привязана, тѣло же святаго особь на единомъ мѣстѣ лежаше раною къ земли» (стр. 165)
«и ту суще гости русстии восхотѣша поставити въ церкви, плащаницею покрывше, и не даша имъ» (стр. 186)	«и ту сущи гости хотѣша поставити въ церкви, плащаницею покрывши, и не дашася имъ» (стр. 100)	«и тамо слышавше гости, знаемии ему, и хотѣша прикрыти плащаницами многоцѣнными тѣло его, съ честию и съ свѣщами славно въ церкви поставити. Приставлении же немилостивии бояре не даша имъ ни видѣти блаженнаго» (стр. 215)	*Так же, как в Софийской I летописи, но вместо* «тѣло его» — «честное тѣло его» (стр. 165—166)
«и привезше его [в] о градъ Москву, положиша его въ монастыри въ церкви святаго Преображениа» (стр. 186)	«и довезе Москвы, и положиша его въ манастырѣ святаго Преображения» (стр. 100, ср. вар. 59)	«и довезшимъ Москвы положиша и въ церкви святаго Спаса въ монастыри» (стр. 215)	«и довезше Москвы и положиша его въ церкви святаго великого Спаса в манастыри» (стр. 166)

Никоновская летопись	Ермолинская летопись	Софийская I летопись	Московский свод конца XV в.	Никаноровская летопись
«и многи вины възкладываху на Михаила» (стр. 182)	«и начаша вины въскладати многи на Михаила» (стр. 99)	«и покладаху многы грамоты со многымъ замышлениемъ на князя Михаила» (стр. 210).	*Так же, как и в Софийской I летописи* (стр. 163)	*Так же, как и в Софийской I летописи* (стр. 58)
«а которыа словеса и праведны суть, но они всѣхъ презирааху; прилежаху же и внимаху глаголемыхъ Кавгадыемъ: той бо бѣ судиа и суперникъ» (стр. 182).	«но не слушаху словесъ его, аще и праведни суть, но паче внимаху глаголемыхъ Кавгадыемъ, тои бо бѣ судья и суперникъ» (стр. 99)	«си бо бяше Кавгадый нечьстивый самъ судия, той же и сутяжаи, той же и лжи послухъ бываше, покрываше лжею своею истинная словеса князя Михаила; изрече многозамышленыя вины на непорочнаго христова воина, а свою страну оправдая» (стр. 210)	«Окаанныи же Кавгадыи и нечестивыч, самъ бѣ судья и сутяжеи, тои же и лживыи послухъ бываше. И покрываше лжею истиннаа словеса князя Михаила, и изрече многы замышленыя вины на него, а свою страну оправдая» (стр. 163)	*Так же, как и в Софийской I летописи, но вместо* «Михаила» — «обличаше», *вместо* «непорочнаго христова воина» — «князя Михаила» (стр. 58)

въ церкви, но во дворѣ» (стр. 186) и от слов «оттуду же повезоша его по русскимъ градомъ» (стр. 186) до конца статьи текст Никоновской летописи, за очень малыми исключениями, совпадает с текстом Ермолинской летописи[216]. Вот несколько примеров (см. стр. 142).

Возвращаясь от заключительной части статьи 6827 г. Никоновской летописи к ее началу и середине, находим, что и здесь есть чтения, сходные с чтениями Ермолинской летописи. Очевидно под влиянием редакции Повести, читающейся в Ермолинской летописи, составлен текст Никоновской от слов «и седоша князи на судищѣ» (стр. 182) до слов «поставить повелѣша въ другую недѣлю на судѣ» (стр. 182). Здесь читается ряд фраз, близких или даже тождественных Ермолинской летописи (см. стр. 143).

Переделку текста, близкого к Ермолинской летописи, представляет отрывок Никоновской летописи от слов «и многи узы желѣзны принесоша» (стр. 183) до слов «и многа зла изглагола на него» (стр. 183)[217], от слов «бяху же тамо мнози народи» (стр. 184) до слов «всѣ земли сошлися тамо» (стр. 184)[218]. Сходны с Ермолинской летописью фразы «причястися святыхъ и божественыхъ и животворящихъ таинъ христовыхъ» (стр. 184), «бѣ бо ту и сынъ его Констянтинъ» (стр. 184)[219]. Близок к Ермолинской летописи текст от слов «и потомъ нача приказывати ко сыну» (стр. 184) до слов «и не презрятъ никогда же» (стр. 184)[220]. Текст Никоновской летописи от слов «и се скоро притече единъ отъ отрокъ его» (стр. 185) до слов «таже положиша его на телѣгу» (стр. 185) представляет собой переработку текста, сходного с Ермолинской летописью[221]. Здесь особенно показательно следующее место:

Никоновская летопись	Ермолинская летопись
«и изпусти духъ, мѣсяца ноября 22 день. Вежу же его разграбиша Русь и татарове, всѣхъ сущихъ съ нимъ христианъ и татаръ, служащихъ ему, имающе, изообнажаху, и нагихъ влачаху, терзающе, яко злодѣевъ, и, розведше, поковаша» (стр. 185)	«и тако испусти духъ, ноября 22. Вежу же его разграбиша Русь и татарове, а сущихъ съ нимъ имающе, обнажающе, нагыхъ волочаху, тръзающе, яко злодѣя, и, разведше, исковаша» (стр. 100)

Совершенно иначе читается данное место в других редакциях Повести в летописях, генетически связанных со сводом Фотия.

[216] Фраза Никоновской летописи о Кавгадые — «не пребысть бо ни единаго лѣта, изъвергъше злѣ окаянныи животъ свои» (стр. 186) — показывает, что здесь не могла быть использована ни Софийская I летопись старшего извода, ни Никаноровская или близкая к ней летопись.

[217] Ср. ПСРЛ, т. XXIII, стр. 99, кроме фразы «и на выю чепь велью возложиша, и мышцы его назадъ завязаша».

[218] Ср. там же.

[219] Ср. там же.

[220] Ср. там же.

[221] Там же, стр. 99, 100.

В Софийской I летописи и Московском своде конца XV в. между известием о пограблении имущества тверского князя и известием об аресте сопровождавших его лиц рассказывается о приезде Юрия и Кавгадыя к телу убитого Михаила, о перевозе тела за реку Адежь, о бегстве части бояр и слуг тверского князя к ханше [222]. В Никаноровской летописи нет даты смерти Михаила и сообщения о разграблении его вежи [223].

Приведенные данные говорят о том, что в руках у составителей Никоновской летописи была летопись, близкая Ермолинской. Редакция Повести о Михаиле Тверском, читающаяся в Ермолинской летописи, явилась основным источником редакции Повести в Никоновской летописи.

Обращает на себя внимание своеобразное «удвоение» в статье 6827 г. Никоновской летописи некоторых лиц, сведения о которых содержатся только в московских летописных редакциях Повести, но отсутствуют в тверской. Так, Никоновская летопись сообщает, что Михаила сопровождали не три духовных отца, а шесть: «бѣ бо съ нимъ игуменъ да два попа инока, да два попа да диаконъ мирскиа» (стр. 184); что в Бездеже с гроба Михаила упал не один человек, а два; что узнал об этом не один священник, а по меньшей мере два (стр. 186). Припомним также, что одно из названий места прибытия Михаила к хану Узбеку было включено в Никоновскую летопись из московской летописной редакции Повести, отличной от редакции, сохраненной Ермолинской летописью. Тип этой второй московской летописной редакции Повести определяется по ряду специфических чтений Никоновской летописи. В последней сказано, что Михаил в день смерти поднялся «рано зѣло въ среду» (стр. 184). Это ведет к редакциям Повести в Софийской I и Никаноровской летописях [224]. Далее в Никоновской летописи в уста тверского князя влагается следующая фраза: «се уже трижды показа ми ся въ нощи сей, яко скончание мое днесь приближися» (стр. 184). В контексте Никоновской летописи слова о каком-то троекратном предзнаменовании смерти Михаила оказываются малопонятными. Их туманный смысл проясняется при обращении к Софийской I и Никаноровской летописям, где примерно в том же месте рассказа о гибели Михаила описано троекратное чтение князем псалмов при причащении [225]. Очевидно составители Никоновской ле-

---

[222] ПСРЛ, т. V, стр. 214; т. XXV, стр. 165.

[223] ПСРЛ, т. XXVII, стр. 60.

[224] ПСРЛ, т. V, стр. 213; т. XXVII, стр. 59. В ПСРЛ, т. XXV, стр. 164 и т. XXIII, стр. 99 — «бысть же въ день среду».

[225] ПСРЛ, т. V, стр. 213; т. XXVII, стр. 59. М. Н. Сперанский вслед за Ф. Керенским ошибочно полагал, что здесь идет речь о гадании Михаила по Псалтири (*М. Н. Сперанский.* Из истории отреченных книг. I. Гадания по Псалтыри.— ОЛДП, вып. CXXIX. СПб., 1899, стр. 47, прим. 6; *Ф. Керенский.* Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса.— ЖМНП, 1874, № 4, стр. 309—310. На самом деле чтение первых стихов глав 15, 22 и 115 Псалтири входило в обряд причащения (ГИМ, Епарх., № 134, лл. 311—312, правило причащения в списке XVI в.).

тописи имели перед собой текст, где был эпизод с чтением псалмов. Перерабатывая свой источник, они внесли фразу о троекратном печальном предзнаменовании в текст Никоновской летописи. Итак, круг поисков источника сужается до двух редакций Повести. Цитата из псалма LIV (стихи 1—5) в Никоновской летописи (стр. 184) обнаруживает больше сходства с той же цитатой в Софийской I летописи, чем в Никаноровской[226]. Извлекаем отсюда некоторые данные в пользу того, что составители Никоновской летописи воспользовались редакцией Повести, представленной Софийской I летописью.

Помимо мест, указанных выше, к редакции Повести в Софийской I летописи можно возвести следующие отрывки Никоновской летописи: текст от слов «одари всѣхъ князей» (стр. 182) до слов «у царя полтора мѣсяца» (стр. 182), текст от слов «паки убо въ другую недѣлю» (стр. 183) до слов «а царю еси не давалъ» (стр. 183), фразу «наутрие же въ суботу князи седоша на судищи, и Михаила поставиша связана» (стр. 183), фразу «Таже призва сына своего Констянтина» (стр. 184). Очевидно под влиянием Повести в Софийской I летописи в Никоновской летописи помещена цитата из евангелия от Матфея, XXVI, 38 (стр. 184)[227].

Таким образом, при составлении статьи 6827 г. Никоновской летописи были использованы по крайней мере три летописных редакции Повести о смерти Михаила Тверского: редакция, близкая Ермолинской летописи, она была положена в основу рассказа о Михаиле; редакция, близкая тверской, к которой обращались довольно часто, и редакция, восходившая к Софийской I летописи, слабо отразившаяся в Никоновской летописи.

Однако далеко не всё в статье 6827 г. Никоновской летописи можно возвести к трем указанным источникам. В статье есть немало монологов и диалогов, эпизодов, различных мелких деталей, на первый взгляд носящих вполне реальный характер. Их нет ни в одной другой редакции Повести. Сведения Никоновской летописи в этом отношении являются уникальными. Необходимо подробнее остановиться на их характеристике.

Пожалуй, наиболее разительные отличия от других редакций Повести представляет описание в Никоновской летописи судебных разбирательств дела Михаила. В этом месте приводятся речи Кавгадыя и других татарских князей, хана Узбека, перечисляются многочисленные обвинения, выдвинутые против Михаила, на которые обстоятельно отвечал тверской князь. Нетрудно видеть, что речи татар связывают между собой рассказы о судах над Михаилом, число которых в Никоновской летописи было искусственно увеличено. Очевидно, что все эти речи были написаны

---

[226] В Софийской I летописи стоит «смутихся», как и в Никоновской (ПСРЛ, т. V, стр. 213). В Никаноровской и Вологодско-Пермской — «смятохся», «смятеся» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 59—60; т. XXVI, стр. 104; ср. стр. 354).
[227] Ср. ПСРЛ, т. V, стр. 210—211, 213.

самими составителями Никоновской летописи для придания большей композиционной стройности повествованию о гибели тверского князя.

Интересны обвинения, которые будто бы были выдвинуты против Михаила. Их перечень приводится в Никоновской летописи лишь при описании третьего суда над тверским князем: 1) гордость и непокорность хану, 2) сражение с ханским послом Кавгадыем, в результате которого были побиты татары, 3) присвоение дани, следуемой татарам, 4) желание бежать с казною «въ Нѣмцы», 5) отсылка казны к папе в Рим, 6) отравление жены Юрия, сестры хана Узбека Кончаки, 7) «князей и татаръ царевыхъ побилъ еси» (стр. 183). В тверской летописной редакции Повести обвинения против Михаила опущены. В московских летописных редакциях рассказывается, что на первом суде Михаилу предъявили только одно обвинение: утаивание дани, а на втором — три: сокрытие дани, битва с Кавгадыем, отравление Кончаки[228]. Все эти пункты есть в приведенном перечне Никоновской летописи. Обвинение в разгроме татар повторено даже два раза: пункт второй и пункт седьмой. Вероятно такое дублирование явилось следствием обращения составителей Никоновской летописи к летописям, близким Софийской I и Ермолинской.

В речи в свою защиту, приведенной в Никоновской летописи, тверской князь отвечает только на пункты первый, второй, третий и шестой (стр. 183). Налицо явная непоследовательность в рассказе Никоновского свода. Ответы Михаила дают некоторую уверенность в том, что в тех летописных редакциях Повести, которыми воспользовались составители Никоновской летописи, ничего не говорилось о стремлении Михаила увезти казну к немцам и укрыться у них, а также об отсылке казны в Рим. Источник четвертого пункта обвинений был установлен выше. Пятый пункт противоречит не только ответам Михаила, но и пункту четвертому. К тому же это обвинение неточно фактически: в 1318 г. папы находились не в Риме, а в Авиньоне[229]. Сообщение о том, что тверской князь будто бы отослал свою казну в Рим к папе очень характерно для составителей Никоновской летописи, вообще проявивших большой интерес к истории взаимоотношений Руси с католической церковью[230]. Обвинение Михаи-

---

[228] ПСРЛ, т. V, стр. 210—211; т. XXV, стр. 163; т. XXIII, стр. 99; т. XXVII, стр. 58.

[229] *H. Kühner*. Lexikon der Päpste. Zürich/Stuttgart, 1956, S. 121—123; *K. D. Schmidt*. Tabellen zur Kirchengeschichte. Göttingen, 1959, S. 42.

[230] На полемику составителей Никоновского свода с католиками обратил внимание С. П. Розанов — см. его статью «„Никоновский" летописный свод и Иоасаф, как один из его составителей» («Известия по русскому языку и словесности», т. III, кн. 1. Л., 1930). По-видимому, являются позднейшими приписками многочисленные сообщения Никоновской летописи о посоль-

ла в связях с латинством, несомненно, явилось выдумкой XVI в., проистекавшей, видимо, от желания московских официальных кругов поставить под сомнение не только святость, но и само православие тверского князя. К творчеству летописцев XVI в. следует отнести и первый пункт обвинений против Михаила, носящий моральный характер.

В оправдательной речи Михаила содержатся любопытные выпады против Юрия Московского. Тверской князь обвинял своего соперника в том, что он хотел всем владеть не «по нашему обычаю» и нарушил старую дружбу и любовь между Тверью и Москвой: «много есми отцу его въ бѣдахъ помогалъ» (стр. 183). Антимосковские мотивы в этом месте Никоновской летописи звучат несколько странно. Ни одна редакция Повести, в том числе и редакция Никоновской летописи, ничего не говорят об активной роли Юрия на суде. Последнее обстоятельство могло бы как-то объяснить противомосковскую направленность оправдательного выступления тверского князя. Обвинения Михаилу вчинялись татарскими князьями, они же разбирали дело. В разборе большую роль играл Кавгадый. Вероятнее всего, этот раздел речи Михаила был написан составителями Никоновской летописи так же, как были написаны ими речи Кавгадыя, Узбека и судей. Но в отличие от последних, в словах, приписанных Михаилу, чувствуется знание авторами некоторых исторических фактов. Намек на приязненные отношения Михаила с отцом Юрия Даниилом Александровичем появился, вероятно, под влиянием более ранних известий той же Никоновской летописи [231]. Упрек московскому князю в том, что он «вся хотяше владѣти не такъ по нашему обычаю» (стр. 183), основан на знакомстве составителей с редакцией Повести в Софийской I летописи, где проводилась подобная идея [232]. Заключительная часть речи Михаила (просьба к хану и судьям о помиловании) очень сходна с обращением к тому же Узбеку сына Михаила — Александра [233]. Речь Александра явно написана составителями Никоновской летописи [234]. Плодом литературного творчества является и рассказ Никоновской летописи о том, как после пятого суда с Михаила сняли узы, принесли еду и питье, но затем заковали снова. Видимо этот эпизод,

---

ствах от римских пап на Русь и из Руси в Рим (см., например: ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 39, 57, 64, 65, 68 и 237, под 6487, 6496, 6499, 6502, 6508—6509 и 6677 гг.). Сомнения в достоверности этих известий XI—XII вв. о сношениях киевских князей с римскими папами высказывал М. Н. Тихомиров («Источниковедение истории СССР», вып. 1. М., 1962, стр. 255). Напротив, Б. Я. Рамм считает сообщения Никоновской летописи соответствующими действительности, хотя при сопоставлении с западными источниками вывод Б. Я. Рамма не подтверждается («Папство и Русь в XI—XV вв.». М.— Л., 1959, стр. 38—39).

231 ПСРЛ, т. X, стр. 171, под 6804 г.

232 ПСРЛ, т. V, стр. 207.

233 ПСРЛ, т. X, стр. 207, под 6845 г.; т. XI. СПб., 1897, стр. 175—176.

234 Ср. ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 48, под 6845 г.

носящий весьма искусственный характер, явился комментарием составителей Никоновской летописи к словам Кавгадыя о скором облегчении участи узника[235]. Таким же комментарием составителей представляется указание Никоновской летописи на то, что сторожа Михаила не препятствовали ему выполнять религиозные обряды (стр. 184). Перу составителей принадлежит, несомненно, и небольшое поучение Михаила сыну Константину о церковном почитании (стр. 184). Источником послужил некролог Михаила, помещенный в той же Никоновской летописи под 6828 г. (стр. 187). Книжниками XVI в. приписаны Михаилу две молитвы: к богородице и к Христу, которые будто бы перед смертью произнес тверской князь (стр. 185). Подобные прибавления могут служить еще одним свидетельством в пользу церковного происхождения Никоновской летописи.

По сравнению со всеми другими редакциями Повести, в Никоновской летописи есть ряд дополнительных деталей, носящих фактический характер. Их немного. Сообщается, что во время пребывания Михаила в Орде там были цареградцы, немцы, литовцы и русские (стр. 184), что Михаил пробыл 26 дней «у болвана мѣдянаго, у златыя главы у Темиревы, у богатыревы могилы» (стр. 184), что духовного отца Михаила звали Марком (стр. 184), а не Александром[236]; среди убийц Михаила назван некто Иванец, который бил повергнутого князя (стр. 185); наконец, говорится о том, что у Михаила в Орде было много служилых татар (стр. 185). Появление указанных деталей в рассказе о смерти Михаила Тверского следует объяснять общей литературной манерой составителей Никоновской летописи[237]. Известно, что составители Никоновской летописи нередко вводили в старые тексты новые имена и отдельные факты, лишь иногда основываясь на каких-то источниках, зачастую позднейших[238].

---

[235] ПСРЛ, т. VII, стр. 194.

[236] Имя духовного отца Михаила, сопровождавшего его в Орду, приведено в Софийской I летописи, Московском своде конца XV в. и Никаноровской летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 211; т. XXV, стр. 163; т. XXVII, стр. 58) и во всех нелетописных редакциях памятника.

[237] О вставке указания на «болвана мѣдянаго» подробнее см.: *В. А. Кучкин.* Где искать ясский город Тютяков? — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. 25. Орджоникидзе, 1966.

[238] Д. С. Лихачев весьма убедительно показал это на примере данных Никоновской летописи об Алеше Поповиче. Сведения о нем были почерпнуты составителями Никоновской летописи из фольклора XVI в. (*Д. С. Лихачев.* Летописные известия об Александре Поповиче.— ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 48). В этой же статье проанализировано описание Липицкой битвы в Никоновской летописи, где среди участников битвы названы лица, нигде более не встречающиеся. Очевидно некоторые из имен появились впервые только под пером составителей Никоновского свода, едва ли все имена были в фольклорных произведениях (ср. *Д. С. Лихачев.* Летописные известия об Александре Поповиче, стр. 41—45).

Заключительная часть рассказа о Михаиле Тверском помещена в Никоновской летописи под 6828 г. От начала статьи до слов «все цѣло и невредимо» стр. 187) текст Никоновской летописи совпадает с текстом Ермолинской летописи[239], кроме сообщения о приезде в Тверь Прохора, которое восходит к тверскому источнику[240]. Из последнего заимствована и часть статьи 6828 г. (от слов «бѣ же сей князь велики» до слов «умерлъ же бы всяко») — некролог князя Михаила Ярославича. По сравнению с некрологом в Рогожском летописце, в Никоновской летописи текст переработан, есть сокращения и дополнения[241].

Подведем итог определению источников Повести о Михаиле Тверском в Никоновской летописи — статей 6825 — 6828 гг. В основу Повести была положена летописная редакция памятника, подобная той, которая содержится в Ермолинской летописи. Эта редакция отразилась на всех четырех погодных статьях Никоновской летописи. Вторым источником явилась редакция Повести, читавшаяся в кашинском своде 1425 г. Она использована в статьях 6827—6828 гг. Наконец, редакция Повести, восходившая к Софийской I летописи, отразилась в сравнительно слабой степени на статье 6827 г.

Рассказ Никоновской летописи о гибели тверского князя построен по тому же плану, что и в других летописных редакциях памятника. Композиция осталась прежней. Но обращение составителей Никоновской летописи к разным редакциям наложило свой отпечаток на произведение о Михаиле. В целом ряде случаев видны повторения, остались следы механического соединения текстов. Вместе с тем составители положили немало труда, чтобы согласовать различные летописные версии Повести. Отсюда ряд новых связующих эпизодов, например речи Кавгадыя, хана, татарских князей, пояснений, уточнений, некоторые мелкие детали и т. д. Отчасти эти вставки были сделаны составителями Никоновской летописи на основании знания каких-то исторических фактов, отраженных в других статьях той же Никоновской летописи, но значительно большее число вставок появилось в результате осмысления старых текстов. Отсюда нестрогое цитирование имевшихся памятников, частые отступления от одного источника и переходы к другому. На редакции Повести в Никоновской летописи ярко сказалось литературное творчество книжников XVI в.

Несмотря на пеструю мозаику источников, из которых сложилась редакция Повести в Никоновской летописи, идейной обработке памятника нельзя отказать в известной цельности. При анализе источников статей 6825—6828 гг. Никоновской летописи иногда приходилось останавливаться на некоторых местах По-

---

239 Ср. ПСРЛ, т. XXIII, стр. 101.
240 Ср. ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 40.
241 Ср. там же, стлб. 40—41.

вести, где сочувственно был обрисован тверской князь. Такая подача образа шла от традиции, от тех редакций памятника, которые были положены в основу повествования Никоновской летописи. Но сами составители свода проводили другие идеи. Эти идеи особенно ярко видны в добавлениях к эпизодам из ранних рассказов о судьбе тверского князя. В добавлениях по существу оправдывался суровый приговор над Михаилом. Казнь соперника Юрия Московского явилась естественным и закономерным следствием его «злых дел» (стр. 183), суть которых была выяснена на суде. По сравнению с предшествующими редакциями Повести составители Никоновской летописи почти вдвое увеличили список «вин» Михаила. В то же время они всячески подчеркивали беспристрастность ханского суда. Узбек будто бы постоянно требовал «истинного и достоверного» разбора конфликта между Юрием и Михаилом, поскольку «нашь бо судъ царьский праведенъ подобаеть быти» (стр. 183). Эта мысль, повторенная в статье 6827 г. неоднократно, перекликается с известным требованием справедливого (для правящих классов) суда в русской публицистике середины XVI в.[242] Из подобного утверждения составителей Никоновской летописи логически вытекали два заключения. Первое состояло в том, что если Михаила и судили иногда пристрастно, то это дело рук Кавгадыя и татарских князей, но никак не хана. Ханский (царский) суд всегда праведен. Неправедными могут быть только его исполнители. Но если царский суд праведен и он осудил Михаила, то тверской князь действительно виновен. В этом заключался второй вывод из вышеуказанного утверждения. Подчеркивая виновность Михаила, составители Никоновской летописи заставляли его признаваться во многих «грехах» (стр. 184), давали ему нелестные характеристики: горд и непокорен хану (стр. 183), скоклив и поспешен, дерзок (стр. 185). Заключительные слова Повести Никоновской летописи: «смертно бо есть житие сие, аще бы не тако умерлъ, умерлъ же бы всяко» (стр. 187), не оставляют сомнений в антипатии ее составителей к тверскому князю. Последней фразой отвергалось признание за Михаилом святости. Нет в Никоновской летописи и термина «святой» по отношению к противнику Москвы. Недобрая тень была брошена на само православие Михаила Тверского: с одной стороны, он готов был бежать «в Немцы» и переправил латинскому папе свою казну, пополненную данями с русских земель, с другой, ему служили «поганые» татары.

Неблаговидные действия соперника Михаила Юрия Московского замалчивались в Никоновской летописи. Причина вражды Михаила и Юрия осталась фактически необъясненной. Приведен лишь туманный намек Михаила, что Юрий «възстааше на мя, и

---

[242] *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 40, 363—371.

вся хотяше владѣти не такъ по нашему обычаю, и о семъ на мя вражду сотвори» (стр. 183). Характерно, что московский князь обелялся не только в Повести, проредактированной в Никоновской летописи, но и в других статьях этого свода. Так, в тверском источнике было сказано, что Юрий с Кавгадыем двигались от Ростова к Переяславлю, «много зла творя христианомъ»[243]. В Никоновской летописи эти слова оказались выпущенными (стр. 181).

Любопытно обрисован хан Узбек. С него снята всякая ответственность за убийство Михаила. Если в других летописных редакциях Повести Узбек осуждался или о нем вообще ничего не говорилось, то в Никоновской летописи он представлен мудрым царем, справедливым и беспристрастным судьей[244]. Книжники первой трети XVI в., несомненно, перенесли на могущественного татарского хана, жившего в первой половине XIV в., свои представления об идеальном государе. Единственным виновником всех несчастий в рассказе Никоновской летописи о гибели тверского князя является Кавгадый. Его враждебная тверскому князю деятельность приобретает в новой редакции памятника поистине всеобъемлющий характер. Кавгадый обманул Михаила, оклеветал его перед ханом, неправедно осудил, издевался над узником, послал к нему убийц.

В Повести о Михаиле Тверском, обработанной составителями Никоновской летописи, получили законченное выражение те идеи, которые намечались и развивались в промосковском летописании XV в.: затушевывались противоречия между Москвой и Тверью в начале XIV в., в более благоприятном свете рисовался московский князь, тускнела характеристика тверского князя, ответственность за убийство Михаила возлагалась только на Кавгадыя. Такой памятник московского самодержавия XVI в., каким являлась Никоновская летопись, и не мог дать иной оценки русского прошлого. Историческая концепция составителей Никоновской летописи должна была отвечать интересам московского государя, а потому она являлась пристрастной и тенденциозной в освещении начального этапа возвышения Москвы.

Изучение Повести о смерти в Орде Михаила Тверского в русских летописях дает картину того, как при переработке летописных сводов возникали новые редакции памятника. Схема взаимоотношений этих редакций повторяет контуры схемы русского летописания XV—XVI вв. Последняя, конечно, является гораздо более сложной, поскольку сплошное перекрестное срав-

---

243 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 37.

244 На материале других статей Никоновской летописи сходную оценку Узбека дал Б. И. Дубенцов (*Б. И. Дубенцов.* К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферскаго».— ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 140).

нение текстов летописных сводов позволяет установить целый ряд промежуточных этапов летописной работы. Тот факт, что схема Повести о Михаиле Тверском в летописях целиком укладывается в общую схему летописания, служит главным доказательством зависимости рассмотренных редакций памятника от всего хода летописания и тесной связи с ним. Это обстоятельство представляется принципиально важным с методической точки зрения. Все более очевидной становится истина, что нельзя изучать отдельные памятники в летописных сводах в отрыве от этих сводов и всего русского летописания в целом. Текстуальные и, что особенно важно подчеркнуть, идейные изменения таких памятников в летописях можно правильнее понять, если учитывать подобные изменения тех летописей, в которых они сохранились.

Сравнительный анализ Повести о Михаиле Тверском в различных летописных сводах в тесной связи с подобным анализом сводов в целом позволяет выделить две ветви русского летописания, московскую и тверскую, где встречается Повесть. Начало первой ветви дал Владимирский Полихрон 1423 г. митрополита Фотия. Свод 1423 г. был положен в основание других московских митрополичьих и великокняжеских сводов XV в., которые в свою очередь оказали влияние на местное летописание второй половины XV в. и на общерусское летописание XVI в. В результате создания новых летописных сводов последовательно появились редакции Повести в Софийской I летописи старшего извода — старшая из дошедших редакций этой ветви русского летописания, затем младшего извода, в своде 60-х годов XV в., который отразился в Московском своде 1479 г.; своде 1472 г. — источнике Ермолинской летописи, Никаноровской и Воскресенской летописях, Степенной книге.

Тверская ветвь представлена одной редакцией Повести, которая сохранилась в сводах, в той или иной мере использовавших в качестве источников тверские летописные памятники. Старший и лучший текст тверского варианта Повести читается в Рогожском летописце.

Тексты Повести в Софийской I летописи старшего извода и Рогожском летописце во многом совпадают, что свидетельствует о существовании их общего источника. Таким общим источником являлся, по всей вероятности, обширный тверской летописный свод 1409 г. Свод 1409 г., с одной стороны, был использован составителями Владимирского Полихрона 1423 г., с другой, он лег в основу тверских летописных сводов первой четверти—середины 50-х годов XV в. В его составе читалась Повесть о Михаиле Тверском в редакции, близкой Софийской I летописи старшего извода, но некоторые чтения этой редакции совпадали с чтениями не Софийской I, а Рогожского летописца. Иными словами, и старшая московская летописная версия памятника, и тверская обработка отразили особенности недошедшего летописного вари-

анта Повести, причем московская версия гораздо полнее и точнее.

Восходя к одному источнику, Повести о смерти в Орде Михаила Тверского в обеих ветвях русского летописания долгое время развивались параллельно и независимо друг от друга. Соединение произошло лишь в конце 20 — начале 30-х годов XVI в., когда составители грандиозного Никоновского свода использовали как тверскую, так и московские летописные переработки памятника.

В летописании XV в., чем далее к концу столетия, тем сильнее сокращалась Повесть. Это было связано с общим изменением русского летописания, все более и более принимавшего деловой характер [245]. Наряду с сокращением текста Повести происходила разбивка его на погодные статьи, что свидетельствует о все большем срастании памятника с летописью. В летописании XVI в. последняя тенденция осталась, но наблюдается стремление полнее осветить события двухсотлетней давности. В Никоновской, Воскресенской летописях, в Степенной книге рассказ о Михаиле Тверском оказывается гораздо пространнее, чем в сводах последней трети XV в.

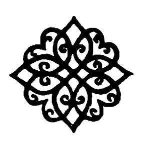
Говоря об идейных особенностях летописных переделок Повести о Михаиле Тверском, следует учесть, что она помещалась не во всех летописных сводах. Составители ранних московских сводов, псковских, некоторых новгородских и ростовских часто опускали рассказ о гибели тверского князя. Однако целый ряд общерусских сводов XV в. сохранил Повесть в своем составе. Наличие в них Повести, памятника с ярко выраженным протестом против татаро-монгольского ига, против притеснений, вероломства и жестокости ордынских правителей, свидетельствует об отражении в этих сводах национально-освободительных устремлений русского народа.

Примечательной чертой переработок Повести в московской ветви русского летописания XV в., а отчасти и XVI, было систематическое опущение того материала, который рисовал в неблагоприятном, отрицательном виде Юрия — первого московского князя на владимирском великокняжеском столе. От редакции к редакции из Повести планомерно устранялись антимосковские выпады. Одновременно подвергались правке или опускались те места памятника, в которых доказывались преимущественные права на стол Владимирского великого княжения Михаила Ярославича и где тверской князь характеризовался как идеальный государь, пожертвовавший собой для спасения своей земли. Такая идейная эволюция Повести в составе русских летописей XV—XVI вв. стояла в тесной связи с идейной обработкой сводов в целом. В свое время М. Д. Приселков высказал мысль, что

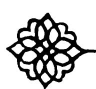
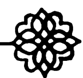
[245] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 354—374.

переработка летописного материала XII—XIV вв. «в духе торжествующего московского единодержавия» произошла после падения татарского ига и образования единого Русского государства во главе с Москвой, когда Москва смогла прибрать к рукам летописание других феодальных центров и летописные своды стали служить целям политического воспитания подданных московского великого князя [246]. Материал, имеющийся в нашем распоряжении, не позволяет согласиться с этим выводом М. Д. Приселкова. Московская цензура сильно сказалась уже на редакциях Повести в Софийской I летописи младшего извода и своде 60-х годов XV в.— общем источнике Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи. Становится очевидным, что в летописных сводах тенденциозные промосковские поправки к истории Северо-Восточной Руси делались еще до образования Русского централизованного государства. Редакционные изъятия в Повести о Михаиле Тверском, сделанные сводчиками 1456 г. и 60-х годов XV в., диктовались теми актуальными политическими задачами объединения всех русских земель, которые еще стояли перед московскими великими князьями. Идейная эволюция Повести о Михаиле Тверском в летописных сводах XV в. отразила поворотный момент в русских средневековых историко-политических воззрениях, момент, характеризующийся появлением новой политической концепции, согласно которой вся роль в создании Русского государства приписывалась московским князьям, провозглашавшимся единственными наследниками и преемниками власти великих князей Киева и Владимира.

---

246 *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв., стр. 10, 176, 184.

Глава III

ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СБОРНИКОВ

Древнерусские сборники сохранили в своем составе пять различных редакций Повести о Михаиле Тверском [1]. Четыре из них были известны раньше. Исследователи изучали эти редакции лишь в сопоставлении друг с другом, в отрыве от анализа тех сборников, где эти редакции первоначально появились, и вне связи с переработками памятника в летописях. В результате получалась схема взаимоотношений редакций Повести в сборниках, в которой отсутствовали связующие звенья между отдельными переделками рассказа о смерти тверского князя. Между тем привлечение летописных редакций Повести позволяет обнаружить эти недостающие звенья и дает возможность совершенно точно установить источники ряда редакций Повести, известных только по сборникам. Определяется и data pro quem таких редакций.

Анализ сборников в целом, где встречаются различные редакции Повести о Михаиле, помогает полнее представить идейную направленность этих редакций, цели и задачи их составления, дает материал об авторах, месте и времени написания.

Выделение старшей редакции Повести сборников и последующее сравнение ее с двумя старшими летописными редакциями позволит подойти к конечному результату исследования — определению и характеристике древнейшего сохранившегося варианта Повести о Михаиле Тверском.

1. АНАЛИЗ СПИСКОВ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО. НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ СУЩЕСТВОВАНИИ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ

Списков Пространной редакции Повести о Михаиле Тверском, впервые обнаруженной В. О. Ключевским, сохранилось совсем немного — всего семь. Самый старший список датирует-

[1] Здесь не рассматриваются те редакции Повести, которые попали в сборники из летописей.

ся 30-ми годами XVI в., самый поздний — примерно на 140 лет моложе[2]. Списки Т и М происходят из Троице-Сергиева монастыря, список К — из тверского Желтикова монастыря, основанного в 1394 г. епископом Арсением[3]. О местах написания остальных списков ничего не известно.

Два списка дефектные. В списке из коллекции М. Ф. Першина недостает последнего листа, а от списка, принадлежавшего Н. П. Лихачеву, осталось всего пять листов. Другие два списка скопированы с дефектного оригинала: это список Милютинских Миней Четий и список сборника тверского Желтикова монастыря. В них нет текста от слов «влечетъ к собѣ» до слов «восприимаху царство небесное и венець» включительно. Очевидно, что в их протографе был утрачен один лист. Имеется, следовательно, всего лишь три исправных списка Повести Пространной редакции.

Если оставить в стороне список из коллекции Н. П. Лихачева из-за утраты большей части текста, то остальные шесть списков можно разделить на три группы.

Первую группу составляют списки основной и П. В них есть чтения, характерные только для этих двух списков: «свое царство у месты вменивъ» (осн., л. 31; П, л. 506 об.), где «у месты» вместо «уметы»; «но сами бывше» (осн., л. 31; П, л. 506 об.), где «сами» вместо «самовидцы»; «моли ти ся, владыко» (осн., л. 31 об.; П, л. 507), где «моли» вместо «молю»; «приведе великаго князя Володимера» (осн., л. 32; П, л. 508, в П «великого» и «Владимера»), второго слова нет в других списках; «по великомъ жестокомъ пленении русстѣмъ» (осн., л. 33; П, л. 509), где «жестокомъ» вместо «же томъ»; «преставиися великьи князь во Тьфѣри Андрѣи» (осн., л. 33; П, л. 509, в П «преставися великии»), четвертого и пятого слов нет в других списках; «сварястася многажды миръ» (осн., л. 34 об.; П, л. 511 — «сваристася»), где «сварястася» вместо «сотвориста»; «повелѣ князь велики избити» (осн., л. 36 об.; П, л. 513 об.— «великии князь»), в начале фразы пропущено отрицание «не»; «по повелѣнию же окаянныи Ковгадыи» (осн., л. 37 об.; П, л. 514 об.), где два последние слова стоят в им. пад. вместо род.; «послѣ сына своего Костянтина» (осн., л. 37 об.; П, лл. 514 об.— 515), в других списках имени нет; «яко же обычаи измлада» (осн., л. 41 об.; П, л. 519 об.), где «обычаи» вместо «имяше обычаи»; «приказываше про отчину свою» (осн., л. 45; П, л. 524), в других списках первого слова нет; «болшему

---

[2] ГБЛ, ф. 310, № 1254, лл. 30—50 (список основной); ЛОИИ, кол. 238, № 397, 5 отдельных листков (список Л); Ковров, собр. М. Ф. Першина, сборник житий святых, лл. 505 об.— 530 об. (список П); ГБЛ, ф. 304, № 671, лл. 111—129 об. (список Т); ГБЛ, ф. 299, № 587, лл. 305—326 об. (список Тих.); ГИМ, Синод., № 799, лл. 1152—1179 (список М); ГАКО, рук. колл., № 1103, лл. 88—132 об. (список К).

[3] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стлб. 164, под 6902 г.

смущати ему» (осн., л. 45 об.; П, л. 524 об.), где «болшему» вместо «болше»; «никим же не брегому» (осн., л. 47; П, л. 526 об.), где «брегому» вместо «брегомо»; «придѣде его» (осн., л. 47; П, л. 526 об.) вместо «приодѣ его»; «отпустити во Тверь» (осн., л. 49 об.; П, л. 530—«въ Тферь»), в других списках последних двух слов нет.

Более поздний список П не является копией с основного. Между ними есть довольно существенные разночтения: «отпусти его во своя» (П, л. 514) — «отпусти его» (осн., л. 37); «князь же Юрии» (П, л. 514) — «князь великии Юрьи» (осн. л. 37); «отгнаша от него всю дружину его» (П, л. 519) — «отгнаша от него всю дружину» (осн., л. 41); «зряху на святого» (П, л. 523) — «зряще святого» (осн., л. 44); «под городом Тютяковымъ» (П, л. 523 об.) — «под городом Тютякоковым» (осн., л. 44 об.); «бияхутъ его нещадно ногами» (П, л. 526) — «бьяхут его нещадно пятами» (осн., л. 46 об.); «приехаша въскорѣ к тѣлу святаго» (П, л. 526 об.) — «приехаша въскорѣ над тѣло» (осн., л. 47); «десная рука под лицем его, а лѣвая у язвы его» (П, л. 528) — «десная рука под лицем его» (осн., л. 48). Из приведенных данных видно, что оба списка восходят к общему протографу.

Вторую группу составляют списки Т и Тих. Они имеют ряд общих чтений, присущих только им одним и не встречающихся в остальных списках: «кимъ [киимъ — *Тих.*] образомъ доити и видѣти горнии Иерусалимъ» (Т, л. 111; Тих., л. 305 об.), в других списках второго слова нет; «а иногда тии царство свое и» (Т, л. 111 об.), «а инии царство свое и» (Тих., л. 305 об.), в других списках вместо этой фразы написано «и»; «божественыи, христолюбивыи (и — *доб. Т*) великии князь Михаило» (Т, л. 111 об.; Тих., л. 306), где «божественыи» вместо «блаженыи»; «куплю имъ сотворили» (Т, л. 112, Тих., л. 306 об.), в других списках второго слова нет; «бывшу же в Володимерѣ» (Т, л. 114; Тих., л. 308 об.) где «же» вместо «ему»; «вѣру» (Т, л. 114 об.; Тих., л. 309 об.) вместо «вѣру сроциньскую»; испорченная в основном списке и списке П фраза «А еще сварястася многажды миръ межу собою, но врагъ дияволъ пакы рать въздвизааше» в списках Т и Тих. осмыслена по своему: «аще сварястася многажды (*нет Тих.*) межю собою, но врагъ диаволъ [диявол — *Тих.*] рать воздвизаше [воздвизааше — *Тих.*]» (Т, л. 115; Тих., л. 309 об.); «поидем, брате» (обращение Михаила к Юрию) (Т, л. 117 об.; Тих., л. 312 об.) вместо «поидеве, брате», как в списках осн., П и М (в К — «поидева»), первоначальная форма глагола 1 л. дв. чис. повел. накл. заменена в списках Т, Тих. глаголом 1 л. мн. чис. повел. накл.; «послѣднее исповѣдание его на рецѣ» (Т, л. 117 об.; Тих., л. 312 об.), третьего слова в других списках нет; «вои именова» (Т, л. 118; Тих., л. 313) вместо «воименована рать» (список К); «избави [и избави нас — *Тих.*] множество своею кровию» (Т, л. 118 об.; Тих., л. 314), в других списках — «избави (нас) множество от смерти своею кровию»; «вземше от портъ» (Т, л. 120 об.;

Тих., л. 316) вместо «въземше от портъ его»; в списках Т, Тих. нет фразы «но пакы словяше бога со многими слезами» (Т, л. 121; Тих., л. 316 об.); нет фразы «сътворилъ еси лесть» (Т, л. 121 об.; Тих., л. 317 об.); «глаголаше [глаголааше — *Тих.*] псаломъ сии [сеи — *Тих.*] 1-и» (Т, л. 124; Тих., л. 320) вместо «глаголаше се»; «яко уклониша на мя беззаконие [безаконие — *Тих.*] и» (Т, л. 124 об.; Тих., л. 321) вместо «яко»; «вскочи [въскочи — *Тих.*] к нему в вежю» (Т, л. 125; Тих., л. 321 об.), в других списках второго и третьего слов нет; «не отецъ ли сеи тебѣ бяше великии князь Михаило [Михаилъ — *Тих.*]» (Т, л. 126; Тих., л. 322 об.), в других списках имени князя нет; название реки Адеж в обоих списках передано как Идѣже (Т, л. 126; Тих., л. 323). Наконец, оба списка имеют приписки, свидетельствующие о бытовании в конце XV в. списков Пространной редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского. Текст приписок почти одинаков[4], совпадает год и число, различны только названия месяцев: в списке Т указан ноябрь, а в списке Тих.— сентябрь. В списке Т, видимо, допущена ошибка. Список Т помещен в ноябрьской Минее Четьи Германа Тулупова. Поэтому здесь возможна чисто механическая замена «сентября» на «ноябрь», поскольку следующая за Повестью статья относилась к ноябрю.

Списки Т и Тих. датируются примерно одним временем, но они не являются копиями друг с друга. Следующие чтения свидетельствуют о том, что список Тих. не списан со списка Т: «просвѣтят сердца умная свѣтом немерцаемыя благодати» (Тих., л. 306 об.) — «просвѣтят сердца чаемыя благодати» (Т, л. 112); «со многою молбою браняаше» (Тих., л. 308 об.) — «со многою молвою браняше» (Т, л. 114); «не Тита любя, но Иерусалим казня» (Тих., л. 309 об.) — «казня» (Т, л. 114 об., в списке Т — гаплография); «и срѣте его благовѣрныи князь Михаил противу Синѣевскаго» (Тих., л. 312) — «и срѣте его благовѣрныи князь Михаило противу силѣ его скоро» (Т., л. 117). В списке Т явно испорчено название местности. Описка дала повод В. О. Ключевскому, знакомому с Пространной редакцией Повести только по списку Т, заключить, что в Пространной редакции по сравнению с редакцией Повести в Великих Минеях Четьих при описании борьбы Михаила с Юрием опущены «некоторые... топографические пометки»[5]. «И избави нас множество своею кровию от многоразличных бѣд. И пакы много поучив сына» (Тих., л. 314) — «избави множество своею кровию и от много поучивъ сына» (Т, л. 118 об.).

---

[4] «В лѣто 6994 написана бысть сие убиение великаго князя Михаила Ярославича мѣсяца ноемврия 17 день» (Т, л. 129 об.). «В лѣто 6994-е написано бысть сие убиение великаго князя Михаила Ярославича мѣсяца сентяврия въ 17 день» (Тих., л. 326 об.).

[5] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 170, прим. 1 и стр. 171.

Окончание Пространной редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского по списку ГБЛ, ф. 304, № 671, л. 129 об.

Кроме приведенных разночтений, у списков Тих. и Т совершенно разные заголовки. Герман Тулупов поместил в своей Минее на ноябрь две разные редакции Повести о Михаиле Тверском, дав им один и тот же заголовок, именно заголовок Повести в редакции макарьевских Великих Миней.

В то же время список Т не является копией со списка Тих. В Т фраза «посла господь нашъ святыи свои духъ» (л. 112 об.) соответствует в Тих. фразе «посла святыи свои духъ» (л. 307); слов «господь нашъ» нет в Тих., но они есть во всех остальных списках Пространной редакции. В Т читаются следующие слова, пропущенные в Тих.: «и от игуменовъ и от поповъ» (Т, л. 117 об.; ср. Тих., л. 312 об.); «скоро услыши мя» (Т, л. 121; ср. Тих., л. 317); «привести в торгъ» (Т, л. 122 об.); двух последних слов нет в Тих., л. 318 об.; «и до менших» (Т, л. 124; ср. Тих., л. 320 об.); «при дверѣх» (Т, л. 124; ср. Тих., л. 320 об.) и т. д. Указанные чтения списка Т совпадают с чтениями других списков. Ясно, что список Т не списан со списка Тих. Поскольку списки Т и Тих. имеют ряд характерных общих чтений и они не скопированы друг с друга, нужно признать, что оба они восходят к общему протографу. Протограф списков Т и Тих. имел дату 17 сентября (а не ноября, как в списке Т) 1485 г.

Указанный в начале раздела одинаковый пропуск текста в списках М и К говорит о существовании их общего протографа. Об этом свидетельствует и ряд общих чтений: «вложи в сердце человѣком зависть» (М., л. 1154 об.; К, л. 91), где «человѣком» стоит вместо «их» остальных списков; «вложу любовь в сердца княземъ вашимъ и мир в земли вашеи» (М., л. 1156 об.; К, л. 93 об.), последних пяти слов фразы в других списках нет; в уже приводившейся фразе «а еще сварястася многажды миръ межу собою, но врагъ дияволъ пакы рать въздвизааше», испорченной во всех списках, только в М и К правильно читается «сотвориста» вместо «сварястася» (М, л. 1157 об.; К, л. 95), что сразу проясняет смысл сказанного; «аще тебѣ, брате, [брате тебѣ — *К*] дал царь княжение великое» (М, л. 1158; К, л. 95 об.), в других списках после «дал» вставлено «богъ и»; о Юрии Московском после его разгрома у Бортенева Михаилом в списках М, К сказано, что он «побеже» в Торжок (М, л. 1160; К, л. 98) вместо деликатного «отъехавъ» других списков; «уладившеся, цѣловаста крестъ» (М, л. 1161), «уладившася целовати крестъ» (К, л. 99 об.), где первое слово стоит вместо «удалишася» других списков; «моих ради грѣховъ множаишая тягота сотворяется в нашеи [наю — *К*] разности [розности — *К*]» (М, л. 1161 об.; К, л. 100—100 об.), в других списках предпоследнего слова нет. В списках осн., П, Т и Тих. о Михаиле сказано: «онъ же поиде к Володимерю, приѣхалъ посолъ от царя», в списках М и К это место передано по-другому: «Он же поиде къ Володимеру [Володимиру — *К*], а с ним любимая сына его Дмитреи и Александръ. И бывшу ему в Володимере [Володимери — *К*] приѣха [приѣ-

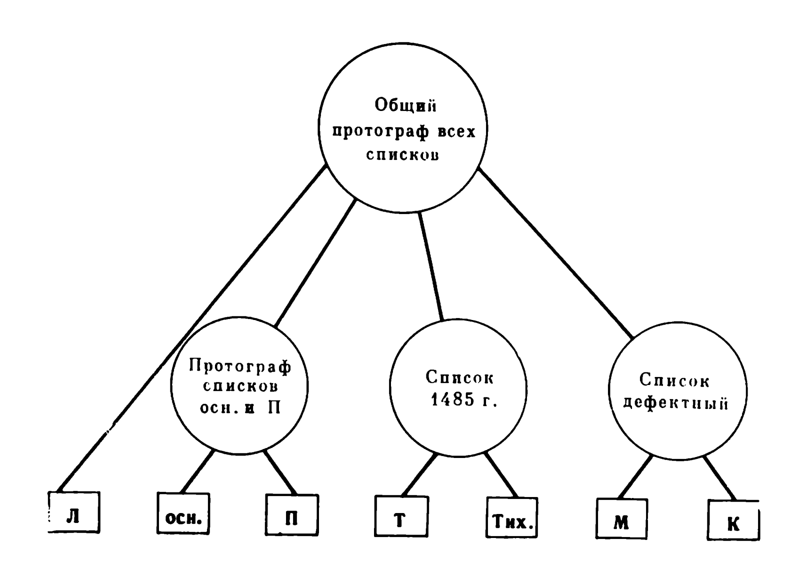
халъ — *К*] посол от царя» (М, л. 1162; К, лл. 100 об.— 101), чтение М, К правильное, о Дмитрии и Александре далее говорится во всех списках, пропуск же в списках осн., П, Т и Тих. объясняется гаплографией. На совете в городе Владимире Дмитрий и Александр обращаются к отцу: «не ѣзди самъ в Орду, которого хощеши, да того пошлеши», только в списках М, К перед «которого» стоит «нас» (М, л. 1162 об.) и «наю» (К, л. 101); правильность чтения этих списков подтверждается последующим текстом уже всех списков; неясная фраза «отчина моя вся в полону [будетъ — *доб. Т, Тих.*], избиени будутъ» списков осн., П, Т и Тих. корректируется на основании чтения М, К, где вместо «избиени» написано: «и много [множество — *К*] християнъ избиено» (М, л. 1162 об.; К, л. 101 об.); более правильным представляется чтение списков М, К «ряд» (М, л. 1163; К, л. 102 об.) вместо «дар» в предложении «давъ имъ даръ, написавъ им грамоту, раздели имъ отчину свою»; «они же рекоша, не хотяше» (М, л. 1171 об.; К, л. 113 об.), первых трех слов нет в других списках; в списках М, К нет слов «и вѣка суетнаго и» во фразе «не прельщаитеся суетными мира сего и вѣка суетнаго и скороминующаго» (ср. М, л. 1174 об.; К, л. 117).

Список К, который моложе, не является копией со списка М. Ср. следующие чтения: «благослови его на свои столъ» (К, л. 92 об.) — «благослови его на свою степень» (М, л. 1155 об.; возможно, здесь сказалось влияние Степенной книги, по которой правился в М текст Повести); «княжившу ему 8 лѣтъ» (К, л. 94) — «княжившу ему 40 лѣт» (М, л. 1157); в М цифра И҃ (8), видимо, была принята за цифру М҃ (40); «поиде во отчину свою з домочадцы своими» (К, л. 95 об.) — в М такой фразы нет (л. 1158); «и нынѣ не творюся в чемъ виноватъ, буду ли и в чемъ виноватъ, скажите ми» (К, л. 96 об.)—«скажите ми, буду ли в чемъ виноватъ или ни» (М, л. 1159); «яко быша близъ себя, бысть видѣти ратныхъ» (К, л. 97 об.) — нет в М (л. 1159 об.); «уста имутъ, не глаголати истинны» (К, л. 105) — нет в М (л. 1165); «се ли едино вы любо было» (К, л. 109) — нет в М (л. 1168); «приѣха в Русь князь Юрьи» (К, л. 121) — «приѣха князь Юрье» (М, л. 1177). Приведенные примеры достаточно ясно показывают, что списки М и К происходят от одного протографа.

Взаимоотношения между списками Пространной редакции можно изобразить в виде следующей схемы (сохранившиеся списки заключены в прямоугольники, восстанавливаемые — в круги; см. стр. 164).

Особо следует остановиться на характеристике общего протографа списков Т и Тих. Рассмотрение приписок в Т и Тих. показывает, что протограф обоих списков был написан 17 сентября 1485 г. Для памятника о тверском князе дата весьма красноречивая. 12 сентября 1485 г. пала Тверь, 15 сентября Иван III вместе с сыном Иваном слушали обедню в тверском Спасском

Окончание Пространной редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского по списку ГБЛ, ф. 299, № 587, л. 326 об.

соборе, 18 сентября Иван Иванович, новый великий князь Тверской, въехал «в город Тверь жити», 29 сентября вернулся в Москву Иван III[6]. Время написания списка Повести о Михаиле Тверском совпадает с пребыванием в Твери Ивана III и его сына Ивана. Как справедливо полагает Л. В. Черепнин, после взятия Твери Иваном III был конфискован и отправлен в Москву тверской великокняжеский архив[7]. Та же участь постигла, вероятно, и список Повести о Михаиле Тверском[8]. Через некоторое время список или копия с него попали в Троице-Сергиев монастырь. В этом монастыре, видимо, хранились и другие рукописи, конфискованные в Твери московским правительством. Так, судя по помете, уже в первой половине XVI в. Троице-Сергиеву монастырю принадлежал Златоструй[9], написанный в 1474 г. дья-

[6] ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 195; т. XXIV. Пг., 1921, стр. 205.

[7] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 227.

[8] Подобные случаи конфискации текстов житий особо почитаемых святых имели место еще в начале XIV в. Так, в 1315 г. Михаилом Ярославичем Тверским при взятии Торжка было захвачено житие Ефрема Новоторжского и отдано в тверской Спасский собор. Неграмотная братия Новоторжского Борисоглебского монастыря, не умея написать новое житие своего патрона, делала тщетные попытки получить обратно старый список (*И. У. Будовниц.* Повесть о разорении Торжка в 1315 году.— ТОДРЛ, т. XVI. М.— Л., 1960, стр. 450—451).

[9] ГБЛ, ф. 173, № 43. На внутренних сторонах верхней и нижней крышек переплета запись почерком первой половины XVI в.: «Живоначальныя

ком Андреем Тверитиным[10], которым в 1438 г. в тверском Желтикове монастыре был написан церковный Устав[11].

Такой представляется история списка 1485 г., проливающая свет на неясную судьбу тверской письменности после ликвидации самостоятельности Тверского княжества. Во всяком случае дата 17 сентября 1485 г. указывает не на время создания Пространной редакции Повести, а на время бытования одного из ее списков. Следует напомнить, что ряд чтений списков М и К, первоначальность которых подтверждается текстом Повести, отсутствует в списках Т и Тих. Следовательно, протограф последних списков имел уже вторичные чтения. Отсюда необходимо сделать вывод, что или дефектный список, с которого были сделаны списки М и К, или протограф дефектного списка были древнее списка, помеченного 1485 г. Таким образом, Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском должна быть датирована временем до 1485 г.

О раннем существовании Пространной редакции Повести свидетельствует и ее использование в другом довольно старом памятнике. Датировка памятника по его упоминанию в ином, датированном, часто применяется исследователями древних и средневековых переводных произведений. Переводы того времени, как правило, не имели точных дат. Чтобы выяснить время перевода, обращаются к датированным памятникам, в которых есть заимствования из данного переводного сочинения. Так определяется data ante quem этих сочинений. Подобным образом были

Троицы Златоструи съборнои Сергиева манастыря». Этот Златоструй упомянут в описи библиотеки Троицкого монастыря 1641 г. (*В. М. Ундольский.* Опись книгам, в степенных монастырях находящимся, составленная в XVII веке.— ЧОИДР, № 6. М., 1848, отдел IV. Смесь, № 117, стр. 6).

[10] ГБЛ, ф. 173, № 43, л. 672 об. Запись издана иером. Арсением. (*иером. Арсений.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии), вып. II. М., 1887, кн. 67).

[11] ГИМ, Синод. собр., № 331, л. 278. Андрей Тверитин писал рукопись с 20 декабря 1437 г. по 21 мая 1438 г. Запись издана А. В. Горским и К. И. Невоструевым («Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», отд. 3, ч. 1. М., 1869, стр. 312—314). Не вполне ясно, как попала эта тверская рукопись в Синодальную (бывш. Патриаршую) библиотеку. А. А. Покровский считает, что Устав был взят из Желтикова монастыря Никоном (*А. А. Покровский.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие.— «Труды XV Археологического съезда в Новгороде», т. II. М., 1916, стр. 109—111, 114, прим. 1). На рукописи есть запись патр. Никона о передаче ее в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь и помета другим почерком XVII в. «Изо Твери Жолтикава монастыря» (л. 277 об.), однако это не дает оснований считать, что рукопись попала в Патриаршую библиотеку именно от патр. Никона. Последний, как известно, передавал Воскресенскому монастырю в числе других, им собранных, и старые рукописи Патриаршей библиотеки, в числе которых мог быть и Устав 1438 г. Во всяком случае, в составленной по указанию патр. Никона «Описи» книг степенных монастырей рукописи тверского Желтикова монастыря не значатся (*В. М. Ундольский.* Указ. соч., стр. I—IV).

датированы древнерусские переводы жития Василия Нового[12], Иудейской войны Иосифа Флавия[13], Девгениева деяния[14] и др. Источником, где отразилась Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском, является служба Михаилу Тверскому. Но прежде чем переходить к сравнению обоих памятников, о тексте службы необходимо сказать несколько слов.

Старший список службы сохранился в рукописи № 619 из собрания Троице-Сергиевой лавры в ГБЛ[15]. Рукопись датируется 60-ми годами XVI в.[16] Служба Михаилу помещена на лл. 23—38. Заголовок: «Мѣсяца ноября 22. Убиение великого князя Михаила Ярославича Тверскаго» (л. 23). Список XVI в. дает текст полной службы Михаилу Тверскому на утрени и вечерни, причем память Михаила отмечалась на великой вечерни, а служба на утрени была с полиелеосом. Такая торжественная служба полагалась только особо почитаемым святым[17]. Текст службы довольно сложен. Стихиры на великой вечерни и на утрени (лл. 23—27 и 37—38) списаны с древних стихир Борису и Глебу, встречающихся еще в известном Стихираре XII в. новгородского епископа Аркадия[18]. Стихиры Михаилу были составлены в период тверской независимости. В молитвенном обращении к Михаилу еще фигурируют «князи наши», а не «великий князь» (л. 25), как в подобных памятниках времени московского единодержавия. Канон Михаилу в списке XVI в. представляет собой соединение двух канонов[19]. Первый канон с кондаком и икосом

---

12 *С. Г. Вилинский.* Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. 1.— «Записки историко-филологического факультета Новороссийского университета», вып. VI. Одесса, 1913 стр. 312—315.

13 *Н. А. Мещерский.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.— Л., 1958, стр. 98—112.

14 *В. Д. Кузьмина.* Девгениево деяние. М., 1962, стр. 13—14.

15 ГБЛ, ф. 304, № 619 (рукопись описана: *иером. Арсений.* Описание славянских рукописей библиотки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. II. М., 1878, № 619, стр. 195—197).

16 Водяные знаки той части рукописи, где помещена служба Михаилу: сфера — *С. М. Briques.* Les filigranes, v. I—IV. Leipzig, 1923, (далее — Брике), № 14008, 1559 г.; корабль — *Брике,* № 11977, 1565 г.

17 Оригинал дошедшего до нас списка службы Михаилу происходил из какого-то монастыря, скорее всего тверского. На это указывает заключительная запись службы: после богослужения «дается святое масло братии от кадила» (л. 37 об.). Этот обряд также свидетельствует об особом почитании тверского князя. В Троице-Сергиевом монастыре, откуда происходит старший список службы, Михаилу таких почестей, конечно, не воздавали.

18 *Д. И. Абрамович.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, стр 143—146. Как отмечает автор, списки службы относятся к XII—XV вв. (там же, стр. XXI).

19 Первый канон: 1 ирмос — л. 27—27 об.; 3 ирмос — л. 28—28 об.; кондак и икос — л. 29—29 об.; 4 ирмос — лл. 29 об.— 30; 5 ирмос — лл. 30 об.— 31; 6 ирмос — лл. 31 об.— 32; кондак и икос — лл. 32 об.— 33; 7 ирмос — л. 33—33 об.; 8 ирмос — лл. 34—35; 9 ирмос — лл. 35 об.— 36. Второй канон: 1 ирмос — лл. 27 об.— 28; 3 ирмос — лл. 28 об.— 29; 4 ирмос — л. 30—30 об.; 5 ирмос — л. 31—31 об.; 6 ирмос — л. 32—32 об.; 7 ирмос — лл. 33 об.— 34; 8 ирмос — л. 35—35 об.; 9 ирмос — лл. 36 об.— 37.

является более ранним, хотя в обоих канонах упоминается царь и великий князь. Последнее, правда, могло принадлежать перу переписчика. По отношению к первому канону так оно и было. В третьем и восьмом ирмосах упоминается мать Михаила — Ксения [20]. Последняя русской церковью никогда не канонизировалась [21]. Но в Твери она почиталась по крайней мере с XIV в. [22] Очевидно к этому времени следует отнести и составление первого канона Михаилу. Второй канон написан позднее, может быть, в XVI в., он моложе первого. Здесь Ксения уже не поминается.

Все три части службы содержат биографические сведения о Михаиле Тверском. Вообще говоря, источником таких сведений в службах могли быть или памятники письменности [23], или устные предания [24]. В стихирах Михаилу Ярославичу сделана прямая ссылка на памятник: «чтем убиени[е] его» [25]. Действительно, при составлении текста стихир была использована Пространная редакция Повести.

Стихиры	Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском
Христос Михаила «непобедима во бранех показа, златозарное твое лице просвѣщаемо паче солнца» (л. 23 об.)	«Радуися, воине христовъ непобѣдимыи, но всегда побѣжавыи врагы, находящая во отечество твое» (л. 50)
«яко цвѣты красными вѣнца сплетше златозарны» (л. 24 об.)	«Златоточное» *лицо, многоцветный венец — эти образные сравнения фигурируют в первых строках Пространной редакции Повести.*
«Радуися, побѣдныи совршив подвигъ и вѣнець приимъ от Христа бога» (л. 25)	«приял венець от всѣх Христа бога» (л. 50 об.)

[20] «...от святою боку богомудрыя Аксинии блажене родился еси, с нею же тя блажим...» (л. 28); «Ливаньскую гору наречем тя, богомудрая Аксиниа, или Фисоньскую рѣку, добрѣиши самфира, камениа честнаго, блаженнаго Михаила рождьши, им же просветися Руская страна, и моли та ся за нас...» (лл. 34 об.—35).

[21] *Е. Е. Голубинский.* История канонизации святых в русской церкви.— ЧОИДР, 1903, кн. 1.

[22] К XIV в. относим переработку известных выходных миниатюр Хроники Георгия Амартола, изображающих Михаила и Ксению («История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 28—29). Рукопись Амартола имеет запись, сделанную почерком конца XIV — начала XV в., в которой упоминается князь Владимир Андреевич, очевидно Серпуховский (ГБЛ, ф. 173, № 100, л. 179). Известна также икона Михаила и Ксении XVII в., но писанная по прориси XV в. Очевидно, эту икону имел в виду архим. Леонид, указывавший, что в его время в ризнице тверского Спасского собора была икона с изображениями Михаила и Ксении (*архим. Леонид.* Святая Русь.— ОЛДП, вып. XCVII. СПб., 1891, стр. 119).

[23] *П. А. Сырку.* Монаха Григория житие преподобного Ромила.— ОЛДП, вып. CXXXVI. СПб., 1900, стр. III; *Л. Г. Белецкий.* Литературная история Повести о Меркурии Смоленском. Исследование и тексты — СОРЯС, т. XCIX, № 8. Пг., 1922, стр. 38.

[24] *П. В. Голубовский.* Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547—1579 гг.—«Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. 14, вып. III. Киев, 1900, стр. 146.

[25] ГБЛ, ф. 304, № 619, л. 26 об.

Текст первого канона также составлен под несомненным воздействием Пространной редакции.

Первый канон	Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском
«Съ дръзостию приалъ еси христово учение во сердцы, еже положити душю свою за други своя» (л. 27—27 об.)	«приятъ страсть нужную, положи душу свою за други своя» (л. 31)
«и о княжении не брегъ, но на небесное царство притече, повинуяся сыновцу» (л. 29)	*В стихирах речь идет о Юрии Московском, который назван вассалом (сыновцем) Михаила. Так называет Юрия только Пространная редакция Повести. Ср. также выражение:* «свое царство у месты [умѣты — *Т, Тих., М, К*] вменивъ» (л. 31)
«невозвратно шествовалъ еси путем, вводящем к вышнему Иерусалиму» (л. 31 об.)	«киимъ [образом — *доб. Т, Тих.*] доити и видѣти и горнии Иерусалимъ» (л. 30 об.)

Влияние Пространной редакции Повести заметно и на тексте второго канона.

Второй канон	Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском
«ни сребру, ни злату вжелѣвши» (л. 28 об.)	«Ничто же бо принесосте на свѣтъ сеи, ни отнести можете, злата и сребра» (л. 47 об.)
«врага же и сыновца посрамльше» (л. 31—31 об.)	*Как и в первом каноне, Юрий назван вассалом Михаила, что характерно для Пространной редакции Повести.*
«не воспротивлься врагу и сыновцу» (л. 32)	«и вѣнець, и поръфиру, и весь санъ своего сунъклитъства временнаго ни что же вмѣняюще» (л. 30 об.)
«ради смирениа возненавидѣвши диадиму и царство» (л. 34)	*Михаил* «свое царство у месты [умѣты — *Т, Тих., М, К*] вменивъ» (л. 31)

Сравнение текстов стихир и канонов с Повестью показывает, что авторы службы использовали Повесть именно в Пространной редакции; в остальных редакциях нет тех мест, которые могут быть сопоставлены с приведенными чтениями стихир и канонов [26].

Знакомство составителей стихир и первого канона, которые следует датировать XIV—XV вв., с Пространной редакцией Повести о Михаиле позволяет говорить о бытовании данной редакции памятника в XIV—XV вв. Таким образом, дата существования Пространной редакции Повести, полученная на основании анализа ее списков — до 1485 г., отодвигается в глубь XV и XIV вв.

[26] В стихирах упоминается «град сеи и церковь своя (т. е. Михаила — *В. К.*)» (л. 24 об.), «град твои» (л. 26), в первом каноне — «град наш» (л. 30 и 36), во втором каноне прямо назван «храм твои Спасе» (л. 27 об.). Во всех трех памятниках речь идет о Твери и тверском кафедральном соборе св. Спаса. Таким образом, текст службы дает указание, что Пространная редакция Повести была известна спасскому причту. Возможно, в тверском соборе с раннего времени хранились и отдельные списки памятника.

2. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В РЕДАКЦИИ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТИЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

Повесть о Михаиле Тверском в редакции Великих Миней Четий сохранилась в 16 списках. Два из них дали название редакции. Это Успенский[27] и Царский[28] экземпляры Великих Миней Четий митрополита Макария. Успенский список имеет вкладную запись митрополита Макария от ноября 1552 г.[29], Царский список был написан несколько позже. Остальные 14 списков датируются временем от начала 80-х годов XVI в. до начала 80-х годов XVII в., причем ко второй половине XVII в. относятся только два списка. Минейная редакция Повести встречается в составе сборников житий святых (7 списков), ноябрьских Миней Четий (5 списков), в прологе (1 список) и в торжественнике (1 список). Списки не дают каких-либо показаний, свидетельствующих о существовании рассматриваемой редакции памятника в домакарьевское время.

Во всех списках Повесть имеет заголовок «Мѣсяца ноемвриа в 22. Убиение великого князя Михаила Ярославичя Тверьскаго от безбожного царя Азбяка» (стлб. 3092) и разделена на две части заголовком «Како прииде изо Орды князь Юрьеи Даниловичь», причем вторая часть читается под 6827 г. (стлб. 3103).

В. О. Ключевский, сравнив текст Повести в Пространной редакции с текстом в макарьевских Минеях, решительно высказался в пользу большей древности Повести в Великих Минеях Четьих. Эту редакцию он считал первоначальной. Заключение авторитетного ученого повторялось позднейшими исследователями без критической проверки. Работы, появившиеся после «Древнерусских житий святых» и касавшиеся вопроса о редакциях Повести, в основном следовали этой книге. Между тем, взаимоотношение указанных редакций памятника В. О. Ключевский определил неверно.

Первоначальность Повести в редакции Великих Миней Четий он обосновывал тем, что она краткая, что в ней сохранилась фраза, которая могла принадлежать якобы только современнику описанных в памятнике событий: «яко же *обычай есть* взимати тамо (т. е. в Орде — *В. К.*) великое княжение», тогда как в Пространной редакции было: «яко же и прежебывшии его князи *имяху обычай* тамо взимати великое княжение»; что в редакции Великих Миней есть «хронологические и топографические помет-

---

[27] ГИМ, Синод. собр., № 988, лл. 1077—1081. Далее в тексте—У.

[28] ГИМ, Синод. собр., № 176, лл. 1367—1372 об. Далее в тексте — Ц. Оба текста изданы — «Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием», вып. 9, ч. 1, ноябрь, дни 16—22. М., 1914, стлб. 3092—3104. Редакция цитируется далее по этому изданию, ссылки на которое приводятся в тексте.

[29] «Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием», сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стр. I—II.

ки в рассказе о борьбе князя Юрия Московского с Михаилом», которые отсутствуют в Пространной редакции [30].

Мысль В. О. Ключевского о первоначальности кратких агиографических памятников вообще и Повести в частности оказывается спорной [31]. Вопрос о том, распространенная или краткая редакция памятника является первоначальной, может быть решен только конкретным анализом. Так, в летописных сводах XV в. наблюдается постепенное сокращение Повести о Михаиле, а в Никоновском своде XVI в.— ее распространение. Трудно также на основании приведенных В. О. Ключевским двух чтений решить, какая редакция Повести древнее, поскольку первая фраза могла появиться и в XV в. (она отражает взаимоотношения Руси и Орды до 1462 г., когда на великокняжеский стол сел Иван III, не получивший на это санкции Орды; предшественники Ивана III ставились на великое княжение только с санкции хана) [32], во второй же говорится о великих князьях до Михаила, а потому сказуемое, естественно, должно стоять в прошедшем времени.

Указание В. О. Ключевского на отсутствие в Пространной редакции некоторых хронологических и топографических помет в рассказе о борьбе Юрия с Михаилом в целом справедливо. В редакции Великих Миней Четий приведены название места столкновения Юрия с Михаилом — Бортенево и дата сражения — «в лѣто 6825» (стлб. 3094); сказано, что Юрий и Кавгадый отправились в Орду «уже наставшу лѣтъ 826-му» (стлб. 3094) [33]. В Пространной редакции таких сведений нет.

Но В. О. Ключевский определял взаимоотношение редакций Повести и датировал редакции, пользуясь исключительно данными сборников, и не рассматривал переработки памятника в летописях. Обращение к летописным текстам показывает, что Повесть в Великих Минеях Четьих от слов: «во Орду къ цареви» (стлб. 3092) до слов «Тако бо удиви богъ святыа своа угод-

---

[30] *В. О. Ключевский*. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 71, прим. 1, стр. 170—171.

[31] Ср. мнение о первоначальных формах агиографических памятников Северо-Восточной Руси С. А. Бугославского (*С. А. Бугославский*. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии.—«Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского». Л., 1928, стр. 332—336; «История русской литературы», т. I, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 64).

[32] Фраза «яко же есть обычаи взяти тамо великое княжение» есть и в летописной статье о митрополите Алексее, составленной, по-видимому, редактором свода 1479 г. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 194—195). В источнике этой статьи такой фразы не было (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 120—121; т. XXIII. СПб., 1910, стр. 121).

[33] В. О. Ключевский писал о лишних «топографических пометках» в редакции Великих Миней Четий, имея в виду, очевидно, не только указание на Бортенево, но и название места, где было заключено перемирие между Михаилом и Юрием — Синеевское. Как отмечалось выше, Синеевское в списке Т Пространной редакции — единственном списке, знакомом В. О. Ключевскому — было превращено в «силѣ его скоро». В остальных списках Пространной редакции приведено то же название, что и в Великих Минеях Четьих.

ники, пострадавших за него» (стлб. 3104), т. е. 9/10 всего текста памятника, повторяет летописную редакцию, впервые появившуюся в общерусском своде 60-х годов XV в. Ранее было показано, как из летописи, близкой Троицкой, попали в этот свод хронографические пометки и название Бортенева, читающиеся теперь в редакции Повести макарьевских Миней. Следовательно, последняя могла появиться только после 60-х годов XV в. Поэтому признавать ее вслед за В. О. Ключевским первоначальной нельзя. К тому же текст Повести в макарьевских Минеях в своей основной части имеет некоторые чтения весьма поздние по сравнению с чтениями тех сводов, в которых отразилась летописная редакция Повести 60-х годов XV в. Вот места, которые явно испорчены в редакции макарьевских Миней. Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского в Великих Минеях Четьих: «и ту срѣте их сынъ его» (стлб. 3095; У, л. 1078; Ц, л. 1368 об.), где «их» стоит ошибочно вместо «его» (стр. 162; речь идет о приезде в Орду Михаила — *В. К.*) [34]; «и во едину убо от днии» (стлб. 3096; У, л. 1078; Ц, л. 1368 об.) где «едину» по ошибке вместо «единъ» (стр. 163); «покладаху многи грамоты на князя Михаила» (стлб. 3096; У, л. 1078; Ц, л. 1368 об.) вместо «и покладаху многы грамоты со многымъ замышлениемъ на князя Михаила» (стр. 163); «посла паки избавих брани» (стлб. 3096; У, л. 1078 об., Ц, л. 1368 об.) вместо «посла пакы избавих на брани» (стр. 163); «царствующа въ свои земли» (стлб. 3098; У, л. 1079; Ц, л. 1370), где «свои» вместо «своеи» (стр. 164); «бысть же день в среду» (стлб. 3099; У, л. 1079; Ц, л. 1370), где «день» вместо «въ день» (стр. 164); «сотвори богъ неизреченною милостию» (стлб. 3104; У, л. 1081; Ц, л. 1372 об.) вместе «сътвори богъ своею неизреченною милостью» (стр. 166).

Некоторые описки в Великих Минеях Четьих совпадают с описками Уваровского списка свода 1492/93 г., напечатанного в XXV т. ПСРЛ: «воевали бо есмя и власть твою» (стлб. 3094; У, л. 1077 об.; Ц, л. 1367 об. и ПСРЛ, т. XXV, стр. 162), где союз «и» — лишний; «и умириша, и крестъ целоваша» (стлб. 3094; У, л. 1077 об.; Ц, л. 1367 об. и ПСРЛ, т. XXV, стр. 162), где «умириша» стоит ошибочно вместо «умиришася»; «на усть рѣку Дону» (стлб. 3095; У, л. 1078; Ц, л. 1368 об. и ПСРЛ, т. XXV, стр. 162), где «рѣку» стоит ошибочно вместо «рѣки»; «прииму покои ногам своим: бѣсте бо отягчали от многаго грѣха» (стлб. 3098; У, л. 1079; Ц, л. 1369 об. и ПСРЛ, т. XXV, стр. 164), где «грѣха» написано ошибочно вместо «труда»; «но со многою укоризною и поставиша его» (стлб. 3102; У, л. 1080 об.; Ц, л. 1371 об. и ПСРЛ, т. XXV, стр. 166), где союз «и» ненужен; «княгиня же и сынъ его не вѣдущим ни что же» (стлб. 3103; У, л. 1080 об.; Ц, л. 1372 и ПСРЛ, т. XXV, стр. 166), где «сынъ» стоит ошибочно

[34] Здесь и далее ссылки на Повесть в редакции свода 60-х годов XV в. приводятся в тексте по ПСРЛ, т. XXV.

вместо «сынъмъ» (в Твери оставались три сына Михаила). Утверждать на основании общих описок, что составители макарьевских Миней имели в руках именно Уваровский список свода конца XV в., было бы несколько рискованно. Но приведенные чтения ясно свидетельствуют о том, что в Великих Минеях был использован довольно поздний летописный текст, вероятно, конца XV — первой половины XVI в.[35], включавший редакцию памятника, возникшую в 60-х годах XV в.[36]

В минейную редакцию текст из летописи попал почти без изменений. Редакторская рука в основной части Повести в Минеях явно видна только в двух местах. После слов «и не бѣ кому вѣсти отслати» добавлено «о великого князя Михаила блаженем страдании» (стлб. 3103) и переделан заголовок ко второй части повествования: «Како приидс изо Орды князь Юрьеи Даниловичь» (стлб. 3103) вместо «О приходѣ великого князя Юрья из Орды»[37].

Но есть два довольно крупных отличия Повести в Великих Минеях Четьих от летописной редакции, которые и позволяют говорить об особой редакции памятника в грандиозном труде митрополита Макария. В Великих Минеях Четьих Повесть имеет предисловие и послесловие, которых нет в летописной редакции. Остановимся на их источниках.

Заключительная часть Повести в Великих Минеях Четьих от слов «До како тя возмогу по достоиньству восхвалити» и до конца (стлб. 3104) списана с заключительной части Пространной редакции Повести о Михаиле Тверском. Указанием на механическое соединение в Минеях двух частей из различных редакций Повести служат слова послесловия: имя Михаила «проиде... во всю вселенную». Однако рассказ о Михаиле в Великих Минеях, взятый из летописи, не дает никаких оснований для подобного утверждения. События смерти тверского князя здесь не рассматриваются со всемирноисторической точки зрения. В Пространной же редакции Повести есть краткое изложение истории христианства, его распространения на Руси, сам Михаил Тверской характеризуется как мученик, ставший в один ряд с известными христианскими святыми. Поэтому слова о том, что имя тверского князя «проиде... во всю вселенную», оказываются вполне уместными в Пространной редакции и малопонятными в редакции Великих Миней Четий. Они свидетельствуют о вставке.

Небольшое предисловие Повести в редакции макарьевских Миней (14 первых строк печатного текста) содержит сведения о

[35] Сам Уваровский список датируется первой третью XVI в. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 4).

[36] Факт использования в Великих Минеях Четьих летописи примечателен. До сих пор исследователи не указывали летопись в числе источников Великих Миней Четий (*М. Н. Сперанский.* История древней русской литературы. Московский период. М., 1921, стр. 166—172; «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 435—436).

[37] ПСРЛ, т. XXV, стр. 166, прим. а.

родителях Михаила, его рождении и детстве. Возможно, эти данные были почерпнуты из Пространной редакции. Но обращают на себя внимание два известия: о том, что мать Михаила, Ксения, была дочерью Юрия Михайловича, и о том, что Михаил родился после смерти отца. Этих известий нет ни в одной другой редакции памятника. Имя отца Ксении и сообщение о рождении Михаила по смерти Ярослава Ярославича читались в своде 60-х годов XV в.[38] Поскольку основная часть Повести в редакции Великих Миней Четий основана на летописном своде, восходившем к своду 60-х годов XV в., следует думать, что сведения об отце Ксении и рождении Михаила были взяты из того же свода, что и основной рассказ.

Итак, источниками редакции Повести о Михаиле Тверском в Великих Минеях Четьих явился летописный свод конца XV — первой половины XVI в., восходивший к общерусскому своду 60-х годов XV века, и Пространная редакция Повести. Таким образом, вопреки мнению В. О. Ключевского, редакция Повести макарьевских Миней появилась после Пространной редакции и не ранее конца XV в.

Для более точной датировки данной редакции памятника необходимо рассмотреть списки Великих Миней Четий на ноябрь. Следует обратить внимание на то, что в самом раннем списке ноябрьских Великих Миней, Софийском, писавшемся еще в бытность Макария новгородским архиепископом и положенным им в новгородский собор св. Софии, Повести нет[39]. Это обстоятельство, по-видимому, осталось неизвестным В. О. Ключевскому. Становится очевидным, что Повесть о Михаиле Тверском в состав Великих Миней Четий попала поздно.

Сравнение между собой всех трех списков ноябрьской Великой Минеи Четии позволяет уточнить время и место составления минейной редакции Повести о Михаиле Тверском.

Прежде всего необходимо сличить Софийский экземпляр с ранним московским — Успенским. Сличение показывает, что в Успенском списке ноябрьской Великой Минеи под 4 ноября нет проложной статьи на память Никандра, епископа Измирского и жития Феодота Анкирского, которые есть в Софийском списке[40]. В то же время в Успенском списке есть много дополнительных статей по сравнению с Софийским: под 4 ноября — Похвальное слово на обновление храма св. Георгия Аркадия, епископа Кип-

---

[38] ПСРЛ, т. XXV, стр. 145, под 6772 г. и стр. 50, под 6779 г.; т. XXIII, стр. 86, под 6772 г. и стр. 89, под 6779 г.

[39] «Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием», вып. 9, ч. 1, ноябрь, дни 16—22, стлб. 3092, прим. 11; *Д. И. Абрамович.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. II. СПб., 1907, стр. 61, прим. 1.

[40] *Д. И. Абрамович.* Указ. соч., стр. 46; *архим. Иосиф.* Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария. М., 1892, стлб. 130.

рского; под 5 ноября — Воспоминание об Ионе, архиепископе Новгорода Великого; под 8 ноября — Сказание о чудесах архангела Михаила дьякона Пандолеонта и Похвальное слово Михаилу и Гавриилу епископа Климента (приведено дважды, а в Софийском экземпляре — один раз); под 14 ноября — Похвальное слово апостолу Филиппу; под 16 ноября — евангелие от Матфея с толкованиями Феофилакта Болгарского, статья о чуде Ипатия Гангрского о змие, похвала евангелисту Матфею; под 17 ноября — житие Никона Радонежского; под 21 ноября — Слово на введение в церковь богородицы Тарасия архиепископа Константинопольского, статья о введении в церковь богородицы, Похвальное слово богородице Георгия экзарха; под 22 ноября — Повесть о Михаиле Тверском; под 23 ноября — «Владимирская» редакция жития Александра Невского; под 24 ноября — Повесть о Меркурии Смоленском; под 25 ноября — Похвальное слово Клименту, папе Римскому; под 27 ноября — Похвальное слово на знамение иконы богородицы в Новгороде Великом в 1169 г. и под 28 ноября — житие Стефана Нового[41]. Таким образом, выясняется, что в ранний московский список Великих Миней Четий Повесть о Михаиле Тверском попала не случайно, а вместе с другими дополнительными статьями. Когда это произошло?

Ознакомление с Успенским списком Великой Минеи на ноябрь показывает, что он составной. Об этом свидетельствуют прежде всего три различные пагинации его листов. Одна из них — старая буквенная полистная. Другая — вдавленная, сделанная стилом — когда-то шла через каждые 16 листов, т. е. через две тетради. Наконец, третья, самая ранняя, была полистной, но теперь из-за среза нижних полей листов рукописи видна лишь кое-где.

Счет двойных тетрадей (вторая пагинация) сохранился на следующих листах: л. 24—3, л. 69—4, л. 85—5, л. 129—7 и далее по порядку через каждые 16 листов до номера 24, л. 401—24, л. 416—25 (лист 410 сосчитан дважды), л. 432—26; л. 448—28 (пропущен номер 27), л. 464—29 (номер 29 переправлялся на 28), л. 480—30 и далее через каждые 16 листов до номера 48; не отмечен только номер 35 на л. 560; л. 708—48, л. 787—49, л. 850 (ошибочно, следовало бы — 851) — 53, л. 866—54, л. 882—55, л. 892—56, л. 914—57, л. 969—60, л. 985—61, л. 1001—62, л. 1025—63, л. 1041—64, л. 1057—65, л. 1090—66, л. 1106—67, л. 1129—68, л. 1149—69, л. 1165—70, л. 1181—71, л. 1212—72,

---

[41] *Д. И. Абрамович.* Указ. соч., стр. 46—47 и прим. 1 на стр. 47; стр. 49 и прим. 1; стр. 55 и прим. 1; стр. 57, 60 и прим. 1; стр. 61 и прим. 1; стр. 62 и прим. 1, 2; стр. 63, 64 и прим. 1, стр. 65; *архим. Иосиф.* Указ. соч., стлб. 132, 133—135, 140—142, 184, 186—187, 190, 195—197, 199, 202, 205—207; ГИМ, Синод., № 988, лл. 51—52, 60—66 об., 94—103 об., 104—105 об., 769—771, 801—925, 926—929 об., 930—932, 1002—1009 об., 1061—1064 об., 1064 об.—1066, 1067—1072, 1077—1081, 1116—1122, 1136—1139, 1187—1201 об., 1225—1228, 1233—1257 об.

л. 1232—73. Обращает на себя внимание то, что в целом ряде случаев один номер отстоит от другого не на 16, а на большее число листов. Объясняется это тем, что когда древние счетчики ставили номера двойных тетрадей, некоторые листы рукописи еще отсутствовали, а именно те, на которых были написаны дополнительные по сравнению с Софийским списком статьи [42]. Правда, самое крупное дополнение — евангелие от Матфея с толкованиями Феофилакта Болгарского — вошло в тот сборник, каждые две тетради которого помечались [43].

Однако остатки третьей, полистной пагинации показывают, что в первоначальное ядро Успенского списка Толковое евангелие от Матфея не входило. Так, л. 187 имеет старый буквенный номер 119, л. 1031—821, л. 1163—925. Разница между лл. 187 и 1163 сохранившейся сплошной буквенной пагинации составляет 977 листов (л. 410 сосчитан дважды), а между лл. 119 и 925 старой пагинации приходилось всего 806 листов. Следовательно, раньше рукопись имела на 171 лист меньше, чем теперь. Этот 171 лист текста дают в сумме следующие статьи: Похвальное слово апостолу Филиппу (3 л.), евангелие от Матфея с толкованиями Феофилакта Болгарского (125 л.), Похвала евангелисту Матфею и чудо Ипатия Гангрского о змие (7 л.), житие Никона Радонежского (8 л.), три статьи на введение в церковь богородицы (12 л.), Повесть о Михаиле Тверском (5 л.), житие Александра Невского (7 л.) и Повесть о Меркурии Смоленском (4 л.). Как было выяснено выше, все эти статьи Успенского списка отсутствуют в Софийском. Вместе с тем становится очевидным ход работы по составлению Успенского списка. Вначале была снята копия с Софийского экземпляра ноябрьской Великой Минеи Четии. Затем к ней было добавлено евангелие от Матфея с толкованиями Феофилакта Болгарского. Еще позднее в Успенский список были механически включены остальные дополнительные статьи, а в их числе — Повесть о Михаиле Тверском.

Сделанный вывод подтверждается анализом бумаги Успенского списка. Его основная часть, представляющая собой несколько неполную копию с Софийского списка, написана на бумаге со следующими водяными знаками: кувшин с одной ручкой (лл. 3—30, 32—37, 67—93, 106—236, 239—246, 250—255, 259—713), который датируется 1538 г. (Брике, № 12631); другой тип кувшина с одной ручкой (л. 31), датируется 1542—1543 гг.

[42] Например, номер 63 должен был быть не на л. 1025, а на л. 1017. Однако на лл. 1002—1009 об. помещено сочинение Тарасия Константинопольского, отсутствующее в Софийском списке. Прибавление этих 8 листов к двойной тетради 62 привело к тому, что следующая 63-я двойная тетрадь начинается не с л. 1017, а с л. 1025.

[43] В то же время в указанный сборник не вошли лл. 38—66 об., на которых, помимо двух статей, отсутствующих в Софийском списке, был помещен материал, идентичный с Софийским. Видимо, при включении двух новых статей в Успенский список одновременно был заново переписан значительный кусок текста из Софийской ноябрьской Минеи.

(Брике, № 12633); буква Р (лл. 237—238, 247—249, 256—258), датируется 1509—1527 гг. (Брике, № 8636); рука под короной (лл. 714—768, 772—800, 933—953), датируется 1524—1539 гг. (Брике, № 11463); единорог (лл. 954—1001, 1010—1060, 1073—1076, 1082—1115, 1123—1135, 1140—1186, 1202—1224, 1229—1232, 1258—1284), датируется 1541—1542 гг. (Брике, № 10161). Толковое евангелие от Матфея (лл. 801—925) написано на бумаге с филигранью кувшин с одной ручкой, которая датируется 1542—1547 гг. (Брике, № 12841).

Остальные дополнительные статьи были написаны на бумаге с водяными знаками: кувшин с двумя ручками (лл. 38, 40—50, 53—54, 56—66, 94—103, 926—929, 1002—1009, 1062—1066, 1116—1122, 1136—1139, 1225—1228, 1233—1256), датируется 1536—1553 гг. (Брике, № 12892); крест (лл. 39, 55, 1257), датируется 1513—1540 гг. (Брике, № 5755); вепрь (лл. 51—52, 104—105, 769—771, 930—932, 1067—1072), датируется 1542—1547 гг. (Брике, № 13577); рука под короной (л. 1061), датируется 1548—1550 гг. (Брике, № 11030); другой вариант руки под короной (лл. 1077—1081), датируется 1550 г. (Брике, № 10975); папская тиара (лл. 1187—1201), датируется 1537—1541 гг. (Брике, № 4970). Таким образом, для каждой части Успенского списка бумага бралась своя, что еще раз свидетельствует о существовании нескольких этапов составления Успенского списка. Судя по водяным знакам, его окончательное оформление относится примерно к 1550 г. Около этого времени и была создана особая редакция Повести о Михаиле Тверском для Великих Миней Четий.

К сожалению, приведенные данные не позволяют решить, где была написана новая редакция Повести о Михаиле. На этот вопрос помогает ответить анализ второго московского списка Великой Минеи Четии на ноябрь — Царского, где также помещена Повесть.

Этот экземпляр, за единственным исключением [44], содержит все те дополнительные по сравнению с Софийским списком статьи, которые есть в Успенском. Лишь эти статьи, кроме Похвального слова апостолу Филиппу и евангелия от Матфея с толкованиями Феофилакта Болгарского, отмечены в Царском списке колонтитулами [45].

На некоторых листах, на которых написаны указанные статьи, сохранилась древняя пагинация: л. 1357 — 62, л. 1367 — 63, л. 1381—73, л. 1532—87, л. 1539—94, л. 1544—99, л. 1550—105, л. 1592—119, л. 1597—124, л. 1604—131. Нетрудно убедиться в

---

[44] В Царском списке под 8 ноября Похвальное слово Михаилу и Гавриилу епископа Климента приведено, как и в Софийском списке, всего один раз.

[45] ГИМ, Синод., № 176, лл. 86—88, 96—104, 141—156 об., 1043—1047 об., 1048—1050 об., 1263—1272, 1342—1347 об., 1348—1350, 1351—1357 об., 1367—1372 об., 1377—1385, 1456—1460, 1528—1550, 1562—1566 об., 1584—1617 об.

том, что это остатки счета листов отдельного сборника, куда входили все статьи с колонтитулами. Составляя ранее особый сборник, они позднее были отделены друг от друга и помещены под соответствующими числами ноября.

Помимо этих дополнительных по сравнению с Софийским списком статей, Царский список имеет четыре статьи, отсутствующие не только в Софийском, но и в Успенском экземпляре ноябрьской Великой Минеи. Это три проложные статьи: Память евангелиста Матфея, Слово Иоанна Златоустого о видении апостола Павла, Поучение отца Памвы к своему ученику [46] и житие Александра Невского в редакции псковского пресвитера Василия [47]. Хотя все четыре статьи были механически вставлены в текст, в сборник дополнительных статей они не попали. Написаны указанные статьи на той бумаге, на какой написана основная часть Царского списка Великой Минеи Четии на ноябрь. Эта основная часть писалась в Новгороде Великом [48].

Но там ли был написан весь список? Если бы вся работа по составлению Царского экземпляра проводилась в Новгороде, тогда непонятно, почему одни дополнительные статьи были написаны одновременно с основными явно в одном скриптории, а другие — на иной бумаге в виде отдельного самостоятельного сборника. Не следует забывать, что Царский список был передан митрополитом Макарием в библиотеку Ивана IV. Очевидно в Москве список и получил окончательное оформление. Здесь к тексту, написанному в Новгороде, добавили еще ряд статей и в их числе — новую редакцию Повести о Михаиле Тверском.

Дополнения были сделаны около 1550 г., т. е. тогда, когда Макарий — архиепископ Новгорода Великого — был выбран во всероссийские митрополиты. Вследствие этого значительно возросли возможности его сотрудников по собиранию памятников письменности, бытовавших в древней Руси, возможности по написанию новых редакций памятников. Работа над созданием Великих Миней Четий превратилась из предприятия местного, новгородского, в предприятие общерусское. Именно общерусский характер московских списков Великих Миней Четий и объ-

---

[46] ГИМ, Синод., № 176, лл 1041—1041 об., 1041 об.— 1042, 1042—1042 об. На нижнем поле л. 1041 имеется помета: «А тѣ два листа положити в ноябрьскои минеи в шестом на 10 числа в начале. Началнои пролог». Запись подтверждает вывод, что три проложные статьи на 1041—1042 об. (2 л.) — вставные.

[47] ГИМ, Синод., № 176, лл. 1389—1396. Эти листы имеют особый счет: 1—7. На нижнем поле л. 1389 запись: «А та 7 листов поставить в ноябри в 23 день». Запись также указывает на позднейшую вставку жития Александра Невского.

[48] Среди писцов основной части упоминаются Онашка Постник (л. 414 об.), дьякон Никита, очевидно Борисоглебский (л. 587 об.), Мокий (л. 639), Никольский поп Дмитрий (л. 811 об.), Истомка Кунинский (л. 1041) и кто-то из причта Флоровской церкви (л. 457). О Мокии точно известно, что он работал в Новгороде (*архим. Савва.* Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, стр. 210, прим. а).

ясняет включение в ноябрьскую Минею Повести о Михаиле Тверском.

Нужно, однако, отметить, что в Минею была включена не Пространная редакция Повести, которая была в руках у составителей, а текст, взятый в своей основной части из летописи. Летопись эта содержала наиболее промосковскую версию Повести о тверском князе[49]. Именно ее и выбрали редакторы московских списков Великих Миней. Такой выбор говорит об определенных политических тенденциях, стремлении замолчать старые распри Москвы и Твери, неблаговидные действия первого московского великого князя. Очевидно, что в XVI в. произведение о гибели тверского князя еще не потеряло своей политической актуальности. И митрополит Макарий, поддерживавший и направлявший молодого царя Ивана, заботился об авторитете и престиже представителей господствовавшего московского дома.

Помещенная в обширном сборнике агиологического и церковно-учительного материала рассматриваемая редакция Повести о Михаиле Тверском в какой-то степени должна была отразить общий религиозно-воспитательный характер Великих Миней Четий. И это заметно по тем добавлениям, какие сделаны к тексту, взятому из летописи[50]. Но основное идейное содержание Повести в редакции Великих Миней Четий было предопределено ее летописным источником. В макарьевских Минеях Повесть сохранила промосковскую обработку и антитатарскую направленность.

3. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО В ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ КОНЦА 50-х ГОДОВ XVII в.

В XVII в. Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского подвергалась переделкам по меньшей мере три раза. Судить об одной из них можно лишь на основании единственного, к тому же дефектного, списка, по филигранографическим признакам отно-

[49] В. О. Ключевский, полагая, что редакция Повести о Михаиле Тверском в Великих Минеях Четьих является древнейшей, с некоторым удивлением писал, что в этой редакции соперник тверского князя «Юрий московский остается в тени и не на него направлено тверское негодование автора... Такое отношение тем более любопытно, что Москва в начале XIV в. не была еще окружена в глазах общества блеском, прикрывавшим многое...» (*В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 73). Верные наблюдения В. О. Ключевского находят свое объяснение в том, что летописный источник минейной редакции был подвергнут промосковской обработке.

[50] Заключительная краткая похвала «страстотерпцу» Михаилу, списанная с Пространной редакции Повести, отвечала направлению и духу Миней Четий. Такая похвала являлась элементом, необходимым для каждого жития. Небольшая справка о матери Михаила в предисловии минейной редакции памятника была вызвана вероятно тем, что многим оставалась неизвестной биография Ксении, которую почитали в Твери. Фраза о «блаженем страдании» князя Михаила, вставленная в летописный текст, также свидетельствует о некоторой обработке летописной основы памятника в агиографическом духе

сящегося к 1639—1661 гг.[51] Наличие только одного списка затрудняет характеристику данной редакции Повести. Не всегда ясно, какие из особенностей текста принадлежат перу редактора, а какие — писцу сохранившегося списка. Поэтому отмеченные ниже особенности разбираемой редакции могут считаться таковыми с известными ограничениями.

Новая обработка Повести помещена вместе с другим памятником — Похвальным словом Михаилу Тверскому, и ее рассмотрение следует начать с характеристики последнего. Похвальное слово дает гораздо больше материала для датировки редакции и установления ее автора, чем сама Повесть.

В заголовке Похвального слова упоминаются «новые чудеса» Михаила и содержится ссылка на то, что Слово является «творением Пахомиевым». Оказывается, в основу Похвального слова Михаилу Тверскому было положено Похвальное слово Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета. Поэтому заголовок «творение Пахомиево» не следует понимать буквально, он отражает лишь зависимость произведения XVII в. от труда известного агиографа[52]. Впрочем, составитель Похвального слова Михаилу несколько перерабатывал свой источник. С самого начала (л. 26) до слов «на предняя возвратимся» (л. 30 об.) он следовал Похвальному слову Варлааму Хутынскому (лл. 81 об.— 83 об.)[53], иногда сокращая его: в Похвальном слове Варлааму «приидѣте отци и братия, приидѣте овчата духовная» (л. 82), в Похвальном слове Михаилу «приидите отцы и братия» (л. 27); в Похвальном слове Михаилу нет (л. 28 об.) текста Похвального слова Варлааму от слов «сии бо чада беззаконнаго грѣха» до слов «неподобнѣ о сих» (л. 82 об.), нет (л. 30) текста от слов «от болѣзни паче же воздержание» до слов «да некогда в болѣзнь впадеши» (л. 83 об.). С л. 30 об. в Похвальном слове Михаилу начинаются отступления от Похвального слова Варлааму: следует рассказ о рождении Михаила с указанием даты — 1 ноября 1272 г., о его женитьбе, смерти отца и сооружении соборной церкви Спаса во Твери (в Похвальном слове Варлааму этому соответствует рассказ о рождении Варлаама и его пострижении в монастырь — л. 83 об.). О тверском соборе автор Похвального слова Михаилу

---

[51] ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 807. Утрачены лл. 1—2, 5—6 по современной списку пагинации, а также последний лист Похвального слова Михаилу Тверскому.

[52] Приписывание поздних памятников известным в прошлом писателям было характерной чертой литературы средневековой Руси (*Д. С. Лихачев*. Текстология. М.— Л., 1962, стр. 299—301).

[53] Похвальное слово Пахомия Логофета Варлааму Хутынскому напечатано в «Житии Варлаама Хутынского» (ОЛДП, вып. XVI. СПб., 1881, стр. 97—110), но, как заметил В. Яблонский, по неисправному списку (*В. Яблонский*. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 119). Для сравнения с Похвальным словом Михаилу использован один из лучших списков Похвального слова Варлааму (ГИМ, Чудов., № 333, XV век, лл. 81 об.— 86 об.). Далее ссылки на Похвальное слово Варлааму Хутынскому приводятся в тексте по данной рукописи.

говорит в выражениях, заимствованных из Похвалы Варлааму. Михаил «храм честенъ воздвиже святого Спасова Преображения, иже и до нынѣ стоит благодатию Христовою» (л. 31 об.), Варлаам «церковь постави во имя Преображениа господа и бога и Спаса нашего Исуса Христа, идѣ же та церковь и до нынѣ стоить благодатью Христовою» (л. 84). Далее автор Похвального слова Михаилу вновь следует Пахомию Логофету, но списывает уже не сплошь, а составляет мозаику из отдельных фраз, взятых из различных мест своего источника.

Похвальное слово Михаилу Тверскому	Похвальное слово Варлааму Хутынскому
Михаил «видѣ бо на том мѣсте лучю нѣкую божественную, сияющу в нощи» (л. 31 об.)	*Варлаам* «видѣвъ лучю божественую, сияющу на мѣстѣ единомъ» (л. 84)
Михаил «тако неослабно воздержащеся от всякаго брашна и питиия, постом же и бдѣнием тѣло свое удручаше» (лл. 31 об.—32)	*Варлаам* «неослабно тружаяся, постомъ и бдѣнемъ тѣло свое изнуряя» (л. 83 об.)

С л. 32 по л. 34 об. в Похвальном слове Михаилу идет перебиваемый выписками из Пахомия[54] рассказ о междоусобной борьбе московского и тверского князей и смерти Михаила в Орде. Источник рассказа выясняется из сопоставления следующего отрывка Похвалы с текстом Повести, помещенной в том же сборнике.

Похвальное слово Михаилу Тверскому	Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского
«Позавидѣв старыи запинатель и ненавистник рода христианскаго враг диявол, паки воздвизает рати и кровопролития, хотяше бо отвратити праведнаго от добродѣтели и пущает тѣхь, иже ему жертвы приносят, и меж братиею вметает ненависти и вражды» (л. 32)	«точию един диявол сѣтовашеся, побѣждаемъ от сихъ, ими же прежде чтим бываше, жертвы ему приносяще и вся угодная его творяще. Сего не терпя врагъ душъ человѣческих, опрометашеся лстивыи, да уж како бы совратити ихъ съ праваго пути, и вложи въ сердца ихъ зависть, ненависть, братоубиство» (л. 1 об.) «дияволъ паки не престая желаше кровопролития» (л. 2)

Сравнение текстов показывает, что в Похвальном слове несколько сокращен и переработан текст Повести[55]. Впрочем, на знакомство с Повестью автор Похвального слова Михаилу ука-

[54] Текст от слов «видяше вражие коварство» (л. 32) до слов «и благодати дерзновение» (л. 32 об.); от слов «тѣм же произыде о нем слава во вся страны» (л. 32 об.) до слов «колико приобрѣтение умноженнаго таланта усугубляет» (л. 34); от слов «и чюдесем дар подаетъ ему» (л. 34 об.) до слов «дар подам сугуб» (л. 34 об.) соответствует Похвальному слову Варлааму Хутынскому (лл. 83 об.— 84; л. 84—84 об.; л. 84 об.).

[55] Первый отрывок из Повести может восходить только к Пространной редакции памятника. Однако в Похвальном слове использован уже переработанный текст Пространной редакции (ср. ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 32 об., 34 об.).

зывает сам: «Тѣм же о чюдесѣх его прежних бысть писано в житии его подробну» (л. 34 об.) [56], и далее: «Здѣ же вкратцѣ написана бысть множества ради, но от малых чюдес его обретѣ и написахом» (л. 34 об.). После этого следует длинное повествование о чудесах у гроба Михаила (лл. 34 об.—38), композиционно соответствующее рассказу о чудесах у гроба Варлаама в Похвальном слове последнему (лл. 84 об.—85 об.). Автор Похвалы Михаилу описывает обретение мощей князя при тверском архиепископе Евфимии, которые лежали в соборной церкви Спаса Преображения, основанной «в лѣто осмъсот шестаго повѣлѣнием великия княгини Ксении» (л. 35 об.); поражение недугом некоего древодела Назария и его излечение на шестой день; выздоровление Даниила Мельницына и Акилины. Затем автор сообщает о море в Твери, переложении мощей Михаила из каменного гроба в деревянную раку и о прекращении «смертоносия» «молитвами святого». Свой рассказ он заключает словами: «но сия убо возвѣстих вамъ, возлюбленнии, яже содѣяшася во дни наша и видѣхом очима нашима и имѣю бо многи свидѣтели, о том истинно могуще рещи» (л. 38) [57]. Выясняется, что автор был современником и очевидцем описанных событий. Из фразы рассказа о переложении мощей, что «в то же время святительствующу во Твери граде архиепископу Лаврентию», можно заключить, что Похвальное слово Михаилу было написано после того, как Лаврентий оставил тверскую кафедру, т. е. между 1657 и 1661 гг.[58] Автор имел, очевидно, определенное отношение к тверскому собору. Здесь стоял гроб Михаила, об исцелениях у которого он так подробно рассказывал.

После повествования о новых чудесах у раки князя автор вновь обращается к Пахомию Логофету и последовательно переписывает его сочинение: отрывок от слов «мы же паки сия оставлше, к похвалению устремимся» (л. 38) до слов «радуися, благоуханныи кринѣ, им же» (л. 39 об.), который соответствует Похвальному слову Варлааму (лл. 85 об.—86). На последних приведенных словах обрывается сохранившийся список. Если считать, что книжник XVII в. переписал Пахомия до конца и новых статей за ним не поместил, тогда в дошедшем до нас списке Похвального слова Михаилу утрачен последний лист [59].

[56] Текст является авторской вставкой и не заимствован из Похвального слова Варлааму Хутынскому.

[57] Последняя часть фразы повторяет Похвальное слово Варлааму Хутынскому: «имѣю бо неложнѣ свидѣтели, могуще истинну о томъ рещи» (л. 85).

[58] Лаврентий был переведен на митрополию Казанскую и Свияжскую 26 июля 1657 г. (*П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стлб. 443). 1661 г.— самая поздняя дата филиграней сохранившегося списка Похвального слова.

[59] При сопоставлении с Похвальным словом Варлааму Хутынскому выясняется, что в Похвальном слове Михаилу утрачен текст, умещающийся в 21 полной строке списка Похвалы Варлааму. Им соответствуют полторы страницы текста Похвального слова Михаилу, т. е. один лист, при условии, что последний лист до конца дописан не был.

Итак, основным источником Похвального слова Михаилу Тверскому послужило написанное Пахомием Логофетом Похвальное слово Варлааму Хутынскому. Следует оговориться, что в Похвальном слове Михаилу нельзя видеть какое-то неизвестное до сих пор сочинение Пахомия, который, вообще говоря, весьма часто повторялся в своих агиографических писаниях. Помимо рассказа о событиях XVII в. в Похвальном слове Михаилу упоминаются его родители: «родители же его совѣщастася да сочетают его браку» (л. 30 об.), «и тако во всем повинуяся родителема своима» (л. 31). Между тем Михаил рос сиротой. Его отец, великий князь Ярослав Ярославич, умер в год рождения сына[60]. Ошибка в Похвальном слове Михаилу произошла от того, что автор в некоторых случаях механически заменял имя Варлаама своего источника на имя Михаила и не всегда продуманно сопоставлял факты биографии тверского князя с фактами биографии хутынского монаха. Пахомий работал более внимательно и столь грубых анахронизмов в своих сочинениях вряд ли допустил бы.

Влияние Похвального слова Варлааму на творчество автора XVII в. сказалось не только в текстуальных заимствованиях, но и в композиционном построении Похвального слова Михаилу. Эпизодам из жизни Варлаама соответствуют эпизоды из жизни Михаила, описанию различных «чудес» у гроба Варлаама — подобные же «чудеса» у гроба Михаила. Наконец, влияние Пахомия заметно и на литературном языке Похвального слова Михаилу. И без того витиеватый, «холодный», по выражению В. О. Ключевского, стиль Пахомия под пером книжника XVII в. оказался еще более вычурным.

Похвальное слово Михаилу Тверскому	Похвальное слово Варлааму Хутынскому
«дивляхуся изрядной красотѣ его и свѣтлости лица его и добронравному житию его и учению» (л. 33)	«дивишася изрядной свѣтлости лица его» (л. 84)
«таковыми бо нравы и учении своими всѣх к вѣре привлачая и наставляя духовною любовию» (л. 33)	«такыми же учении всѣхъ к вѣрѣ наставляя и духовною силою» (л. 84)
«такова же суть боголюбезныя душы его терпѣния и кротость» (л. 33 об.)	«такова изречения боголюбезныя душа» (л. 84)
«ищуще добраго бисера изяти» (л. 38 об.)	«ищуще бисеръ изяти» (л. 85 об.)

Источником биографических сведений о тверском князе, разбросанных в Похвальном слове Михаилу, явилась Повесть о его смерти в Орде, причем в той редакции, которая помещена в одной рукописи с Похвалой. Источником рассказа об обретении мощей Михаила при тверском архиепископе Евфимии и переложении их в деревянную раку при архиепископе Лаврентии служили, по авторскому признанию, его собственные воспоми-

[60] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 74.

нания и свидетельства очевидцев, хотя можно допустить и предварительную письменную обработку автором своих припоминаний и устных рассказов: «от малых чюдес его обретѣ и написахом» (л. 34 об.). Таковы второй и третий источники Похвального слова Михаилу. Наконец, из четвертого источника заимствованы дата рождения Михаила — 1 ноября 1272 (6781) г. и сообщение о постройке собора Спаса Преображения в Твери в 806 (6806) г. повелением княгини Ксении. Первая дата близка к истинной, но неточна[61]. Свидетельство о том, что тверской собор был основан по указанию княгини Ксении, не противоречит историческим фактам[62], но время окончания строительства собора явно ошибочно[63]. Как же могла появиться необычная дата 806, т. е. 1298 г.? В некоторых летописях под 6907 г. в рассказе о перестройке Спасского собора в Твери сообщается, что собор стоял 100 лет[64], т. е. был основан в 6807 г. Дата весьма близка к указанной в Похвальном слове. Видимо, в руках у автора Похвалы имелся какой-то поздний летописный источник, хронология которого была сбита[65].

Перейдем к характеристике самой Повести. В основу новой редакции была положена Пространная редакция памятника. Основная часть Повести, оканчивающаяся описанием похорон Михаила в Твери, подверглась небольшим изменениям. В первую очередь следует отметить вставки, сделанные автором XVII в.

Переделка Пространной редакции Повести о Михаиле Тверском в XVII в.	Пространная редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского
«лутши ми есть нынѣ положити душю свою за мъноги душа. Да вмѣнится нам слово господне во спасение, еже рече во святѣмъ евангилии: аще· кто положит душю свою за други своя, сии великъ наречется во царствии небеснемъ» (л. 8 об.).	«лучши ми есть нынѣ положити душю свою за многия душа» (л. 38 об.)[66]

---

[61] Год рождения Михаила: 6779 г. (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 74; т. XXV, стр. 150; т. XXIII, стр. 89; т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 167); 6780 г. (ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 171).

[62] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1927, стлб. 482—483; т. XV. СПб., 1863, стлб. 406. В позднейших летописных сводах основание собора приписывается одному Михаилу, но это уже московская обработка (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 170; т. VII, стр. 179).

[63] Собор заложен в 1285 (6793) г. и освящен в 1290 (6798) г. (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 482; т. XV, вып. 1, стлб. 34—35).

[64] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 166; т. XI. СПб., 1897, стр. 174.

[65] Примером такого источника может служить изданный А. Н. Насоновым фрагмент тверского летописного свода, где хронология некоторых событий спутана (*А. Н. Насонов*. О тверском летописном материале в рукописях XVII века.— «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 33—40).

[66] Здесь и далее ссылки на Пространную редакцию даются в тексте по основному списку (ГБЛ, ф. 310, № 1254).

Михаил «как поиде изъ Володимеря, безпрестани пояше Псалтырь и от тои недѣли постящеся до недѣли» (л. 13)	«како поиде из Володимеря, от тои недѣли до недѣли постящися» (л. 41 об.)
«Но терплю, господи, имени твоего ради святаго, яко блага милость твоя и яко благо ми будет пред тобою, господи, и пред преподобными твоими» (л. 14 об.)	«Но терплю, господи, имени твоего ради, яко благо ми будетъ пред преподобными твоими» (л. 42 об.)
«Вѣровах, тѣм же и возглаголах, и прочая псалмовъ до конца» (л. 17 об.)	«Вѣровах, тѣмъ же и възглаголах» (л. 45)
«Се бо удалиста от мене дружину мою, бѣгающих» (л. 18 об.)	«Се удалихся, бѣгая» (л. 45 об.)
«слышавше сия княгиня его Анна з дѣтьми своими Дмитрием и Василием и поидоша в насаде по Волзѣ рецѣ и доидоста Городка и ту срѣтоша его» (л. 24)	«И орѣте Дмитреи и Олександръ, и Василеи, и княини его Анна в насадѣ на Волзѣ» (л. 49 об.)
Тело Михаила было погребено в Спасском соборе «в лѣта 6828-го мѣсяца сентября въ 6 день» (л. 25)	«мѣсяца сентебря въ 6-и день» (л. 50)

Источником первой и второй вставок в текст редакции XVII в. послужила сама Повесть. Те же фразы есть на лл. 4—4 об. и 14. Третья и четвертая вставки сделаны редактором на основании собственных соображений. В третьей вставке он исказил текст 11 стиха LI псалма, приведенного в Пространной редакции, а в четвертой дополнил сообщение источника о чтении Псалтири при причащении указанием, что Михаил читал и другие псалмы. В пятой вставке искажен стих 8 псалма LIV, но искажение сделано, видимо, под влиянием той же Повести, где сходная фраза читается на л. 12 — стих 19 псалма LXXXVII. В шестой вставке содержится фактическая подробность: о встрече тела Михаила у Городка. Такой детали нет ни в одной другой редакции Повести. По смыслу, речь может идти только о селе Городня на берегу реки Волги — бывшем городе Вертязине[67]. Но последний едва ли существовал в начале XIV в. Впервые Вертязин упоминается в источниках в 1399 г.[68] Поэтому свидетельство разбираемой редакции следует признать сомнительным. В седьмой вставке указан год погребения Михаила в Твери и указан правильно, если следовать сентябрьскому летоисчислению. Очевидно автор заимствовал дату из какой-то поздней летописи[69].

Следует указать также на некоторые пропуски и искажения в тексте рассматриваемой редакции. В Пространной редакции

---

[67] *К. А. Неволин.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке.— «Записки имп. Русского географического общества», кн. VIII. СПб., 1853, стр. 27, прим. 1.

[68] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2. Л., 1925, стр. 388; *А. М. Сахаров.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959, стр. 120.

[69] В большинстве известных летописей похороны Михаила в Твери описаны под 6827 г. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 166, 6827 г.; т. VII, стр. 198, 6827 г. сентябрьский; т. XX, ч. 1, стр. 176, 6826 г.; т. XXIII, стр. 101, 6827 г.; т. XXIV, стр. 114, 6827 г.). Только в Никоновской летописи указан 6828 г. (ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 187).

написано: «и изрече многозамышленыя вины на блаженаго на непорочнаго христова воина» (л. 40), в переделке XVII в.: «и изрече многа замышления виновъная на святого» (л. 11); Пространная редакция: «и повелѣ святого поставити на колѣну пред собою» (л. 43 об.), переделка: «и поставити его на колѣну пред собою» (л. 16); Пространная редакция: Михаил «рече слугам своим» (л. 44), переделка: «рече же окаянныи» (л. 16 об.). В последнем случае автор не понял, что к своим слугам обращается Михаил, и назвал его окаянным. Возможно фраза появилась под влиянием другой фразы, отнесенной к Кавгадыю и помещенной выше: «рече же беззаконныи» (л. 16 об.), в Пространной редакции — «и рече окаяныи» (л. 44).

Во многих случаях книжник XVII в. переделывал стиль и язык своего источника.

Переделка Пространной редакции Повести о Михаиле Тверском в XVII в.	Пространная редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского
«Аще бо быхом и хотѣста мир сотворити между собою, но враг дияволъ, паки не престая желаше кровопролитня, рать воздвизаше»[70] (л. 2)	«А еще [сотвориста — *доб. М, К*] многажды миръ межу собою, но врагъ дияволъ пакы рать въздвизааше» (л. 34 об.)
«Да некако бы и мнѣ господь получилъ отпущение грѣховъ» (л. 7 об.)	«Да некли бы ми господь отдал грѣховъ» (л. 38)
«И паки поучив сына своего кротости и целомудрию» (л. 9)	«И пакы много поучивъ [сыны своя — *К*] кротости, уму» (л. 39)
Михаил «яко никоего озлобления приимаше себе от беззаконных» (л. 15).	«яко никоего озлобления приемлюще» (л. 43)
«Великии же князь Михаил наборзѣ востав и вельми прослезися и воздохнувъ» (л. 19 об.)	«Онъ же наборзѣ въставъ и воздохнув» (л. 46)
«И тако блаженныи и христолюбивыи великии князь Михаилъ Ярославич предаде святую душю свою» (л. 20)	«И тако предастъ святую свою блаженую душю» (л. 46 об.)
«терзающе немилостивно» (л. 21)	«терзающи нещадно» (л. 47 об.)
«ужасъ нападе на нихъ» (л. 21 об.)	«ужасъ приятъ» (л. 48)
«Преславно господь прослави своего угодника великаго князя Михаила, вѣрнаго раба своего» (л. 22)	«Преславно бо господь прослави вѣрнаго раба своего Михаила» (л. 48)

Таковы отличия основной части новой редакции от ее источника — Пространной редакции Повести.

Но особенно большим редакционным изменениям подверглась заключительная часть разбираемой переделки памятника. За счет вставок она увеличена вдвое. Вместо фразы Пространной редакции «Да како [тя — *доб. Т*, *Тих.*, *М*, *К*] по достоянию въсхвалити можемъ» (л. 50), в редакции XVII в. написано: «Да како уже, возлюбленнии, мы вси возможем по достоянию восхвалити таковаго свѣтильника и заступника граду нашему и

[70] Ср. в последующем тексте: «Паки же диявол не престая желаше кровопролития» (л. 3). Фраза взята из другого места Повести.

отечеству своему и похвалу земли своеи» (л. 25). Далее в редакции XVII в. идет большая вставка от слов «святая отрасль благочестиваго корене» (л. 25) до слов «приемлюще многая изцеления» (л. 25 об.). Фраза Пространной редакции: «Радуися, ею же вжелѣ то и сътвори» (л. 50), в обработке XVII в. звучит как «Радуися, совершивыи течение и подвиг свои добрѣ скончав, его же измлада возжделѣл еси» (л. 26).

Источник вставок, помимо творчества автора, можно указать. Он обнаруживается при сопоставлении текстов Повести, Похвального слова Михаилу и его источника — Похвального слова Варлааму Хутынскому.

Повесть о Михаиле Тверском	Похвальное слово Михаилу Тверскому	Похвальное слово Варлааму Хутынскому
«Приходящим с вѣрою ко святѣи раце его и различными недуги и болѣзньми одержимыя, приемлюще многая изцеления» (л. 25 об.)	«Радуися, яко струи изливаеши исцеления различными недуги одержимыя притѣкающим с вѣрою к раце мощеи твоих» (л. 39 об.)	«Радуися, яко потаки исцелениемъ изливаеши недуги различными одръжимымъ» (л. 86)

Оказывается, для вставки было использовано помещенное в одной рукописи с Повестью Похвальное слово Михаилу. Содержащаяся в другой вставке похвала Ксении, память которой отмечалась в Твери, в частности, в тверском Спасском соборе, может свидетельствовать о том, что автор вставки, по всей вероятности, принадлежал к соборному причту.

Итак, основным источником новой редакции Повести явилась Пространная редакция, а вспомогательными — Похвальное слово Михаилу Тверскому и какая-то летопись.

О списке Пространной редакции, бывшем у редактора XVII в., необходимо сказать несколько слов дополнительно. Сохранившийся список редакции XVII в., как отмечено выше, дефектный, нет лл. 1—2 об., 5—6 об. по старой пагинации. При сравнении этого списка в той части, которая написана более крупным почерком (лл. 3—4 об., 7—14 об. старой пагинации), с основным списком Пространной редакции оказывается, что на два листа списка XVII в. приходится от 298 до 319 слов основного списка Пространной редакции[71]. На утраченные лл. 1—2 об. списка редакции XVII в. приходится 225 слов, не считая заголовка, основного списка Пространной редакции[72]. Ясно, что редактор XVII в. имел список Пространной редакции без про-

[71] Список редакции XVII в.: лл. 3—4 об. — 309 слов основного списка Пространной редакции; лл. 7—8 об. — 305 слов; лл. 9—10 об. — 319 слов; лл. 11—12 об. — 298 слов; лл. 13—14 об. — 299 слов, считая вставку на л. 13 об. (номера листов даются по старой пагинации).

[72] Несколько меньшее количество слов, приходившееся на утраченные первые два листа, объясняется тем, что л. 4, как заглавный, не был, конечно, заполнен весь. Кроме того, редактор XVII в. мог сделать в старый текст какие-то вставки и действительное число слов было больше расчетного.

пусков в начале. Но на пропущенные в списке редакции XVII в. лл. 6—7 об. приходится 439 слов. т. е. в полтора раза больше, чем обычно. Очевидно, или сохранившийся список скопирован с дефектного оригинала, или дефектным был источник — список Пространной редакции. Из двух возможных вариантов более вероятным представляется второй. Если учесть, что дошедший до настоящего времени список редакции XVII в. почти одновременен созданию самой редакции, то едва ли за столь короткое время мог утратиться лист в оригинале списка. Скорее дефект был в источнике.

Объединение в одном сборнике Повести о смерти в Орде Михаила Тверского и Похвального слова ему, вставки в Повесть из Похвалы и в Похвалу из Повести свидетельствуют о принадлежности обоих произведений перу одного автора. Принимая во внимание общий характер его сочинений, а также ряд деталей в них, можно утверждать, что автор был церковником, вероятнее всего, причетником тверского Спасского собора, писавшим в 1657—1661 гг.

Его основными источниками были Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском и Похвальное слово Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета. Память Варлаама праздновалась 6 ноября, Михаила —22 ноября. Оба произведения встречаются в Минеях Четьих. Возможно, что у редактора XVII в. была именно ноябрьская Минея Четья [73], откуда он и заимствовал образцы для творчества. Минея, вероятно, была дефектной (утрачен лист в Повести о смерти Михаила) [74]. Вспомогательными источниками послужили летопись, возможно, тверского происхождения, рассказы очевидцев и собственные воспоминания автора об обретении и переложении мощей Михаила в XVII в.

Использование автором Похвального слова Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета — сочинения, предназначенного для религиозного воспитания [75], характер вставок и дополнений в Повести и Похвале, высокопарный литературный стиль — все это свидетельствует о стремлении церковника XVII в. создать ряд назидательных произведений о Михаиле Тверском. Правда, в самой Повести о смерти в Орде Михаила, которое автор называет житием, термин, впервые появляющийся только в этой

---

[73] Похвальное слово Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета и Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском содержатся вместе, например в ноябрьской Минее Четии Германа Тулупова (ГБЛ, ф. 304, № 671, лл. 53 об.— 62 — Похвала Варлааму).

[74] Исходя из вышеизложенного, следует заметить, что, по-видимому, еще в середине XVII в. клирики тверского Спасского собора имели в руках список Пространной редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского, причем этот список, в котором был пропуск в самом начале текста, отличался, например, от протографа списков М, К Пространной редакции, где также был пропуск.

[75] *В. Яблонский*. Пахомий Серб и его агиографические писания. стр. 116.

редакции, нравоучительная струя заметна менее, чем в Похвале. Но и здесь при переработке древнего источника основное внимание уделялось возвеличению Михаила Ярославича, но не как политического деятеля общерусского масштаба, а как святого, связанного преимущественно с Тверью. Отсюда обильные славословия по адресу Михаила, более резкое обличение инаковерующих —«безбожных» татар, подчеркнутый провиденциализм. Конечно, автор переделок интересовался и биографией тверского князя, его источник был наиболее подробным из всех в этом отношении, но исторический анализ, политическая оценка борьбы Михаила с татарами и московским князем писателю XVII в. были совершенно чужды. Для него и в его переработке Повесть звучала как заурядное житие одного из многочисленных русских святых.

Таковы те данные, которые можно извлечь из разбора первой переделки в XVII в. Повести о смерти в Орде Михаила Тверского. Анализ последующей обработки памятника позволит внести необходимые уточнения и в характеристику рассмотренной редакции.

4. ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО ВО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ КОНЦА 50-х ГОДОВ XVII в.

В. О. Ключевский был первым, кто обратил внимание на вторую (по нашему определению) переработку в XVII в. Повести о Михаиле Тверском. Ему было известно два списка этой редакции[76]. Позднее Н. П. Барсуков указал еще четыре списка[77], а Н. И. Серебрянский добавил к ним список из Тверского музея[78]. Н. И. Серебрянский не знал, что этот список уже был использован В. И. Колосовым при издании жития Михаила Тверского[79]. В. И. Колосовым была напечатана также статья о переложении мощей Михаила Тверского[80]. Помимо изданий В. И. Колосова отрывок из Повести был опубликован Н. И. Серебрянским[81].

В настоящее время известно 34 списка Повести в той редакции XVII в., какую обнаружил В. О. Ключевский, из них два —

[76] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 354; прим. 1. В. О. Ключевский называл эту редакцию редакцией архиепископа Лаврентия.

[77] *Н. П. Барсуков.* Источники русской агиографии.—ОЛДП, вып. XXXI. СПб., 1882, стлб. 372.

[78] *Н. И. Серебрянский.* Древнерусские княжеские жития, отд. оттиск. М., 1915, приложение, стр. 186.

[79] *В. И. Колосов.* Житие и страдание святого благоверного и великого князя Михаила Ярославича Тверского.— «Тверские епархиальные ведомости», часть неофициальная, № 2—4, 1899 г. Издание выполнено нестрого: В. И. Колосов заменял архаичные слова и выражения источника современными ему.

[80] Издана статья по неизвестному списку в «Журнале 86-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 1 мая 1902 года». Тверь, б/г, стр. 4—9.

[81] *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., приложение, стр. 159. Автор, интересуясь древнерусскими Плачами, издал Плач великой княгини Анны.

по описаниям. По числу списков эта переделка XVII в. оказывается самой распространенной из всех редакций памятника, но география списков довольно узка: один список находился в Москве, около 10 (об одном списке данные косвенные) — в Твери или в Тверском уезде, остальные — не известно где. Бытование в Твери значительного количества списков позднего сочинения о Михаиле Ярославиче наталкивает на мысль о местном происхождении редакции. Самые ранние списки разбираемой переделки Повести датируются 70—80-ми годами XVII в., самый поздний — 1764 г. Новая редакция имеет заголовок: «Житие и страдание блаженного страдальца великого князя Михаила Ярославича, тверского чудотворца», который указывает на то, что редактор стремился сделать из Повести житие Михаила, а его самого считал только местным тверским святым. В этой редакции впервые в текст памятника введены заголовки к различным его частям (рождение Михаила, молитва, четыре «чуда», Плач княгини Анны).

Все 34 списка Повести сохранились в сборниках довольно определенного состава. Вместе с житием Михаила Тверского во всех рукописях помещены Похвальное слово Михаилу Тверскому и статья о переложении его мощей. Последнее произошло 30 сентября 1654 г. Такой состав сборников свидетельствует о существовании их общего протографа, состоявшего по крайней мере из трех статей о Михаиле Тверском. В 20 сборниках вместе с перечисленными тремя статьями о Михаиле встречается статья об обретении его мощей в 1634 г. и о чудесах у его гроба, в 20 — службы ему, а в 16 сборниках — вместе со статьями о Михаиле помещаются статьи (служба, житие и чудеса, Похвальное слово и некоторые другие), посвященные второму тверскому святому — епископу Арсению. Из трех самых старших списков сборников с житиями Михаила лишь один имеет в своем составе службу Арсению и его житие. Видимо соединение двух сборников о тверских святых в один — явление позднее. Служба Михаилу Тверскому, встречающаяся вместе с житием, представляет собой переделку той службы, которая известна по списку XVI в.[82] Принадлежит или не принадлежит эта переделка составителю трех статей о Михаиле, сказать трудно. Но статья об обретении мощей Михаила Тверского бесспорно была ему известна. В статье о переложении мощей говорится о том, что мощи тверского князя были положены в деревянную раку, «яко же прежде бѣ» (л. 108 об.)[83]. Но о том, что мощи Михаила «прежде бѣ» в деревянном гробу, рассказывает только статья об обретении его мощей[84]. В дальнейшем при анализе этой статьи будет показано, что она если не написана, то во всяком

[82] ГБЛ, ф. 304, № 679, лл. 23—38.
[83] Здесь и далее цитаты в тексте даны по рукописи: ГБЛ, ф. 310, № 341.
[84] В самой Повести говорится о положении праха Михаила в каменный гроб.

случае обработана составителем трех других статей о Михаиле. Явное знакомство редактора с рассказом об обретении мощей заставляет считать, что сборник, посвященный Михаилу Тверскому, первоначально состоял не из трех, а из четырех статей. Отсутствие в некоторых рукописях статьи об обретении мощей Михаила Тверского объясняется тем, что в отдельных сборниках она была опущена. Итак, общий протограф всех известных списков второй редакции XVII в. включал в себя житие Михаила Тверского, Похвальное слово ему, статью об обретении мощей Михаила и о чудесах у его гроба, рассказ о переложении мощей[85]. Следует подчеркнуть, что ни одна из перечисленных статей не встречается отдельно от других[86].

Какими же источниками пользовался составитель данного сборника? Впервые этот вопрос был поставлен В. О. Ключевским. По его мнению, в основу новой обработки Повести была положена Пространная редакция, которую В. О. Ключевский называл второй, летопись и житие Дмитрия Донского, из которого был заимствован Плач княгини Анны[87]. Вторым и, кажется, последним исследователем, писавшим об источниках рассматриваемой редакции памятника, был Н. И. Серебрянский. Он почти целиком принял приведенные выше выводы В. О. Ключевского, умолчав лишь о том, была или не была использована при переделке летопись. Н. И. Серебрянский указал на новые параллели к Повести. Так, он нашел сходство между предисловием Повести и предисловием к югославянскому житию Ромила, а характеристику детства и отрочества Михаила считал списанной с характеристики Александра Невского в Степенной книге[88]. Источниковедческий анализ Повести во второй редакции XVII в. показывает, что в ее основе лежал один источник, и заключения В. О. Ключевского и Н. И. Серебрянского справедливы лишь отчасти.

Обратимся к источникам основной статьи сборника — жития Михаила. Статья «О рождении святаго» вместе с заголовком и текстом до слов «приснопамятныи и хваламъ достоиныи» (л. 14 об.) есть буквальная копия с жития Александра Невского

---

[85] К такому же выводу пришел и В. О. Ключевский, правда, специально не аргументируя свою точку зрения (*В. О. Ключевский*. Указ. соч., стр. 354). Ср. также обращение к Михаилу в заключительной статье о переложении мощей: «дерзнухъ к тебѣ просто и невѣжественнѣ вещь сию, яже о тебѣ, состроити» (л. 111). «Вещь» о Михаиле, конечно, не одна статья о переложении его мощей. Последняя о самом Михаиле ничего не сообщала.

[86] Единственное исключение — статья «Об открытии мощей Михаила Ярославича Тверского, 7141 г.», как она названа в описании А. Е. Викторова. Речь идет о статье, повествующей об обретении мощей Михаила. Статья сохранилась в рукописном сборнике XVII в. Описание сборника сделано А. Е. Викторовым суммарно (*А. Е. Викторов*. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 109).

[87] *В. О. Ключевский*. Указ. соч., стр. 354.

[88] *Н. И. Серебрянский*. Указ. соч., стр. 256—257.

в редакции Ионы Думина[89]. Текст от слов «от пресвѣтлые родители рождьши[с]я» (лл. 14 об.—15) до слов «иже наречена бысть во инокиняхъ» (л. 15) заимствован оттуда же (стр. 52—53). Следующий отрывок от слов «державствующе же отцу его великому князю Ярославу Ярославичю по успении брата своего» (л. 15—15 об.) до слов «и положиша его на Костромѣ у святаго Феодора» (л. 16) восходит к Степенной книге (стр. 295)[90]. Текст от слов «по успении же отца своего» (л. 16) до слов «воспитанъ бысть во въсякомъ добромъ наказании» (л. 16 об.) представляет собой легкий перифраз соответствующего места Повести о смерти Михаила Тверского в Степенной книге (стр. 333). Текст от слов «егда же убо родившая его» (л. 16 об.) до слов «и устрояет же ся всепремудраго бога неизреченнымъ промысламъ сице о немъ» (л. 20—20 об.) списан с очень незначительными пропусками из жития Александра Невского Ионы Думина (стр. 52—54). Следует заметить, что текст в указанном большом отрывке от слов «и иже от добродѣтелеи многу и преславну приобрѣте похвалу» (л. 16 об.) до слов «всякому дѣлу благу научен бысть» (лл. 16 об.— 17) разрывает это списывание, хотя взят из того же источника (стр. 52); в житии Александра Невского эта фраза помещена перед текстом, которому соответствует приведенный выше большой отрывок из жития Михаила. Текст от слов «Живущу же ему и державствующу во отечествии своемъ во граде Тфери» (л. 20 об.) до слов «в лѣто шесть тысячное седмъсотъ девятьдесятъ третияго» (л. 21) является распространенным сообщением Степенной книги (стр. 295). Текст от слов «брату же его из двуродныхъ великому князу Андрею Александровичю о господѣ конецъ жития приимшу» (л. 21—21 об.) до статьи «Плачь великия княгини его Анны» (л. 70), т. е. основная часть Повести, заимствован из Повести о Михаиле Тверском в редакции Степенной книги (стр. 333—342). Следующие чтения второй редакции XVII в. идентичны чтениям Степенной книги[91]: «его [общая ошибка Степенной и второй редакции XVII в., следует: чего — *В. К.*] же восхощеши во отечествии вашемъ» (л. 22 об.) соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 333; «Благоволи же богъ тогда быти на великомъ княжении великому [слово внесено составителем второй редакции XVII в.— *В. К.*] князю Михаилу» (л. 23 об.) соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 334; «бывшу сопрѣнию велику между ими» (л. 25) соответствует ПСРЛ, т. XX. ч. 1, стр. 334; «обадилъ бо есть на тя къ царю Кавгадыи» (л. 34)

---

[89] *В. Мансикка.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст.— ОЛДП, вып. CXXX. СПб., 1913, приложение, стр. 52—54, Далее ссылки в тексте приводятся по данному изданию.

[90] Ссылки на Степенную книгу даются в тексте по изданию: ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, 2. СПб., 1908, 1913. Такой же текст есть и в житии Александра Невского в редакции И. Думина (стр. 102—103), но И. Думин списал его из Степенной книги.

[91] См. стр. 117—118 настоящего издания.

соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 336, вар. 3 и 4; «давъ имъ разрядъ и грамоту написа» (л. 35 об.) соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 336; «царь же даде ему приставника» (л. 36) соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 336; «разрушитъ тя богъ, расторгнетъ тя.... и таковыми глаголы на всякъ день моляся богови» (лл. 44 об.—45) соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 338; пропущена фраза о приезде Юрия и Кавгадыя к телу убитого Михаила (л. 56 об.), что соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 341; «да глаголетъ же ся здѣ и сотворившеся чюдо» (л. 58) соответствует ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 341 [вместо «чюдо» здесь «тогда чюдо»]. Как и в Степенной, в новой редакции фигурирует митрополит Петр вместо Максима, а вместо гор Ясских и Черкасских названы города (лл. 22, 23 об.; 49 об.).

Статья «Плачь великия княгини его Анны» (лл. 70—73 об.) с некоторыми переделками списана с Плача Евдокии по Дмитрии Донском, помещенного в Степенной книге (стр. 404) [92].

В то же время в житии имеется ряд деталей, отсутствующих в Степенной книге. В самом начале памятника сообщается, что мать Михаила Ксения была наречена в инокинях Марией (л. 15), а князь Ярослав Ярославич, в иноках Афанасий, скончался в 1271 (6779) г. (л. 15 об.). Те же иноческие имена родителей Михаила приведены при упоминании их гробниц в заключительной части Повести (л. 73 об.—74). Описание гробниц является вставкой редактора. Видимо монашеские имена Ксении и Ярослава читались в настенных надписях в храме или на гробницах [93]. Год смерти Ярослава взят, по-видимому, из летописи [94], но мог быть и в указанных надписях.

Дважды в разбираемой редакции Повести помещены сведения об основании Спасского собора в Твери (лл. 20 об.—21 и 73 об.—74). Первый раз приведена выдержка из Степенной книги, согласно которой церковь была основана одним Михаилом. В заключительной части жития об этом же сказано иначе: собор Михаил «самъ созда съ богомудрою и святою материю своею княгинею Ксениею» (л. 74). Источник второго сообщения восходит, вероятно, к летописи, о возможном влиянии Повести в первой редакции 50-х годов XVII в. будет сказано ниже. После фразы о Михаиле «и оста единъ въ рукахъ ихъ»,

---

[92] Об отдельных изменениях в Плаче Анны по сравнению с источником см.: *В. П. Адрианова-Перетц.* Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго.— ТОДРЛ, т. V. М.— Л., 1947, стр. 93.

[93] Ср. ГПБ, Погод., № 1563, л. 96—96 об. Помещенный здесь список захоронений в тверском Спасском соборе относится к первой половине XVII в.: гроб Михаила Ярославича стоял еще в приделе Александра Невского (ГБЛ, ф. 310, № 349, лл. 82 об., 91). В тверских синодиках монашеские имена местных князей не приводятся (ГПБ, Погод., № 1557, лл. 60—66 об.). В решении церковного собора 1678 г. прямо говорилось об обычае писать имена на княжеских гробницах (*А. Димитриев.* По поводу статьи г. Костомарова «Церковно-историческая критика в XVII в.» — ЧОИДР, 1871, кн. 4, стр. 55).

[94] См., например: ПСРЛ, т. XVIII, стр. 74; т. XXV, стр. 150.

т. е. татар, в Степенной книге цитируется стих 19 LXXXVII псалма (стр. 337). Во второй редакции XVII в. эта цитата заменена стихами 12—13 из псалма XXXVII (л. 40 об.). К приведенному в Степенной книге стиху 1 из псалма XV (стр. 339) в переделке XVII в. добавлены стихи 2 и 3 того же псалма (л. 50 об.). Псалтирь, следовательно, явилась дополнительным источником при составлении жития Михаила Тверского.

Обобщая данные об источниках Повести во второй редакции XVII в., находим, что основными источниками памятника были Степенная книга и житие Александра Невского в редакции И. Думина, а вспомогательными — надписи в соборе, возможно, какая-то летопись и Псалтирь.

Остается неясным, откуда составитель позаимствовал введение к житию и заключение. Судя по его литературной манере — выписки из других источников составляют более $^{9}/_{10}$ (по объему) всего текста жития Михаила,— эти части он также откуда-то списал. Н. И. Серебрянский полагал, что предисловие скопировано с предисловия к сербскому житию Ромила, но это не так, текст в житии Ромила иной[95]. Ничего определенного нельзя сказать и относительно источника заключения жития тверского князя.

Следующее за житием Похвальное слово Михаилу Тверскому, или, как оно называется в списках, «Похвала блаженному» (л. 94) от начала до слов «похвалою утвержение стяжа» (л. 97 об.) списано с очень небольшими отклонениями с Похвального слова Дмитрию Донскому в редакции все той же Степенной книги (стр. 406—407). Дальнейший отрывок Похвалы от слов «Ты же, о богоспасаемыи граде Тверь, рцы ми» (л. 97 об.) до слов «и поборникъ бысть имъ во бранѣхъ и пособникъ» (л. 99 об.) представляет собой несколько сокращенный текст Похвального слова Александру Невскому, сочиненного И. Думиным (стр. 119—120). Следующий затем текст от слов «приснопомнимыи же градъ твои» (л. 99 об.) до слов «и от всѣхъ злыхъ свободи» (л. 100) заимствован из того же источника (стр. 122), но в Похвальном слове Александру Невскому соответствующий отрывок помещен гораздо ниже того текста, который перед этим был списан составителем Похвалы Михаилу. В заключительной части Похвалы от слов «аз же недостоиныи не возмогох преславно державного имене и добродѣтелнаго жития твоего по достоинству написати» (л. 100) до конца ее автор вновь возвращается к Похвальному слову Дмитрию Донскому, помещенному в Степенной книге (стр. 407), переписывая его, как обычно, с незначительными сокращениями и изменениями, главным образом в завершающей формуле.

---

[95] Ср. «Гласникъ Србске словесности», свезка IX. У Београду, 1857, стр. 252, а также: *П. А. Сырку.* Монаха Григория житие преподобного Ромила, стр. 1—3. Последняя работа осталась не известной Н. И. Серебрянскому.

Статья об обретении мощей Михаила Тверского описывает события 1634 г. После смерти патриарха Филарета его сын царь Михаил Федорович прислал в Тверь деньги на поминки отца. Тверской архиепископ Евфимий воспользовался присланными средствами для ремонта Спасского собора. Во время ремонта и был обнаружен древний гроб Михаила. Мелкие подробности рассказа говорят о том, что он составлен по свидетельствам очевидцев. Сообщается, в частности, что около гробницы Михаила было много угля, что соответствует предыдущему сообщению той же статьи о пожаре Твери, от которого пострадал собор; что древодел Назарий, которому поручили починить гроб, вынул из него немного инея (дело происходило 18 ноября); что во время торжественного молебна по случаю обретения мощей 24 ноября 1634 г. в церкви не было простого народа, а только церковный причт и дети боярские владычного двора и т. п.

В той же статье об обретении мощей заголовками выделены легенды о чудесах Михаила Тверского. Первая сообщает об исцелении некоего мужа Даниила Мельницына, около полугода пролежавшего в параличе. Исцеление произошло 27 ноября 1634 г., вскоре после обретения мощей тверского князя.

Вторая легенда рассказывает, как в 1606 (7114) г. к Твери подступили поляки. Склонив на свою сторону тверских воевод, они захватили город и пришли в кельи тверского архиепископа Феоктиста. Феоктист в это время молился перед иконой Михаила Ярославича. Взглянув на икону, поляки будто бы узнали в тверском князе воина, который выезжал на белом коне из города и поражал их войска.

В третьей говорится об исцелении какой-то Акилины. Ее муж Иосиф привез жену к «благотворной» раке, и Акилина выздоровела. В последней легенде нет точных дат. Но поскольку речь идет об исцелении у гроба Михаила, следует думать, что рассказ относится ко времени не ранее 1634 г., когда была открыта гробница тверского князя.

Обычно легенды о чудесах святых следуют друг за другом в хронологической последовательности. В данном случае такая последовательность нарушена. Легенда о Михаиле на белом коне помещена после рассказа о событии 1634 г. Присматриваясь к ней ближе, можно обнаружить, что здесь получили отражение некоторые реальные факты. Тверь действительно была захвачена поляками и русскими из тушинского лагеря. Ворвавшись в город, они ограбили городские церкви, сняли и увезли иконы из Спасского собора[96]. Тверской владыка Феоктист был ими убит[97]. Однако это случилось не между 1 сентября 1605 г.— 31 августа 1606 г., как это определяется в легенде, а значительно

---

[96] ГИМ, ОПИ, ф. 440, д. 376, л. 13.
[97] «Сказание Авраамия Палицына». М.— Л., 1955, стр. 123.

позднее — примерно в начале 1609 г.[98] Правда, в 1606 г. к Твери подходили войска И. Болотникова, но это было не в августе, а в октябре — ноябре[99]. Хронологическая неточность легенды, такие детали, как рассказ о Михаиле на белом коне, свидетельствуют о том, что легенда возникла на основании литературных образцов в довольно позднее время[100]. Вероятнее всего, литературная запись легенды сделана составителем сборника о Михаиле Тверском, который включил ее в рассказ о чудесах, нарушив, тем самым, его хронологическую последовательность[101].

Что касается двух других легенд, то автор никаких особых подробностей в них, кроме личных имен[102], не сообщает.

Описание исцелений сделано по одному трафарету. Это относится не только к Даниилу Мельницыну и Акилине, но и к древоделу Назарию, у которого после того, как он вместо мощей Михаила вынул из его гроба иней, заломило руку. Назарий «чудесно» излечился только на пятый день, в день памяти Михаила Тверского.

Описание исцеления Назария	Описание исцеления Даниила Мельницына	Описание исцеления Акилины
«и утвердися рука его, яко же бѣ прежде, и не бысть болѣзни» (л. 87)	«и бысть здравъ, яко же николи же имѣяше болѣзни» (л. 69)	«и отъиде в домы свои здрава, яко николи же имяше болѣзни» (л. 94)

В рассказах о самих излечившихся виден литературный шаблон. О Назарии сказано, что он «часто взираше на икону святаго, иже над гробомъ его» (л. 86 об.), Даниил Мельницын также «взираше на икону святаго, иже бѣ над гробомъ его» (л. 68 об.). Назарий исцелился после того, как прочли молитву, и архиепископ «осѣни его животворящимъ крестомъ с мошми и покропи святою водою» (л. 87), подобным образом исцелился и Даниил Мельницын, только его осенили не «животворящим» крестом, а «честнымъ» (лл. 68 об. — 69). Назарий пал на землю у гроба Михаила, «плачася на многъ часъ» (л. 87 об.), так же плакался «на многъ часъ» и Даниил Мельницын, лобызая при этом «икону святаго» (л. 69).

---

[98] ГИМ, ОПИ, ф. 440, д. 376, л. 13.

[99] *И. И. Смирнов*. Восстание Болотникова, 1606—1607. М., 1951, стр. 189—190.

[100] Рассказ о явлении Михаила на белом коне мог быть навеян рассказом о явлении в белом облаке князя Александра Невского на коне. Рассказ помещен в редакции жития Александра Невского И. Думина и в Степенной книге (*В. Мансикка*. Указ. соч., приложение, стр. 105; ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, стр. 569).

[101] Как видно из статьи об обретении мощей, в 1634 г. тверской архиепископ и причт Спасского собора даже не знали, где находился гроб Михаила. Видимо память о тверском святом была слаба, и ни одно событие до 1634 г. не способствовало проявлению какого-либо интереса к нему.

[102] Только о Данииле Мельницыне сказано, что он не мог владеть ни руками, ни ногами, ни говорить, и «пребывшу же ему тою болѣзнию одержиму мало не полгодишному времени», излечился 27 ноября 1634 г. (лл. 91 об. и 68).

Подобный характер легенд о чудесных исцелениях бесспорно указывает на их более позднюю литературную обработку. Последняя заметна и в основной части статьи. Здесь приведен стих 30 из II главы Второй книги Царств (л. 79). Такая же цитата помещена в житии Александра Невского Ионы (Думина) (стр. 54) и в разбираемой (л. 19—19 об.) редакции жития Михаила. О Спасском соборе в статье об обретении мощей сказано, что его создал «великий князь Михаилъ Ярославичь в лѣто 6793-го» (л. 78 об.). Идентичное сообщение есть и в тексте жития Михаила (лл. 20 об.—21). Как показано было выше, оно восходит к Степенной книге. Попало ли это сообщение в статью об обретении мощей из жития или из Степенной книги, установить трудно, но влияние этих источников несомненно. С житием статью роднит и одинаковая лексика. В житии слово «сани» Степенной книги заменено словами «возило» и «возилище». Тот же термин встречается и в статье об обретении мощей: «привезше его [Мельницына.— *В. К.*] на возилищи» (л. 68 об.).

Из анализа статьи об обретении мощей князя Михаила в 1634 г. и о чудесах у его гроба становится ясным, что она была по меньшей мере обработана составителем жития Михаила Тверского. Казалось бы, можно считать, что статья целиком написана этим составителем на основе личных припоминаний. Однако такое предположение едва ли приемлемо. Мелочная точность в ряде мест повествования об открытии гробницы Михаила дисгармонирует с невыразительным, шаблонным рассказом о чудесах, три из которых совершились около того же времени. Такая бьющая в глаза разница объясняется, видимо, разными источниками статьи. В первом случае составитель воспользовался записями или воспоминаниями очевидцев, во втором — основным было собственное творчество. В качестве вспомогательных источников в статье использованы житие Михаила, возможно, Степенная книга и житие Александра Невского в редакции И. Думина.

Статья о переложении мощей Михаила — последняя в сборнике. И события в ней описаны самые поздние: переложение останков тверского князя из каменной раки в деревянную 30 сентября 1654 г. С тех пор было установлено новое церковное празднование Михаилу — переложение его мощей. Событие это, как показал В. О. Ключевский, послужило поводом для написания новой редакции Повести и составления всего сборника, посвященного Михаилу. Написана статья, бесспорно, очевидцем. Только очевидец мог сказать о том, что гроб Михаила открывали архиепископ и эконом соборной церкви (л. 107 об.), что мощи были покрыты новой белой камкой (л. 109), что 30 сентября 1654 г. стольник Роман Боборыкин пожертвовал на гроб ценную плащаницу (лл. 109 об.—110; сама плащаница описана в деталях). Вместе с тем в статье есть и литературные заимствования. Большой отрывок от слов «о семъ убо самъ господь прит-

чею явѣ поучаетъ» (л. 107 об.) до слов «[неудобно][103] богоименитому сему и велехвалному сокровищу» (л. 108) тождествен тексту жития Михаила Тверского (л. 19 об.) и восходит к житию Александра Невского в редакции И. Думина (стр. 54). Из жития Михаила в статью о переложении мощей попал текст от слов «яко же господь рече пророкомъ» до слов «всякою казнию не пощажу васъ» (л. 105—105 об.; ср. л. 23—23 об.; в статье текст незначительно переделан по сравнению с житием). Отметим и одинаковую лексику жития и статьи о переложении мощей: неделя названа седмицей (лл. 38 и 107).

Таким образом, сборник, куда вошли Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского (житие), Похвальное слово ему, статья об обретении мощей Михаила Ярославича и о чудесах у его гроба, статья о переложении мощей, был написан на основании двух главных источников: Степенной книги и жития Александра Невского в редакции И. Думина. Если учесть, что сочинение И. Думина встречается преимущественно в Степенных книгах[104], то становится понятным, что в руках у составителя сборника была именно Степенная книга в поздней редакции, откуда он и черпал материал для своей работы. В то же время использование одного источника во всех четырех статьях сборника свидетельствует о его написании одним автором. Дополнительными источниками автору послужили свидетельства очевидцев обретения мощей Михаила в 1634 г., надписи в тверском Спасском соборе, Псалтирь, возможно, летопись, и, конечно, собственные наблюдения, когда он писал о переложении мощей тверского князя.

Рассказ о последнем событии проливает свет на личность писавшего и на время составления всего сборника. В. О. Ключевский полагал, что статью о переложении мощей Михаила Ярославича и сборник в целом написал тверской архиепископ Лаврентий, при котором мощи тверского святого были переложены в деревянную раку[105]. Однако о Лаврентии в упомянутой статье сказано, что он «последи» стал митрополитом Казанским и Свияжским (л. 105). Перевод Лаврентия из Твери в Казань состоялся 26 июля 1657 г.[106] Ясно, что статья о переложении мощей была написана после нового назначения Лаврентия и, конечно, не им. Ответ на вопрос об авторстве заключается в той самой фразе, на которую обратил внимание еще В. О. Ключевский: «узаконихом и гробъ его святаго открывати в церковное славословие»[107]. Установление нового празднества Михаилу

[103] В рукописи ГБЛ, ф. 310, № 341 — пропуск; восстановлено по ГБЛ, ф. 256, № 364, л. 270 об.
[104] *В. Мансикка.* Указ. соч., приложение, стр. 49.
[105] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 354, прим. 1.
[106] *П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви, стлб. 443.
[107] В рукописи ГБЛ, ф. 310, № 341 — пропуск; цит. по: ГБЛ, ф. 256, № 364, л. 271.

было совершено Лаврентием вместе с собором тверского духовенства. Поскольку авторство Лаврентия отпадает, подобную фразу мог написать один из участников такого собора. Судя по всему, это был клирик тверского Спасского собора. Его и следует считать автором статьи о переложении мощей и всего сборника о Михаиле Тверском.

Сборник был составлен после 26 июля 1657 г. Дату можно уточнить. Переложение мощей случилось в «достоприятное архипастырство святѣишия великия соборныя апостолския Российския церкви священноначалника великого архиерея святѣишаго Никона, архиепископа великого царьствующаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии патриарха» (лл. 103 об.—104). Так пышно титуловать Никона можно было до его самовольного удаления с патриаршества 10 июля 1658 г.[108] Сборник, следовательно, был написан между 26 июля 1657 г. и 10 июля 1658 г.

Исследуемая редакция не является лишь механическим объединением ранее существовавших текстов. Ее составитель проделал значительную стилистическую и идейную обработку своего источника — Степенной книги, почему и можно говорить о новой редакции Повести. В новой переработке была изменена лексика источника — Степенной книги: «великому же князю Андрею Александровичю преставльшуся» (стр. 333) — «великому князю Андрею Александровичю о господѣ конецъ жития приимшу» (л. 21—21 об.); «азъ исправлюся» (стр. 334) — «азъ исправление о семъ сотворю» (л. 27); «крестъ целовавше» (стр. 335)—«клятву положивше» (л. 31 об.); «зане же обаженъ» (стр. 336) — «поне же оболганъ» (л. 34); «минетъ гнѣвъ» (стр. 336)—«престанетъ гнѣвъ» (л. 34 об.); «чьто ми рекли» (стр. 336) — «что ми изнесли есте рѣчь» (л. 36 об.); «виноватаго же казни предати» (стр. 336) — «неистинствовавшаго же мучению предати» (л. 36 об.); «грамоты» (стр. 336) — «епистолия» (л. 37); «поиде» (стр. 337) — «шествоваше путемъ» (л. 41 об.); «въ первую честь вводитъ» (стр. 339) — «в первыи санъ его вводит» (л. 47 об.); «кони готови» (стр. 340)—«снузницы готови» (л. 53); «ссѣдше съ коней» (стр. 340) — «ссѣдше с клюсятъ» (л. 54 об.); «увиша ужи» (стр. 341) — «стягнуша ужи» (л. 57). Слово «телега» Степенной книги (стр. 341, 342) заменено словом «колесница» (лл. 57, 66), а «сани» (стр. 341, 342)—«возилом» (лл. 62, 66).

В житии Михаила ясно чувствуется рука клирика, подчеркивавшего роль и значение тверского епископа, желание сподвижников князя сложить свои головы в борьбе с Юрием и Кавгадыем прежде всего за «святые церкви».

---

108 *А. А. Покровский.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие, отд. оттиск из «Трудов XV Археологического съезда в Новгороде», т. II. М., 1916, стр. 108.

Житие Михаила Тверского	Степенная книга
«Михаилъ призва отца своего святѣишаго епископа» (л. 26 об.)	«Михаилъ призва епископа своего» (стр. 334)
«всесвященныи же епископъ и князи и боляре его» (л. 27—27 об.)	«Они же» (стр. 334) (речь идет о советниках Михаила.—*В. К.*)
«А мы хощемъ за святыя церкви и за тебя и за отечество державъства твоего души своя положити» (лл. 27 об.—28)	«А мы за тебя хощемъ животомъ своимъ потягнути» (стр. 334)
«веземъ благословение у святѣишаго епископа своего» (л. 32)	«благословяся у епископа своего» (стр. 335)
«дадите ми богогласную Псалтыръ» (л. 51 об.)	«дадите ми Псальтырь» (стр. 339)
«боголюбивыи же епископъ Варсонофии» (л. 67 об.)	«епископъ Варсонофий» (стр. 342)

О тверском происхождении автора жития свидетельствуют некоторые добавления, которые он сделал к тексту в Степенной книге: Михаил «возвратися во свое отечество» (стр. 335), в житии к этому добавлено «в славныи градъ Тверь» (л. 30 об.).

Через все повествование о Михаиле проходит идея о его мученической гибели. Этого редактор жития достигает путем стилистической обработки тех мест Повести в Степенной книге, где говорится о Михаиле.

Житие Михаила Тверского	Степенная книга
«взложиша на честную его и многострадалную выю» (колоду.— *В. К.*) (л. 40 об.)	«возложиша на выю его» (стр. 337)
«И веземъ блаженныи побѣдоносець» (л. 50—50 об.)	«и веземъ» (стр. 339)
«Сеи же богомудрыи вѣнечникъ» (л. 52)	«сей же» (стр. 339)
«Он же благоразумныи храборъ рече» (л. 53)	«Онъ же рече» (стр. 340)
«покрыти честное и многострадалное блаженнаго Михаила тѣло» (л. 57)	«прикрыти тѣло его» (стр. 341)
«И довезоша блаженнаго сего побѣдоносца честное и многострадалное тѣло до царствующаго великаго града Москвы» (л. 63—63 об.)	«и довезоша его до Москвы» (стр. 342)

Подобные примеры можно было бы увеличить. Но и из приведенных достаточно ясно видно, что автор обрабатывал свой источник, стремясь подчеркнуть святость тверского князя.

Если по отношению к Михаилу автор жития находит слова, высоко возносящие князя, то он не скупится на самые нелестные эпитеты, изображая Кавгадыя и татар. Возможно, подобная характеристика татар XIV в. у книжника XVII в. была вызвана происходившими на его глазах частыми столкновениями России

с Крымским ханством [109]. Во всяком случае отношение к татарам, убившим Михаила, в житии столь резко отрицательно, как ни в одной другой редакции Повести. И на это были, видимо, какие-то объективные причины.

Житие Михаила Тверского	Степенная книга
«Они же окаяннии» (л. 27 об.)	«Они» (стр. 334)
«противу ихъ беззаконныхъ» (л. 27 об.)	«противу имъ» (стр. 334)
«Он же треклятыи несытыи песъ» (л. 30 об.) (о Кавгадые.— *В. К.*)	«Онъ же» (стр. 335)
«с треклятымъ сыроядцомъ Кавгадыемъ» (л. 31 об.)	«съ Кавгадыемъ» (стр. 335)
«нечестивыи несытыи волкъ Кавгадыи» (л. 37 об.)	«нечестивыи Кавгадыи» (стр. 337)
«Оста единъ в рукахъ ихъ беззаконныхъ сыроядцевъ» (л. 40)	«Оста единъ въ рукахъ ихъ» (стр. 337)
«вслѣдъ царя нечестиваго» (л. 41 об.)	«послѣди царя» (стр. 337)
«нечестивыи же сыроядецъ злобѣсныи Кавгадыи» (л. 46 об.)	«нечестивыи же Кавгадыи» (стр. 338)
«треокаянныи несытыи сыроядецъ вхождаше» (л. 52)	«окаянныи Кавгадыи вхожаше» (стр. 339)
«иже и збысться беззаконному звѣрю Кавгадыю. О горе тебѣ, беззаконныи сыроядче, яко пролия кровь неповинную» (л. 59 об.)	«иже збысться безаконному Кавгадыю» (стр. 341)
Кавгадый «злѣ изпроверглъ еси окаянъную свою и злосмрадъную душу во дно адово» (л. 59 об.)	«злѣ изверже окаянныи животъ свои» (стр. 341)

Смысл всех рассмотренных изменений достаточно ясен. Тверской клирик писал такое сочинение о Михаиле Ярославиче, которое служило преимущественно церковным, назидательным целям. Поэтому в житие вводится подробный рассказ о благочестивом юном князе, скопированный с жития Александра Невского, тверскому святому воздается пышная похвала, списанная с Похвального слова Дмитрию Донскому. Гибель Михаила преподносится как высокий христианский подвиг. Вместе с тем подчеркивается иноверие татар, по приказу которых был убит Михаил, они подвергнуты резкому осуждению. Возможно здесь проявились не только религиозная нетерпимость православного церковника, но и его политические антипатии к татарам, в XVII в. еще тревожившим своими набегами Русское государство. Однако основные цель и смысл второй редакции XVII в. Повести о смерти в Орде Михаила Тверского, как и первой редакции XVII в.— религиозно-дидактические, служащие прославлению местного святого.

[109] Характеристику татарских набегов в первой половине XVII в. см.: *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948, стр. 434—436.

Выше были определены источники, характер их обработки, автор, место, время написания и идейная направленность Повести о Михаиле Тверском во второй редакции XVII в. За исключением источников, все остальное удивительным образом совпадает с тем, что удалось выяснить относительно Повести в первой редакции XVII в. Возникает естественный вопрос, в каком соотношении между собой находятся эти две переделки памятника. Обратимся к их сравнению.

Обе редакции XVII в. имеют общее место: рассказы об обретении и переложении мощей Михаила Тверского. Сопоставление рассказов помогает выяснить взаимоотношение редакций. О переложении мощей в первой редакции сказано столь кратко, что о каких-либо текстуальных совпадениях между рассказами обеих редакций говорить не приходится. С точки зрения фактической полноты рассказ в первой редакции значительно уступает рассказу второй. Что же касается рассказа об обретении мощей, то, несмотря на сокращения в первой редакции, его отдельные места буквально совпадают с текстом рассказа второй редакции.

Первая редакция XVII в. Повести о Михаиле Тверском	Вторая редакция XVII в. Повести о Михаиле Тверском
«и вложи богъ благую мысль в сердце святителю, да обретенъ будет гроб святого». (л. 35 об.)	«и вложи богъ мысль благу в сердце святителю, да обрѣтенъ будетъ гробъ святаго» (л. 79)
Назарий опустил руку в гробницу «и оттуду изем мало иния и зряше на него» (л. 36)	«и изятъ оттуту мало иния и дивлящеся, зря на него» (л. 84 об.)
О Данииле Мельницыне сказано: «тако повезоша его на возилищи»[110] (л. 37)	«и привезше его на возилищи» (л. 68 об.)
«и в тои час разслабленныи воста от земли, никому же его подымшу, и бысть здрав, яко николи же имѣя болѣзни» (л. 37)	«и в тои часъ разслабленныи скоро воста от земли, никому же его подъимшу, и бысть здравъ, яко же николи же имѣяше болѣзни» (л. 69)
Об Акилине: «жена бѣ нѣкая именем Акилина того же града, случися болѣзнь, жилам бо ея скорчившимся, пребысть тако многое время... и приведена бысть мужем своимъ Иосифом ко гробу святого, и молебная совершивше, и вскорѣ исцеление получи молитвами святого, и отъиде в дом свои здрава» (л. 37 об.)	«Жена бѣ нѣкая именемъ Акилина, случися же еи болѣзнь тяжкая зѣло, яко и жиламъ ея скорчившимся, и тако пребысть многи дни стражда... Муж же ея Иосифъ едва приведе ко гробу святаго, и молебная совершивше, и тако вскорѣ исцеление получи молитвами его, и отъиде в домы свои здрава» (лл. 93 об.—94)

Приведенные чтения указывают на явную близость и определенную зависимость редакций друг от друга, что представляется весьма важным для установления авторства обеих переработок. Поскольку в первой редакции XVII в. рассказ об

[110] Термин «возилище» характерен для второй редакции Повести 50-х годов XVII в.

обретении и переложении мощей сокращен и в нем отсутствуют многие конкретные черты, имеющиеся во второй редакции, то нельзя считать, что вторая редакция произошла непосредственно из первой.

В то же время анализ текстов показывает, что в первой редакции, несмотря на сокращение, есть несколько деталей, отсутствующих во второй. Так, в первой редакции сказано, что тверской собор св. Спаса был основан Михаилом в 6806 г.; о древоделе Назарии добавлено, что увидев иней, он «мысляше нелѣпо» (л. 36), а Даниил Мельницын обрел способность двигаться после того, как его «приложиша» евангелием (л. 37). Всего этого нет во второй редакции, хотя последний эпизод есть в описании исцеления, но не Мельницына, а Назария. Наконец, в первой редакции ничего не сказано о явлении полякам Михаила на белом коне. Как выяснено выше, рассказ этот является вставкой, нарушающей хронологическую последовательность рассказов о чудесах Михаила во второй редакции Повести. Объяснить первые три из указанных отличий можно двояко: или их внес автор первой редакции, который в таком случае не только сокращал, но и дополнял свой источник — вторую редакцию, или они ведут к третьему источнику, общему первой и второй редакциям.

Рассмотрим обе возможности. При предположении, что первая редакция возникла из второй, сталкиваемся с определенными трудностями. Из подобного заключения с необходимостью вытекает, что составитель первой редакции должен был быть знаком не только со статьями об обретении и переложении мощей во второй редакции, но со всем сборником, включавшим также житие Михаила и Похвальное слово ему. Если так, то непонятным оказывается весь ход работы автора первой редакции. Имея в руках сборник статей о Михаиле, он почему-то использовал только статьи об обретении и переложении мощей, причем из первой статьи он выпустил легенду о втором чуде Михаила, являющуюся вставкой во второй редакции, а житие и Похвальное слово тверскому князю заменил совершенно новыми произведениями. В последующее же время распространение получила более ранняя вторая редакция, а не переработавшая ее первая. Подобные противоречия заставляют отнестись отрицательно к возможности происхождения первой редакции из второй.

Поэтому следует принять второе объяснение: оба рассказа об обретении и переложении мощей восходят к третьему источнику. Судя по чтениям статьи об обретении мощей первой и второй редакций, их общий источник был составлен поздно, когда многие конкретные штрихи событий 1634 г. стерлись в памяти и о них остались неясные припоминания. Наличие же в третьем источнике рассказа о переложении мощей ведет ко времени после 30 сентября 1654 г. Автор этого источника, взяв-

шись описывать чудеса у гроба местного князя, был, конечно, связан с Тверью и со Спасским собором. Но существование в Твери нескольких авторов, писавших в одно время о Михаиле Тверском, да еще и списывавших тексты один у другого, представляется чрезвычайно сомнительным. Вероятно иное: обе редакции написаны одним лицом и отражают разные этапы его литературной работы.

Помимо совпадений данных об авторе, времени и месте написания, общей идейной направленности обеих редакций, о чем говорилось выше, укажем на другие черты, позволяющие приписывать обе редакции одному писателю. Следует отметить, например, такую деталь, как то, что Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского в первой (косвенное указание) и во второй (в заголовке) редакциях называется «житием». Одинаков план обоих сборников: и в том, и в другом помещены Повесть о Михаиле, Похвальное слово ему, рассказы об обретении и переложении мощей. Тождественна писательская манера: и в первом, и во втором сборниках дублируются фразы и даже целые куски текста. Идентичен и авторский замысел: создать цикл церковно-назидательных рассказов о тверском князе. Совокупность показаний первой и второй переделок в XVII в. Повести о Михаиле Тверском заставляют признать, что обе редакции были написаны по случаю установления церковного праздника — переложения мощей Михаила Тверского 30 сентября 1654 г. причетником тверского Спасского собора, очевидцем и участником описанного им события.

Возвращаясь к вопросу о том, какая же редакция более ранняя, в свете полученных данных такой должна быть признана первая редакция. В первом варианте меньше дидактического материала, не так выпукло обрисованы страдания князя и происки татар. Менее совершенна и композиция первой редакции. Рассказы об обретении и переложении мощей тверского князя были помещены в Похвальном слове ему, очевидно, под влиянием источника Слова — Похвалы Варлааму Хутынскому. Во второй редакции XVII в. Повести о Михаиле Тверском эти рассказы получили оформление уже в виде самостоятельных статей.

Рассказ об обретении мощей в первой редакции кажется более первоначальным, чем во второй. В этом рассказе еще не было легенды о явлении Михаила полякам. В легенде о Данииле Мельницыне его исцеление первоначально описывалось, очевидно, совершенно в тех же выражениях, что и Назария. В первой редакции сохранился отрывок, согласно которому Мельницын «начат помалу двизатися» как только к нему поднесли евангелие. Абсолютно то же самое читаем о Назарии. Во второй редакции указанный отрывок был удален с целью избежать полного тождества в рассказах об исцелении Даниила и Назария.

Сообщение первой редакции о постройке Спасского собора Ксенией и Михаилом в 6806 г. во второй редакции автор заменил вставкой о строительстве собора Михаилом в 6793 г., восходящей к Степенной книге. Известие же о том, что собор строился по повелению Ксении и Михаила, он поместил в текст жития. Наконец, поскольку обе редакции принадлежат одному автору, а распространение получила только вторая, то очевидно, что именно ее автор считал окончательной. Как законченная, вторая редакция должна быть признана более поздней, а первая — ее предшественницей.

Можно догадываться о причинах, побудивших тверского клирика забраковать первый вариант своего труда. Его основной источник — список Пространной редакции Повести о Михаиле Тверском — был дефектен. К тому же в Пространной редакции была не так сильна и ярка учительная сторона рассказа о Михаиле, а именно она больше всего интересовала тверского книжника. Там не было и подробных сведений о детстве и юности Михаила, о тверском соборе св. Спаса, о предшественниках Михаила на Владимирском великокняжеском столе.

Такой материал нашелся в Степенной книге, очень популярной у русских читателей конца XVI—XVII вв. Преследуя свою цель — дать идеальный образ местного князя — автор жития сумел описать детство и юность Михаила, заимствовав из Степенной книги рассказ И. Думина о детстве и юности Александра Невского. Он включил в свое сочинение подробности о Спасском соборе, где служил сам, лирический Плач вдовы Михаила Анны, опять-таки использовав для этого Степенную книгу. Витиеватую похвалу Михаилу в первой редакции, списанную с Похвалы Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета, он заменил во второй редакции на не менее витиеватое Похвальное слово, составленное на основе Похвальных слов Дмитрию Донскому и Александру Невскому. Видимо, в этой замене немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что в Похвале Александру И. Думина причетник тверского Спасского собора нашел указанное выше сочинение Пахомия [111], причем обработанное как раз в том духе и стиле, какой ему нравился. Можно утверждать, что обращение автора жития Михаила Тверского на втором этапе работы к Степенной книге помогло ему гораздо лучше выполнить свою задачу как в идейном, так и в чисто литературном отношении. Здесь автор XVII в. более полно учел вкусы своих современников. И распространенность списков Повести во второй редакции XVII в. в какой-то мере свидетельствует о том, что сочинение тверского книжника нашло отклик среди читателей XVII и последующего века.

---

[111] В. Мансикка в своей работе не отметил того, что одним из источников сочинения И. Думина явилось Похвальное слово Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета (*В. Мансикка.* Указ. соч., стр. 197—199).

5. ПРОЛОЖНАЯ РЕДАКЦИЯ 1661 г. ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

Обычно считается, что появлению подробного княжеского жизнеописания предшествовала краткая проложная запись. Однако история Повести о Михаиле Тверском дает пример обратного соотношения. До 1661 г. русский Пролог не имел в своем составе статьи о Михаиле Тверском в особой, приспособленной специально для Пролога редакции[112]. Это относится не только к рукописным спискам Пролога, но и к первым его печатным изданиям[113]. Только в издание Пролога 1661 г.[114] была впервые включена статья о Михаиле. Под 22 ноября читается заголовок: «В тои же день святаго благовѣрного великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго»[115].

Появление и происхождение статьи о Михаиле Тверском, характер редакционной обработки ее источника могут быть правильно поняты только в связи с изучением всего издания Пролога 1661—1662 гг.

Сравнение этого издания с предшествующей публикацией Пролога в 1659—1660 гг. показывает, что редакторы-составители, или справщики, как их называли в XVII в., Пролога 1661—1662 гг. внесли в него 46 новых статей. Из них 39 были посвящены русским святым[116]. В основном это были святые, канонизированные русской церковью во второй половине XVI — первой половине XVII в. и почитавшиеся местно. Михаил Тверской,

---

[112] Пролог XVI в., указанный А. Лебедевым («Рукописи братства святого Креста в Саратове», вып. 1. Саратов, 1910, № 26), содержал, судя по описанию, Повесть о Михаиле Тверском в редакции Великих Миней Четий, а не в специальной проложной редакции. Список саратовского Пролога, кажется, единственный из Прологов XVI в., имевший статью о Михаиле Тверском. Рукописные списки проложной статьи о Михаиле Тверском не были известны и Н. И. Серебрянскому, который поэтому отказался от ее датировки (*Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., стр. 254, прим. 1).

[113] Первое издание сентябрьской половины Пролога вышло 29 августа 1641 г., мартовской — 6 декабря 1643 г. Второе издание сентябрьской половины — 16 декабря 1642 г., а третье — 1 июня 1659 г. Второе издание мартовской половины — 1 марта 1660 г. (*А. С. Зернова.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958, № 156, 163, 167, 282, 285).

[114] Это четвертое издание сентябрьской половины Пролога. Соответствующая ей мартовская половина вышла 17 марта 1662 г. (*А. С. Зернова.* Указ. соч., № 290 и 296).

[115] «Пролог» (сентябрь — февраль). М., 1661, л. 448 об. А. И. Пономарев перепечатал эту статью в «Памятниках древнерусской церковно-учительной литературы» (вып. II. СПб., 1896, стр. 53—54), но с Пролога издания 1675 г. и не вполне точно.

[116] «Пролог». М., 1661, лл. 49—50, 112 об.—112_3 об., 190—191, 258—258_2, 443 об.— 450; 63—63_2, 311 об.— 311_3, 334 об.— 336 об., 413 об.— 430; «Пролог». М., 1662, лл. 20—21, 21—21 об., 72 об.— 74, 74 об.— 75, 82 об.— 83 об., 225 об.— 226 об., 399—407 об., 452 об.— 453 об., 458—460 об., 464 об.— 466, 466—468 об., 481 об.— 484 об., 486 об.— 490, 499—500, 500—502 об., 511 об.— 514; 23—24, 51 об.— 52, 76 об., 134—134 об., 146—147, 168—170, 176—179, 252, 285—285 об., 305 об.— 306, 319—319 об., 424 об.— 426, 432—434, 454—454 об.

хотя и был канонизирован еще при митрополите Макарии в 1549 г.[117], попал, таким образом, в число второстепенных русских святых.

Источников, откуда справщики московского Печатного двора брали материал для пополнения Пролога 1661—1662 гг., было несколько[118]. Некоторые статьи, посвященные русским князьям, обнаруживают стереотипное начало, в котором перечислялись родственники и предки основных персонажей проложных рассказов. Такой стереотип заставляет предполагать использование определенного источника. Косвенное указание на него содержится в статье о московском князе Данииле Александровиче, который «бысть девятый степень» от киевского князя Владимира Святославича[119]. Сопоставление со Степенной книгой, содержащей расположенные по «степеням» княжеские биографии, показывает, что проложная статья о Данииле Московском составлена именно по этому источнику. Обнаруживается, что на основании Степенной книги были написаны проложные статьи под тем же 4 марта о Васильке Константиновиче Ростовском, а также под 14 марта о митрополите Феогносте, под 7 апреля о переяславском игумене Данииле, под 20 мая о перенесении мощей митрополита Алексея, под 23 мая о княжне Евфросинии Полоцкой, под 5 июня о князе Игоре Ольговиче, под 7 июля о княгине Евдокии — Евфросинии[120]. Из Степенной книги справщики Печатного двора выбирали главные факты и на их основе составляли краткие статьи о святых, придавая таким рассказам религиозно-назидательную окраску. Тем самым они добивались целей, которым и служил Пролог[121].

Статья о Михаиле Тверском в Прологе 1661 г. под 22 ноября также была составлена по Степенной книге. Правда, возникает мысль, не использовали ли справщики Повесть о смерти Михаила во второй редакции 50-х годов XVII в., написанную на основе все той же Степенной книги. Н. И. Серебрянский, например, отвечал на это утвердительно[122]. Но такое предположение приходится отвергнуть. Помимо общего указания на то, что источни-

---

[117] *Е. Е. Голубинский.* История канонизации святых в русской церкви.— ЧОИДР, 1903, кн. 1, стр. 104, ср. стр. 67.

[118] Так, для мартовской половины Пролога одним из дополнительных источников послужил Стишной пролог. См. вставки под 10 и 25 марта, 17, 18, 22 и 24 апреля.

[119] «Пролог». М., 1662, л. 20.

[120] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 333—342; 296—297, 298; 266—267; т. XXI, ч. 2, стр. 345—346; 615—616, 620—621, 625; 364—369; т. XXI, ч. 1, стр. 207—219; 203—206; т. XXI, ч. 2, стр. 408—409, 411.

[121] *А. И. Пономарев.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. II, стр. XV—XXI.

[122] *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., стр. 254, прим. 1. Н. И. Серебрянский полагал, что проложная статья составлена на основании «подробных редакций», под которыми он подразумевал Пространную и вторую редакцию 50-х годов XVII в.

ком Пролога 1661—1662 гг. была Степенная книга, следует сослаться на отсутствие в краткой проложной статье о Михаиле тех фактов, которые были внесены во вторую редакцию XVII в. из вспомогательных источников. Вся фактическая часть проложной статьи целиком соответствует Повести в редакции Степенной книги.

Наконец, сопоставляя некоторые места проложной статьи о Михаиле с текстами Степенной книги и Повести о Михаиле Тверском во второй редакции 50-х годов XVII в., можно окончательно убедиться в том, что составители Пролога использовали именно Степенную книгу.

Статья о Михаиле Тверском в Прологе 1661 г.	Повесть о Михаиле Тверском в редакции Степенной книги	Повесть о Михаиле Тверском во второй редакции 50-х годов XVII в.
Михаил «внукъ великаго князя Ярослава, правнукъ же Всеволода Георгиевича Долгорукого» (л. 448 об.)	*Михаил* «внукъ великаго князя Ярослава, правнукъ Всеволода Юрьевича Долгорукаго» (стр. 333)	*Михаил родился* «от благочестиваго си отца богомудраго и державнаго великаго князя Ярослава Ярославича, внука великаго князя Ярослава, правнука великаго князя Всеволода Георгиевича Долгорукаго» (л. 15)
«преставльшуся двоюродному брату его, великому князю Андрею Александровичю Владимирскому» (л. 448 об.)	«брату же его изъ двуродныхъ, великому же князю Андрею Александровичю преставльшуся» (стр. 333)	«брату же его изъ двуродныхъ великому князу Андрею Александровичю о господѣ конецъ жития приимшу» (л. 21—21 об.)

Приведенные отрывки из Пролога почти точно повторяют соответствующие места Степенной книги, но не Повести о Михаиле Тверском во второй редакции 50-х годов XVII в.

Составители проложной статьи довольно тщательно выписали из Степенной книги факты, относящиеся к биографии Михаила Ярославича. При этом оказалось, что описание событий на Руси заняло две трети объема статьи, и лишь одна треть была посвящена пребыванию Михаила в Орде и его трагической гибели.

Сравнительно большее внимание к русским событиям в очень сжатом рассказе о Михаиле тем не менее не вносило ясности в суть борьбы Михаила с Юрием. Составители Пролога вовсе не интересовались политической оценкой спора Москвы и Твери за великое княжение Владимирское. Причину всех неурядиц они видели в нехристях-татарах. Хотя Степенная книга корень вражды русских князей усматривала в происках дьяво-

ла[123], составители Пролога объяснили ее по-своему: князей поссорили «лютии же поганцы татарове» (л. 448 об.).

Сам князь Михаил Ярославич наделен в проложной статье такими чертами, которые должны были лишний раз подчеркнуть его святость. Так, при описании совета Михаила с епископом, князьями и боярами перед выступлением против Юрия и Кавгадыя в проложной статье находим утверждение (в отличие от Степенной книги), что Михаил печаловался «слезнѣ о благочестивыхъ погибели» (л. 449), а при описании последнего свидания Михаила с сыном Константином сообщается, что Михаил поучал его «о всякои ползѣ душевнѣи» (л. 450).

Отмеченные вставки свидетельствуют о том, что составители проложной статьи о Михаиле стремились дать слушателю и читателю религиозно-нравоучительный материал, вполне сходный по своим целям и задачам (религиозное воспитание) с остальным материалом Пролога. В этом отношении работа справщиков Печатного двора была похожа на труд тверского клирика, переработавшего в XVII в. Повесть о смерти Михаила в его житие.

Появление статьи о Михаиле Тверском в печатном Прологе 1661 г. не было вызвано какими-либо конкретными событиями, связанными с памятью этого князя, а объясняется работой по внесению в указанное издание Пролога статей о русских святых. Насколько можно судить по сохранившимся документам Печатного двора, в XVII в. справщики над каждым изданием работали совместно. Когда печатали Пролог (18 января — 17 августа 1661 г. первая половина и 23 сентября 1661 г.— 17 марта 1662 г. — вторая), справщиками Печатного двора были Захарий Афанасьев, грек Арсений и старец Иосиф, позднее в штат был зачислен старец Александр Печерский, а во главе справщиков поставили Арсения Суханова[124]. Их и следует считать причастными к написанию проложной статьи о Михаиле Тверском.

Подведем некоторые итоги анализу редакций Повести о Михаиле Тверском в рукописных сборниках. Старшей из них является Пространная редакция памятника, списки которой бытовали по крайней мере в XV в. Другие редакции Повести в сборниках появились много позже. Возникновение этих редакций было

---

[123] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 333.

[124] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 56, лл. 422 об.— 423 об., 496 об.— 498 об.; кн. 62, лл. 1 об.— 3. Арсению Суханову и Александру Печерскому жалованье стали выплачивать с 1 марта 1661 г. (там же, кн. 56, л. 496 об.; см. также: *С. А. Белокуров.* Арсений Суханов. Часть 1. Биография Арсения Суханова.— ЧОИДР, 1891, кн. 2, стр. 431—432). Арсений грек не получал жалованья за 1 сентября 1661 г.— 1 марта 1662 г. (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 62, лл. 1 об.— 3), но жалованье за 1 сентября 1662 г.— 1 марта 1663 г. ему выдали (там же, кн. 63, л. 5 об.).

связано или с созданием крупных сборников, куда входил общерусский агиографический материал, или с возобновлением местного почитания тверского князя.

Серединой XVI в. датируется редакция Повести, помещенная в Великих Минеях Четьих. Она была написана в окружении митрополита Макария специально для ноябрьской Великой Минеи по материалам летописного свода, восходившего к московскому митрополичьему своду 60-х годов XV в., и Пространной редакции Повести. Включение памятника, прославлявшего соперника московских князей Михаила Тверского, в Великие Минеи Четьи, имевшие большое общерусское значение, поставило перед составителями Миней сложную задачу. Поэтому в основу новой переделки была положена такая редакция Повести, которая более других подверглась московской цензуре, в которой были изъяты места, рассказывавшие о кровавой междоусобной борьбе Юрия Даниловича Московского с тверским князем за великое княжение. Как и летописные переделки Повести XVI в., минейная редакция продолжала сохранять определенное политическое звучание, хотя здесь и появляются первые признаки приспособления памятника исключительно к церковным нуждам.

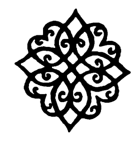
После макарьевской редакции работа над памятником замерла более чем на столетие. Она возобновилась только в середине XVII в. Две переработки конца 50-х годов XVII в. появились в результате установления нового празднования Михаилу Тверскому — на перенесение его мощей. Первая из них была основана на Пространной редакции Повести, вторая — на редакции памятника в Степенной книге. Обе переработки имели узкоместное значение.

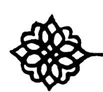
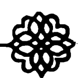
Статья о Михаиле Тверском в печатном Прологе 1661 г. была составлена специально для этого издания на материале той же Степенной книги и вошла в Пролог наряду с другими многочисленными статьями о малопочитаемых русских святых.

Вообще в рассказе о событиях XIV в. все редакции в сборниках, начиная с Великих Миней Четий, неоригинальны и в этом отношении не дают какого-либо материала историку. Они целиком построены на предшествующих редакциях памятника, причем переработки Повести о Михаиле в макарьевских Минеях, в Прологе 1661 г., а также вторая редакция 50-х годов XVII в. оказываются основанными на поздних летописных версиях рассказа о гибели тверского князя.

Однако идейная эволюция памятника в сборниках, понимание и оценка событий прошлого составителями редакций XVI—XVII вв. чрезвычайно интересны и весьма показательны для некоторых направлений развития русской культуры и общественной мысли того времени. Особенно большие изменения памятник претерпел в XVII в. В XVII в. Повесть о смерти Михаила Твер-

ского сильно деформировалась. Ее или чрезмерно сокращали, как в проложной статье 1661 г., или непомерно расширяли, привлекая материалы, зачастую не имевшие никакого отношения к истории тверского князя. В последнем случае получались произведения, разбавленные всевозможными сентенциями, поучениями, прямыми домыслами, искажавшими историческую суть события. Авторы XVII в. стремились развить церковно-учительные идеи Повести о Михаиле, зачастую пренебрегая всеми остальными. Поэтому в переработках XVII в. не видно того более широкого исторического и политического интереса к памятнику, какой еще сохранялся в XVI в.

Глава IV

ДРЕВНЕЙШАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО. ПОВЕСТИ О МИХАИЛЕ ТВЕРСКОМ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XV—XVII вв.

Анализ Повести в летописных сводах позволил выделить две старшие летописные редакции, сохранившиеся до настоящего времени: редакцию Софийской I летописи старшего извода и редакцию Рогожского летописца и близких к нему сводов. Сравнение их показало, что они восходят к одному источнику, причем в Софийской I летописи рассказ о смерти Михаила более подробен, содержит целый ряд фактических деталей, которых нет в Рогожском летописце, и сохраняет, таким образом, более древние черты. В Рогожском летописце повествование о гибели тверского князя сильно сокращено. Здесь был сокращен текст, сходный с текстом Софийской I летописи. В то же время в Рогожском летописце есть чтение более древнее, чем в Софийской I летописи. И тверской, и московский летописный варианты Повести по-разному передали особенности своего общего источника — Повести о Михаиле в недошедшем тверском своде 1409 г. Изучение редакций Повести в рукописных сборниках приводит к выводу о том, что старшей среди них является Пространная редакция памятника. Налицо, таким образом, три старшие редакции Повести, две из которых имели общий источник.

Теперь необходимо сравнить с двумя старшими летописными редакциями старшую редакцию сборников — Пространную. Сопоставление следует начать с редакции памятника в Софийской I летописи старшего извода как более подробной и стоящей ближе к начальному рассказу.

1. ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ И РЕДАКЦИЯ СОФИЙСКОЙ I ЛЕТОПИСИ СТАРШЕГО ИЗВОДА ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

Даже самое поверхностное сравнение Пространной редакции Повести с летописной статьей 6827 г. Софийской I летописи старшего извода показывает, что это две различные редакции произведения: в Пространной редакции имеется довольно обширное предисловие и послесловие, которых нет в Софийской I

летописи[1]. Если оставить в стороне предисловие и послесловие Пространной редакции и обратиться к ее основной части (текст от слов «Сеи блаженыи приснопамятныи и боголюбивыи великии князь Михаило бысть сынъ великого князя Ярослава», л. 33, до слов «по томъ же лѣто все стояло на Москвѣ, обрѣтеся все тѣло цѣло и красно, а не истлѣвше», л. 50), то оказывается, что эта часть чрезвычайно близка тексту Софийской I летописи старшего извода[2]. Однако полного тождества нет[3].

Прежде всего в Пространной редакции отсутствует титул «великий князь» по отношению к Юрию Даниловичу, что должно быть объяснено антимосковской направленностью памятника. Михаил Ярославич в этой редакции титулуется «великим князем» лишь тогда, когда речь идет о времени его действительного великого княжения во Владимире, и в заключительной части Повести, где тверской князь прославляется как мученик. После сообщения об уступке Михаилом великокняжеского стола Юрию тверской князь уже не называется «великим» (три-четыре исключения относятся к спискам осн. и П, восходящим к одному протографу). Таким образом, в Пространной редакции нет той индифферентности в титуловании обоих соперников в борьбе за Владимирское княжение «великими князьями», которая характерна для редакции Софийской I летописи старшего извода. Указанная разница дает материал для определения идейной направленности обеих редакций. Другие отличия позволяют решить вопрос, какая из двух рассматриваемых редакций древнее.

Основная часть Пространной редакции содержит целый ряд деталей фактического характера, а также мест, содержащих немало колких замечаний в адрес московского князя и его союзников. Подобных фактов и тенденциозности нет в Софийской I летописи старшего извода.

Пространная редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского	Редакция Повести в Софийской I летописи старшего извода
1. «и посаженъ бысть на столѣ дѣда [и — *доб. П, Т, Тих., М, К*] отца своего у святѣи Богородици въ Володимере» (л. 34)	«и посаженъ бысть на столѣ великаго княжения в Володимери» (О, л. 325; К, л. 395)

[1] В. О. Ключевский был неправ, когда принимал Пространную редакцию Повести и редакцию Софийской I летописи за одну редакцию памятника (*В. О. Ключевский*. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 170, прим. 1).

[2] В Пространной редакции Повести есть все те лишние фразы и лучшие чтения, которые отличают редакцию Софийской I летописи старшего извода от редакции младшего извода той же летописи (см. выше, стр. 78—79 и ср. ГБЛ, ф. 310, № 1254, лл. 33 об., 34, 37 об., 38 об.—39, 43 об., 44, 48, 50. Далее ссылки на Пространную редакцию даются в тексте по этому списку).

[3] При сравнении Пространной редакции Повести со списками О, К Софийской I летописи во внимание принимаются только совокупные показания всех списков Пространной редакции, с одной стороны, и списков О, К, с другой. Специально оговариваются те случаи, когда чтение общего протографа списков Пространной редакции сохранилось не во всех списках.

2. «княжения [великаго—*доб. Т, Тих., К,* в *М* — великого] отступилъся есмь брату моему молодшему» (л. 35 об.)	«княженья великаго есмь отступился брату моему» (О, л. 326 об.; К, л 396 об.)
3. «на другои странѣ в отчинѣ твоеи то же хотят сътворити» (л. 35 об.—36)	«другую страну тако же хотятъ пусту створити» (О, лл. 326 об.—327; К, л. 397)
4. «Сиа же побѣда сътворися мѣсяца декабря [въ — *доб. П, Т, Тих., М, К*] 22 день на паметь святыя мученици Настасьи въ день четвертокъ в год вечернии» (л. 36 об.)	«Си же побѣда сътворися мѣсяца декабрия въ 22 день» (О, л. 327 об.; К, л. 397 об.)
5. «и съгнувша Псалтырь и дасть отроку» (л. 46)	«и съгнувъ Псалтырь» (О, л. 336 об.; К, л. 406 об.)
6. «А дворъ же блаженааго разграбиша Русь же и Татарове, а имѣние русское повезоша к сѣбѣ в станы, а вежю всю расторгоша по дробну» (л. 47)	«Вежу же блаженаго разграбиша Русь и Татаровѣ» (О, л. 337; К, л. 407 об.)
7. «Ковгадыи же и князь Юрьи, всѣдше на кони, приехаша въскорѣ над тѣло. Ковгадыи же видѣ тѣло наго [повержено — *доб. Т, Тих., М, К*], лаяше съ яростью князю Юрью: «Не отець ли тебе бяшет князь великии?» (л. 47)	«Кавгадыи же и великии князь Юрьи приѣхаша въскорѣ надъ тѣло его; Кавгадыи же видѣ тѣло наго повержено, и глагола съ яростию, рка къ великому [му — *К*] князю Юрью [Юрью рка — *К*]: «Не братъ ли ти [тои—*К*] стареишии какъ отець князь великии» (О, л. 337 об.; К, лл. 407 об.— 408)
8. «[Единъ—*Т, Тих., М, К*] котыгою, еже ношааше, придѣде [приодѣ — *Т, Тих., М, К*] его, а другыи якыптом своим» (л. 47)	«[И се единъ прикры—*К*] тѣло его котыгою своею, юже ношаше» (О, л. 337 об.; К, л. 408)
9. «Нъ възлюблении князи русстии! Не прельщаитеся суетными мира сего и вѣка суетнаго и скороминующаго, иже хуже паучины минуетъ. Ничто же бо принесосте на свѣтъ сеи, ни отнести можете, злата и сребра или бисера многоцѣннаго, нежели градовъ и власти, о них же каково убииство сътворися. Но мы на первое возвращьшеся, сътворившеся чюдо да скажемъ» (л. 47 об.)	«Створившеся чюдо велико да скажемъ» (О, л. 338; К, л. 408 об.)
10. «И едва сладишася, и възя князь Юрьи множества сребра, а мощи блаженаго Михаила повелѣ отпустити во Тверь» (л. 49 об.)	«И едва умоливше князя великаго Юрья Даниловича; он же повелѣ отпустити тѣло блаженнаго» (О, л. 340; К, л. 410 об.)

Из приведенных разночтений достаточно ясно видно, что в Пространной редакции содержится новый материал против редакции Софийской I летописи. Относится ли этот материал к первоначальному тексту или добавлен позднее?

Примеры 1 (точное указание в Пространной редакции на церковь, где совершился обряд посажения Михаила на велико-

княжеский стол), 3, 4 (точное указание в Пространной редакции на день недели и время дня), 5, 6, 7, 8 и 10 показывают, что в Пространной редакции имеются фактические подробности, отсутствующие в редакции Софийской I летописи старшего извода. Такие детали ни в коем случае нельзя считать добавленными позднее в Пространную редакцию Повести о смерти в Орде Михаила Тверского. Без сомнения, они опущены позднейшим летописным сводчиком. Показателен в этом отношении пример 8. Он являет собой типичный случай опущения в последующих переделках первоначального текста непонятного слова [4].

Первоначальность данного чтения Пространной редакции Повести по сравнению с редакцией памятника в Софийской I летописи старшего извода может быть подтверждена дополнительным соображением. В обеих редакциях после рассказа о том, как люди Юрия своими одеждами прикрыли труп Михаила, сообщается о двух сторожах, приставленных московским князем к телу убитого. Двух сторожей следует отождествить с упомянутыми двумя слугами Юрия. Однако о двух слугах говорится только в Пространной редакции Повести, в Софийской I летописи — лишь об одном. Точное соответствие указаний Пространной редакции и последующего рассказа, сохраненного уже и той и другой редакциями, заставляет признать приведенное сообщение Пространной редакции старшим.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что большинство реалий, отсутствующих в Софийской I летописи, встречается в Пространной редакции в таком контексте, где подчеркивается исключительное право тверского князя на Владимирский стол (пример 1, отчасти 2 и 7) и резко осуждаются действия Юрия, не по дедине и отчине, в обход старшего князя получившего у татар великое княжение, а также русских союзников московского князя, способствовавших казни Михаила (примеры 6, 7, 9, 10). При рассмотрении редакций Повести в Софийской I летописи старшего и младшего изводов на ином материале была прослежена тенденция замолчать, приглушить распри и раздоры между русскими князьями, которые столь резко проявились в борьбе за великое княжение в начале XIV в., тенденция несколько обелить Юрия Московского и принизить роль князя Михаила. Такой тенденции вполне отвечает отсутствие в Софийской I летописи мест, читающихся в Пространной редакции Повести и перечисленных выше. Можно, следовательно, говорить о целенаправленном сокращении в Софийской I летописи старшего извода

---

[4] Слово «якыпт» (вар. «апокит», «япокыт», «набкит» и «абъкит») не зафиксировано ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, ни в картотеках Института русского языка. По приведенному в примере 8 тексту видно, что оно обозначает какой-то вид одежды. Согласно любезному разъяснению проф. Н. А. Баскакова, слово это тюркского происхождения. Япгыт, япгылт (туркмен.) — небольшой склон, возвышенность; язык (турецк.), япуг (чагатайск.)—чепрак; плащ из войлока, покрытый длинной шерстью, против дождя; попона.

или в ее недошедших источниках более древнего текста, сохраненного Пространной редакцией.

Единственной деталью, носящей фактический характер, которая есть в Софийской I летописи и которая отсутствует в Пространной редакции, является имя ханского посла, вызвавшего Михаила на суд к Узбеку и предупредившего его о происках в Орде Юрия и Кавгадыя. Вместо фразы Пространной редакции: «приѣхалъ посолъ от царя» (л. 38 об.) в Софийской I читается: «И се приѣха посолъ от царя изъ Орды именемъ Ахмылъ» (О, л. 329; К, л. 399). Возможны два объяснения указанного разночтения: или имя посла по тем или иным соображениям опущено в Пространной редакции, и Повесть в Софийской I летописи старшего извода сохранила более древнее чтение, или, наоборот, имя посла было вставлено в памятник позднее составителями Софийской I летописи или ее протографов. Вторая возможность представляется более вероятной. Другие источники не подтверждают факта приезда Ахмыла на Русь в 1318 г. О грозной Ахмыловой рати летописи сообщают только под 1322 г. Во время этой рати Северо-Восточная Русь сильно пострадала [5], в частности, был разорен и сожжен Ярославль [6], такая же участь чуть было не постигла Ростов [7]. Поход Ахмыла нанес чувствительный удар союзникам Москвы и противникам Твери [8]. Не приходится сомневаться и в том, что ханский посол, предупредивший в 1318 г. Михаила Ярославича о клевете на него Юрия и Кавгадыя, был дружественно настроен по отношению к тверскому князю. Под 1320 г. в Софийской I летописи в очень неясных выражениях сообщается об изгнании татар из Ростова [9].

Ситуация 1318—1320 гг., по крайней мере по письменным источникам, походила на события 1322 г. Возможно, в результате такой аналогии татарскому послу, вызвавшему на суд князя Михаила, позднейшими летописными сводчиками XV в. было дано имя Ахмыла.

Продолжая наблюдения над материалом, который дает сравнение текстов основной части Пространной редакции Повести с редакцией Софийской I летописи старшего извода, можно убедиться, что чтения Пространной редакции оказываются грамматически более правильными и более древними, чем чтения Софийской I летописи старшего извода.

---

[5] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 216; т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2. Пг., 1915, стр. 258.

[6] ПСРЛ, т. I, вып. 3, изд. 2. Л., 1928, стлб. 530; *А. Н. Насонов.* Летописный свод XV века (по двум спискам).— «Материалы по истории СССР», вып. II. М., 1955, стр. 300.

[7] «Православный собеседник». Казань, 1859, март, стр. 574.

[8] *В. А. Кучкин.* Сказание о смерти митрополита Петра.— ТОДРЛ, т. XVIII. М.— Л., 1962, стр. 68—69.

[9] ПСРЛ, т. V, стр. 216. Сообщение восходит, по крайней мере, к своду Фотия (ср. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2, стр. 258).

	Пространная редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского	Редакция Повести в Софийской I летописи старшего извода
1.	«князь Михаило бысть сынъ великого князя Ярослава [*в М последних пяти слов нет*], внукъ же великого князя и блаженного [Ярослава — *доб. Т, Тих., М, К*] Всеволодичя» (л. 33)	«князь Михаилъ Ярославич, внукъ великаго князя Всеволода Юрьевича» (О, л. 324; К, л. 394)
2.	«И бывши прѣ велицѣ межу има...» (л. 34)	«И бывша прѣ велицѣ межи ими» (О, л. 325; К, л. 395)
3.	«Егда бо господь Титу Иерусалимъ предасть, не Тита любя [*последних трех слов нет в Т*], но Иерусалимъ казня. И пакы: егда Фоцѣ Царьград преда, не Фоцю [Фоку — *Т, Тих., М, К*] любя, но Царьград казня за людская прегрѣшения» (л. 34 об.)	«Егда бо господь градъ Иерусалимъ казня, предасть в руцѣ царю Титу Римьскому. И пакы: егда Фоцѣ Царьградъ предасть в руцѣ, тако же не Фоку любя, но Царьградъ казня за людьская согрѣшения» (О, л. 325 об.; К, л. 395 об.)
4.	«Бысть видѣти бесчисленое множество ратных, падающих язвени под коньми, акы снопы в жатву на нивѣ. Князь же Юрьи, видѣвъ вои свои располошенъ [располошенье — *Т, Тих., К*], акы птица въ стадъ, отъехавъ к Торжку с малою дружиною; оттолѣ вборзѣ к Новугороду» (л. 36 об.)	«И бысть видѣти бесчисленое множество ратных, падающе язвени подъ кони, яко снопы в жатву на нивѣ. Великии же князь Юрьи Данилович, видѣ многы падающе воя его язвени, и отъѣха в Торжекъ с малым ратных, и оттолѣ ѣха въ Великии Новъгородъ» (О, л. 327 об.; К, л. 397 об.)
5.	«И пакы много поучивъ сына своего [*в М, К правильно* — своя; *речь идет о Дмитрии и Александре Михайловичах.— В. К.*] кротости, уму, смирению же и разуму, мужеству, всякои доблести, веляше же послѣдовати благым своим нравомъ. На мнозе же цѣловашеся [целовахуся — *Тих.*] съ многими слезами, не можаху разлучитися от ангелообразнаго възора [его и—*доб. Т, Тих., М, К*] красныя свѣтлости его и святого лица его, не могуще насытитися медоточнаго учения его, егда разлучастася [разлучишася — *К*] слезни и уныли» (л. 39)	«И пакы много учивъ сына своего всякои добродѣтели, веляше убо ему послѣдовати благимъ своимъ ндравомъ, и не могуще разлучитися на мнозѣ слезъ ихъ, и едва разлучистася» (О, л. 330; К, л. 400)
6.	«Оста единъ в руках ихъ» (л. 41)	«оста единъ в руку ихъ» (О, л. 331 об.; К, л. 402)
7.	«Давно бо жадах [сего — *доб. М, К*], да ми пострадати за Христа» (л. 42 об.)	«да явно сего ждах, да бы ми пострадати Христа ради» (О, л. 333 об.; К, л. 403 об.)
8.	«а прежя [преже — *Т, Тих., М, К*] тя слышахом царствующаго» (л. 44).	«аже тебе слышаще царьствующа» (О, л. 335; К, л. 405)
9.	«Онъ же приказываше къ княине и сыном своим» (л. 45)	«Он же приказывааше къ княгини и къ сынома своима» (О, л. 335 об.; К, л. 406).

10.	«Горесть бо нам воистинну, братие, в тои час бысть, видѣвшим такову смерть поносную господина своего» (л. 47—47 об.)	«Горесть бо се нынѣ, братие, и естѣ, во тъ час видѣвши такую нужную смерть господина своего [нашего — К]» (О, л. 337 об.: К, л. 408)
11.	«Облакома сима являет присѣщение аггельское над ним» (л. 48 об.)	«Облакомъ бо симъ являетъ просвѣщение аггелское над нимъ» (О, л. 338 об.; К, л. 409)

Приведенные разночтения нуждаются в некоторых пояснениях.

Чтения 1, 7 и 8 явно испорчены в Софийской I летописи, первоначальный текст читается в Пространной редакции.

Чтение 2. В обеих редакциях говорится о распрях между Михаилом и Юрием. Сохранение в Пространной редакции двойственного числа («има») вместо множественного («ими») в Софийской I летописи — признак большей древности чтения Пространной редакции.

Чтение 3. Фраза Софийской I летописи явилась результатом переработки фразы Пространной редакции. На это указывают слова Софийской I: «*тако же* не Фоку любя». Сравнение непонятно, так как текст о нелюбви к Титу отсутствует. Но такой текст есть в Пространной редакции.

Чтение 4. В Софийской I летописи дублированы слова «падающе язвени подъ кони» (далее «падающе воя его язвени»). Стилистическая шероховатость фразы указывает на желание редактора Софийской I летописи или предшествовавшего свода убрать яркое сравнение войска Юрия с распуганной птичьей стаей, нелестное для москвичей.

Чтение 5. В Софийской I нарушен синтаксис и опущены места, представляющие в выгодном свете Михаила Тверского.

Чтение 6. В Софийской I летописи нет согласования чисел: «руку» — двойственное число, «ихъ» — множественное. Первоначальная фраза — в Пространной редакции, где выше сказано о семи сторожах, приставленных к Михаилу.

Чтение 9. В Софийской I летописи стоит двойственное число: «сынома своима». Это фактически неверно: в Твери оставались не два, а три сына Михаила, о которых та же Софийская I летопись сообщает ниже. В Пространной редакции правильно стоит множественное число.

Чтение 10. На первый взгляд, чтение Софийской I летописи кажется ближе к оригиналу памятника («се нынѣ...есть»), однако на деле это переработка. Причастие «видѣвши» не согласуется ни с подразумеваемым словом «нам», ни с каким-либо другим словом.

Чтение 11. Слово «облако» в Пространной редакции употреблено в двойственном числе, а в Софийской I — в единственном. Однако обе редакции сообщают о двух облаках, якобы сиявших над телом убитого Михаила. Следовательно, единственное чис-

ло в Софийской I летописи стоит ошибочно. Верное чтение в Пространной редакции. Правильно также читать «присѣщение», т. е. «появление», «посещение», как в Пространной редакции, а не «просвѣщение» («свет»), как в Софийской I летописи.

Итак, несмотря на то что списки Софийской I летописи относятся ко второй половине XV в., а списки Пространной редакции Повести в своем большинстве примерно на два века моложе, проанализированная группа разночтений свидетельствует о том, что в Софийской I летописи текст Повести имеет нарушения синтаксиса, явные описки. В Пространной редакции таких ошибок нет. Она, несомненно, старше редакции памятника в Софийской I летописи.

Между редакциями наблюдается некоторая разница и в цитировании текстов священного писания. По сравнению с Пространной редакцией в редакции Софийской I летописи старшего извода в стихе 18 из псалма LXVIII пропущены слова «от отрока твоего» (О, л. 332 об.; К, л. 403; ср. ГБЛ, ф. 310, № 1254 (Пространная редакция), л. 42) [10]; в стихе 10 из псалма XXI нет слов «упование мое от сесцю» (О, 334 об.; К, л. 405; ср. Простр. ред., л. 44 об.) [11]; в стихе 38 из XXVI главы евангелия от Матфея нет слова «есть» (О, л. 335 об.; К, л. 406; ср. Простр. ред., л. 45) [12]. Все то, что пропущено в редакции Повести Софийской I летописи, есть не только в Пространной редакции памятника, но и в каноническом тексте.

Отсутствие отдельных слов в указанных цитатах в редакции Повести о смерти Михаила Софийской I летописи старшего извода по сравнению с Пространной редакцией может быть объяснено двояко. Или составитель Пространной редакции хорошо знал священное писание и исправлял даже самые мелкие погрешности более старшей редакции — Софийской I летописи, или, наоборот, пропуски были сделаны редактором этой летописи, и тогда более ранней является Пространная редакция памятника.

Анализируя цитаты из псалмов, помещенные в редакции Повести Софийской I летописи и Пространной редакции, легко заметить, что в ряде случаев эти цитаты отступают от канонического текста. Так, в стих 32 главы III Книги пророка Даниила вставлено слово «законопреступну» (Простр. ред., л. 34 об.; О, л. 325 об.; К, л. 395 об.) [13]. В стих 22 псалма LIV вставлены слова «исперва» и «ны» (Простр. ред., л. 39 об.; О, л. 330; К, л. 400 об., вместо последнего слова в Софийской I летописи читается

---

[10] *архим. Амфилохий.* Древлеславянская псалтырь Симоновская до 1280 года, т. I, изд. 2. М., 1880, стр. 466.

[11] Там же, стр. 120.

[12] *архим. Амфилохий.* Четвероевангелие Галичское 1144 года, т. I. М., 1882, стр. 454.

[13] *И. Евсеев.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905, ч. III, стр. 44—45.

малопонятное «нынѣ»)[14]. В стих 3 псалма CI вставлены слова «владыко» (нет в Тих.) и «господи» (Простр. ред., лл. 41 об.— 42; О, л. 332 об.; К, л. 402 об.)[15] В стих 3 псалма XVIII вставлены слова «бо сѣмо яко» и «аки» (Простр. ред., л. 42; О, л. 332 об.; К, л. 402 об.)[16], а в стих 19 того же псалма — слово «единъ» (Простр. ред., л. 42; О, л. 333; К, л. 403)[17]. В том же стихе вместо канонического «поношение» написано «помышление» — описка, вероятно, восходящая к оригиналу памятника (Простр. ред., л. 42 об.; О, л. 333; К, л. 403)[18]. В стихе 11 псалма LI читаются лишние против канонического текста слова «господи» (нет в К), «ради», «ми будетъ» (Простр. ред., л. 42 об.; О, л. 333; К, л. 403 об.)[19]. Перечисленные отступления от канонического текста сделаны для того, чтобы лучше увязать в рассказе цитаты из Псалтири, вложенные в уста Михаила, с реальным рассказом; отсюда такие слова, как «сѣмо», «мя», «ми». Общие для обеих редакций Повести такие отступления свидетельствуют о том, что в Пространной редакции текст псалмов не правился. Пропуски отдельных слов и выражений в цитатах из священного писания в редакции Софийской I летописи старшего извода по сравнению с Пространной редакцией следует отнести к работе редактора Софийской I летописи (или более ранних сводов), сокращавшего (сокращавших) свой источник. Отсюда следует, что Пространная редакция, где цитаты из Псалтири более точны, старше редакции памятника, читающейся в Софийской I летописи.

Показательно сравнение лексики Пространной редакции памятника и Софийской I летописи старшего извода.

Пространная редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского	Редакция Повести в Софийской I летописи старшего извода
«срѣте его с вои своими» (л. 35)	«срѣте его с полкы своими» (О, л. 326; К, л. 396)
«землю Суздальскую» (л. 35)	«землю Низовьскую» (О, л. 326; К, л. 396 об.)
«с малою дружиною» (л. 36 об.)	«с малым ратных» (О, л. 327 об.; К, л. 397 об.)
«уладившеся» — *М, К (в остальных списках явная описка* — «удалишася», *что произошло от неверной вставки в строку выносных «л» и «д»).*	«умирившеся» (О, л. 328 об.; К, л. 398 об.)
«князи Сусздалъские» (л. 37 об.)	«князи Низовьскые» (О, л. 328 об.; К, л. 398 об.)
«всю дружину» (л. 41)	«вся бояре его и слуги» (О, л. 331 об.; К, л. 401 об.)

[14] *архим. Амфилохий.* Древлеславянская псалтырь Симоновская до 1280 года, т. I, изд. 2, стр. 366.
[15] Там же, т. II, изд. 2. М., 1881, стр. 191.
[16] Там же, т. I, изд. 2, стр. 459.
[17] Там же, стр. 467.
[18] Там же.
[19] Там же, стр. 350—351.

«дружину свою» (л. 43)	«бояръ и слугъ своих» (О, л. 333 об.: К, л. 403 об.)
«столець» (л. 44)	«стулець» (О, л. 334 об.; К, л. 405)
«дружину свою» (л. 46)	«люди своя» (О, л. 336; К, л. 406 об.)
«всю дружину» (л. 46 об.)	«всѣ люди» (О, л. 337; К, л. 407)
«И положиша и на велицѣ вѣцѣ» (л. 47)	«И положиша его на велицѣ дьскѣ» (О, л. 337 об.; К, л. 408)
«дружина наша [друзи наши — *М, К*]» (л. 47 об.).	«бояре его и слугы» (О, л. 337 об.; К, л. 408)
«на вѣже [вѣцѣ — *Т, Тих., М, К*]» (л. 48)	«на досцѣ» (О, л. 338; К, л. 408 об.)
«и вѣку» (л. 48)	«и доска» (О, л. 338; К, л. 408 об.)
«дружину отца его» (л. 49 об.)	«бояръ и слугъ отца его» (О, л. 339 об.; К, л. 410)

Лексика Пространной редакции безусловно старше лексики Повести в Софийской I летописи. В первой систематически употребляется старый термин «дружина», которому в Софийской I соответствует чаще всего термин «бояре и слуги», реже — «люди». Малоупотребительное слово «вѣко» заменено в Софийской I словом «доска». Более древняя лексика Пространной редакции также говорит за бо́льшую древность этой редакции по сравнению с редакцией Софийской I летописи старшего извода.

Таким образом, наличие в Пространной редакции Повести о смерти в Орде Михаила Тверского целого ряда реалий, отсутствующих в редакции Софийской I летописи старшего извода, грамматически более правильных чтений, более точное цитирование текстов священного писания, древняя лексика — все эти данные с бесспорностью свидетельствуют о том, что в своей основной части Пространная редакция памятника древнее Повести в Софийской I летописи старшего извода.

Но одновременно ли были написаны предисловие, основная часть и заключение Пространной редакции? Не могли ли вступление и заключение быть приписаны позднее, и тогда первоначальную форму памятника лучше сохранила редакция Софийской I летописи? Наблюдение над редакциями Повести о смерти в Орде Михаила Тверского показывает, что подобные случаи имели место. Редакторы Великих Миней Четий к статье о Михаиле свода конца XV — первой половины XVI в. написали вступление и присоединили заключение Пространной редакции. Такую же работу проделал составитель второй редакции конца 50-х годов XVII в., распространивший новыми вступлением и заключением текст Степенной книги.

Однако в отношении Пространной редакции Повести на вопрос, поставленный выше, приходится ответить отрицательно. Пространная редакция представляет собой цельное произведение, написанное одновременно. За это, прежде всего, говорит формальный признак: Повесть составлена по литературной схеме жития, а схема требовала предисловия и заключения к ос-

новному рассказу[20]. Любое житие оканчивалось упоминанием Троицы или Иисуса. Отсутствие подобного упоминания в конце статьи о Михаиле в Софийской I летописи старшего извода указывает на приспособление Повести к летописи, т. е. на соответствующую обработку не только содержания, но и формы произведения.

Вступление и заключение Пространной редакции тесно связаны с основным рассказом и по содержанию. В предисловии говорится о том, что при татарах «*егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви*, носящи множество имѣния своего» (л. 33). Ссылку на эту фразу находим в основной части. Михаилу Тверскому «по старѣшиньству дошелъ бяше степени великого княжения; и поиде в Орду къ царю, *яко же преже бывши его князи имяху обычаи тамо възимати княженье великое*» (л. 33 об.). Подобной же ссылкой на вступление, где широко трактуется тема о мученическом венце, являются фразы основного рассказа: «аже ся своею казнью исплелъ еси ему венець пресвѣтел» (л. 39 об.); «прият венець неувѣдомыи [неувядаемыи — *П*, *Т*, *Тих.*, *М*] от рукы господня, его же въжделѣ» (л. 47). В Софийской I летописи, где обе фразы сохранены, из-за отсутствия предисловия не вполне ясно, почему ведется речь о венце. С предисловием и основной частью перекликается послесловие: «прият венець от всѣх Христа бога, его же моли за отечество свое» (л. 50 об.). О молитвах князя за отечество неоднократно говорится при описании сборов Михаила в Орду и его пребывании там.

Отметим общую фразеологию вступления и основной части повествования. И во вступлении, и в основной части встречается весьма своеобразная цитата, составленная из двух евангельских стихов: «Аще кто положитъ душу свою за другы своя, сеи великыи наречется въ царствии небеснѣмъ» (л. 31; ср. л. 36). Слова предисловия «предашася въ слабость *свѣта сего скороминующаго*» (л. 32 об.) обнаруживают сходство с фразой основной части: «не прелщаитеся суетными мира сего и *вѣка суетнаго и скороминующаго*» (л. 47 об.). Обычными определениями при упоминании серебра, даней в основном рассказе являются слова, производные от слова «много»: ср. «множаишая дары» (л. 34), «многое сребро» (л. 35), «многы дани» (л. 39 об.), «множества сребра» (л. 49 об.). То же и в предисловии: «множество имѣния» (л. 33). И во вступлении, и в основном рассказе Михаил косвенно назван царем: «свое царство у месты [уметы — *Т*, *Тих.*, *М*, *К*] вменивъ, остави» (л. 31) и «а прежя тя

[20] Схема агиографических произведений перешла на Русь из Византии. В греческих кратких житиях вступление было очень простым, несложным было и заключение. Но для похвальных житий всегда требовалось сложное, витиеватое вступление и длинная похвала — заключение (подробнее об этом см.: *Х. М. Лопарев*. Греческие жития святых VIII и IX веков, ч. 1. Пг., 1914, стр. 15—36).

слышахом царствующаго во своеи земли» (л. 44). Кроме того, во вступлении и основном рассказе использованы общие источники, которые будут указаны ниже.

Но наиболее ярким доказательством того, что предисловие, как и основная часть, написаны одним лицом, являются авторские ремарки во вступлении: «Намъ же сеи не от [и]нѣх слышавше, но сами [самовидцы — *Т*, *Тих*., *М*, *К*] бывше честному его (Михаила.— *В. К*.) въспитанию и добронравному възрасту его и премудру разуму, усерднаго къ богови усвоения» (л. 31); «како въспишу от многа мало извѣстити о конечнѣи страсти блаженаго христова воина великого князя Михаила Ярославичя, еже сътворися в послѣдняя времена во дни наша» (л. 31 об.). Так писать мог только современник и очевидец событий[21]. Принадлежность предисловия очевидцу событий, тесная связь предисловия с основным рассказом и заключением свидетельствуют о том, что Пространная редакция Повести о Михаиле является цельным памятником, написанным сразу, в одно время.

Пространная редакция и по форме оказывается первоначальнее редакции Повести о Михаиле Тверском в Софийской I летописи старшего извода.

2. ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ И РЕДАКЦИЯ РОГОЖСКОГО ЛЕТОПИСЦА ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

Обратимся к сравнению Пространной редакции Повести со старшей редакцией другой летописной ветви — тверской. Проведенное ранее сопоставление рассказов о смерти Михаила Тверского Рогожского летописца и Софийской I летописи старшего извода, показавшее наличие в последней целого ряда реалий, отсутствующих в тексте тверской летописи, избавляет от необходимости снова перечислять здесь эти детали, поскольку все они содержатся и в Пространной редакции Повести. Пространная редакция насыщена значительно бóльшим конкретным материалом, нежели рассказ Рогожского летописца, что свидетельствует о ее большей древности.

Можно утверждать, что статьи 6826 и 6827 гг. Рогожского летописца через ряд промежуточных этапов восходят к тексту Пространной редакции памятника. При описании пребывания Михаила Тверского в Орде в Пространной редакции нигде не употребляется титул «великий князь» по отношению к Михаилу. Лишь когда говорится о его смерти, тверской князь назван «великим»: «и тако предастъ святую свою блаженую душю в руцѣ господни великыи христолюбивыи князь Михаило Яросла-

[21] Невозможно принять мнение В. О. Ключевского, который непонятно по каким основаниям приписывал первую из приведенных цитат позднейшему редактору (*В. О. Ключевский*. Указ. соч., стр. 170. прим. 1).

вичь» (л. 46 об.). То же самое характерно и для Рогожского летописца [22].

Как и в списках основном и П Пространной редакции (чтение оригинала памятника) в Рогожском летописце правильно стоит «подъ великими *горами* Ясьскыми и Черкасьскыми» (стлб. 39; ср. Простр. ред., л. 44 об.).

Имеется еще несколько чтений, сближающих, несмотря на очень сильное сокращение, статьи 6826—6827 гг. Рогожского летописца именно с Пространной редакцией Повести. Чтения эти отличаются от чтений Софийской I летописи.

Пространная редакция Повести о смерти в Орде Михаила Тверского	Редакция Повести в Рогожском летописце	Редакция Повести в Софийской I летописи старшего извода
«и възломиша на стѣну [на стѣну вѣжи тоя — *М*, и проломися *стѣна* [вежа — *М, К*]» (л. 46 об.)	«и възложиша и на вежу, и проломися *стѣна*» (стлб. 39)	«и възломиша и на стѣну, и проломися *вежа*» (О, л. 337; К, л. 407—407 об.)
Гроб Михаила встречали «Дмитреи, и Олександръ, и Василие и княини его Анна..., епископъ Варсонофьи съ кресты и съ игумены, и с попы и *дияконы*» (л. 49 об.)	«и княгини его Анна съ сынами своими съ Дмитриемъ и Александромъ, и Василиемъ.., епископ Варсануфии съ игумены и презвитеры, и *диаконы*» (стлб. 40)	«князь Дмитрии и князь Олександръ, князь Василеи и княгини его Анна.., епископъ Варсонофьи со кресты и съ игумены и с попы» (О, л. 340; К, л. 410 об.)

Приведенные разночтения между Рогожским летописцем и Софийской I летописью, взятые сами по себе, являются нейтральными при определении старшинства текстов Повести в этих сводах. Но привлечение контрольного третьего источника — Пространной редакции Повести, показывающее совпадение чтений Рогожского летописца с Пространной редакцией, еще раз свидетельствует о том, что в Рогожском летописце был сокращен текст более древний, чем в Софийской I летописи старшего извода.

Пространная редакция Повести оказала влияние и на текст некролога, помещенного в Рогожском летописце под 6827 г. и составленного в XV в. Начало некролога («сеи блаженыи и христолюбивыи князь Михаил Ярославич, внукъ великаго князя Ярослава Всеволодича», стлб. 40) сходно с текстом Пространной

[22] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стлб. 38—40. Отсутствие в статье 6826 г. Рогожского летописца титула «великий князь» (кроме предпоследней фразы) находится в некотором противоречии со статьей 6825 г., в которой Михаил продолжал титуловаться великим князем и после уступки владимирского стола Юрию Московскому. Последний в тверских летописях, за исключением статьи 6828 г., великим князем не называется. Указанное противоречие в титуловании Михаила Ярославича в различных статьях Рогожского летописца может служить аргументом о разнородном, в конечном счете, происхождении летописных записей о Михаиле и рассказа о его смерти в Орде.

редакции («сеи блаженыи приснопамятныи и боголюбивыи великии князь Михаило бысть сынъ великого князя Ярослава, внукъ же великого князя и блаженного [Ярослава — *доб. Т*, *Тих.*, *М*, *К*] Всеволодичя», л. 33). В Софийской I летописи старшего извода Михаил ошибочно назван внуком Всеволода Юрьевича. Фраза некролога «всегда бо божиимъ пособиемъ одолѣваше противнымъ, тѣмъ слава о немъ проиде въ далняя страны» составлена, вероятно, под влиянием заключительных слов Пространной редакции: «Радуися, воине христовъ непобѣдимыи, но всегда побѣжавыи врагы, находящая во отечество твое! Радуися, страстотерпче христовъ, яко проиде святое имя твое въ всю вселеную» (л. 50). Ссылка в некрологе на то, что Михаил часто вспоминал «подвигы и трьпѣниа святыхъ мученикъ, иже пострадаша вѣры ради христовы» (стлб. 41) имеет в виду, бесспорно, Пространную редакцию, в начальной части которой описывались различные пути достижения святости. В один ряд со святыми автор Пространной редакции ставил и Михаила Ярославича. Составитель некролога для характеристики Михаила скорее всего воспользовался только тем материалом, который имелся в летописи и едва ли привлекал другие источники. Из подобного предположения следует, что в тверском своде 1409 г. или в одном из предшествовавших ему тверских сводов в полном объеме была помещена Пространная редакция Повести.

Произведенное сравнение двух старших летописных редакций Повести о Михаиле Тверском со старшей редакцией сборников показало, что обе летописные редакции восходят к Пространной. Говоря об источнике статьи о Михаиле в своде 1409 г., мы допускали возможность, что эта статья восходит к нелетописному памятнику. Произведенное сопоставление подтвердило такое предположение. Нелетописная Пространная редакция Повести оказывается древнейшим сохранившимся памятником о смерти в Орде Михаила Тверского.

3. АВТОР, МЕСТО И ВРЕМЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

Кем, где и когда была написана Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском?

Уникальные указания на автора содержатся в предисловии памятника: «намъ же сеи не от [и]нѣх слышавше, но сами [самовидцы — *Т*, *Тих.*, *М*, *К*] бывше честному его въспитанию и добронравному възрасту его и премудру разуму, усерднаго къ богови усвоения. Сего блаженаго великого князя Михаила Ярославичя нѣсть лѣпо в забвение ума оставити, но на свѣщницѣ проповѣдания поставити» и далее: «но пакы боюся и трепещу своея грубости, како въспишу от многа мало извѣстити о конечнѣи страсти блаженаго христова воина, великого князя Михаила

Ярославичя, еже сътворися в послѣдняя времена во дни наша» (л. 31—31 об.). Тверской книжник прямо пишет о том, что он был современником и очевидцем описываемых в Повести событий. На его глазах рос и воспитывался Михаил Ярославич, на его глазах он погиб. Вместе с тем становится очевидным, что автор Повести являлся лицом духовным: он озабочен тем, чтобы память о князе не померкла, чтобы она была озарена светом проповеди[23].

Слова автора о том, что ему случилось быть свидетелем всей жизни Михаила, подкрепляются текстом памятника. Вообще Повесть содержит немало ценных подробностей о событиях на Руси и в Орде в первые два десятилетия XIV в., подробностей единственных в своем роде. Многие из них, однако, могут быть так или иначе проверены и подтверждены.

Показательна хронология событий, описанных в Повести. Две даты — дата битвы Михаила с Юрием и Кавгадыем в четверг 22 декабря и дата смерти тверского князя 22 ноября в среду — определены в Повести совершенно точно. 22 декабря 1317 г. приходилось на четверг, а 22 ноября 1318 г.— на среду. Точные даты с указаниями дня недели и даже времени дня (битва произошла «в год вечернии», а убийство — в седьмом часу дня) свидетельствуют, что они были записаны современником. Удивительно точной оказывается хронология Повести и в той части, где рассказывается о пребывании Михаила в Орде. Согласно Повести, Михаил прибыл в Орду 6 сентября 1318 г. Через полтора месяца тверской князь предстал перед судом ордынских вельмож. «Минувши единои недѣли по судѣ томъ, въ день суботныи» (л. 40), как свидетельствует Повесть, Михаила связанного привели на второй суд. Отсюда вытекает, что первый суд состоялся тоже в субботу. Прибавление полутора месяцев (45 дней) к 6 сентября дает 21 октября, которое действительно приходилось в 1318 г. на субботу. Следовательно, дата второго суда — суббота 28 октября 1918 г. и хронологические выкладки автора Повести верны. Затем в памятнике сообщается, что после второго суда «наутрия же в недѣлю» (т. е. воскресение — указание точное) Михаила

[23] В тексте памятника и далее встречаются выражения, характерные для современника и очевидца событий: «Обычаи бѣ поганых и до сего дни: вмещующи вражду между братиею князи русскыми, себѣ множаишая дары възимаютъ» (л. 34); «еже и си нас дѣля бысть за наша съгрѣшения; но мы бывшае възглаголемъ» (л. 34 об.); «избави [нас — *доб. Тих., М, К*] множество от смерти своею кровию» (лл. 38 об.—39); в стих 22 из псалма LIV вставлено многозначительное «ны»: «та бо ны быша и стрѣлы» (л. 39 об.); «И бѣ страшно в тои час, братие, видѣти от всѣх странъ множество женущих [ко двору — *доб. Т, Тих., М, К*] блаженаго князя Михаила» (л. 46); «Горесть бо нам воистинну, братие, в тои час бысть, видѣвшим такову смерть поносную господина своего, князя Михаила Ярославичя! А дружина наша не мнозии гонзнуша рукъ их» (л. 47—47 об.). Есть ссылки на свидетелей: «еже исповѣдаша нам съ слезами и съ многими клятвами, яко истина есть бывшее» (л. 48 об.); на иерея православной церкви в Бездеже: «от него же мы слышахом и написахом» (л. 49).

повели за ханом «на ловы» (л. 41). В «неизреченом терпѣнии» (л. 43 об.) Михаил пробыл 24 дня, когда вновь предстал перед Кавгадыем и своими заимодавцами, очевидно ордынскими купцами и ростовщиками, а всего до дня казни — 26 дней. Михаила держали связанным под стражей с 28 октября. Прибавляя к этой дате 26 дней «терпения», получаем 22 ноября — день смерти Михаила.

В Повести сообщается также, что к Михаилу во Владимир приехал ханский посол с приказом быть в Орде через месяц. Далее, описывая пребывание Михаила в ханской ставке, автор говорит, что князь «како поиде из Володимеря, от тои недѣли до недѣли постящися» (л. 41 об.) — намек, что Михаил отправился в Орду в воскресенье. Отсчитывая месяц, который Михаил должен был быть в дороге, от 6 сентября, получаем 6 августа, которое в 1318 г. действительно приходилось на воскресенье[24]. Следовательно, все хронологические вехи, на первый взгляд, в беспорядке разбросанные в Повести, оказываются точными. Возрастают доводы в пользу принадлежности очевидцу рассказа о пребывании Михаила в Орде.

Вполне достоверно и большинство исторических сведений, содержащихся в памятнике. Так, автору-тверичу было известно, что дед Михаила, великий князь Ярослав Всеволодович, скончался «нужною смертью» в Орде. Известие соответствует истине. Интересно также отметить, что в литературе Северо-Восточной Руси оно древнейшее[25]. Справедливо утверждение автора Повести, что Михаил был воспитан матерью. По летописям известно, что будущий тверской князь рос сиротой.

Чрезвычайно важно сообщение Повести о том, что Михаила на великокняжеский Владимирский стол благословил его предшественник — великий князь Андрей Александрович. Хотя вопрос о правах на великокняжеский титул находился в центре внимания автора Повести, который доказывал преимущественные права на него тверского князя (отсюда возможны тенденциозность и искажение фактов), приведенное сообщение, по-видимому, точно. До 1300 г. отношения между Михаилом Тверским и великим князем Владимирским Андреем Александровичем были враждебными[26]. Но после съезда 1300 г. в г. Дмитрове, явивше-

---

[24] Отсюда вытекает, что сообщение одного из списков Никоновской летописи под 6826 г. об отъезде Михаила из Владимира 5 августа неверно, видимо, оно позднейшее (ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 182, вар. i).

[25] Известие о насильственной смерти Ярослава Всеволодовича есть в Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V, стр. 186, под 6754 г.) и в Суздальской летописи по Академическому списку (ПСРЛ, т. I, вып. 3, изд. 2, стлб. 523). По-видимому, оно восходит к своду митрополита Фотия 1423 г., но источник его — Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского. Об этом свидетельствует небольшой комментарий к известию о смерти Ярослава, чрезвычайно близкий к подобному комментарию о смерти Михаила, цитируется даже один и тот же стих 13 из XV главы евангелия от Иоанна.

[26] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1927, стлб. 483—485; ГВН и П, № 4.

гося реакцией русских князей на изменение политической ситуации в Орде, вражда стала утихать. Любопытно, что в Лаврентьевской летописи до 1300 г. Андрей не титулуется великим князем, и только начиная со статьи 1300 г. этот титул применяется к нему постоянно[27]. В 1301 г. Михаил Ярославич и Андрей Александрович выступают как союзники на стороне Новгорода Великого против Ливонского Ордена[28]. Известно также, что после смерти Андрея его бояре отъехали в Тверь[29]. В свете приведенных данных сообщение Повести о благословении Андреем Михаила является вполне правдоподобным. Оно уточняет и расширяет существующие представления о союзе тверского и великого князей в начале XIV в.

Автор памятника обосновывает права Михаила на владимирский стол также тем, что тверскому князю «по старѣишиньству дошелъ бяше степени великого княжения» (л. 33 об.). Действительно, после смерти Андрея Михаил Ярославич оказался старшим среди князей — потомков Ярослава Всеволодовича. Юрий Московский и его братья, Михаил Андреевич Городецкий — сын Андрея Александровича — приходились правнуками Ярославу Всеволодовичу. Михаил же был ему внуком. Отсюда вытекало утверждение автора, что Юрий Московский — главный соперник тверского князя в борьбе за великое княжение — являлся сыновцем[30], «братом молодшим» Михаила, уже в силу только одного этого не имевшим права претендовать на стол во Владимире.

Описывая борьбу тверского и московского князей за великокняжеский титул, автор Повести сообщает целый ряд подробностей, отсутствующих в других источниках. Выясняется, например, что Михаил пользовался поддержкой митрополита Максима, который препятствовал поездке в Орду Юрия, не без основания полагая, что тот будет домогаться там великого княжения. Тверь впервые в политической борьбе со своими соперниками прибегла к помощи церкви. В последующее время союз с митрополитами успешно осуществляли московские князья, борясь за объединение русских земель под своей рукой.

Описывая поездку Михаила и Юрия в Орду, автор Повести указывает на происки татар, стремившихся столкнуть князей и получить как можно больше за утверждение одного из них на великокняжеском столе. Они предлагали великое княжение Юрию при условии, что он будет давать выход больший, чем князь Михаил. О поездке соперников в Орду есть сообщения и в

---

[27] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 483—486, под 6809 г. О дате см.: *Н. Г. Бережков.* Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 117.

[28] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 486, под 6810 г.; ср. НПЛ, стр. 91, под 6809 г. О дате см.: *Н. Г. Бережков.* Указ. соч., стр. 118.

[29] НПЛ, стр. 92, под 6812 г.

[30] Сыновец — племянник, сын брата. Юрий же доводился двоюродным племянником Михаилу. О значении слова сыновец см.: *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стлб. 871.

летописях[31], но о предложении татар Юрию в них ничего не говорится, как нет в летописях и общей характеристики татарской политики на Руси.

В Повести есть известие, согласно которому хан Узбек «в[ъ]идѣ [в — *доб. Т*, *Тих*., *М*, *К*] богъмерьскую вѣру сроциньскую» (л. 34), т. е. принял магометанство. Сообщение подтверждается восточными и другими русскими источниками[32].

Через некоторое время после воцарения Узбека Михаил и Юрий, по свидетельству Повести, вновь оказались вместе в Орде. Татары вскоре отпустили Михаила на Русь, Юрия же оставили у себя на целый год. Затем, взяв у Юрия «многое серебро» (по-видимому, московский князь смог получить его у ордынских заимодавцев[33]), они передали ему права на великое княжение. Об этих событиях говорят и летописи. Правда, время отправления в Орду Михаила точно не известно, но осенью 1314 г. он уже был в Орде[34]. Вернулся великий князь на Русь, вероятно, зимой, в конце 1315 г.[35] Юрий отправился в Орду по ханскому вызову 15 марта 1315 г.[36] Следовательно, часть весны и лета 1315 г. оба соперника действительно одновременно находились в Орде. Сообщение Повести подтверждается. Верно и то, что Юрий после ухода Михаила пробыл у татар по меньшей мере год. Возвращение московского князя датируется 1317 г., его первой половиной[37]. Но сообщение Повести о значительной сумме, выплаченной Юрием за великокняжеский титул, является уникальным. Оно не вызывает никаких подозрений в своей достоверности. Благодаря этому известию становится более понятной последующая грабительская политика Юрия по отношению к Твери, Новгороду, возможно, Рязани[38]. Видимо в Орде новопоставленного великого князя обременили большими долгами.

В Повести рассказывается, как после прихода из Орды Юрия вместе с татарским послом Кавгадыем Михаил добровольно

---

[31] НПЛ, стр. 92, под 6812 г.; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 35, под 6814 и 6815 гг.; *М. Д. Приселков*. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.— Л., 1950, стр. 351—352, под 6813 г.

[32] «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. II. М.— Л., 1941, стр. 128. В Троицкой летописи также было указано, что Узбек «обесерменился» (*М. Д. Приселков*. Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 354, под 6821 г., прим. 3).

[33] О займах у татарских откупщиков см.: *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь. М.— Л., 1940, стр. 86, прим. 5.

[34] НПЛ, стр. 94, под 6822 г. мартовским. О дате см.: *Н. Г. Бережков*. Указ. соч., стр. 274.

[35] НПЛ, стр. 94—95, под 6823 г. мартовским. О дате см.: *Н. Г. Бережков*. Указ. соч., стр. 274—275. 10 февраля 1316 г. Михаил взял Торжок, но о его приходе из Орды было известно по крайней мере за шесть недель до этого.

[36] НПЛ, стр. 94—95.

[37] НПЛ, стр. 95, под 6826 г. ультрамартовским. О дате см.: *Н. Г. Бережков*. Указ. соч., стр. 274; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 36—37, под 6825 г. мартовским.

[38] НПЛ, стр. 96—97, под 6828—6830 гг.

уступил сопернику великокняжеский стол. Достоверность этого факта подтверждается другими источниками [39]. Но только в Повести сообщается о том, что вместе с уступкой владимирского стола Михаил передал Юрию и выход — ордынскую дань, которую Михаил собирал с русских земель как великий князь [40]. Далее в Повести следует пространное описание похода Юрия и Кавгадыя на Тверь, разгрома объединенных русско-татарских сил тверской ратью, бегства Юрия в Новгород и последующего заключения мира между соперниками. Обо всех этих событиях говорят и летописи. Подтверждается сообщение Повести о том, что в состав войска Юрия входили силы ростовских, суздальских и ярославских князей («совокупя всю землю Сузальскую», л. 35) [41]; что, опустошив правый берег Волги, Юрий и Кавгадый перешли на другой, но не успели ограбить городов и сёл на левом берегу, потому что здесь их настиг Михаил [42]; что после поражения Юрий бежал в Новгород [43]; что Михаил воздал большие почести плененному Кавгадыю [44]; что Юрий, собрав рать из новгородцев и псковичей [45], вновь двинулся на Тверь, однако дело кончилось миром [46]; подтверждается и самый факт заключения мирного соглашения [47]. Вместе с тем, только в Повести сохранились указания на то, что в войсках Юрия и Кавгадыя были отряды татар, «бесерменъ» [48] и мордвы; что среди советников Михаила Ярославича были князья, видимо, находившиеся от него в вассальной зависимости; что Юрий после поражения бежал в Новгород через Торжок; что заключение мира произошло у Синеевского.

Параллельных источников к той части Повести, которая описывает события от докончания у Синеевского до похорон

---

[39] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 37, под 6825 г.; ГВН и П, № 12. Формуляр этого договора тверского князя с Новгородом не великокняжеский, а удельнокняжеский, хотя в тексте Михаил и назван великим князем.

[40] «Княжение [великого — доб. *Т, Тих., М, К*] отступилъся есмь брату моему молодшему и выход далъ есмь» (слова Михаила). — ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 35 об. За неимением данных трудно судить о том, отражает ли сообщение о передаче выхода Михаилом Юрию реальный факт или оно вставлено специально для того, чтобы доказать неправомерность обвинений, выдвинутых в Орде против Михаила: «многы дани поималъ еси на городѣх наших, а царю не далъ еси» (л. 39 об.), «царевы дани не далъ еси» (л. 40).

[41] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 37, под 6825 г.

[42] Там же, стлб. 38.

[43] Там же; НПЛ, стр. 96, под 6826 г.

[44] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38.

[45] НПЛ, стр. 196, под 6826 г.

[46] Там же; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38, под 6825 г.

[47] ГВН и П, № 13.

[48] Речь здесь может идти или о мусульманах («бусурманах»), или о народности бесермян, как считают теперь, вероятных потомков волжских булгар. Упоминание «бесермян» в одном ряду с другими народностями заставляет принять второе толкование (ср. *М. Н. Тихомиров*. Бесермены в русских источниках. — «Исследования по отечественному источниковедению». Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М. — Л., 1964).

Михаила в Твери, почти нет. Проверка достоверности известий этой части памятника на основании других источников весьма трудна, но в отдельных случаях возможна.

Описывая подготовку Михаила к поездке в Орду летом 1318 г. автор памятника рассказывает о том, как тверской князь «у отца своего духовнаго игумена Ивана послѣднее исповѣдание [сотвори — *доб. М, К*] на рѣцѣ на Нерьли» (л. 37 об.). И далее сообщает, что «до его [оного — *Тих.*] же мѣста проводити [проводи — *К*] его благороднаа его княини Анна и сынъ его Василеи; възвратишася от него со многым рыданиемъ... Онъ же поиде к Володимерю» (л. 38). Первую цитату можно истолковывать в том смысле, что Михаил исповедовался в каком-то монастыре, стоявшем на реке Нерли, а игумен монастыря был духовником князя; или же в том, что Михаил исповедовался у своего духовного отца, проводившего князя до какого-то места. Какое же из двух возможных толкований правильно? Тверской князь направлялся в стольный Владимир. Упоминание в Повести реки Нерли определяет его путь. Михаил плыл Волгой, затем свернул в Нерль Волжскую, волоком перебрался в Нерль Клязьменскую и по ней спустился к Владимиру [49]. Говоря о Нерли, автор Повести имел в виду скорее всего Нерль Волжскую. Но на Нерли Волжской не было никаких монастырей [50]. Да и сколь успешно мог выполнять свои обязанности духовный отец тверского князя, живя вдали от стольных Твери и Владимира, в каком-то захолустном монастыре? Фразу нужно понимать только во втором смысле: Михаила сопровождал духовник. На устье Нерли князь, видимо, расстался с игуменом Иваном, исповедавшись ему последний раз. Эти соображения подкрепляются второй цитатой, указывающей, что до того же места Михаила проводили княгиня Анна с сыном. Затем духовник, княгиня и княжич вернулись в Тверь (во всех списках Пространной редакции стоит множ. число — «възвратишася», а не двойств. число «възвратистася», как в Софийской I летописи,— указание, что в Тверь возвратилось несколько лиц, а не два). Если так, то игумена Ивана следует искать среди настоятелей тверских монастырей — основание тем более естественное, что игумен Иван был духовником князя и должен был быть игуменом городского или пригородного монастыря. В начале XIV в. в Твери было всего два монастыря: Успения богородицы, более известный под названием Отроча [51],

---

[49] Вероятно, это был старый путь с Волги в Волго-Клязьминское междуречье (ср. *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 173—174).

[50] *В. В. Зверинский.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. I—III. СПб., 1890—1897.

[51] ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 2—3; АСЭИ, т. III. М., 1964, стр. 152—153 — жалованная грамота тверскому Отрочу монастырю 1362—1364 гг., где упомянуты жалованные грамоты этому монастырю Михаила Ярославича.

и св. Федора Тирона и Федора Стратилата [52]. Под 1323 г. в сгоревшей Троицкой летописи сообщалось, что в Твери была построена и освящена церковь св. Федора, «юже сверши и украси игуменъ нѣкии именемъ Иванъ Царегородець» [53]. Налицо все данные для отождествления игумена Ивана, духовного отца Михаила Ярославича, названного в Повести, с Иваном Царегородцем, игуменом монастыря св. Федора, упомянутым в летописи. Таким образом, получаем косвенные данные о достоверности еще одного свидетельства анализируемого памятника.

Любопытно и сообщение Повести о том, что закованного Михаила повели за ханом, «бяше бо пошел царь на ловы» (л. 41 об.). Как было выяснено выше, это случилось после 28 октября 1318 г. По сообщениям восточных источников, в середине зимы 718 г. хиджры (5.III.1318 г. — 21.II.1319 г.) огромное войско Узбека внезапно вторглось в Арран—владения Хулагуидов [54]. Нападение приходится на зиму 1318/19 г., что примерно совпадает со временем пребывания в Орде Михаила Тверского [55]. На Востоке под видом охоты иногда предпринимались набеги на соседей [56]. Видимо, так обстояло дело и на этот раз. Свидетельство Повести («пошел царь на ловы») содержит дополнительную характеристику подготовки и организации набега Узбека на Арран. Достоверность свидетельства несомненна. В свете приведенных данных восточных источников относительно большого войска татарского хана вполне реальным представляется сообщение Повести о том, что в Орду «в то же время съѣхалося бесчисленое множество от всѣх языкъ» (л. 44) [57]. Так косвенно подтверждается правильность сведений той части памятника, где

---

[52] Время существования монастыря определяется по записи на греческой рукописи, хранящейся в Ватикане (Vat., 784). Рукопись датируется вторым десятилетием XIV в. (*Н. Красносельцев*. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, № 2, стр. 18—23; *M. Vogel* und *V. Gardhausen*. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 329.

[53] *М. Д. Приселков*. Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 357, под 6831 г.

[54] «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. II, стр. 86, 92; *В. А. Кучкин*. Где искать ясский город Тютяков? — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. 25. Орджоникидзе, 1966, стр. 176—177.

[55] В. Покровский прямо писал о том, что Михаил следовал за ханом Узбеком, «шедшим в то время в поход на Абусаида» (*В. Покровский*. Историко-статистическое описание Тверской губернии, т. I. Тверь, 1879, стр. 44).

[56] *А. А. Али-заде*. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 323—324. Бывало и так, что во время походов устраивалась охота («Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. II, стр. 113).

[57] Фраза сохранилась и в редакции Великих Миней Четий. Н. И. Серебрянский, анализируя источники этой редакции, первоначальной по его мнению, считал, что фраза заимствована из жития Михаила Черниговского. Но приведенные данные говорят о реальности сообщения Повести (*Н. И. Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития, отд. оттиск. М., 1915, стр. 251).

повествуется о событиях, последовавших за докончанием у Синеевского.

Но даже там, где нет параллельных данных, достоверность большинства фактов, сообщаемых Повестью, не может быть заподозрена. Она подтверждается самим текстом, в котором нет противоречий и ранее сказанное согласуется с последующим рассказом. Например, уникальное известие о том, что русские князья, собираясь в Орду, написали «много лжа, свидѣтельствова [лжасвидѣтелства — *Тих.*] на блаженаго Михаила» (л. 37 об.) подтверждается описанием первого суда над Михаилом, когда судьи «покладааху многы грамоты съ многымъ замышлениемъ на блаженаго князя Михаила» (л. 39 об.).

Итак, проверка фактов, содержащихся в Повести, показывает, что они вполне достоверны [58]. Кажется, есть только один случай их искажения, но о нем речь пойдет ниже. Целый ряд известий Повести о социальной и политической жизни русских княжеств и Золотой Орды в первые два десятилетия XIX в. имеет уникальный характер [59]. В описании борьбы московского и тверского князей за великое княжение Владимирское, пребывании и гибели в Орде тверского князя много таких мелких штрихов, какие могут принадлежать только современнику Михаила Ярославича и очевидцу его смерти. Весь материал основной части Повести полностью подтверждает слова предисловия о том, что автор памятника был «самовидцем» рассказанных им событий.

В тверском происхождении автора Повести сомневаться не приходится. Из предисловия памятника видно, что он был церковником. В последней поездке в Орду Михаила Ярославича сопровождали три духовных отца: игумен и два священника. Филарет давно заметил, что «описание само показывает, что его пишет очевидец, и всего вероятнее, игумен Александр» [60]. В том же духе высказывался и В. О. Ключевский [61]. Мнение обоих исследователей справедливо. Из трех духовников Михаила, очевидцев

---

[58] На первый взгляд достоверность фактов, содержащихся в Повести, находится в прямом противоречии с явной тенденциозностью памятника, его протверской направленностью. Однако противоречие это мнимое. Тенденциозность Повести заключается не в искажении переданных фактов, а в их определенном подборе, в частности, в умолчании о тех из них, которые представляли в невыгодном свете Михаила Тверского.

[59] Обратим, например, внимание на основной пункт обвинений против Михаила: «многы дани поималъ еси на городѣх наших, а царю не далъ еси» (л. 39 об.). Выясняется, что тверской князь утаивал часть выхода. Становится очевидным, что политика сокрытия части доходов от татар вовсе не является изобретением московских князей, как считается в исторической литературе. Тверь раньше Москвы стала проводить ту политику утаивания дани, союза с церковью, которая получила позднее законченное оформление в действиях князей московского дома.

[60] *Филарет.* Обзор русской духовной литературы, кн. 1. Харьков, 1859, стр. 98.

[61] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 72.

его гибели, только один назван по имени — игумен Александр. Когда связанного Михаила повели за ханом, татары разлучили игумена с князем. И здесь в описании чувствуется пробел. Вплоть до рассказа о третьем суде над Михаилом 20 ноября 1318 г. в памятнике почти нет о нем сведений. Но после суда, когда к узнику, вероятно, ввиду его близкой кончины, допустили духовников, снова идет очень подробный, наполненный яркими бытовыми деталями рассказ о последних часах Михаила Ярославича и его смерти. Напрашивается вывод, что автором Повести был игумен Александр. Александр давно знал князя и, видимо, давно являлся его духовным отцом. Он был близок к семье князя, был прекрасно осведомлен о перипетиях многолетней борьбы Михаила с Юрием. Возможно, что его имя упоминалось в той духовной грамоте, которую Михаил написал перед отъездом в Орду и о содержании которой кратко говорится в Повести. Монастырь, где игуменом был Александр, естественнее всего искать в Твери. Так как в Твери было всего два монастыря, а игуменом одного из них (св. Федора) был Иван, нужно думать, что игумен Александр являлся настоятелем Отроча монастыря.

Позднейшая легенда приписывает основание Отроча монастыря епископу Андрею — сыну полоцкого князя Герденя [62]. Видимо, легенда основывается на историческом факте. О поставлении Андрея в епископы летопись сообщает под 1289 г., причем уточняет, что Андрей настоятельствовал в монастыре св. Богородицы [63]. Этот монастырь некоторые исследователи почему-то принимают за маленький монастырек св. Богородицы на реке Шоше [64], где как будто умер Андрей [65]. На самом же деле Андреев монастырь св. Богородицы — это Отроч. Ни один из тверских владык XIV—XV вв. не ставился из захолустного монастыря, подобного Шошскому [66]. Не составлял исключения и епископ Андрей.

---

[62] *В. Ф. Ржига.* Из истории повести.— «Известия Тверского педагогического института», вып. 4. Тверь, 1928.

[63] *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 344. Текст взят из сгоревшей Троицкой пергаменной летописи.

[64] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, стр. 106, прим. 1; *П. П. Соколов.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, стр. 236. Прав В. В. Зверинский, принимая упомянутый монастырь за Отроч (*В. В. Зверинский.* Указ. соч., т. II. СПб., 1892, № 1032, стр. 257).

[65] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 42, под 6831 г.

[66] Данные о происхождении тверских владык см.: *П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стлб. 441—442. В жалованной грамоте Отрочу монастырю 1362—1364 гг., выданной на основании грамот Михаила Ярославича, Богородицкий Шошский монастырь указан в числе приписанных к Отрочу (ААЭ, т. I, стр. 2; АСЭИ, т. III, стр. 152).

В начале XIV в. Отроч монастырь был одним из литературных центров Твери. Сохранилось Послание к Михаилу Ярославичу монаха этого монастыря Акиндина[67]. По всей вероятности, в Отроче монастыре писал Повесть о смерти Михаила и игумен Александр. Он был, видимо, тесно связан с епископом Андреем, которого летопись характеризует как святоучительного[68]. Следует обратить внимание на написания некоторых слов в Повести о смерти в Орде Михаила Ярославича Тверского, может быть, восходящие к оригиналу памятника: «покажню» (л. 34) вместо «показню», «князившю» (л. 34) вместо «княжившу», «оприснину» (л. 35) вместо «опричнину». Эти написания отражают языковые особенности, характерные для современных русских и белорусских говоров западных областей РСФСР и восточных областей БССР[69]. Первый тверской епископ Симеон до занятия тверской кафедры был епископом в Полоцке. Второй тверской епископ Андрей был сыном литовского князя Герденя, княжившего в Полоцке. Не был ли оттуда родом и игумен Александр?

Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского написана по живым следам событий. Игумен Александр вернулся из Орды, вероятно, вместе с князем Юрием, «на другое лето», т. е. после 28 февраля 1319 г. Подтверждением тому служит указание памятника, что Кавгадый скончался менее чем через полгода после смерти Михаила. По всей видимости, смерть врага тверского князя застала Александра еще в Орде, поэтому он смог написать о ней.

Последняя дата в Повести — 6 сентября 1319 г. — день похорон Михаила Ярославича. Повесть ничего не сообщает о насильственной смерти соперника Михаила — Юрия Московского, на первое место среди сыновей Михаила автор правильно ставит Дмитрия, но великим князем его не называет. Все это показывает, что Повесть написана по крайней мере до 1325 г.[70], вероятнее всего — вскоре после похорон Михаила, в конце 1319 — начале 1320 г.

---

[67] Акиндин называет себя «мнихом лавры святыя Богородица» (РИБ, т. VI, изд. 2. СПб., 1908, стлб. 150). Лавра — конечно, крупный, видимо, главный монастырь княжества. Таким монастырем в Твери был Отроч.

[68] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 466. Сохранилось окружное послание епископа Андрея (*А. И. Соболевский.* Поучение епископа Андрея.— ИОРЯС, т. XVII, кн. 3, 1912, стр. 80—81).

[69] «Атлас русских народных говоров северо-западных областей», карты № 44 и 53; «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», карты № 66 и 88. Рукописи атласов хранятся в Институте русского языка АН СССР. Мена *с — ш, з — ж* широко представлена в псковских памятниках XIV—XV вв. (*Н. Каринский.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909, стр. 78). Шепелявое произношение мягких *с, з* характерно для некоторых современных говоров северо-восточных областей Белоруссии; средневековые памятники, относящиеся к данной территории, также знают мену *с — ш, з — ж* (*Е. Ф. Карский.* Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 1. М., 1955, стр. 358, 360).

[70] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 42.

4. ИСТОЧНИКИ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

Начало изучению источников Повести положил Н. И. Серебрянский [71]. Правда, исходя из неверного соотношения Пространной редакции и редакции Великих Миней Четий, он сначала рассматривал источники минейной редакции Повести, которую считал первоначальной, и только затем — Пространной. Для того чтобы выяснить, как определял Н. И. Серебрянский источники Пространной редакции, необходимо суммировать его наблюдения. Всю Повесть Н. И. Серебрянский считал построенной по плану Повести о Михаиле и Федоре Черниговских. Оттуда же, по его мнению, был сделан и ряд текстуальных заимствований в рассказ о тверском князе [72]. Н. И. Серебрянский отметил вслед за В. О. Ключевским совпадение начала Пространной редакции с началом второй редакции жития Исаии Ростовского [73], привел параллельные тексты из житийного Сказания о Борисе и Глебе [74], указал на использование автором Псалтири [75] и на влияние житий Александра Невского и Дмитрия Солунского [76].

Работу Н. И. Серебрянского продолжил С. К. Шамбинаго, который принял все выводы своего предшественника относительно источников Повести о Михаиле Тверском. Дополнительно С. К. Шамбинаго указал только один источник: летописный рассказ об убиении Андрея Боголюбского [77]. На этом изучение источников Повести закончилось. Насколько правы были оба исследователя в определении источников памятника, выяснится в дальнейшем.

Предыдущий анализ показал, что в основе Повести лежат личные воспоминания игумена Александра. Но в своей работе настоятель Отроча монастыря часто прибегал и к помощи литературных средств. Главные заимствования сделаны из книг священного писания — черта, характерная для любого русского, да и не только русского, средневекового литературного произведения. В Повести цитируются стихи 21 из главы I и 20 из главы II Книги Иова, стихи 4 и 10 из III главы Книги пророка Исаии, стих 1 из IV главы Книги пророка Иеремии, стих 32 из III главы

---

[71] В. О. Ключевский первый указал на сходство предисловия Пространной редакции с предисловием второй редакции жития Исаии Ростовского, но объяснил это сходство заимствованием из общего источника, который он так и не определил (*В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 170, прим. 1).

[72] *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., стр. 251 и 255.

[73] Там же, стр. 254. В издании стоит Игнатия Ростовского. Это несомненная опечатка типографов или описка автора. Начало Повести о Михаиле Тверском совпадает не с житием Игнатия, а со второй редакцией жития Исаии Ростовского.

[74] Там же, стр. 251, 252, 255.

[75] Там же, стр. 253, 254—255.

[76] Там же, стр. 255—256.

[77] «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.— Л., 1946, стр. 102.

Книги пророка Даниила. Из книг Нового Завета чаще других цитируется евангелие от Матфея: V, 19; VII, 29; XXV, 24—25; XXVI, 38; XXVIII, 19. Приводится стих 13 из главы XV евангелия от Иоанна, стих 9 из главы XII Деяний апостолов, стих 9 из главы IV Первого послания к коринфянам ап. Павла и стих 7 из главы IV Второго послания к Тимофею ап. Павла. Неясно, брались ли эти тексты из библейских книг или паремийников. Обильнее всего использована в Повести Псалтирь: XV, 1; XXI, 9—10; XXII, 1; XXXIII, 21—22; XLI, 6; L, 17; LI, 3—5, 7, 11; LIV, 2—9, 13, 20, 22—24; LXVIII, 2—3, 5, 18—21, 25; LXXXVII, 19; XC, 7, 10—12; CI, 2—4; CVIII, 25; CXIII, 13—14; CXV, 1; CXXXIX, 3 [78]. Цитаты, главным образом из Псалтири, указывают на обычный перевод священного писания на Руси, зафиксированный рукописями XII—XV вв. [79]

Подбор цитат в целом оригинален. Автор несомненно был начитан в писании. Отрывки из него он умело вплетает в повествование, делает небольшие вставки в канонический текст, стремясь теснее увязать его с живым рассказом. Автор охотно цитирует тексты священного писания тогда, когда обличает хана Узбека (л. 34 об. — Дан., III, 32; л. 39 об. — Пс., LIV, 22), татарских судей (л. 40 — Исаия, III, 4; л. 40 об. — Пс., CXIII, 13—14), Кавгадыя (л. 43 об. — Матф. VII, 29; л. 48 — Пс., XXXIII, 21—22). Вообще священное писание служило автору своеобразным щитом, под прикрытием которого он мог высказывать свое мнение относительно татар и их политики.

Но большинство цитат из писания игумен вложил в уста Михаила Ярославича, причем при описании наиболее трагических моментов. Подобным приемом достигалась значительная идеализация князя, который возносился на высокий нравственный пьедестал, а рассказ насыщался поучительным, с церковной точки зрения, материалом. Можно также заметить, что автор прибегал к помощи Псалтири и других книг священного писания в том случае, когда ему трудно было сказать что-либо по существу. Так, с момента выступления Михаила вслед за ханом «на ловы» и до описания последнего суда над пленником в торгу — промежуток времени в 24 дня — Повесть заполнена обильными выписками из Псалтири, которую будто бы все время читал тверской князь. Перечисленные случаи показывают, что автор вполне намеренно, с определенными целями обращался к текстам Псалтири, евангелия, книгам пророков и т. д. Однако отдельные цитаты из писания в его время уже успели стать ходячими выражениями, и, судя по всему, автор применял их шаблонно (ср., на-

---

[78] ГБЛ, ф. 310, № 1254, лл. 31—32, 34 об., 37, 40—46, 48, 50.

[79] *архим. Амфилохий.* Древлеславянская псалтырь Симоновская до 1280 года, т. I, изд. 2, стр. 70, 119—120, 129, 202—203, 280, 344, 347—351, 358—362, 365—368, 459—461, 466—470; т. II, изд. 2, стр. 100—101, 135—137, 190—191, 294, 317—325, 480; *он же.* Четвероевангелие Галичское 1144 года, т. I, стр. 36, 77, 428—429, 454, 492, 513; т. II. М., 1883, стр. 895—896.

пример, фразу «еже исповѣдаша нам съ слезами и съ многими клятвами, яко истина есть бывшее» (л. 48 об.); последние четыре слова — из стиха 9 главы XII Деяний апостолов). Некоторые цитаты, их очень мало, игумен Александр вставил в текст, вероятно, под влиянием других памятников.

Кроме книг Нового и Ветхого Заветов автор Повести воспользовался целым рядом византийских переводных и русских сочинений. Оказывается, например, что столь смущавшее исследователей витиеватое начало Повести списано со второй редакции жития св. Коинта.

Повесть о смерти Михаила Тверского	Житие Коинта
«Вѣнець убо многоцвѣтенъ всякымъ украшениемъ и всякым цвѣточьным, видящимъ его очима многую свѣтлость подаютъ, кыиждо убо взора своего видѣниемъ влечетъ к собѣ. Ово бѣлымъ образом цвѣточнымъ просвѣщается, инъ же черленымъ и багряньмъ и зѣлоточнымъ лице имѣа, а въ единомъ совокуплени смѣсившимъся от многъ арамать, чюдоносную воню испущающе» (л. 30—30 об.)	«Вѣнець убо многоцветенъ и всѣми цвѣтци украшенъ и всѣми пребывая взоры свѣтелство приносить многовидящимъ очима, инако иному взору к нему влекущи взоръ, ово ли бѣлым образомъ цвѣтовным просвѣщается, ово ли червленым, багряным же, паки позлатнымъ и прочным[80] своекождо испущающи дарство. Смѣшенъ же весь цвѣтець въ единомъ вѣнци, просвѣщаеть лице, взору же въздивится творить, едину же и чюдесную воню от многъ смѣсившеся испущаеть благовонство»[81]

Время появления второй редакции жития Коинта точно не известно. Списки жития датируются XV—XVII вв. Греческие рукописи, куда входит житие Коинта, представляют собой сборники типа Миней Четий на июль и август и принадлежат XVII в. Большинство житий в сборниках — переработки Симеона Метафраста[82]. Возможно, временем Метафраста датируется и написание второй редакции жития Коинта. Русские списки жития древнее греческих. Они относятся к XV—XVII вв. Житие Коинта встречается только в июльских Минеях Четьих[83]. Одна из них домакарьевская[84]. Ее перевод на старославянский язык с греческого должен быть отнесен ко времени до XIV в., скорее всего к X—XI вв.[85] Следует обратить внимание на то, что в состав этой

---

[80] *Так в рукописи.*

[81] ГБЛ, ф. 304, № 678, лл. 25 об.— 26.

[82] *A. Ehrhard.* Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. B. III, 2 Lieferung, Leipzig, 1940, S. 169, 170 (N 1), 171 — Cod. Athon. Xeropot.

[83] ГБЛ, ф. 304, № 678; ф. 173, № 95; ГПБ, Соф., 1376; ЦГИА, архив Синода, № 3923; см. также списки Великих Миней Четий.

[84] ГБЛ, ф. 304, № 678.

[85] Служба Коинту есть в болгарской рукописи XIII века (*Б. Цонев.* Опис рукописите и старопечатние книги на народната библиотека в София, т. I. София, 1910, № 113, стр. 84). Данные о составе домакарьевской минеи и времени ее перевода см. в статье В. А. Дыбо и В. А. Кучкина «Болгарский текст в русской минее XVI века» («Byzantinobulgarica», v. II. Sofia, 1966).

минеи входило житие Козьмы и Дамиана. До заложения собора св. Спаса в 1285 г. кафедральным храмом Твери была церковь Козьмы и Дамиана[86]. Естественно, что в Твери собирали четий материал, имевший отношение к патрональным святым. Июльская минея с их житием была, конечно, известна тверичам. К одной из статей этой Минеи и обратился автор Повести, украсив свое произведение вставкой из жития Коинта. Что же касается отмеченной В. О. Ключевским и Н. И. Серебрянским близости предисловий Пространной редакции Повести о Михаиле Тверском и второй редакции жития Исаии Ростовского, то она объясняется влиянием Пространной редакции, откуда ростовский книжник XV в.[87] списал предисловие к своей переделке жития местного епископа.

В тексте Повести упоминается Дмитрий Солунский и приводятся приписываемые ему слова (л. 38 об.). Цитата взята из жития этого святого[88]. Автору были также хорошо известны византийские монашеские жития, вероятнее всего патерики, где читались рассказы о подвижниках-монахах. На такое знакомство указывает следующая фраза Повести: «овии же, отложьдше плотскую немощь, постом и молитвами в пустынях и в горах, в пещерах изнуряюще тѣло свое» (л. 30 об.). Интересно, что подобный путь достижения «горнего Иерусалима» автор ставит на первое место, отдавая ему предпочтение перед прочими. Это еще одно свидетельство в пользу того, что Повесть писал чернец.

Гораздо чаще, чем к переводным византийским памятникам, обращается автор Повести к русским источникам. Говоря о смерти Михаила, он пишет, что тверской князь «спричтеся с ликы святых и съ сродникама своима с Борисом и Глѣбом и с тезоименитым своим с Михаилом с Черниговскым» (лл. 46 об.—47). Это определенное свидетельство о знакомстве автора с произведениями о Борисе и Глебе, Михаиле и Федоре Черниговских. Н. И. Серебрянский безусловно прав, считая, что в Повести о Михаиле использованы памятники, связанные с именами этих князей. Однако к приведенным им параллелям следует отнестись с большой осторожностью. Во-первых, произведения о князьях писались в одной манере. Достаточно сравнить между собой летописные статьи о Борисе и Глебе, Андрее Боголюбском, Михаиле Черниговском, Александре Невском, Михаиле Тверском, чтобы увидеть целый ряд одинаковых слов и выражений, восходящих, вероятно, к циклу памятников о Борисе и Глебе[89]. Во-

---

[86] ПСРЛ, т. I, вып. 3, изд. 2, стлб. 482—483.

[87] В. О. Ключевский относил написание второй редакции жития Исаии ко времени после 1474 г. (*В. О. Ключевский*. Указ. соч., стр. 25—26).

[88] «Великие Минеи Четии», октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, стлб. 1873. Житие Дмитрия Солунского было известно на Руси по крайней мере с XII в. (ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2. Л., 1926, стлб. 30; вып. 2. стлб. 414).

[89] Д. С. Лихачев поставил очень интересный и важный вопрос о литературном этикете древней Руси, т. е. употреблении стереотипных фраз, выражений при

вторых, сами ситуации в княжеских жизнеописаниях напоминали друг друга: за исключением Александра Невского, все остальные из перечисленных князей погибли насильственной смертью [90]. Поэтому нельзя согласиться с Н. И. Серебрянским в том, что Повесть о смерти Михаила Тверского написана по плану Повести о Михаиле Черниговском. Здесь больше сходства в реальной ситуации, чем в литературной композиции. Что касается мелких текстуальных совпадений в Повестях о Михаиле Тверском, Борисе и Глебе, Михаиле Черниговском, то учитывая сказанное выше, их не всегда нужно определять как заимствования. Ко времени написания Повести о Михаиле Тверском отдельные литературные фразы могли стать штампами. Все же некоторые места Повести о Михаиле Тверском написаны безусловно под влиянием произведения о Михаиле Черниговском. Так, убийцы черниговского князя «повергоша его ниць на землю и бияхуть и пятами» [91], а убийцы тверского князя «повергоша [его — *доб. М, К*] на землю, бьяхут его нещадно пятами» (л. 46 об.). Важно отметить, что приведенное чтение из Повести о Михаиле Черниговском есть только в ранних редакциях памятника, большинство которых представлено списками XIV в.[92] В позднейших переделках оно изменено [93]. Описание убийцы Михаила Тверского Романца сходно с описанием Доманца, убившего Михаила Черниговского [94]. Остальные параллели между двумя памятниками, указанные Н. И. Серебрянским, не так бесспорны [95]. Сходные места читаются и в Несторовом Чтении о Борисе и Глебе и житийном Сказании о них.

Влияние этих произведений на Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского более велико, чем принято думать. Обращает на себя внимание композиция Повести о Михаиле Тверском. Прежде чем приступить к главной теме — рассказу о Михаиле, автор дал историю возникновения христианства, его распространения и крещения Руси. Такой прием необычен. Ниже представится случай говорить об идейных целях подобного вступления. Но обращение к новозаветной и русской истории не было здесь оригинальным, хотя и редким. По этой же схеме было построено другое и, кажется, единственное, кроме рассматриваемого, про-

---

описании сходных предметов или ситуаций. Он же указал на источники подобных трафаретов: реальную обрядность и литературное творчество (*Д. С. Лихачев.* Литературный этикет древней Руси.— ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1961, стр. 5, 9). Следовательно, сходство отдельных фраз в памятниках не означает еще непосредственного заимствования, и в то же время каждая формула имеет свои истоки, она исторична.

[90] Н. И. Серебрянский относит жизнеописания этих князей к определенной литературной группе княжеских житий (*Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., стр. 288).

[91] Там же, приложение, стр. 58.

[92] Там же, стр. 62, вар. 94; стр. 67, 70 (список XVI в.).

[93] Там же, стр. 78 и вар. 203; стр. 86.

[94] Отмечено Н. И. Серебрянским (там же, стр. 251).

[95] Там же, стр. 251—252, 255.

изведение русской агиографии — Чтение о Борисе и Глебе Нестора. Совпадение в планах Повести и Чтения следует объяснять влиянием последнего. Есть и сходные выражения: «владыко, призри на смирение мое и подаи же разумъ сердцю моему» (стр. 1)[96] — «владыко господи Исусе Христе, подаи же ми разумъ и умъ» (л. 31 об.); «и се ненавидяи добра дьяволъ» (стр. 6) — «не хотяще добра роду християньскому дьяволъ» (л. 33 об.); убийцы Бориса «акы звѣрие дивии нападоша на нь» (стр. 11) — убийцы Михаила «яко дивии звѣрие, немилостивии кровопивци, разгнавше всю дружину» (л. 46 об.); вышегородский старейшина «повелѣ слугамъ своимъ на мѣстѣ томъ стрещи святого тѣла» (стр. 14) — Юрий послал двух «от слугъ своих стеречи святого телеси» (лл. 47 об.—48); о трупе Глеба: «тѣло святого лежаще цѣло, ни звѣремъ, ни птицамъ прикоснувъшимся его» (стр. 14) — о трупе Михаила: «об нощь бо лежа тѣло на земли, а не прикоснуся ему ни что же от звѣрей» (л. 48), рядом с этими описаниями в обоих памятниках приводится стих 22 из псалма XXXIII.

Следует иметь в виду, что приведенные фразы составляют особенность только Чтения о Борисе и Глебе Нестора. За исключением фразы об убийцах Бориса их нет ни в Сказании, ни в летописной статье о Борисе и Глебе. Вероятно, не все приведенные места Повести нужно считать заимствованными непосредственно из Чтения Нестора, но влияние последнего явно. Несторово сочинение о Борисе и Глебе, несомненно, было знакомо игумену Александру. Оно послужило одним из источников Повести о Михаиле Тверском.

Александр знал и другое произведение о Борисе и Глебе — житийное Сказание. На это указывает текстуальное сходство между двумя памятниками (первой приводится цитата из Сказания о Борисе и Глебе, второй — из Повести): Борис читал молитву «съ сльзами горькыми и частыимь въздыханиемь и стонаниемь многымь» (стр. 33)[97] — Михаил «словяше бога со многими слезами и съ глубокым воздыханиемъ» (л. 41 об.); «яко сътворихомъ повеленое тобою» (стр. 43) — «се уже велѣное вами сътворихом» (л. 47); «и не можааше тьрпѣти на единомь мѣстѣ» (стр. 47) — «не могуще терпѣти, отбѣгоша въ станы» (л. 48); «и ту испроврьже животъ свои зълѣ и приятъ възмьздие отъ господа» (стр. 47) — «злѣ испроверже окаян[ыи] живот свои, прият вѣчныя мукы окаянн[ыи]» (л. 48); «се же пречюдьно бысть и дивьно, и памяти достоино, како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, то же не врежено пребысть ни отъ коего же плътоядьца, ни бѣаше почьрнѣло, яко же обычаи имуть телеса мьртвыхъ, нъ

---

[96] Цитаты из Несторова Чтения о Борисе и Глебе приводятся по изданию: *Д. И. Абрамович.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.

[97] Цитаты из Сказания о Борисе и Глебе приводятся по изданию: *Д. И. Абрамович.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им.

свѣтьло и красьно, и цѣло» (стр. 48) — «Се чюднее сътвори богъ своею чюдною неизреченою милостию. Ис толь далее страны везено тѣло святого на телѣз[е] и в санех, по томъ же лѣто все стояло на Москвѣ, обрѣтеся все тѣело цѣло и красно, а не истлѣвше» (л. 50). Кроме того, в обоих памятниках цитируются одни и те же стихи из священного писания: Пс. XC, 10 (стр. 50 и л. 37); Пс. LI, 3—5, 7 (стр. 43 и л. 42 об.); Пс. LIV, 13 (стр. 36 и л. 46); Пс. XXXIII, 21 (стр. 43 и л. 48).

Приведенный материал, содержащийся только в Сказании о Борисе и Глебе (его нет ни в Чтении Нестора, ни в летописной статье о Борисе и Глебе), свидетельствует, что Сказание о братьях также было источником Повести о смерти в Орде Михаила Тверского. Обращение к двум памятникам о Борисе и Глебе станет понятным, если учесть большую популярность Бориса и Глеба на Руси, повсеместное почитание их культа, широкую распространенность самых разнообразных сочинений об этих князьях [98]. Напомним, что и древнейшие стихиры Михаилу Тверскому были списаны со стихир Борису и Глебу.

Четвертым русским источником Повести о Михаиле была летопись. В предисловии памятника помещена небольшая хронологическая выкладка: от татарского нашествия до рождения Михаила «минувшим 30 и 4 лѣт» (л. 33). Выкладка точна. По летописям, Михаил Ярославич родился в 1271 (6779) г., нашествие татаро-монголов на Русь началось в 1237 (6745) г. [99] Вероятно, под влиянием летописи составлен заголовок Пространной редакции: «В лѣто 68[26-го]. Убиенъ бысть благовѣрныи и христолюбивыи великыи князь Михаило Ярославичь мѣсяца ноября 22 день» (л. 30) [100]. То же влияние прослеживается в начальной части памятника — в рассказе о крещении Руси и событиях до рождения Михаила. Автор Повести, следуя здесь за Чтением Нестора, тем не менее обращался и к летописным текстам.

Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском	Лаврентьевская летопись [101]
«Оттоле распространися святая вѣра по всеи земли, и бысть веселие и радость велика в новопросвѣщеных людех; точию единъ дияволъ сѣтовашеся, побѣжаемъ	«а дьяволъ стеня глаголаше: «...и се уже побѣженъ

[98] По наблюдениям Н. И. Серебрянского, житийное Сказание о Борисе и Глебе было непременным источником почти каждого русского княжеского жития (*Н. И. Серебрянский*. Указ. соч., стр. 291).

[99] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 460; т. XVIII, стр. 54, 74; т. XV, вып. 1, стлб. 29, 33. В новгородских летописях нападение татар отнесено к 6746 г. (НПЛ, стр. 74 и 286), а рождение Михаила Ярославича не отмечено.

[100] Подобный заголовок имеет и первоначальная редакция жития Александра Невского (*Д. С. Лихачев*. Текстология. М.— Л., 1962, стр. 135—136; *Ю. К. Бегунов*. Памятник русской литературы XIII века. М.— Л., 1965, стр. 159, вар. I, 1—1 (списки А, В, О)).

[101] Цитируется по изданию: ПСРЛ, т. I, вып. 1—3, изд. 2.

от тѣх, ими же преже тѣх чтим бываваше, жертву приимая и вся и угодная» (лл. 32—33 об.)	есмь от невѣглас»» (стлб. 118); «а дѣмони проклинаеми от благовѣрных мужь и от вѣрных женъ, иже прияли суть крещенье и покаянье, въ отпущенье грѣховъ, новии людье христьяньстии» (стлб 120—121); «а врагъ сѣтоваше ться, побѣжаемъ новыми людьми христьяньскыми» (стлб. 153).
«Сего не терпя врагъ душь наших, опромѣташеся льстивыи, како бы съвратити съ правааго пути их, и вложи въ сердце их зависть, ненависть, братоубийство» (л. 32 об.) «Господь же премилостивыи богъ, не терпя видѣти погыбающа от диявола (*П, Тих., М, К*) род нашь, претяше намъ казньми, хотя нас обратити от злобъ наших, посла на ны казнь, овогда глад, овогда смерть во человѣцѣх и скотѣх» (л. 32 об.)	«дьяволъ радуется злому убииству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы; земли же согрѣшивше которѣи любо, казнить богъ смертью ли гладомъ, ли наведенье поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми» (стлб. 167—168; ср. стлб. 148, 222—224)

Но особенно показательным является следующее место Повести.

Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском	Симеоновская летопись [102]
«Нъ възлюблении князи руcстии! Не прелщаитеся суетными мира сего и вѣка суетнаго и скороминующаго, иже хуже паучины минуетъ. Ничто же бо принесосте на свѣтъ сеи, ни отнести можете, злата и сребра или бисера многоцѣннаго, нежели градовъ и власти, о них же каково убииство сътворися» (л. 47 об.)	«О възлюблениии князи русскии! Не прелщаитеся пустошною и прелестною славою свѣта сего, еже хужьши паучины есть и яко стѣнь мимо идеть, не принесосте бо на свѣтъ сеи ничто же, ниже отнести можете» (стр. 73)

Бóльшая часть Поучения русским князьям, боровшимся за «грады и власть» с Михаилом Тверским, оказывается списанной с Поучения, помещенного в летописной статье 1270 (6778) г., где рассказывалось о смерти Романа Рязанского. Статья в таком виде читалась в Троицкой летописи [103] и в Лаврентьевской [104]. М. Д. Приселков предполагал, что Поучение вставлено в статью 1270 г. тверским сводчиком 1305 г. из рязанского летописца [105].

---

[102] Цитируется по изданию: ПСРЛ, т. XVIII. Сходное место читается в Новгородской IV летописи (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2, стр. 220).

[103] *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 330, прим. 3 (прямая ссылка Н. М. Карамзина на Троицкую летопись).

[104] Как известно, статьи с 6771 г. (конец) по 6791 г. (начало) в Лаврентьевской летописи отсутствуют из-за механической утраты листов (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 481, прим. А. Текст Лаврентьевской летописи восстанавливается по Симеоновской (Троицкой).

[105] *М. Д. Приселков.* Лаврентьевская летопись (история текста).— «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, № 32, вып. 2. Л., 1939, стр. 140.

Параллельный текст в другом близком по времени тверском памятнике увеличивает вероятность предположения М. Д. Приселкова[106]. На основании же отмеченного сходства можно с уверенностью говорить о том, что игумену Александру был известен великокняжеский свод 1305 г. Михаила Ярославича, послуживший оригиналом для Лаврентьевской летописи. Этот свод стал одним из источников Повести. Вторая часть Поучения князьям из Повести о Михаиле была, вероятно, составлена под некоторым влиянием житийного Сказания о Борисе и Глебе[107]. Окончание Поучения в Повести (последние 10 слов) оригинально.

Рассуждение о том, что означает «чудесное» явление огненного столпа или светлого облака, имеющееся в Повести о Михаиле, написано под влиянием Повести Временных лет[108]. Надо заметить, что все рассказы о чудесах у тела или гроба Михаила — книжного происхождения, за исключением, быть может, эпизода с упавшим с саней сторожем. Автор черпал описание чудес из литературных источников. Один из них может быть назван. Это Киево-Печерский патерик. В Послании Симона Поликарпу говорится, что в житии Феодосия описано «како столпъ огненъ явися отъ земле и до небесъ, овогда же облакъ, иногда же яко дуга отъ връха оноа церкви на сие мѣсто»[109]. Примерно то же читается в Повести о тверском князе: многие видели «столпъ огненъ сияющь от земля и до небеси, инии же яко дугу небесную, прикладающе над хлѣвину, идѣ же лежит тѣло (Михаила.— *В. К.*)» (лл. 48 об.—49). Знакомство с сочинением о первых русских подвижниках вполне естественно для тверского монаха.

Влияние других произведений древнерусской письменности на Повесть не было столь явным, как перечисленных. Текстуальных совпадений с иными памятниками почти нет. Поэтому при

---

[106] А. Н. Насонов полагает, что Поучение князьям в статье 1270 г. Лаврентьевской летописи относится к ростовскому источнику этой летописи (*А. Н. Насонов.* Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.— «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963, стр. 454).

[107] Так утверждал Н. И. Серебрянский (Указ. соч., стр. 255; здесь же дан и параллельный текст). Аналогичный Повести отрывок из Сказания о Борисе и Глебе читается только в Сказании, его нет ни в Чтении Нестора, ни в летописной статье о Борисе и Глебе. Получаем еще один аргумент в пользу знакомства автора Повести о смерти Михаила Тверского с житийным Сказанием о Борисе и Глебе.

[108] ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2, стлб. 284—285. По А. А. Шахматову, это рассуждение было оригинальным и принадлежало перу составителя третьей редакции Повести временных лет (*А. А. Шахматов.* Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания.—ЛЗАК, вып. XXIX. М., 1916, стр. 333).

[109] «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 7, 192; ср. вар. на стр. 235 и 253; *В. Яковлев.* Памятники русской литературы XII и XIII веков. СПб., 1872, стр. 119.

определении нижеследующих источников Повести приходится исходить только из сходства тем и характера их трактовки.

Касаясь крещения Руси, автор Повести пишет: «Господь же премилостивыи богъ божественным своимъ промышлениемъ начя послѣднии вѣкъ, яви благодать свою на русскомъ языцѣ, приведе великаго князя Володимера Русскаго въ крещение. Володимеръ же просвѣщенъ святого духа благодатию, введе всю землю Рускую въ крещение» (л. 32). Приведенная цитата интересна двумя особенностями. Во-первых, в ней ничего не говорится об апостоле Андрее, с именем которого уже в начале XII в. летописатели связывали распространение христианства на Руси[110]. Во-вторых, крещение Руси изображается как благодать, нисшедшая на князя Владимира. Такие особенности в понимании и объяснении принятия Русью христианства в памятнике XIV в. могли появиться только под воздействием более ранних произведений. Здесь уместно указать на Чтение о Борисе и Глебе Нестора, Слово о законе и благодати митрополита Иллариона, Память и похвалу князю Владимиру Иакова мниха и житие этого князя[111]. Эти памятники ничего не сообщают об апостоле Андрее. Распространение на Руси христианства связывается в них исключительно с именем Владимира. Но тема благодати гораздо полнее и глубже раскрыта в Слове Иллариона[112]. Поэтому есть основание говорить о влиянии на Повесть этого Слова.

Произведения другого выдающегося писателя средневековой Руси — Серапиона Владимирского — также оказали воздействие на Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского. Выступая против княжеских усобиц, автор Повести напоминал читателям: «О том рече [господь — *доб. Т, Тих., М, К*] пророкъмъ: «Аще обратитеся ко мнѣ и останетеся от злобъ ваших, то вложу любовь княземъ вашим. Аще ли не останетеся злаго обычая вашего, ни покаитеся от многых безакониих своих, всякою казнью покажню вас»» (л. 34)[113]. В том же духе поучал и Серапион: «не обратихомся к господу, не покаяхомся о безаконии нашихъ, не отсту-

---

[110] Русская легенда об апостоле Андрее вставлена в основную редакцию Повести временных лет 1111 г. (*А. А. Шахматов*. Повесть Временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания, стр. XXIII—XXIV, стр. 7—8; *он же*. Повесть Временных лет и ее источники.— ТОДРЛ, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 149—150).

[111] *А. В. Горский*. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. М., 1844, стр. 22—51; *С. А. Бугославский*. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру.— ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1925, стр. 141—153. Два последние памятника написаны до XIV в. (*С. А. Бугославский*. Указ. соч., стр. 140—141).

[112] *И. Н. Жданов*. Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру.— В кн.: *И. Н. Жданов*. Сочинение, т. I. СПб., 1904.

[113] Ср. «Аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны богъ велить жити, глаголеть бо пророкомъ намъ: «Обратитеся ко мнѣ всѣмь сердцемь вашимъ, постомъ и плачемъ»» (ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2, стлб. 168, под 6576 г.) Параллели из этой статьи к другим местам Повести о Михаиле Тверском см. выше, стр. 242.

пихомь злых обычаи наших»[114]. К сочинениям Серапиона обращался и сподвижник игумена Александра — Акиндин[115]. По мысли автора Повести о Михаиле Тверском, под ярмо татар Русь привела вражда князей. Татарское иго, власть татарских ханов он расценивал как наказание свыше за постоянные грехи, постоянные междоусобия. В подтверждение своей мысли автор приводил исторические примеры: «Егда бо господь Титу Иерусалимъ предастъ, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И пакы: егда Фоцѣ Царьград преда, не Фоцю любя, но Царьград казня за людская прегрѣшения» (л. 34 об.). О политическом смысле сравнения речь пойдет ниже, здесь же следует указать на возможный источник приведенных параллелей. О взятии Иерусалима будущим римским императором Титом в 70 г. н. э. и о захвате императорской власти в Византии в 602 г. сотником Фокой Капподокийцем на Руси знали по переводным византийским хроникам и компилятивным сочинениям по всемирной истории, составленным уже на русской почве. Рассказы о Тите и Фоке приводит Георгий Амартол[116], они есть в Еллинском летописце первого и второго видов[117] и в очень кратком изложении в Хронографической Палее[118]. Последняя не содержит материала, на основании которого автор Повести о Михаиле мог бы сделать свои обобщения относительно Тита и Фоки. Статьи о взятии Иерусалима и сотнике Фоке в Еллинском летописце первого вида восходят к Амартолу[119]. Остается два возможных источника Повести: Амартол и Еллинский летописец второго вида. Из них предпочтение следует отдать Еллинскому летописцу. В статьях о Тите и Фоке этого летописца дано объяснение, почему бывают недостойные цари, князья и епископы. Недостойный правитель или наставник — это наказание свыше за людские грехи и беззакония[120]. Ту же идею развивает и автор Повести о Михаиле[121].

---

[114] *Е. Петухов.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века.— «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. XVII. СПб., 1888, прибавление к исследованию, стр. 8—9.

[115] *В. А. Кучкин.* Источники «Написания» мниха Акиндина.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 66.

[116] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I. Пг., 1920, стр. 265—300, 430—433.

[117] *А. Н. Попов.* Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, стр. 45, 85, 88.

[118] ГБЛ, ф. 256, № 453, л. 413 об.— 415 об., 432 об.; текст восходит к Амартолу (*В. М. Истрин.* Редакции Толковой Палеи.— ИОРЯС, 1905, кн. 4, стр. 186, 193—194; 1906, кн. 3, стр. 426, 429). Время появления Хронографической Палеи точно не известно. В. М. Истрин датирует ее второй половиной XIII—XV вв. (*В. М. Истрин.* Редакции Толковой Палеи.— ИОРЯС, 1906, кн. 3, стр. 434—435).

[119] *А. Н. Попов.* Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 45.

[120] ГБЛ, ф. 228, № 162, лл. 235, 240, 240 об., 334 об.— 335. Последняя статья — «Слово о черноризце» — представляет собой ответ Анастасия Синаита (ср. «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года».— ОЛДП, вып. LV. СПб., 1880, лл. 95 об.— 96).

[121] Подробнее см.: *В. А. Кучкин.* Один из источников Еллинского летописца второго вида.— «Византийский временник», т. XXVII. М., 1967.

У Георгия Амартола подобные сентенции о наказании за прегрешения высказаны только в статье о взятии Иерусалима[122]. Таким образом, Еллинский летописец второго вида — еще один вероятный источник Повести о смерти в Орде Михаила Тверского[123].

В целом источники Повести довольно многочисленны. Это священное писание, июльская Минея с житием Коинта, жития Дмитрия Солунского, Михаила Черниговского, Чтение о Борисе и Глебе Нестора, житийное Сказание о Борисе и Глебе, летопись. Отметим, что летопись и Чтение о Борисе и Глебе использованы как в предисловии, так и в основной части памятника. Это еще раз свидетельствует о целостности Пространной редакции Повести о Михаиле. К весьма вероятным источникам сочинения игумена Александра следует отнести переводные и Киево-Печерский патерики, Слово о законе и благодати митрополита Иллариона, произведения Серапиона Владимирского, Еллинский летописец второго вида. Перечисленные памятники указывают на широкую начитанность автора. Он свободно пользуется материалом. Если исключить из текста Повести цитаты из Псалтири, то окажется, что автор весьма редко прибегает к дословному пересказу, гораздо чаще он перифразирует свои источники, излагает их основное содержание. Его писательские приемы также говорят о том, что это был человек начитанный, «книжный».

Кроме письменных источников, в Повести о смерти в Орде Михаила Тверского нашли отражение и устные рассказы участников случившегося. По таким рассказам составлено описание событий от убийства Михаила до возвращения на Русь князя Юрия Даниловича. Здесь автор неоднократно ссылается на свидетельства очевидцев (лл. 48 об., 49). Возможно также, что собственные воспоминания автора Повести о пребывании в Орде первоначально были оформлены в виде дорожного дневника, отсюда хронологическая точность повествования.

Определение источников Повести о Михаиле Тверском позволяет не только полнее охарактеризовать творчество автора Повести, приемы его работы, но и сделать выводы более широкого характера.

В разнообразии памятников, использованных в Повести, нашел свое яркое отражение тот высокий уровень культуры, которого достигла Тверь к началу XIV в. Такое проявление культурного творчества в Твери в столь ранний период ее истории не должно удивлять. В конце XIII в. здесь строится грандиозный

---

[122] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I, стр. 268—277.

[123] Еллинский летописец второго вида существовал уже в первой половине XIII в. (*В. М. Истрин.* Из области древнерусской литературы.— ЖМНП, 1903, № 10, стр. 215; *А. А. Шахматов.* Новая хронологическая дата в истории русской литературы.— ЖМНП, 1904, № 1, стр. 175).

Спасский собор; с 80-х годов XIII в. началось ведение местной тверской летописи, позднее включенной в великокняжеский свод 1305 г. Михаила Ярославича; началом XIV в. следует датировать выполнение тверскими миниатюристами великолепных иллюстраций к Хронике Георгия Амартола; около 1316 г. было написано оригинальное по мысли Послание к Михаилу Ярославичу отрочского монаха Акиндина. Повести о Михаиле Тверском предшествовал, таким образом, целый ряд явлений сходного культурного порядка и значимости.

Примечательно также то большое влияние, какое оказали на тверскую Повесть русские литературные памятники XI — первой трети XIII в. Несмотря на почти вековое существование татарского ига, усилившего разобщенность русских земель, нарушившего старые связи Киева с Северо-Востоком, в Твери сохранялись литературные традиции Киевской Руси, жило сознание духовного единства русского народа. В начале XIV в. Тверь являлась тем сравнительно молодым и сравнительно редким центром Северо-Восточной Руси, где следовали лучшим образцам русской литературы домонгольского периода, где обогащали и развивали литературное наследие киевской эпохи.

5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

Созданная в тяжкую пору татаро-монгольского владычества на Руси, рассказывавшая о трагичной судьбе в Орде русского князя Повесть о Михаиле Тверском не могла, естественно, обойти молчанием наиболее сложную и острую проблему общественно-политической жизни того времени — отношение к иноземному игу. Вторая важная тема, поднятая в Повести,— это вопрос о княжеских усобицах, способствовавших упрочению власти татаро-монгол над русскими землями. Автора памятника, как и многих его современников, волновала судьба Руси, уже длительное время испытывавшей гнет чужеземцев. Время требовало от него ясных и определенных оценок политических взаимоотношений Орды и Руси, внутренней политики русских князей. Между тем ситуации 1319—1320 гг., когда завершалась работа над Повестью, вынуждала тверского книжника к известной сдержанности политических высказываний. Золотая Орда, несмотря на неудачу похода на Абу-Саида в начале 1319 г., продолжала крепнуть. В ней прекратились внутренние смуты, усилилась власть хана Узбека. В военном могуществе татаро-монгол автор Повести мог убедиться воочию, наблюдая «бесчисленое множество от всѣх языкъ» в ставке ордынского правителя. В Руси на столе великого княжения Владимирского утвердился торжествовавший победу над Михаилом московский князь. Внешние обстоятельства не позволяли тверичу вполне открыто писать о своих политических симпатиях и антипатиях. Отсюда в Повести

некоторые недомолвки, намеки, стремление укрыться за цитатами из писания и историческими параллелями, отсутствие иногда прямых выводов там, где их можно было ожидать. И если при всей осторожности и осмотрительности автор Повести позволял себе резкие отзывы о врагах Михаила Тверского, о политике татаро-монгол на Руси—это яркий показатель глубины национального протеста, все более назревавшей необходимости иного пути внутри- и внешнеполитического развития русского Северо-Востока.

Политическая направленность памятника выразилась прежде всего в характеристиках, какие даны участникам событий. В характеристиках много эмоционального, и это понятно. Для слушателей, а Повесть, видимо, читалась как проповедь, подобные характеристики были наиболее доступны и должны были вызывать ответные чувства. Но автор Повести не ограничился нелестными замечаниями о противниках Михаила и неумеренными восхвалениями тверского князя. В его рассказе есть тонкие оценки, свидетельствующие о большой наблюдательности и глубоких раздумьях, проницательные политические выводы и рекомендации, хотя и облаченные в привычную для того времени религиозную форму. И этот элемент рассудочности, доказательности был тесно связан с элементом эмоциональным.

Сквозь призму логики и чувства рассматривает автор Повести деятельность ордынских правителей, причастных к казни Михаила. Один из них — Кавгадый, «князь» по терминологии памятника, приближенное и доверенное лицо хана Узбека. Уже при первом упоминании Кавгадыя чувствуется явная неприязнь к нему автора Повести. Когда в 1317 г. Юрий Московский сумел получить в Орде за «многое серебро» великокняжеский ярлык, «безаконии измаилтене... отпустиша с ним на Русь единаго от князь своих беззаконнаго треклятаго Кавгадыя» (лл. 34 об.—35). В дальнейшем характеристика Кавгадыя как «безаконнаго» и «треклятаго» раскрывается в полной мере. В описании похода Юрия «с кровопиицемъ с Ковгадыемъ» (л. 35) на Тверь говорилось о зверствах московских и особенно татарских войск: «имающи бо мужи, мучиша разноличными ранами и муками, и смерти предааху, а жены их оскверниша погании» (л. 35—35 об.). Убийства и надругательства «поганых» совершались, несомненно, с ведома Кавгадыя, и тверской книжник недаром именовал его «кровопиицемъ». В Кавгадые автор Повести видел непосредственного виновника смерти Михаила: «А окаанного Кавгадыя съ другы повелѣ князь велики избити [т. е. «избыти».— *В. К.*], в немъ же бысть послѣдняя [124] горкая погыбель» (л. 36 об.).

Повелением Узбека Кавгадый возглавил разбирательство

---

[124] «Послѣдняя» — здесь в смысле «нынешняя» (*И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стлб. 1246).

спора Михаила с Юрием [125]. Автор памятника удивительно тонко подметил юридическую несообразность судебной роли ордынского князя: «Се бо бяше нечестивыи Ковгадыи самъ судья и сутяжеи, тои же лживъ послух бываше, покрывая же лжею своею истиная словеса вѣрнаго Михаила, и изрече многозамышленыя вины на блаженаго на непорочнаго христова воина, а свою страну оправдая» (л. 40). Суд над Михаилом, организованный по приказу хана, велся с грубым нарушением обычных процессуальных норм. Кавгадый выступал на нем не только как судья, но и в качестве истца и свидетеля. Поэтому автор Повести был прав, когда писал о неправомерности решений суда над Михаилом, называя этот суд неправедным (л. 40), а Кавгадыя — беззаконным не только потому, что тот не был христианином, но и потому, что в ходе расследования Кавгадый бесцеремонно не считался с нормами ведения подобных дел.

Склонный объяснять поступки Кавгадыя свойствами его натуры, автор Повести рисовал его человеком злобным, коварным, лицемерным и жестоким. Если верить памятнику, томившийся в оковах тверской князь горько сетовал на Кавгадыя: «Безаконныи же Ковгадыи злая мысли на мя по вся дни. «Языкъ твои, яко бритву изоострену, сътворилъ еси лесть, възлюбилъ еси злобу паче добра» [126], забыл еси многих моих даровъ, глаголалъ еси на мя неправду ко цареви...» (л. 42 об.); «аще бы ми врагъ Ковгады[и] поносил, претрпѣл убо бых ему, но и сеи, ненавидяи мене, велѣрѣчюет о мнѣ, и «се и ему нѣсть изменения от бога»» (л. 46) [127]. Таким предстает Кавгадый и в рассказе о последнем суде над тверским князем: «нечестивыи же Ковгадыи, имѣя «ядъ аспиденъ под устнами их» [128] своими, пакы досажая души долготерпѣливаго Михаила, повелѣ его привести и в торгъ в таковои укоризне. Созва вся заимодавца и повелѣ святого поставити на колѣну пред собою, величашеся безаконныи «власть ими» [129] над праведным. И многа словеса изрече, досадна праведнаму...» (л. 43 об.). Мрачный портрет Кавгадыя дополнялся в Повести впечатляющим описанием его смерти: ««Смерть же грѣшником люта» [130], еже и бысть треклятому и безаконному Кавгадыю: не пребывъ ни до полулѣта, злѣ испроверже окаян[ыи] живот свои, прият вѣчныя мукы окаяни[ыи]» (л. 48). Отталкивающий образ

---

[125] Так по крайней мере передает автор Повести распоряжение Узбека: «сътворита (сотворите.—*Тих., М, К*) има суд съ князем Юрьемъ» (л. 39 об.). Насколько можно судить по дальнейшему изложению событий в Повести, суд вылился не в рассмотрение распри двух русских князей, а в разбирательство дела между Михаилом и Кавгадыем, представлявшим интересы Орды.

[126] Пс., LI, 4—5.

[127] Вся фраза представляет собой небольшую переработку стихов 13 и 20 из Пс., LIV.

[128] Пс., CXXXIX, 3.

[129] Матф., VII, 29.

[130] Пс., XXXIII, 22.

Кавгадыя умело выписан автором Повести. Но Кавгадый — это приспешник хана Узбека, один из видных представителей ордынской администрации, и его отрицательная характеристика — яркое свидетельство политических антипатий тверского писателя.

Подстать Кавгадыю обрисованы в Повести и остальные ордынские князья, участвовавшие в суде над Михаилом. О них сказано цитатой: «Поставлю властеля, ругателя их, и судью, не милующа их»[131] (л. 40). В памятнике татарские судьи названы нечестивыми, а их распоряжения определены как беззаконные (лл. 40, 41, 41 об.). Тверской игумен обвинял ордынских князей в злобе и пристрастии: «не вмениша себѣ ни мала словеса на (*нет Л, Т, Тих., М, К*) блаженаго, но рѣша в собѣ: «Поносы и узами стяжимъ его и смертью нелѣпотною осудимъ его, яко неключимъ есть нам, не послѣдуетъ нравомъ нашим». Яко же бо въсхотѣша злобы, тако и сътвориша» (л. 40 об.). Но не только злоба и пристрастие руководили приближенными хана Узбека. Содержание процитированного отрывка более глубоко, чем может показаться с первого взгляда. Свое решение судьи вынесли после разбора обвинений и ответов на них Михаила Тверского. Обвинения носили политический характер: «царевы дани не далъ еси, противу посла билъся еси, а княгиню Юрьеву повелѣлъ еси уморити» (л. 40). Были перечислены только те действия Михаила, которые затрагивали интересы татар. Интересы русских во внимание не принимались[132]. Заключение судей по обвинениям подобного рода также должно было иметь политический оттенок. Совершенно очевидно, что синклит ордынских князей признавал действия Михаила идущими вразрез с интересами татаро-монгол на Руси («не послѣдуетъ нравом нашим»), а его самого — лицом неблагонадежным по отношению к Орде («неключимъ есть нам»). Весьма вероятно, что таким в действительности было мнение ордынских князей, и бесспорно, что так понимал его сам автор Повести, хотя и приводил ответы Михаила, старавшегося доказать свою лояльность по отношению к татарам (л. 40 об.). Признание автором памятника несовместимости интересов своего князя и Орды представляется весьма важным для уяснения политических идей Повести о Михаиле.

Несомненно однако, что вершителем судьбы Михаила являлся сам хан Узбек. Без его санкции не могла состояться казнь тверского князя. Авторы памятников, предшествовавших Повести о Михаиле Тверском и повествовавших о гибели в Орде русских князей, обычно умалчивали о роли татаро-монгольских ханов в таких казнях, предпочитая писать о татарах вообще[133]. Но твер-

---

[131] Исаия, III, 4.

[132] Юрьева княгиня упоминалась лишь потому, что была сестрой хана Узбека.

[133] См. известие Ипатьевской летописи об убийстве Ярослава Всеволодовича и Михаила Всеволодовича (ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стлб. 808, под

ской книжник не только не скрыл причастности Узбека к убийству Михаила, но и возложил на хана главную ответственность за смерть тверского князя. В Повести прямо говорилось, что решение о казни Михаила Кавгадый получил от Узбека: «Въ тои час окааныи Кавгадыи въхожрааше ко царю, исхожаше съ отвѣты на убиение блаженааго Михаила» (л. 45 об.). По приказу хана был организован и суд над Михаилом Тверским: «...рече царь княземъ своим: «Что ми есте молвили на князя Михаила, сътворита [сотворите — *Тих.*, *М*, *К*] има суд съ князем Юрьемъ. Да котораго сътворите въ правду, того хочю жаловати, а виноватаго казни предати». А не вѣси, окаанне, аже ся своею казнью исплелъ еси ему венець пресвѣтел» (л. 39 об.). Обращает на себя внимание заключительная авторская ремарка, в которой Узбек совершенно недвусмысленно обвинялся в смерти Михаила. Не скрыл автор памятника и своего неприязненного чувства к хану, назвав его «окаянным». Это чувство вызывалось не только той ролью, какую играл Узбек в судьбе Михаила, но и глубоко отрицательным отношением тверского писателя ко всему периоду правления Узбека и татаро-монгольскому игу вообще.

Начало властвования Узбека в Повести охарактеризовано следующим образом: в Орде «...сѣде инъ царь именем Озбякъ и видѣ (поиди в — *Т*, боиде въ — *Тих.*, вниде въ — *М*, воиде в — *К*) богъмерьскую вѣру сроциньскую. И оттолѣ начаша не щадити рода християньска, яко же бо о таковых рекоша царскиа дѣти въ плѣну в Вавилонѣ сущии, глаголаху: «Предастъ ны в руцѣ... царю немилостиву законопреступну, лукавнѣишю паче всея земля»» (л. 34—34 об.).

Оценка, данная Узбеку русским книжником, во многом соответствовала действительности. Неофит, ревностно насаждавший мусульманство, Узбек жестоко преследовал всех инаковерующих, в том числе и христиан. Игумен Александр сравнивал Узбека с жестоким вавилонским царем Навуходоносором II, о котором рассказывала Библия. Приведенный выше отрывок заканчивается стихом 32 из III главы Книги пророка Даниила. Последняя сохранилась в трех славянских переводах, восходящих к Лукиановскому и Исихиевскому греческим изводам [134]. Однако ни в греческих, ни в славянских текстах 32 стиха III главы Книги пророка Даниила нет слова «законопреступну» [135]. Становится

6758 г.) В статье 6753 г. той же летописи в смерти Михаила обвинялся Батый — «Батыи же яко свѣрпыи звѣрь возьярися, повелѣ заклати» (там же, стлб. 795). В Лаврентьевской летописи подобное указание на Батыя отсутствует (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 471, под 6754 г.). Нет его и в ростовской редакции Повести о Михаиле и Федоре Черниговских (*Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., приложение, стр. 51). Но в редакции Повести, приписываемой отцу Андрею, есть обвинение против Батыя (*Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., стр. 57). Ср. также рассказ о смерти Романа Рязанского, где хан даже не упоминается (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 73, под 6778 г.).

[134] *И. Евсеев.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе.

[135] Там же, ч. III, стр. 44—45.

очевидным, что оно вставлено самим автором Повести о Михаиле для усиления отрицательной характеристики Узбека. Отзыв об ордынском хане как «законопреступном» логически вытекал из представлений тверского книжника о незаконности, неправомерности суда над Михаилом и судебных решений, которые утвердил Узбек. Но назвать законопреступным ордынского хана, олицетворявшего власть татаро-монгол над Русью, было большой смелостью. Этого не отваживался сделать ни один русский писатель времени первых 80 лет татарского ига [136].

Враждебное отношение к чужеземному повелителю Руси и его окружению соединялось у автора Повести о Михаиле с резко отрицательным отношением к установлению господства татаро-монголов над русскими землями и последующему проявлению этого господства. В Повести кратко изложена история возникновения и распространения христианского учения, в том числе и история принятия христианства Русью. Подобные экскурсы в прошлое необходимы были автору памятника для того, чтобы возвеличить Михаила Тверского. Смерть своего князя тверской игумен пытался представить как христианский подвиг, а самого Михаила — мучеником веры, причем мучеником не только общерусского масштаба (он сравнивался с Борисом и Глебом, Михаилом и Федором Черниговскими), но и масштаба вселенского (отсюда фраза заключительной части Повести: «Радуися, страстотерпче христовъ, яко проиде святое имя твое въ всю вселеную»).

Излагая при этом события от крещения Руси до смерти Михаила, автор Повести специально остановился и на главном из них — завоевании страны татаро-монголами. Причины подпадения Руси под власть чужеземцев отрочский игумен усматривал в различного рода недостатках, присущих русским людям. В духе средневековых религиозных воззрений он пытался объяснить эти недостатки происками дьявола, его мщением за принятие Русью христианства: «сего не терпя врагъ душь наших, опромѣташеся льстивыи, како бы съвратити съ правааго пути их, и въложи въ сердце их зависть, ненависть, братоубииство; нача въсхитити и имѣния сынъ подо отцемъ, брат меньшии под старѣишимъ братомъ, умножися неправда и злоба многа въ человѣцѣхъ, и предашася въ слабость свѣта сего скороминующаго» (л. 32 об.). Перечисленные «согрешения» довольно трафаретны. Автор Повести о Михаиле повторял то, о чем писали его старшие и млад-

[136] Резкие отзывы о ханах Батые, Ногае и Телебуге с обвинениями в жестокости и неправославии можно встретить главным образом в галицко-волынском летописании (ПСРЛ, т. II, изд. 2, стлб. 780, 786, 795, 876, 881, 888, 890, 891, 893, 894). В статье 6754 г. Лаврентьевской летописи (запись восходит к ростовскому летописному источнику XIII в.) жестокость и иноверие Батыя осуждались косвенно (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 471). Однако ни в юго-западных, ни тем более в северо-восточных источниках нельзя найти отзыва о каком-либо ордынском хане как о законопреступнике.

шие современники[137]. Была, однако, в рассуждениях тверского книжника одна немаловажная особенность. Он указал на междоусобия в Руси как на явление, способствовавшее успеху завоевателей. При этом автор памятника выступал не против всяких столкновений, а против нарушения определенного феодального правопорядка: борьбы младших феодалов со старшими, вассалов против сюзеренов. Именно в нарушении феодального правопорядка обвинял автор Повести Юрия Московского, «брата молодшего», «сыновца» тверского князя, поднявшего руку на «отца» и «брата старейшего». Развивая далее свою мысль о «согрешениях» русских людей, игумен Отроча монастыря писал о «божьих казнях», которые, по его мнению, были ниспосланы свыше за эти «согрешения»: «Господь же премилостивыи богъ, не терпя видѣти погыбающа от ди[я]вола род нашь, протяше намъ казньми, хотя нас обратити от злобъ наших, посла на ны казнь, овогда глад, овогда смерть во человѣцѣх и скотѣх, конечную пагубу преда нас в руцѣ измаилтяном» (л. 32 об.). Татарское иго, по смыслу приведенного текста, было самым большим наказанием, «конечной пагубой» за «грехи». «Пагуба» выражалась в том, что «оттолѣ начяхом дань даяти по [*нет Т*, *Тих.*, *М*, *К*] татарьскому языку, и егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви, носящи множество имѣния своего» (лл. 32 об.— 33). Указания на дань как на основную цель татаро-монгольской политики на Руси встречаются и в других памятниках Юго-Западной и Северо-Восточной Руси[138]. Однако только в Повести о Михаиле Тверском есть существенный дополнительный штрих в характеристике ордынской политики. Утверждение на великокняжеском столе русских князей автор Повести ставил в прямую зависимость от размера выхода, который мог уплатить татарам тот или иной кандидат в великие князья. Более четко та же мысль выступает в рассказе о поездке в Орду Михаила Тверского: «И бывшу ему в Ордѣ, не хотяще добра роду християньскому дьяволъ, вложи въ сердце князем̄ъ

---

[137] Русские писатели второй половины XIII — первой трети XIV в. объясняли установление татаро-монгольского ига и последующие его проявления «божьим наказанием» за «грехи» русских людей. Под «грехами» понимались обычно моральные недостатки, реже — недостатки общественной и политической жизни (НПЛ, стр. 74—77, под 6746 г.; стр. 82—83, под 6767 г.; *Е. В. Петухов*. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века, прибавление, стр. 6, 8, 10, 14; ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 462—464, под 6745 г.; стлб. 481 — ценное указание на связь татарских погромов с междоусобной борьбой русских князей, принадлежащее редактору великокняжеского свода 1305 г. Михаила Тверского).

[138] НПЛ, стр. 89, под 6778 г.; ПСРЛ, т. II, изд. 2, стлб. 808, под 6758 г. В обоих источниках указания на взимание дани, как основную цель политики татаро-монголов на Руси, косвенные. Более определенные высказывания на этот счет содержатся в Лаврентьевской и Симеоновской летописях и проповедях Серапиона Владимирского (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 476, под 6770 г.; XVIII, стр. 79, под 6791 г.; *Е. В. Петухов*. Указ. соч., прибавление, стр. 5).

татарьскымъ свадиша [свадити — *М*, *К*] братию, рекоша князю Юрью: «Оже ты даси выход болши князя Михаила, тебѣ дамъ (дадимъ — *Т*, *Тих.*, *М*, *К*) княжение великое». Тако превратиша сердце его, нача искати княжения великааго. Обычаи бѣ поганых и до сего дни: вмещущи вражду между братиею князи русскыми, себѣ множаишая дары възимаютъ» (лл. 33 об.— 34). Подобное определение не только цели, но и методов политики татаро-монголов было единственным во всей русской средневековой литературе [139]. Тверской книжник совершенно верно указал на то, что сохранение феодальных распрей на Руси отвечало интересам завоевателей. Поддерживая то одного, то другого претендента на владимирский стол, разжигая усобную рознь среди русских князей, Орда извлекала из этого немалые материальные выгоды. Таким образом, автор тверской Повести не только правильно уловил основной смысл татаро-монгольский политики на Руси, но и единственный из русских писателей и публицистов средневековья конкретно раскрыл методы этой политики, заключавшейся в натравливании русских князей друг на друга.

При враждебном отношении к иноземному игу, которое в памятнике определено как «великое пленение русское» (см. л. 33), к ордынскому хану, воплощавшему это иго, тверской автор неизбежно должен был задаться вопросом о временном или постоянном характере татарского господства над Русью. И действительно, рассуждение на эту тему есть в Повести. Оно помещено непосредственно за уже приводившимся 32 стихом III главы Книги пророка Даниила и относится к хану Узбеку, олицетворявшему в глазах русских людей XIV в. владычество татаро-монголов над русскими землями: «Егда бо господь Титу Иерусалимъ предасть, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И накы: егда Фоцѣ Царьград преда, не Фоцю любя, но Царьград казня за людская прегрѣшения. Еже и си нас дѣля бысть за наша съгрѣшения» (л. 34 об.). Власть хана над Русью автор Повести сравнивал с властью Тита над Иерусалимом и Фоки Каппадокийца над Константинополем.

Пример с Фокой особенно красноречив. Сотник Фока удерживал императорский трон лишь в течение восьми лет, после чего власть снова перешла в руки «законных», с точки зрения средневековых хронистов, императоров [140]. Тем самым тверской писатель давал понять, что и власть татарского хана является временной. Ее существование он ставил в прямую зависимость от «наших согрешений», под которыми понимал, как в этом можно было убедиться выше, моральные недостатки, а также, что особенно важно, феодальные распри, выступления младших князей против старших. Под религиозной оболочкой у автора Повести

---

[139] Ср. *А. Н. Насонов.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник.— «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 379.

[140] *G. Ostrogorsky.* History of the Byzantine state. Oxford, 1956, p. 76.

о Михаиле Тверском обнаруживается весьма трезвая политическая мысль: борьба с татаро-монгольским игом может быть успешной только в том случае, если прекратятся усобицы на Руси.

Таким образом, в тверском памятнике первой четверти XIV в. впервые в русской литературе была выдвинута антиордынская политическая программа, которая оказала заметное влияние на формирование патриотических освободительных идей в сочинениях русских авторов последующего времени [141].

Теме о междоусобной борьбе русских князей отводится видное место в памятнике. По справедливой мысли автора Повести о Михаиле, внутренние раздоры способствовали сохранению власти татаро-монголов над Русью. Носителями распрей тверской писатель изобразил Юрия Даниловича Московского и тех русских князей и бояр, которые выступали против Михаила Ярославича.

Московский князь представлен в Повести в крайне невыгодном свете. Не имея прав на великокняжеский владимирский стол, освободившийся после смерти Андрея Александровича, Юрий Данилович все же отправился в Орду и там, поверив обещаниям татар, «нача искати княжения великааго» (л. 34). Правда, до поездки он клялся митрополиту Максиму не добиваться в Орде владимирского стола, но, соблазненный предложениями татар, преступил свое слово. Тверской игумен конечно не случайно упомянул об эпизоде, где Юрий оказался нарушителем собственных обещаний. После возвращения московского князя из Орды борьба между ним и Михаилом Тверским за великое княжение разгорелась с новой силой. В конце концов Юрий сумел получить в Орде великокняжеский ярлык. Как передает Повесть, Михаил Тверской уступил владимирский стол сопернику. Однако Юрий Московский не удовлетворился этим. «Совокупя всю землю Суздальскую», вместе с отрядом Кавгадыя новый великий князь вторгся в пределы Тверского княжества. По словам автора Повести, русские и татарские войска «начаша жечи городы и многая села» (л. 35), мучили и убивали жителей. Ответственность за подобные действия целиком ложилась на Кавгадыя, Юрия Московского и других князей Северо-Восточной Руси, принявших участие в походе. В самой организации похода тверской писатель усматривал единственное желание противников Михаила — добиться его гибели, хотя на самом деле поход Юрия и его союзников преследовал более широкие военно-политические цели. Авторское мнение нашло свое выражение в словах тверского князя, с которыми тот обратился к своим думцам: «Братие! Видите, княжения [великаго — *доб. Т, Тих., К*; великого — *М*] отступилъся есмь брату моему молодшему и выход

---

[141] Имеем, в частности, в виду факт включения Повести о Михаиле Тверском в общерусские летописные своды XV в.

далъ есмь. И се над тѣмъ колико зла сътвориша в отчине моеи. Азъ же терпях имъ, чаях, убо престанетъ злоба сии, наипаче вижю, уже головы моея ловят» (л. 35 об.).

Планам московского князя не суждено было сбыться. В решительной битве с Михаилом Юрий был наголову разбит. В Повести его поражение описано очень выразительно: «Князь же Юрьи, видѣвъ вои свои рсполошенъ [располошены — *Т*, *Тих.*, *К*; разполошены — *М*], акы птица въ стадѣ, отъехавъ [побеже — *М*; и побѣже — *К*] к Торжку с малою дружиною, оттолѣ вборзѣ к Новугороду» (л. 36 об.). После перемирия у Синеевского «князь же Юрьи съимъся с Ковгадыемъ, поидоста наперед в Орду, поимъше с събою вси князи Сусздалъские и бояре из городовъ и от Новагорода, по повелѣнию же окаяныи [окаяннаго — *Т, М, К*; оканнаго — *Тих.*] Ковгадыи [Кавгадыя — *Т, Тих., М, К*] написаша многа лжа, свидѣтельствова на блаженаго Михаила. Князь же Михаило посла сына своего Костяньтина в Орду...» (л. 37 об.). Тверской книжник представил Юрия и его русских союзников, покровительствуемых Кавгадыем, инициаторами нового этапа вражды с Михаилом. Теперь борьба должна была быть перенесена в Орду[142]. Предстояла тяжба перед ханом, и противники Михаила, как показывал автор Повести, прибегали к нечестным приемам, стремясь заранее скомпрометировать тверского князя в глазах Узбека. По Повести, лишь после отъезда Юрия и Кавгадыя Михаил предпринял ответные действия, послав в Орду своего сына Константина. Однако это сообщение автора памятника страдает неточностью. Согласно тверской летописной версии, Михаил Ярославич отправил 12-летнего Константина к хану зимой 1317/18 г., за несколько месяцев до отъезда в Орду Юрия и Кавгадыя[143]. Очевидно, что заключив соглашение с Юрием, тверской князь первый сделал какие-то шаги, направленные к тому, чтобы оправдаться перед ханом и обвинить во всем своего соперника. Эта инициатива Михаила преднамеренно скрыта автором Повести. Действия тверского князя представлены им как вынужденные меры, вызванные происками московского князя и ханского посла.

При описании событий в Орде главное внимание автора Повести обращено уже не на Юрия, а на Кавгадыя. Однако московский князь не остается в тени. В памятнике показано, что Юрий был одним из непосредственных организаторов убийства Михаила: «Ковгадыи же и князь Юрьи послаша убиици» (л. 46). Убил Михаила «единъ от безаконных именем Романець» (л. 46

---

142 Этот момент чрезвычайно напоминает эпизод из истории XV в., когда Юрий Дмитриевич Галицкий и Василий Васильевич Московский заключили соглашение о том, «что князю Юрью не искати княженьа великого собою, но наремъ, которого царь пожалуеть, то будет князь великы Владимерьскы и Новугороду Великому и всеи Руси» (ПСРЛ, т. XXV, М.— Л., 1949, стр. 247, под 6933 г.).

143 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38.

об.). Русское имя убийцы указывает, скорее всего, на его принадлежность к окружению Юрия. После смерти Михаила «дворъ же блаженааго разграбиша Русь же и Татарове, а имѣние русское повезоша к сьбѣ в станы, а вежю всю расторгоша по дробну. А честное тѣло его повергоша наго, никим же не брегомо» (л. 47). Надругательство над телом убитого вызвало возмущение даже у Кавгадыя: «Ковгадыи же, видѣ тѣло наго, лаяше съ яростью князю Юрью: «Не отець ли тебе бяшет князь великии?! Да чему тако лежит тѣло наго повержено?»» (л. 47). Приведенный текст чрезвычайно показателен. Кавгадый, изображенный в Повести в самых мрачных красках, проявляет известную заботу о памяти Михаила, в то время как московский князь позволяет своим людям глумиться над телом замученного соперника. В словах Кавгадыя, скорее всего приписанных ему автором Повести, содержалось и весьма симптоматичное признание Михаила Тверского великим князем, сюзереном («отцом») Юрия Московского. Последний даже после получения великокняжеского ярлыка оставался в глазах татар вассалом Михаила. Очевидно, что автор Повести, приводя речь Кавгадыя, сознательно стремился унизить Юрия и отвергал его права на великое княжение Владимирское. Далеко не случайно и то обстоятельство, что в Пространной редакции Юрий не титулуется великим князем.

Заключительный штрих в отрицательной характеристике московского князя — его недостойное поведение при переговорах о выдаче тела Михаила. После убийства останки тверского князя перевезли в Москву. Тверичи долго упрашивали Юрия разрешить им похоронить Михаила у себя. «И едва сладишася, и възя князь Юрьи множества сребра, а мощи блаженаго Михаила повелѣ отпустити во Тверь» (л. 49 об.). Великий князь, торговавший трупом, заслуживал самого глубокого презрения. Понятно, что в позднейших промосковских летописных редакциях памятника фраза о выдаче Юрием за большие деньги останков уничтоженного двоюродного дяди была вычеркнута.

Русские князья и бояре, поддерживавшие Юрия Московского, не только участвовали в грабежах и убийствах населения Тверского княжества, не только послушно написали по приказу Кавгадыя ложные обвинения против Михаила, они кощунственно отнеслись к его памяти. После казни Михаила «самии же князи и бояре въ единои вежи пьяху вино, повѣстующе, кто какову вину изрече на святого» (л. 47 об.). Словами Михаила автор Повести осудил этих князей, в свое время являвшихся его вассалами («хлѣб ядяше»), а затем поднявших руку на своего сюзерена: «Се бо «умножишася на мя паче влас главы моея ненавидящеи мя без ума» и преже сего мои хлѣб ядяше и мою любовь видѣвша, а нынѣ «укрѣпишася на мя врази мои, быша досажающи ми бес правды»» (л. 42) [144]. От внимания тверского книжника

[144] В приведенном отрывке цитируется Пс., LXVIII, 5.

не ускользнула политическая подоплека распрей русских князей и самого убийства Михаила Ярославича: «Нъ възлюблении князи русстии! Не прелщаитеся суетными мира сего и вѣка суетнаго и скороминующаго, иже хуже паучины минуетъ. Ничто же бо принесосте на свѣтъ сеи, ни отнести можете, злата и сребра или бисера многоцѣннаго, нежели градовъ и власти, о них же каково убииство сътворися» (л. 47 об.) [145]. Соперничество из-за «градов и власти» — вот что, по мнению автора Повести, обессиливало Северо-Восточную Русь, мешало ее успешной борьбе с иноземным игом.

Выступая против княжеских усобиц, автор Повести о Михаиле Тверском в отличие от своих предшественников не призывал к единству русских князей. Пропаганда княжеского единения, особенно перед лицом внешней опасности, была характерной чертой русской общественно-политической мысли XI—XIII вв. Единение понималось прежде всего как военный союз равноправных князей. Горячим поборником этой идеи выступал, например, создатель наиболее выдающегося памятника той поры — Слова о полку Игореве [146]. Автор тверской Повести начала XIV в. проводил мысль совершенно иную. Он предлагал другой путь ликвидации феодальных распрей. Резко осуждая борьбу младших князей против старших, вассалов против сюзерена, отрочский игумен ратовал за подчинение русских князей и бояр великому князю Владимирскому, каковым он признавал только Михаила Тверского. В Повести Михаил Ярославич противопоставлялся и татаро-монгольскому хану, и московскому князю.

Идея единовластия заложена уже в рассуждении тверского книжника о законопреступном царе, поставленном над Русской землей за ее «согрешения». По мысли автора Повести, если Русь избавится от «согрешений», то она будет иметь достойного царя. При отрицательном отношении игумена Александра к иноземному игу и признании им противоположности интересов Михаила и Орды логично ожидать, что таким кандидатом в государи «всея Руси» явится Михаил Тверской. И действительно, подобная мысль есть в Повести, хотя она и выражена в завуалированной форме. В предисловии тверской князь сравнивался с византийским императором и косвенно сам назывался царем: «[а инии царство свое и — *Тих.*] вѣнець, и поръфиру, и весь санъ своего сунклитъства временнаго ни что же вмѣняюще, оставляаху... яко же сии крѣпкыи умом и терпеливыи душею блаженыи и христолюбивыи великыи князь Михаило Ярославичь, свое царство у месты [умѣты — *Т*, *Тих.*, уметы — *М*, *К*] вменивъ, остави...» (лл. 30 об.— 31). Еще более показательно другое место памятника. По окончании последнего суда над Михаилом вокруг него

---

[145] Приведенное Поучение князьям, как показано было выше, является цитатой, но последние 10 слов Поучения принадлежат автору Повести.

[146] *Д. С. Лихачев*. Слово о полку Игореве (историко-литературный очерк).— В кн.: «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 252.

собралось «бесчисленое множество от всѣх языкъ» (л. 44). «Рече же единъ от тых, стоящих ему: «Господине князь! Видиши ли, селико множество народа стоятъ, видящи тя в таковои укоризне, а прежя тя слышахом царствующаго во своеи земли? Абы еси, господине, во свою землю шелъ»» (л. 44). Признание Михаила царем в своей земле, вложенное автором Повести в уста чужестранца, указывает на важную политическую тенденцию памятника. Тверской книжник стремился внушить мысль, что не ордынского хана следует считать повелителем Русской земли, а тверского князя, которого признавали царем даже соседние народы [147]. Речь иноземца в Повести создавала впечатление о международном авторитете власти Михаила Ярославича.

Наделение Михаила Тверского царским титулом подчеркивало его верховную власть на Руси и означало одновременно суверенность, независимость происхождения этой власти. Суверенный характер власти Михаила тверской книжник пытался обосновать его правами на владимирский великокняжеский стол. Однако занять этот стол Михаил не мог без санкции Орды. И тверской князь действительно стал великим князем лишь после того, как получил ханский ярлык. Указанный момент, свидетельствовавший о зависимости власти Михаила от власти хана, в Повести оказался несколько затушеванным. По словам тверского автора, Михаил отправился к хану в Орду потому, что «прежебывши его князи имяху обычаи тамо възимати княженье великое» (л. 33 об.). Объяснение довольно искусственное. Не желая признавать верховную власть хана и не в состоянии скрыть факта утверждения Михаила на столе великого княжения Ордой, автор Повести сослался на установившийся обычай русских князей и ничего не сказал о ханском пожаловании, той ханской милости, о которой так много писали и которую столь ценили, например, ростовский и владимирский летописцы в своих рассказах о событиях на Руси в 40—70-х годах XIII в.[148]

Тверской писатель старался доказать, что поставление Михаила в великие князья было обусловлено его исконными правами на владимирский стол. Права Михаила основывались прежде всего на завещании его предшественника — великого князя Владимирского Андрея Александровича, который «благослови его (т. е. Михаила.— *В. К.*) на свои столъ на великое княжение» (л. 33). Во-вторых, на норме родового старшинства. Михаил был старшим среди русских князей — потомков Ярослава Всеволодовича: «ему же по старѣшиньству дошелъ бяше

---

[147] По словам А. И. Соболевского, посвятившего небольшой этюд значению слова «царь» в русском языке, «для русских людей XIV—XV вв. татарский хан был царь по преимуществу» (*А. И. Соболевский.* Археологические заметки. VI. Царь.—«Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. VI. Киев, 1892, отд. II, стр. 7—10).

[148] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2, стлб. 470—471, под 6751—6755, 6757, 6758, 6760, 6764 гг.; т. XVIII, стр. 75, под 6786 г.

степени великого княжения» (л. 33 об.). В-третьих, на отчинном (наследственном) владении. Митрополит Максим помазал Михаила во владимирском Успенском соборе на стол «дѣда, отца своего (т. е. Михаила.— *В. К.*)» (л. 34). Действительно, и отец Михаила Ярослав Ярославич и дед Ярослав Всеволодович были великими князьями Владимирскими [149]. Завещание, старшинство, отчина являлись главными моментами, определявшими владение княжеским столом в эпоху Киевской Руси и в более поздний период [150]. В Повести о Михаиле не случайно указаны все три момента вместе. Совокупность великокняжеских прав Михаила означала их совершенную бесспорность. Тем самым автор Повести отвергал посягательства на стол великого княжения иных русских князей, и в первую очередь Юрия Московского [151]. С другой стороны, утверждение автора об исконности прав Михаила, обусловленных русскими феодальными порядками, а не ханской милостью, шло вразрез со стремлением татаро-монголов ставить на владимирский стол угодных им кандидатов, зачастую мало считаясь с теми нормами, которые сложились на Руси. Очевидно, что подчеркивание в Повести исконных прав Михаила на великое княжение и суверенного, независимого характера его власти было направлено против политических и юридических прерогатив ордынских ханов в отношении русских князей [152].

---

[149] *А. В. Экземплярский.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. т. I. СПб., 1889, стр. 15—19, 40.

[150] *А. Е. Пресняков.* Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. стр. 154—156; *С. В. Юшков.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 339; *А. Е. Пресняков.* Образование Великорусского государства.— ЛЗАК. вып. XXX. Пг., 1920. стр. 87—88, 90.

[151] А. Е. Пресняков, разбирая Повесть о Михаиле Тверском в редакции Великих Миней Четий, которую он вслед за В. О. Ключевским считал первоначальной, и в редакциях Софийской I и Воскресенской летописей, полагал, что обоснование прав Михаила на великое княжение благословением предшественника и старейшинством — явление вторичное, позднейшее «соединение двух текстов, двух мотивов». Первоначальным был один мотив — «благословения» (*А. Е. Пресняков.* Образование Великорусского государства, стр. 103, прим. 1). Заключение исследователя представляется поспешным. А. Е. Пресняков не знал первоначальной редакции памятника и совершенно не рассматривал идейную направленность тех редакций, которые привлекал. На самом деле в Повести указаны не два, а три мотива, определявшие права тверского князя на владимирский стол. И сделано это было для того, чтобы отвести притязания на великое княжение других русских князей.

[152] Следует заметить, что уже сама постановка вопроса о суверенном, независимом происхождении власти русских князей в период татаро-монгольского ига указывает на определенную тенденцию. После установления над Русью власти Орды и вплоть до Ивана III все великие князья владимирские, а позднее московские, занимали великокняжеский стол только с разрешения ханов. Последнее могло быть формальным. если Орда была слаба, могло иметь и более реальный характер, когда Орда была в состоянии провести на великокняжеский стол своего ставленника, но и в том и в другом случае власть великих князей оказывалась зависимой от ханской власти. Поэтому утверждение суверенности власти какого-либо русского князя одновременно означало непризнание верховной власти на Руси татаро-монгольского хана. Таким образом, в рассуждениях книжников времени татарского

В пропаганде подобных взглядов игумен Александр опирался на практику, которую вводил сам Михаил и которую поддерживало его окружение. Забота о высоком международном и внутреннем престиже власти Михаила Ярославича, высказывания о ее независимом, суверенном происхождении были характерны для многих памятников, связанных с именем этого князя. Так, в послании к Михаилу константинопольского патриарха Нифонта адресат титуловался «великим князем всея Руси»[153]. К князю Северо-Восточной Руси такой титул прилагался впервые. М. А. Дьяконов полагал, что титул «великий князь всея Руси» был принят самим Михаилом. Нифонт лишь признал новый титул русского князя[154]. Точка зрения М. А. Дьяконова может быть отчасти подкреплена указанием на то, что Михаил первый ввел титул «великий князь» в договорных грамотах с Новгородом Великим[155]. В договорах, заключенных с Новгородом отцом Михаила Ярославом и в ранних грамотах самого Михаила сохранялся титул «князь», хотя грамоты были составлены от имени великих князей Владимирских[156]. В упомянутом Послании патриарха Нифонта содержалось и признание суверенного происхождения власти Михаила: «Истинно видимъ, яко богомъ дана ти власть и княжение...»[157]. Совершенно не упоминалось о зависимости власти Михаила от власти хана.

В том же духе высказывался и монах тверской лавры св. Богородицы Акиндин. Свое «Написание» он адресовал «богомъ съхраненому и благочестивому и благочестия держателю великому князю Михаилу и честному самодержьцю рускаго настолования»[158]. Обосновывая право Михаила вершить церковные дела, Акиндин подчеркивал суверенное происхождение царской власти, называя при этом Михаила царем: «святительство бо и цесарьство... единѣмъ же началомъ вѣры и закономъ обое происходя, человѣчьское украшаеть житие»[159], «царь еси, господине княже, въ своеи земли»[160].

ига о независимом происхождении власти русских князей проявлялись национальные освободительные идеи. Этот аспект древнерусских учений о верховной власти совершенно ускользнул от внимания М. А. Дьяконова и В. Вальденберга, посвятивших специальные исследования взглядам на княжескую власть в средневековой Руси (*М. А. Дьяконов.* Власть московских государей. СПб., 1889; *В. Вальденберг.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916).

[153] РИБ, т. VI, изд. 2. СПб., 1908, стлб. 147.

[154] *М. А. Дьяконов.* Кто был первый великий князь «всея Руси»? — «Библиограф», 1889 год, № 1. СПб. 1890, стр. 13—14.

[155] ГВН и П, № 9—11; ср. *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.— Л., 1948, стр. 271.

[156] ГВН и П, № 1—3, 6—8.

[157] РИБ, т. VI, изд. 2, стлб. 147—148.

[158] Там же, стлб. 150.

[159] Там же, стлб. 155.

[160] Там же, стлб. 158.

Таким образом, признание Михаила Тверского в Повести царем и доказательства суверенности его власти не были случайными. Михаил Ярославич титуловался царем и в «Написании» мниха Акиндина. По договорным грамотам с Новгородом видно, что сам Михаил принял более высокий титул, чем его предшественники на владимирском великокняжеском столе. Даже константинопольский патриарх признавал божественное основание власти Михаила и его право вмешиваться в дела русской церкви[161]. Не только Повесть, но и другие памятники того времени отразили взгляд современников на высокое происхождение и значение власти Михаила Тверского.

В Повести пропаганда единовластия прочно связывалась только с именем Михаила Ярославича. Тенденциозное стремление возвеличить своего князя не позволило автору памятника более последовательно развить свои мысли о единодержавии как средстве ликвидации феодальных усобиц, феодальной разобщенности. Непоследовательность автора видна в его оценке действий московского князя. В описании столкновений Юрия и Михаила тверской книжник неизменно занимал сторону последнего. Поэтому Юрия он критиковал не только с позиций великокняжеских, но и с позиций тверского князя, лишившегося владимирского стола. После возвращения московского князя из Орды с великокняжеским ярлыком Михаил добровольно уступил стол сопернику. При этом в Повести приведено следующее обращение тверского князя к новому великому князю: «Брате, аже тебѣ дал богъ и царь княжение великое, то и азъ отступлю тебѣ княжения, но в мою оприснину не вступаися» (л. 35). Процитированный текст любопытен в двух отношениях. Во-первых, он содержит указание на ханское пожалование Владимирского княжения Юрию. Милость хана, по мнению тверского книжника, являлась единственным источником власти московского князя[162]. Никаких иных оснований на титул великого князя Юрий, в отличие от Михаила, не имел. Во-вторых, здесь провозглашался принцип невмешательства великого князя в дела удельного. Михаил требовал соблюдения известного правила «каждый да держит отчину свою». Несомненно, что такое требование, характерное для периода феодальной раздробленности, находилось в противоречии с идеей единовластия, выдвигаемой и защищаемой в Повести. Правда, в дальнейшем игумен Александр старался показать, что

[161] В Послании Нифонта содержалось согласие патриарха на просьбу Михаила судить и сместить митрополита Петра. В случае отказа русского митрополита явиться на суд в Константинополь Нифонт поручал Михаилу прислать его силой (РИБ, т. VI, изд. 2, стлб. 149).

[162] Слова «богъ и» читаются в списках осн., Т, Тих. и П Пространной редакции памятника. В списках М, К этих слов нет. Единственное число сказуемого «дал» при подлежащих «богъ и царь» в списках осн., Т, Тих. и П показывает, что слова «богъ и» вставлены писцом протографа этих списков. Очевидно, что в первоначальном тексте Повести имелось указание лишь на хана, давшего Юрию великое княжение.

Михаил Тверской не начинал первым борьбы с Юрием, что он только защищался от нападений и происков нового великого князя и, таким образом, вовсе не принадлежал к числу тех младших князей, которые сами затевали борьбу против «отцов и братьи старейшей». Тем не менее за словами «в мою оприснину не вступаися» чувствуется признание отрочским настоятелем права отдельных феодальных центров на самостоятельность и независимость от великокняжеской власти.

Столь же непоследовательно указаны в Повести мотивы, побудившие Михаила отправиться на верную смерть в Орду. С одной стороны, тверской князь призывал Юрия идти к хану «абы ны чимъ помочи християномъ симъ» (л. 37 об.). Под христианами здесь разумеется, очевидно, население всей Руси. Защитником его и заступником выступал Михаил Ярославич. Та же мысль сквозит в исповеди Михаила игумену Ивану: «Азъ, отче, много мыслях, како бы нам пособити християномъ симъ, но моих ради грѣховъ множаишая тягота сътворяется [в наю — *доб. К*] разности» (лл. 37 об.— 38). С другой стороны, Михаил «умысли положити душю свою за отечьство, избави [насъ — *доб. Тих., М, К*] множество от смерти своею кровию и от многоразличных бѣд» (лл. 38 об.— 39), из чего можно сделать вывод, что в борьбе с Юрием Михаил защищал прежде всего интересы собственного княжества.

Подобная противоречивость внутренней политической программы, выдвинутой в Повести о Михаиле, помимо субъективной позиции автора памятника, определялась в конечном счете сложностью социально-экономического и политического развития Северо-Восточной Руси в конце XIII — начале XIV в. В тот период усилилось обособление Новгорода. По Новгородской I летописи можно проследить, как сужается политический горизонт летописца, как замыкается он в узкие рамки местных событий, местной истории. С начала XIV в. от Новгорода начинает отделяться Псков [163]. Ростовские князья, потомки знаменитого победителя Липицкой битвы Константина Всеволодовича, через сто лет после Липицы не сумели сохранить целостность владений своего предка. Ростовское княжество оказалось сильно раздробленным.

В противовес этим явлениям в конце XIII — начале XIV в. на Северо-Востоке оживают тенденции к централизации. Их внутренняя обусловленность еще не вполне ясна. Современные исследователи располагают чрезвычайно узким кругом источников, которые не позволяют в полной мере судить о всех процессах, происходивших в Северо-Восточной Руси в указанный период. Тем не менее говорить о центростремительных, объединительных тенденциях можно на основании ряда признаков. Эти тенденции заметны прежде всего в деятельности Михаила Тверского. Изве-

---

[163] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 117.

стна та упорная борьба, которую вел Михаил Ярославич за посажение на стол русской митрополии своего ставленника [164]. Хотя его усилия в конечном счете оказались напрасными, попытка подчинения церкви великокняжеской власти свидетельствует о централизаторских планах тверского князя. Замечено также, что формуляр договорных грамот Михаила Ярославича с Новгородом Великим в основном повторяет формуляр грамот его отца [165]. Однако за период с 1271 г., когда умер Ярослав Ярославич, по 1304 г., когда владимирским князем стал Михаил, во взаимоотношениях Новгорода с великими князьями произошли серьезные изменения. В 90-х годах XIII в. власть князя в Новгороде была существенно ограничена [166]. Видимо был пересмотрен и формуляр договорных грамот с великими князьями [167]. Составление грамот Михаила Ярославича по образцу грамот его отца, а не непосредственных предшественников на владимирском столе, отразило стремление великокняжеской власти укрепиться в Новгороде, вернуться к тем порядкам, какие существовали при Ярославе Ярославиче. Новгородская политика Михаила, сопровождавшаяся то удачами, то явными провалами, как известно, кончилась плачевно. Послы Великого Новгорода вместе с Кавгадыем, Юрием Московским и другими князьями Северо-Восточной Руси добились в Орде казни Михаила. Но политика подчинения Новгорода, которую пытался проводить Михаил Ярославич, указывает на его широкие объединительные замыслы.

Те же притязания на политическую гегемонию в Северо-Восточной Руси тверского князя нашли свое отражение и в Повести о Михаиле Тверском. Пропаганда единовластия этого князя сочеталась в Повести с законченной антиордынской политической концепцией. В этом заключалась большая новизна политических идей памятника. Тверской писатель справедливо указывал своим соотечественникам на тесную связь между феодальными усобицами и иноземным игом. Действительно, создание единого государства на Северо-Востоке могло идти только рука об руку с освободительной борьбой против господства татаро-монголов на Руси. Борьба за освобождение и борьба за объединение были двумя взаимосвязанными процессами. В начале XIV в. во главе этих процессов встала Тверь. В этом отношении Тверь являлась предшественницей Москвы. В свое время К. Маркс проницательно заметил, что именно «тверская ветвь княжеского дома обнаружила первые признаки тяги к национальной самостоятельно-

---

[164] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, первая половина.— ЧОИДР, 1900, кн. 1, стр. 100—115; *П. П. Соколов.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, стр. 221—223.

[165] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1, стр. 272—273.

[166] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 167—174.

[167] Там же, стр. 175.

сти»[168]. Среди памятников русской письменности второй половины XIII — начала XIV в. древнейшая **Пространная редакция** Повести о Михаиле Тверском наиболее отчетливо отразила эту тягу тверских князей к объединению и национальной самостоятельности русских земель.

6. ВЛИЯНИЕ ЦИКЛА ПОВЕСТЕЙ О СМЕРТИ В ОРДЕ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV—XVII вв.

Идейное содержание Повести о Михаиле Ярославиче, ее несомненные литературные достоинства сделали это сочинение тверского писателя-публициста образцом, которому следовали многие русские книжники. Авторы различных исторических и литературных памятников XV—XVII вв. не раз обращались к рассказу о смерти в Орде тверского князя, заимствуя оттуда отдельные сравнения, фразы и даже значительные части текста.

Влияние древнейшей редакции Повести о Михаиле Тверском и ее последующих переделок обнаруживается прежде всего в произведениях тверской письменности, в частности, в тверских летописных сводах.

Под воздействием Повести о Михаиле Ярославиче составлен рассказ, читающийся под 6847 г. в Рогожском летописце[169], Тверском сборнике[170] и Никоновской летописи[171] о гибели в Орде тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора. Статья 6847 г. в названных летописях сокращена. Указанием на ее сокращение в Рогожском летописце и Тверском сборнике служит, в частности, упоминание знатного ордынца Товлубия, по непосредственному приказу которого был убит Александр[172]. Имя Товлубия появляется в рассказе довольно неожиданно. В Рогожском летописце и Тверском сборнике говорится, что казнить Александра ехал другой татарский вельможа Черкас, люди которого схватили и связали тверского князя. Естественно ожидать, что приказ о казни Александра отдаст сам Черкас, но вместо него это сделал почему-то Товлубий. Неясности в данном

---

[168] *К. Marx.* The Secret diplomatic history of eighteenth century. Edit. by Eleonor Marx. London, 1899, p. 79.

[169] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 49—51.

[170] ПСРЛ, т. XV, стлб. 418—421.

[171] ПСРЛ, т. X, стр. 208—211. Здесь рассказ о смерти Александра и Федора несколько переделан, особенно изменен язык повествования. Тем не менее еще Н. М. Карамзин заметил, что этот рассказ распространен составителями Никоновской летописи «сообразуясь с Повестию о кончине отца его» (*Н. М. Карамзин.* История государства Российского. Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, кн. I, т. IV, прим. 308).

[172] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 50; т. XV, стлб. 420. В Никоновской летописи эпизод с Товлубием опущен (ПСРЛ, т. X, стр. 210). Напомним, что статья 6847 г. Рогожского летописца и Тверского сборника восходит к своду 1455 г., редактор которого сокращал материал до 1360 г.

месте статьи 6874 г. произошли скорее всего из-за опущения каких-то деталей в изложении события.

Хотя статья 6847 г. дошла в обработанном виде, заметно, что известия о смерти Александра и Федора восходят к воспоминаниям очевидцев событий. Впрочем, сам автор повествования едва ли был всему свидетелем. Так, рассказ о пребывании Александра и Федора в Орде значительно менее конкретен по сравнению с рассказами о событиях на Руси до и после убийства тверских князей. Интересно отметить, что описание пребывания в Орде Александра составлено по тому же плану, что и рассказ о пребывании в Орде Михаила Ярославича. В ряде случаев, несмотря на сокращения, статья 6847 г. обнаруживает некоторое текстуальное сходство с Повестью о Михаиле.

Рассказ о смерти Александра	Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском
Провожающие Александра «отпустиша и съ многымъ плачемъ и стенаниемь» (стлб. 49) [173]	*Провожающие Михаила* «възвратишася от него со многым рыданиемъ, испущающе от очию слезы, яко рѣку» (л. 38) [174]
Александр по приезде в Орду «царя тѣшававъ по обычаю своему и рядець» (стл. 49) [175]	*Михаил по приезде в Орду* «одари вси князи и царицю, последе же и самого царя» (л. 39 об.) [176]
Перед смертью Александр «на всяко время господа призываше чистымъ сердцемъ, на всякъ часъ глаголаше» (стлб. 49—50)	*Михаил* «Тако же на всяк час словя бога съ слезами» (л. 43)
Александр «повелѣ пѣти заутреню и прилѣжно слушаше Давыдовы псалмы... Сии слышавъ, испусти слезы отъ очью своею» (стлб. 50)	*Михаил* «повелѣ отпѣти заутреню и канон и часы. Самъ же с плачемъ послушавъ правила причящания» (л. 44 об.)
Кончина Александра описывается следующим образом: «ини же немилостивии похвативше и, възломиша и назадъ» (стлб. 50).	*О кончине Михаила сказано более подробно:* «убиции же, яко дивии звѣрие немилостивии кровопивци, разгнавше всю дружину блаженаагэ, въскочивше в вежю, обрѣтоша его стояща. И тако похвативше его за древо, еже на выи его, удариша силно и възломиша на стѣну» (л. 46 об.)

Иногда автор рассказа о гибели Александра и Федора забывает о том, что речь должна идти о двух князьях и пишет об одном: «епископъ же съ игумены, съ попы и пѣвше надъ *нимъ* и гробу предаша честное *ихъ тѣло*» (стлб. 51). Не объясняется ли такое смешение тем, что рассказ о смерти Александра и Федора

[173] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Далее в тексте даются ссылки на это издание.
[174] ГБЛ, ф. 310, № 1254.
[175] По Никоновской летописи Александр «дары многи даде царю и царицѣ и княземъ и прочимъ рядцемъ» (ПСРЛ, т. X, стр. 209).
[176] В Рогожском летописце: «одари князи и царици, послѣди самого царя» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 38).

был составлен под влиянием Повести о Михаиле, где речь шла только об одном князе?

В описании последних дней другого тверского князя — Михаила Александровича, помещенном в Тверском сборнике под 6907 г., есть следующая фраза: Михаил Александрович «по семь цѣлуа своа дѣти, *веля же послѣдовати благымъ своимъ нравы*»[177]. Фраза составлена под влиянием подобной фразы в Повести о Михаиле: Михаил Ярославич «пакы много поучивъ сына своего [своя — *М*, *К*] кротости, уму, смирению же и разуму, мужеству, всякои доблести, *веляше же послѣдовати благым своим нравомъ*»[178].

Автор «Предисловия лѣтописца княжения Тферскаго» также был знаком с Повестью о Михаиле Ярославиче. О хане Узбеке в «Предисловии» сказано, что «Озбякъ же, *лукавнѣйший царь паче всеа земля*, лестию призва къ себѣ Александра, и уби его»[179]. Эта характеристика Узбека заимствована из Повести о Михаиле, где о золотоордынском хане говорится, что в Орде «сѣде инъ царь именем Озбякъ и [вниде въ — *М*] богъмерьскую вѣру сроциньскую. И оттолѣ начаша не щадити рода християньска, яко же бо о таковых рекоша царскиа дѣти въ плѣну в Вавилонѣ сущии, глаголаху: «Предастъ ны в руцѣ царю немилостиву законопреспну, *лукавнѣишю паче всея земля*»»[180]. Последние слова цитаты — стих 32 главы III книги пророка Даниила. Автор «Предисловия лѣтописца княжения Тферскаго» несколько переделал канонический текст, но отозвался об Узбеке точно так же, как и автор Повести о Михаиле.

Черты сходства с Повестью о смерти в Орде Михаила Тверского обнаруживает и «Смиреннаго инока Фомы слово похвалное... о благовѣрном великомъ князи Борисѣ Александровиче» — замечательный памятник тверской литературы середины XV в. В Третьем слове Борис Александрович Тверской размышляет о том, покинуть или не покинуть ему Тверь, пострадавшую от пожара: «Но что же оставя ми домъ святого Спаса да поити во иныи градъ, и *кую хвалу азъ приобрящу*»[181]. Фраза явно заимствована из Повести о Михаиле Ярославиче, где тверской князь говорит своей дружине: «Аще бо азъ гдѣ уклонюся, а дружину свою оставя в такои бедѣ, *кою похвалу приобрящу*»[182]. Рассказывая в Шестом слове о внезапном нападении в 1453 г. на г. Кашин Дмитрия Шемяки, автор приписывает тверским воеводам — защитникам города такое рассуждение относительно этого кня-

---

[177] ПСРЛ, т. XV, стлб. 460.
[178] ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 39.
[179] ПСРЛ, т. XV, стлб. 466.
[180] ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 34—34 об.
[181] *Н. П. Лихачев*. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче.— ОЛДП, вып. CLVIII. СПб., 1908, стр. 35.
[182] ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 46.

зя: «И аще ли бы ны враг пришел, рекъше тотаринъ, *но претерпѣли бы быхом от него*, но сеи, иже единово крещениа христианства с нами, а дѣла тотарьская творит»[183]. Сравнение Шемяки с татарином не вполне понятно. Оно разъясняется при обращении к Повести о Михаиле, где взятый под стражу тверской князь горько сетует на Кавгадыя: «Аще бы ми врагъ Ковгадыи поносил, *претрпѣл убо бых ему...*»[184]. Эта фраза — несколько измененный стих 13 псалма LIV. В Слове цитата из Псалтири переделана еще больше, но осталось сравнение русского князя с татарином, что свидетельствует о знакомстве автора Слова с Повестью о Михаиле. Следует отметить, что обе фразы из этого памятника, помещенные в Третьем и Шестом словах инока Фомы, в Повести находятся рядом. Это может свидетельствовать о том, что заимствования из произведения о Михаиле Тверском делались одним лицом, а следовательно, Третье и Шестое слова написаны одним автором.

Не только литературные памятники Тверского княжества испытывали воздействие Повести о Михаиле. Помещенная в общерусский летописный свод Повесть, как показал А. С. Орлов, была использована при составлении летописного рассказа о Куликовской битве[185].

Автор жития ростовского епископа Исаии, работавший в XV в.[186], предисловие для своего произведения скопировал с предисловия Пространной редакции Повести о Михаиле. В этом убеждает сравнение предисловий к обоим памятникам и предисловия к житию Коинта, явившегося источником Пространной редакции.

Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском	Житие Исаии Ростовского	Житие Коинта
«Вѣнець убо многоцвѣтенъ всякымъ украшениемъ и всякым цвѣточьным, видящимъ его очима многую свѣтлость подаютъ, кыиждо убо взора своего видѣниемъ влечетъ к собѣ. Ово бѣлымъ образом цвѣточнымъ просвѣщается, инъ же черленымъ и багряньмъ и зѣлоточнымъ лице имѣа, а въ единомъ совокуплени	«Вѣнець убо многоцвѣтныи всяким украшением цвѣтовным украшенъ, зрящим его многу свѣтлость подавает, кыиждо убо цвѣт своего образа видѣнием влечет к себѣ, овъ бѣлым образом просвѣщаеть, инъ же червленым и багряным и златозрачным и разню видѣние имѣют, въ единомь же съвокуплении и от мног ара-	«Вѣнець убо многоцветенъ и всѣми цвѣтци украшенъ и всѣми пребывая взоры свѣтелство приносить многовидящимъ очима, инако иному взору к нему влекущи взоръ, ово ли бѣлым образомъ цвѣтовным просвѣщается, ово ли червленым, багряным же, паки позлатнымъ и прочным своекождо испущающи дарство.

[183] *Н. П. Лихачев.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче, стр. 53.
[184] ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 46.
[185] *А. С. Орлов.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.— Л., 1937, стр. 205.
[186] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 24.

смѣсившимъся от многъ арамать чюдоносную воню испущающе, благоухания изимающе злосмрадие от сердца вѣрных, сице убо жития имѣющих; велие усвоение ко единому богу желающе, како угодная ему сътворити, киимъ [образомъ — *доб. Т, Тих.*] доити и видѣти и горнии Иерусалимъ. Овии же, отложьдше плотскую немощь, постом и молитвами в пустынях и в горах, в пещерах изнуряюще тѣло свое; и вѣнець, и поръфиру, и весь санъ своего сунъклитъства временнаго ни что же вмѣняюще, оставляаху, токмо единаго Христа любящи въ сердци и желающе нетлѣннаго царства, но еще тѣло свое предаша на поругание узамъ и темницамъ и ранамъ, конечное кровь свою проливающе, восприимаху царство небесное и венець неувѣдаемыи, яко же сии крѣпкыи умом и терпеливыи душею блаженыи и христолюбивыи великыи князь Михаило Ярославичь [187]

мат чюдоносно благоухание испущаютъ, изимающе злосмрадие от сердець вѣрных, сице убо и жития имѣющих и велие усвоение къ единому богови желающе, како угоднаа ему сътворити и кыим образом доити и видѣти горнии Ерусалимъ и неизреченныя в нем радости и наслѣдити древлепогубленое отечество. И ови убо отложьдше плотскую немощь и вземше крестъ на свое рамо и Христови въслѣдоваша постом и молитвами и многими труды изнуряюще свое тѣло, себѣ управив и иных научиша по еуагелскому господню словеси, иже сътворит и научит, сеи велии наречется въ царьствии небеснѣм, яко и се блаженыи, о немь же нам нынѣ слово предлежит» [188]

Смѣшенъ же весь цвѣтець въ единомъ вѣнци, просвѣщаеть лице, взору же въздивитися творить, едину же и чюдесную воню от многъ смѣсившеся испущаеть благовонство. А страстникъ и мученикъ вѣнецъ самого цесаря и бога всѣм и единорожена превѣчнаго сына его господина нашего Исуса Христа, пред своею душею целовавше и еже съ славою смерть на сеи жизни паче избраша, едино же и неблазненое и честно испущаеть благовонство, наполняющи благочестиемъ весь миръ» [189]

Житие Исаии оказывается сходным с Повестью о Михаиле не только в начале, но и там, где между Повестью и житием Коинта наблюдается различие. Отсюда видно, что автор ростовского памятника использовал именно произведение тверской письменности, а не сочинение о раннехристианском святом.

Целый ряд сведений о Михаиле Ярославиче содержится в житии Анны Кашинской, составленном в XVII в. и в 1677 г. явившемся причиной специального церковного разбирательства [190]. Часть этих сведений восходит к летописи, часть почерп-

---

187 ГБЛ, ф. 310, № 1254, лл. 30 об.— 31.
188 ГБЛ, ф. 304, № 618, лл. 43 об.— 44. Список второго десятилетия XVI в.
189 ГБЛ, ф. 304, № 678, лл. 25 об.— 26.
190 Подробности о расследовании дела по написанию жития Анны Кашинской см. в кн.: *Е. Е. Голубинский.* История канонизации святых в русской церкви.— ЧОИДР, 1903, кн. 1, стр. 163.

нута из Повести, встречающейся только в сборниках. В житии Анны Кашинской сделана прямая ссылка на Повесть: «хотяи же увѣдети о семъ, да прочтет житие и страдание блаженнаго и великаго князя Михаила»[191]. Слова «житие и страдание» имеет в заголовке единственная редакция Повести — вторая редакция 50-х годов XVII в.: «Житие и страдания блаженнаго страдалца великаго князя Михаила Ярославича, тверскаго чюдотворца»[192]. В тексте жития Анны Кашинской есть эпизоды, характерные только для Повести о Михаиле Тверском во второй редакции XVII в.: рассказано о нищелюбии Михаила в юности и о плаче Анны над телом мужа[193]. После описания убийства тверского князя в житии Анны Кашинской сообщается, что Михаил «течение скончав и вѣру соблюде в лѣто 6827-е мѣсяца ноемрия в 22 день»[194]. Лишь во второй редакции XVII в. Повести о Михаиле непосредственно за рассказом о гибели князя следует указание на год его смерти[195]. Во всех других редакциях Повести дата помещается в начале текста.

Как было показано выше, вторая редакция XVII в. Повести о Михаиле Тверском составлена между 26 июля 1657 г. и 10 июля 1658 г. Житие же Анны Кашинской, по мнению В. О. Ключевского, было написано около 1650 г.[196], а по мнению Е. Е. Голубинского,— в 1652 г.[197] В. О. Ключевский полагал, что житие составлено по поводу обретения мощей Анны в 1649 г. Е. Е. Голубинский основывался на показаниях дьячка Успенской церкви г. Кашина Никифора, признавшегося на следственной комиссии 1677 г., которая рассматривала дело о канонизации Анны Кашинской и составлении ее жития, что последнее было написано с его слов в Соловецком монастыре в то время, когда оттуда перевозили в Москву мощи митрополита Филиппа[198]. За «житие» Анны Кашинской следственная комиссия принимала собственно житие, статью о явлении княгини пономарю Герасиму, статью об обретении мощей и статью о перенесении мощей Анны из деревянной церкви Успения в кашинский Воскресенский собор[199].

---

191 ГИМ, Синод., № 622, л. 40 об.

192 ГБЛ, ф. 310, № 341, л. 12 об.

193 ГИМ, Синод., № 622, лл. 31 об. и 41 об.— 42; ср. ГБЛ, ф. 310, № 341, лл. 18 об. и 70—75.

194 ГИМ, Синод., № 622, л. 41.

195 ГБЛ, ф. 310, № 341, л. 56.

196 *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 340—341.

197 *Е. Е. Голубинский.* История канонизации святых в русской церкви, стр. 163.

198 Там же, стр. 163, прим. 1; ср. *И. Я. Кункин.* Город Кашин. Материалы для его истории.— ЧОИДР, 1905, кн. 3, отд. 1, стр. 56—57 и ГИМ, Синод., № 11, лл. 305 об.— 306 (новые показания Никифора о том, что житие Анны Кашинской писалось только с его слов).

199 Рукопись ГИМ, Синод., № 622 является тем списком жития Анны Кашинской, на основании которого делала свои заключения следственная комиссия. Упомянутые четыре статьи имеют самостоятельную буквенную постраничную нумерацию, причем указывались только нечетные страницы:

Очевидно, что и дьячок Никифор, отвечая на следствии, называл житием Анны Кашинской те же четыре статьи, что и члены комиссии. Из статьи об обретении мощей видно, что ее автор написал статью о явлении Анны пономарю Герасиму[200] и что этому автору была известна статья о перенесении мощей княгини[201]. В последней статье описываются события 1650 г., но составлена она значительно позже. В ней сообщается о построении Василием, отцом дьячка Никифора, каменных церквей Успения и Анны Кашинской[202]. Царь Алексей Михайлович титулуется «государем царем и великим князем всея Великия и Малая и Белыя России самодержцем», что указывает на время после августа 1655 г. Таким образом, три последние статьи из того «жития» Анны Кашинской, о котором шла речь на следствии, были написаны после августа 1655 г. и, как показывает статья о перенесении мощей и полупризнание в авторстве Никифора, этим дьячком. Если учесть, что и рассказы об исцелениях у гроба Анны написаны тем же Никифором после 1674 г.[203], то весь сборник, посвященный Анне Кашинской, следует считать составленным после 1674 г., скорее всего в 1675—1676 гг.[204], что вполне объясняет заимствования из Повести о Михаиле Тверском редакции 1657—1658 гг., содержащиеся в тексте жития Анны Кашинской.

Число памятников, на которые оказал влияние цикл Повестей о Михаиле Тверском, было, вероятно, бо́льшим, чем удалось определить. Среди выявленных памятников, обнаруживающих текстуальную зависимость от Повести, преобладают произведения

статья I — 1—73; II — 74—86; III — 87—107; IV — 109—137. В «Выписке из жития благовѣрные княгини Анны и из домоваго патриарша лѣтописца и иных» сделаны ссылки на страницы: 4, 43, 48, 49, 56, 60, 69, 84, 24, 25, 27, 47, 67, 43, 97, 71, 88, 98, 100 рукописи Синод., № 622 (ГИМ, Синод., № 11, лл. 267 об.—270 об.) Это ясно говорит о том, что, ссылаясь на «житие» Анны Кашинской, следственная комиссия имела в виду все четыре статьи о ней.

200 «И яко же преждеварившe рѣхом... явився гробъ благовѣрныя княгини инокини Анны поверху земли» (ГИМ, Синод., № 622, л. 72).

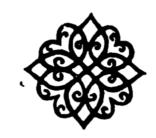
201 «...яко же в пренесении честныхъ и многоцѣлебных мощеи преподобныя и богоблаженныя великия княгини инокини Анны написася о семъ» (там же, лл. 79 об.— 80).

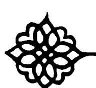
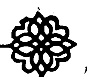
202 ГИМ, Синод., № 622, лл. 96 об.— 97.

203 В описании чудес, происходивших у гроба Анны Кашинской и составленных дьячком Никифором, есть рассказ об исцелении жены кашинского дворянина Лукьяна Дмитреева с. Мизинцова Матроны (ГИМ, Синод., № 622, лл. 123 об.— 124 об.). Эта Матрона, или Матрена, на следствии в 1677 г. показала, что «опосле того исцеления она постриглась тому третей год» (ЧОИДР, 1905, кн. 3, отд. 1, стр. 59). Следовательно, дьячок Никифор писал после 1674 г.

204 Вероятно, появление сборника с житием Анны Кашинской и вызвало столь бурную реакцию патриарха Иоакима, приказавшего произвести расследование дела о новоявленной святой. Комиссия из высших церковных иерархов приступила к работе в начале февраля 1677 г., хотя незадолго до этого, 5 декабря 1676 г., царь Федор Алексеевич отдал распоряжение об устройстве чехла на раку Анны Кашинской, видимо, нисколько не сомневаясь в ее святости (ЧОИДР, 1905, кн. 3, отд. I, стр. 52—53).

тверской и кашинской литературы. На протяжении нескольких столетий, с XIV по XVII в. включительно, почти все известные в настоящее время литературные памятники Твери и Кашина испытывали воздействие Повести о Михаиле Тверском. Обращение в течение длительного времени местных писателей к рассказу о местном князе — факт примечательный. Такое обращение показывает, что местный памятник, местная традиция оказывали постоянное влияние на формирование областной литературы и даже более широко — областной культуры периода средних веков и периода нового времени русской истории. Вместе с тем нельзя забывать о том, что Повесть о Михаиле Тверском способствовала развитию и общерусской литературы и культуры. Последнее наглядно демонстрируется историей Повести в общерусских летописных сводах XV—XVI вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для определения древнейшей редакции Повести о Михаиле Тверском необходимо было рассмотреть развитие этого памятника сначала в летописных сводах, а затем в сборниках. Применение такого приема, способствовавшего четкому определению взаимоотношений всех переработок Повести, в то же время не могло дать точной картины исторической сменяемости редакций памятника. Теперь, когда редакции Повести установлены и датированы, можно воспроизвести их историю в строго хронологической последовательности.

Самая старшая редакция Повести о Михаиле — Пространная — была написана в конце 1319 или в начале 1320 г., вскоре после убийства в Орде тверского князя (22 ноября 1318 г.). Ее автор, как можно думать, настоятель тверского Отроча монастыря Александр, был духовником Михаила Ярославича, сопровождал своего князя в поездке к хану Узбеку и был очевидцем казни Михаила в Орде. Непосредственные наблюдения Александра придали Повести высокую степень точности в передаче исторических фактов. Повесть содержит немало уникальных сведений по политической истории Руси и Орды конца XIII — начала XIV в.

Но, пожалуй, основное значение памятника заключается в его яркой антиордынской направленности. В период, когда Золотая Орда крепла под властью Узбека, в Твери не побоялись выступить с резким осуждением ханского господства над Русью. По мысли тверского книжника, избавление от иноземного гнета было возможно лишь при прекращении междоусобий и единении сил русских княжеств и земель под главенством тверского князя. Вот почему в Повести представлен в столь невыгодном свете московский князь Юрий Данилович, постоянный соперник Михаила, не по «дедине и отчине», в обход старшего князя, стремившегося завладеть престолом великого княжения Владимирского.

Отрицательное отношение автора Повести к ордынскому хану и его окружению, стремление покончить с властью чужеземцев были отражением зревшего национального протеста против та-

таро-монгольского ига. В еще более законченной форме этот протест обнаружился в тверском восстании 1327 г. против Чолхана. Без сомнения, антиордынская направленность Повести о Михаиле, созданной в Твери в конце 1319 — начале 1320 г., позволит теперь гораздо полнее и глубже понять закономерности выступления тверичей и жителей других городов против татаро-монгольского засилья в 1327 г. Яркой вспышке национально-освободительной борьбы русского народа во многом способствовало то идеологическое обоснование необходимости избавления от ордынского гнета, какое содержалось в Повести о Михаиле Тверском.

Вплоть до конца первой четверти XV в. судьба памятника остается скрытой от исследователя. За период с 1320 по 1425 г. никаких переработок Повести не сохранилось. Можно лишь догадываться, что Пространная редакция Повести о Михаиле была уже в тверском великокняжеском своде 1327 г. С большей долей вероятности можно полагать, что памятник читался в тверском своде 1409 г. И, наконец, весьма определенно можно говорить о том, что памятник был в обширном общерусском своде 1423 г. митрополита Фотия.

Из числа сохранившихся редакций Повести XV в. старшей следует признать ту часть рассказа о Михаиле Никоновской летописи, которая обнаруживает сходство с Рогожским летописцем и близкими к нему сводами. Фрагменты тверской редакции Повести в Никоновской летописи восходят к редакции памятника в кашинском своде 1425 г. Наличие в Никоновской летописи лишь отрывков кашинской редакции не позволяет в полной мере судить об особенностях переработки Повести в кашинском своде 1425 г. Можно только утверждать, что по сравнению с Пространной редакцией эта редакция была значительно сокращена.

Между 30-ми годами XV в. и 1456 г. появляется редакция Повести в Софийской I летописи старшего извода. По сравнению с Пространной редакцией Повести в этой летописной переработке памятника нет авторского вступления и заключения, а в основном тексте устранен ряд антимосковских выпадов. Таким образом, текст Повести в Софийской I летописи уже подвергся промосковской цензуре. К сожалению, невозможно точно установить, когда была предпринята такая цензура.

В Рогожском летописце и близких к нему сводах, восходящих к тверскому своду 50-х годов XV в., Повесть сильно сокращена. Эта редакция сохранила антиордынскую и антимосковскую окраску, однако претензии тверского князя на верховенство среди русских князей здесь сняты. В XV в. даже потомкам Михаила Ярославича было ясно, что спор с династией московских князей за власть в Северо-Восточной Руси совершенно бесперспективен. Объединение русских земель окончательно стало делом князей московского дома.

В 1456 г. и между 60-ми и началом 70-х годов XV в. появ-

ляются две новые редакции Повести: в Софийской I летописи младшего извода и в своде, ставшим позднее общим источником Ермолинской летописи и Московского свода 1479 г. В основу первой редакции был положен текст Софийской I летописи старшего извода, но он был подвергнут промосковской обработке. Еще более сильной промосковской обработке был подвергнут текст Повести в своде 60-х — начала 70-х годов XV в. Характерно, что подобная цензура, распространявшаяся не только на Повесть, но и на другие летописные статьи XII—XIV вв., появилась тогда, когда перед московскими князьями возникла задача присоединения Ярославля, Новгорода Великого, Ростова и других земель. Идейная обработка Повести в указанных сводах отвечала этим важным политическим претензиям московских князей.

В редакциях Повести Ермолинской (1472 г.) и Вологодско-Пермской (последние два десятилетия XV в.) летописей не видно того острого интереса к истории антиордынской борьбы и московско-тверского соперничества начала XIV в., какой был характерен для более ранних летописных редакций. Возможно, это объясняется немосковским, провинциальным происхождением обеих летописей.

В XVI в. наряду с переработками Повести в летописных сводах появляются и ее новые редакции в сборниках.

Сильной промосковской цензуре был подвергнут рассказ о Михаиле Тверском в Никоновской летописи (20—30-ые годы XVI в.).

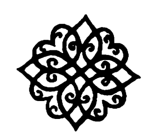
Рассказ о Михаиле Ярославиче Тверском в Воскресенской летописи (40-е годы XVI в.) построен на основании двух источников: Московского свода 1479 г. и списка Царского Софийской I летописи. Редакторы Воскресенской летописи не делали купюр в составленном ими тексте. Такое отношение к Повести о сопернике первого московского князя на великокняжеском столе объясняется тем, что сама Воскресенская летопись составлялась в годы боярского правления, когда не было причин столь ревностно, как раньше, заботиться об историческом престиже князей московского дома.

Однако в последующее время история убийства тверского князя стала подаваться в московских памятниках более тенденциозно. Около 1550 г. Повесть о смерти Михаила Ярославича была включена в московские списки Великих Миней Четий митрополита Макария. В основу статьи Великих Миней была положена одна из самых промосковских редакций памятника, впервые появившаяся в своде 60-х годов XV в.

Наконец, составители Степенной книги, трудившиеся в 60-х годах XVI в., стилистически обработали Повесть о Михаиле. Стремясь подчеркнуть значение в русской истории прежде всего московских князей и их союзников, они поместили Повесть после статей об Иване Калите и митрополите Петре — младших сов-

ременниках тверского князя. Такое отношение к памяти Михаила в официозных московских литературных и исторических памятниках 50—60-х годов XVI в., по-видимому, явилось реакцией на усиление интереса к истории возвышения и утверждения на великокняжеском престоле династии московских князей в оппозиционных правительству кругах. Достаточно напомнить, что в своей «Истории великого князя Московского» потомок владетельных ярославских князей Андрей Курбский, указывая на причастность к убийству Михаила Тверского Юрия Московского, ядовито замечал, что с того времени и начали московские князья «крове братии своеи пити» [1].

В XVII в. не чувствуется того более широкого общественно-политического интереса к памятнику, какой еще наблюдался в XVI в. Две переработки Повести в конце 50-х годов XVII в. и создание проложной редакции памятника в 1661 г. свидетельствуют о стремлении придать рассказу о гибели тверского князя религиозно-нравоучительную окраску. В развитии памятника происходит перелом. В редакциях XVII в. сохраняется антитатарская направленность, но она принимает уже другие черты. Призывы к борьбе с иноземным гнетом, к объединению страны под властью тверского князя были для Русского государства XVII в. давно пройденным этапом. На очереди стояли иные государственные и политические задачи, развились новые литературные вкусы и традиции, которым яркий публицистический памятник русского средневековья — Повесть о Михаиле Тверском — отвечал лишь в слабой степени.

---

[1] РИБ, т. 31. СПб., 1914, стлб. 133.

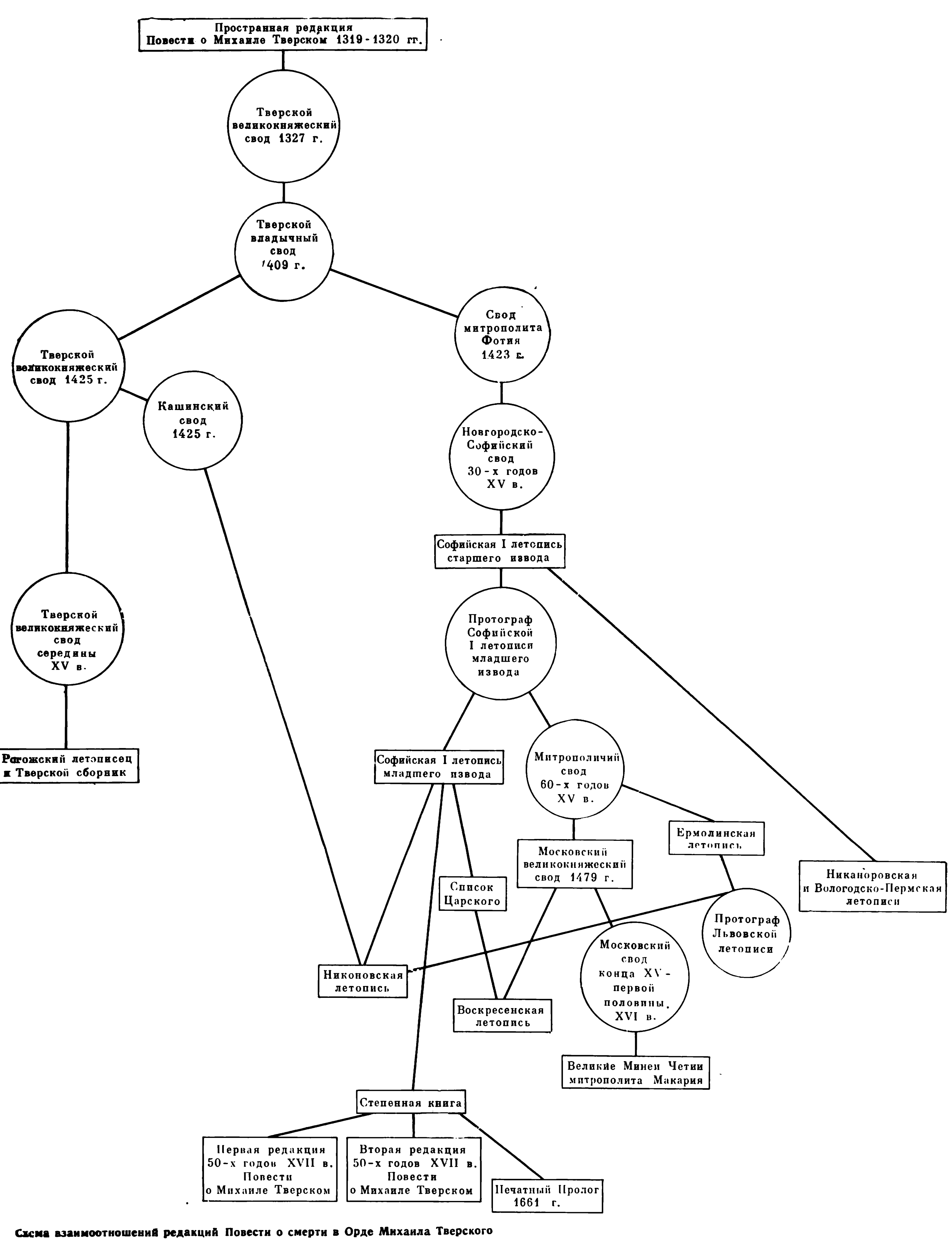
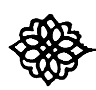
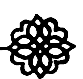

Схема взаимоотношений редакций Повести о смерти в Орде Михаила Тверского

□ -- сохранившиеся редакции, ○ — восстанавливаемые редакции

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук»

архим. — архимандрит

АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.».

АФЗ и Х — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков»

БАН — Библиотека Академии наук СССР

бывш. — бывший

Временник ОИДР — «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских»

ГАКО — Государственный архив Калининской области

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области

ГБЛ — Государственная ордена Ленина библиотека СССР им В. И. Ленина

ГВН и П — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.— Л., 1949

ГИМ — Государственный ордена Ленина Исторический музей

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Дан. — Книга пророка Даниила

ДДГ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.— Л., 1950

доб. — добавлено

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»

иером. — иеромонах

ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук»

Исаия — Книга пророка Исаии

ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова

ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии»

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР

Матф. — евангелие от Матфея

НПЛ — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.— Л., 1950

ОЛДП — Общество любителей древней письменности

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников ГИМ

патр. — патриарх

Пс. — Псалтирь

ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»

РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею»

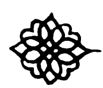
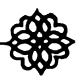
СОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук»

ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР»

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив

ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских»

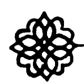
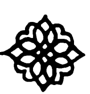

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

---

* *Сокращения, принятые в указателе:* ап.— апостол, архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ..— библейскийе, вел.— великий, визант.— византийскй, г.— город, ж.— жена, иг.— игумен, иером.— иеромонах, имп.— император, импер-ца — императрица, кн.— князь, княг.— княгиня, легенд.— легендарный, митр.— митрополит, мон-рь — монастырь, патр.— патриарх, св.— святой свяц.— священник, с.— сын, ц.— царь.

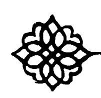
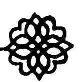
Указатель составлен Р. М. Семеновой.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

* *Сокращения, принятые в указателе:* библ.— библейское, г.— город, гос-во — государство, губ.— губерния, дер.— деревня, княж.— княжество, обл.— область, оз.— озеро, ошиб.— ошибочно, перенос.— в переносном смысле, предполож.— предположительно, р.— река, с.— село, терр.— территория.

Указатель составлен Л. П. Савкиной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Андреевич Кучкин

Повести о Михаиле Тверском

(историко-текстологическое исследование)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Художник *В. К. Бисенгалиев*
Технический редактор *А. М. Сатарова*

Сдано в набор 27/III 1974 г. Подписано к печати 26/VIII 1974 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 18,44.
Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 7200. Т-12250. Тип. зак. 4092.
Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Список опечаток и исправлений

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
44	8 св.	сентября	сентяврия
44	21 сн.	приѣхал	приѣха
46	6 св.	(≠̃) и 800 ( )	(≠ѕ̃) и 800 (ѿ)
77	12 сн.	начароду	нача роду
79	3 св.	пробывъ	пребывъ
81	2, 4, 8, 9 и 15 снизу	т. 4. I	ч. 1
82	6 сн.	т. 4. I	ч. 1
112	19 сн.	утвердишая	утвердиша я
135	12 сн.	повел	повелѣ
149	18 сн.	т. VII, стр. 194.	т. V, стр. 212.
216	23 св.	располошенъ (располошенье	росполошенъ (располошены
225	18 сн.	1918 г.	1318 г.
241	4 св.	тѣело	тѣло
267	22 св.	законопреспну	законопреступну

Зак. 4092

1 р. 51 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»